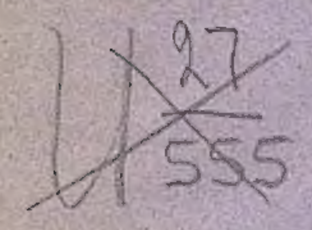
О 21/194
В.3

ЭБ

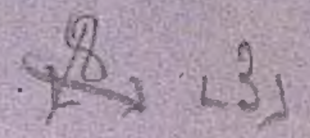
ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ

КРЫМА.



В. Х. КОНДАРАКИ,

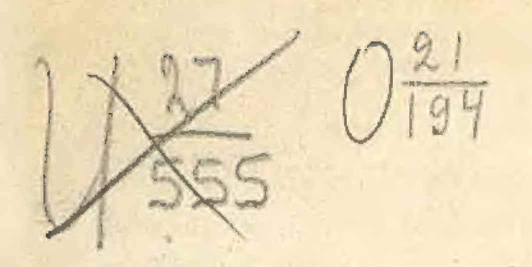
члена Императорскихъ обществъ: Русскаго Географическаго, Московскаго древне-русскаго искусства, Одесскаго исторіи и древностей и др.



СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.

1883



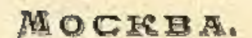
ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ

КРЫМА.

В. Х. КОНДАРАКИ,

ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ: РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО, МОСКОВСКАГО ДРЕВНЕ-РУССКАГО ИСКУССТВА, ОДЕССКАГО ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ И ДР.

СОДЕРЖАНІЕ:



МОСКВА.

Типографія В. В. Чичерина, Моховая, домъ Караникина, № 26

1883

Генуэзцы въ Крыму.

(Историческая картина).

Въ то время, съ котораго мы начинаемъ рисовать историческую судьбу Крыма, для Россіи насталъ день освобожденія изъ подъ тягостнаго и унизительнаго ига дикихъ и безчеловѣчныхъ монголовъ. Великая драма разыгралась на полѣ Куликовомъ 8 сентября 1380 г. Повелители разбѣжались и грозный Мамай долженъ былъ сознать, что звѣзда его могущества затмилась и погасла навсегда. Пока на мѣсто его подготовлялся болѣе жестокій и отважный властитель Задонской Орды, онъ началъ мечтать о переселеніи столицы въ знаменитый въ то время Эски-Крымъ, обогащавшій не только его, но и уполномоченныхъ имъ баскаковъ или градоправителей *). Страна эта отчасти была уже занята монголами съ 1224 года, послѣ битвы на р. Калкѣ, и служила резиденціею не только отдѣльныхъ начальниковъ племенъ, но и нѣкоторыхъ буйныхъ принцевъ Чингизъ-ханской крови, вынужденныхъ удалиться отъ ступеней трона съ надеждами воспользоваться имъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ числѣ послѣднихъ мы встрѣчаемъ на Чуфутъ-кальской недоступной крѣпости того ужаснаго Тохтамыша, который нѣсколько лѣтъ спустя, добившись трона, съ многочисленными таборами монголовъ, истребилъ сотни городовъ и селъ великой славянской земли, три дня отчаянно бился подъ стѣнами несчастной Москвы и коварно, достигнувъ перемирія, предалъ смерти и огню славный градъ съ его достойными гражданами и защитниками **).

*) Нѣтъ сомнѣнія, что Мамай съ этою цѣлью бѣжалъ въ Ѳеодосію съ своими сокровищами, гдѣ и былъ убитъ.

**) Что Тохтамышъ-ханъ обиталъ на Чуфутъ-кале, извѣстномъ въ то время подъ названіемъ Хыръ-хыра, это свидѣтельствуетъ памятникъ, сооруженный здѣсь надъ могилою его дочери.

Въ то время, когда подготовлялись эти событія, Константинополь, властитель воротъ соединенія западной части Европы съ восточною половиною ея, былъ представителемъ всемірной торговли и могъ бы господствовать на водахъ Средиземнаго и Чернаго морей, если бы счастливому развитію ея не противопоставлены были чудовищныя мѣры вазантійскаго правительства въ видѣ монополіи, сокрушившей мало по малу благосостояніе купеческаго сословія.

Вотъ какъ отзываются объ этомъ исторіографы: Еще въ царствованіе Юстиніана правительство лишило народъ права заниматься выдѣлкою шелковыхъ матерій и вслѣдъ затѣмъ овладѣло торговлею шелкомъ, не подозрѣвая того, что этимъ остановитъ развитіе одной изъ важнѣйшихъ отраслей государственной промышленности и заставитъ массу работниковъ или оставаться безъ пропитанія, или искать убѣжища въ странахъ, гдѣ свободно занимались этимъ промысломъ. Не ограничиваясь и этимъ, правительство, въ видѣ обогащенія государственной казны, постановило, чтобы хлѣбъ, вино и масло—эти важнѣйшіе продукты народа, исключительно пріобрѣтались изъ первыхъ рукъ и продавались императорскими чиновниками, которые, безъ сомнѣнія, въ видахъ личнаго интереса, страшно эксплоатировали потребителями, обязанными покупать только у нихъ. Кромѣ этого, по словамъ бывшаго въ то время префекта Прокопія, у всѣхъ воротъ Константинополя и въ гавани постоянно находились чиновники, взимающіе тягостныя пошлины съ кораблей и вообще со всѣхъ привозимыхъ товаровъ, къ которымъ присоединяли плату въ пользу своего усердія и нерѣдко доводили купцовъ до того, что они предпочитали сжигать суда свои со всѣмъ грузомъ.

При такихъ тягостныхъ условіяхъ гражданамъ ничего болѣе не оставалось, какъ прекращать торговую дѣятельность славныхъ предковъ и предаваться интригамъ, схоластическимъ преніямъ и другаго рода развлеченіямъ, ведущимъ къ растлѣнію нравовъ.

За печальными явленіями этими въ Византіи зорко слѣдили предпріимчивые итальянцы Амальфійской республики, успѣвшіе уже придать громкую извѣстность го-

роду Амальфи, ведущему обширную торговлю съ приморскими странами. Имъ первымъ удалось завести торговыя связи съ Константинополемъ. За ними прибыли въ Византію венеціане, къ которымъ императоръ Алексѣй Комненъ настолько былъ снисходителенъ, что въ 1084 г. предоставилъ право не только торговать по всей имперіи, но устраивать въ столицѣ торговые дома и имѣть своихъ судей.

Громадныя выгоды этихъ послѣднихъ заставили и пизанцевъ искать у того же императора подобныхъ благъ, а вслѣдъ за ними и генуэзцевъ. Правительство Византійской имперіи настолько являлось снисходительнымъ аферистамъ, что изъявило даже согласіе на формальный договоръ съ Генуею, по которому граждане ея пріобрѣли право повсемѣстной торговли въ имперіи и отдѣльную площадь въ столицѣ для постройки храма, домовъ, магазиновъ и т. п.

Послѣдствіемъ этихъ уступокъ было то, что, завладѣвъ богатствами Греческой имперіи, латиняне въ XIII вѣкѣ уже успѣли завоевать и завладѣть многими частями этого государства.

Вотъ какъ пишутъ объ этомъ люди, спеціально изслѣдовавшіе этотъ горестный періодъ времени для Византійской имперіи: „Венеціане овладѣли всѣми островами и берегами, имѣвшими коммерческое значеніе, и кромѣ этого присвоили себѣ въ Константинополѣ три лучшіе квартала, гдѣ основана была колонія, по образцу метрополіи, съ сенатомъ изъ 6 членовъ, совѣтомъ и верховнымъ судьею или консуломъ, который титуловался деспотомъ и господиномъ четвертой съ половиною части римской имперіи, т. е. Dominus quartae et dimidiae imperii romani. Этотъ вельможа, поодбно венеціанскому дожу, имѣлъ дворъ, составленный изъ судей, совѣтниковъ, камерлинговъ, констабля и множества другихъ второстепенныхъ офицеровъ. При церемоніяхъ онъ носилъ пурпуровую одежду, знакъ императорскаго достоинства, водружалъ на дворцѣ своемъ хоругвь св. Марка и вообще держался самодержавнымъ государемъ“.

Понятно, что при такомъ могуществѣ венеціане считали себя полнѣйшими хозяевами на Черномъ морѣ,

которое они посѣщали раньше, и понимали громадное значеніе его для торговыхъ сношеній. Для большаго удобства они основали на сѣверномъ берегу Азовскаго моря Тану, какъ складочный пунктъ азіатскихъ произведеній и какъ рынокъ монголо-татарскихъ племенъ; вторую колонію завели въ Солдаіѣ (нынѣшнемъ Судакѣ), куда стекались въ то время съ своими товарами русскіе, турецкіе и армянскіе купцы. Не ограничиваясь этимъ, они перешли къ устью рѣки Фазиса, въ Трапезондъ и Синопъ, гдѣ овладѣли всѣми видами торговли, такъ какъ конкурировавшіе съ ними пизанцы въ это время вели отчаянную войну съ генуэзцами.

По окончаніи борьбы, пизанцы не замедлили вновь явиться въ Константинополь и, по примѣру венеціанъ, основать близь теперешняго Таганрога свое складочное мѣсто подъ названіемъ Portus pisanus. Генуэзцы, которые враждовали противъ первыхъ и послѣднихъ, также пожелали возстановить свои утраченныя права въ Константинополѣ, но всѣ усилія ихъ оказались напрасными, такъ какъ, вытѣсненные изъ Византіи, императоры вынуждены были перенести свою столицу въ Никею и здѣсь только, опомнившись отъ цѣлаго ряда пагубныхъ ошибокъ, они серіозно взялись за дѣло. Генуэзцы въ свою очередь предложили имъ услуги, не смотря на то, что императоръ Михаилъ Палеологъ былъ въ числѣ осужденныхъ западною церковью и имъ предстояло подвергнуться тому же. Но такъ какъ грекамъ не стоило особенныхъ усилій изгнать венеціанъ изъ Византіи, то отважные республиканцы избѣгнули кары намѣстника апостольскаго и достигли права повсемѣстной безпошлинной торговли въ Восточной имперіи, пріобрѣли въ собственность предмѣстье Галату, но всего важнѣе для нихъ было лишеніе венеціанъ свободы плавать на Черномъ морѣ. Впослѣдствіи императоръ на многое измѣнилъ свою ненависть къ послѣднимъ, а въ заключеніе вновь дозволилъ имъ право торговли въ имперіи и проѣзды въ Черное море.

Обстоятельство это не могло понравиться генуэзцамъ, искавшимъ полновластія, и они нашли болѣе надежнымъ основать самостоятельную колонію въ Крыму и лично позаботиться о господствѣ на этомъ морѣ.

Къ сожалѣнію, исторія не сохранила намъ, когда именно эти люди приступили къ выполненію задуманнаго проэкта. Извѣстно только то, что когда въ Старомъ Крыму распоряжались именемъ монгольскихъ хановъ баскаки, къ нимъ явились два генуэзскихъ купца Бальдо Доріа и Антоніо дель Орто съ цѣнными подарками и, безъ сомнѣнія, назвавъ себя друзьями ихъ народа, начали просить продать имъ въ собственность ничтожный клочекъ земли (мѣстность теперешней Ѳеодосіи), гдѣ никто не обиталъ и которая для монголовъ, не имѣвшихъ понятія о мореплаваніи, не представляла ни малѣйшаго интереса.

Баскаки, обрадованные выгодами торговли и надеждами господствовать надъ предпріимчивыми купцами, охотно изъявили согласіе испросить соизволеніе хана и съумѣли достигнуть того, чего желали отважные иностранцы.

Такимъ образомъ пріобрѣтено было ничтожное пространство земли съ развалинами древней греческой крѣпости Кафумъ, между послѣднею отраслью Крымскихъ горъ и славною Ѳеодосійскою бухтою, могущею вмѣстить всѣ почти мореходныя суда тогдашняго міра.

При этомъ генуэзцы, обѣщая платить пошлины въ ханскую казну, заручились трактатомъ, воспрещавшимъ всѣмъ другимъ народамъ торговать въ Крыму.

На сколько могли эти кроткіе съ вида купцы понравиться крымскимъ татарамъ, мы можемъ судить только потому, что они и не имѣя сообщенія съ Константинополемъ, а между тѣмъ высоко цѣня итальянскія и германскія сукна и полотна, за которыя приходилось чрезвычайно дорого платить,—должны были, изъ простыхъ разсчетовъ, оказывать всевозможныя одолженія. При этомъ если мы скажемъ, что монголы всегда были благосклонны къ людямъ, ведущимъ торговыя дѣла, и что всѣ существующія до настоящаго времени преданія о френкахъ или дженевезахъ въ Крыму переполнены удивленіемъ и симпатіею,—то намъ не покажется даже сомнительной дружба этихъ людей.

Вскорѣ послѣ первыхъ воздвигнутыхъ домовъ на развалинахъ древней Ѳеодосіи, галатскіе генуэзцы не за-

медлили послѣдовать примѣру предпріимчивыхъ Бальдо Доріа и Антоніо дель Орто, такъ что въ непродолжительномъ времени на пустынномъ берегу прекрасной бухты явилась довольно обширная колонія, обнесенная широкимъ рвомъ и землянымъ валомъ.

Затѣмъ купленный участокъ земли обнесенъ былъ стѣною съ сторожевыми башнями изъ камня, доставленнаго изъ отдаленныхъ мѣстностей на судахъ, число которыхъ до того возрасло, что въ 1289 году эта ничтожная колонія была въ состояніи выслать цѣлую эскадру въ Сирію, на помощь Триполи.

Оградивъ себя такимъ образомъ отъ своеволія татаръ, кафскіе колонисты прежде всего принудили византійскаго императора Андроника не посылать болѣе кораблей въ Херсонесъ, мѣшавшій ихъ торговымъ видамъ. Сокрушивъ этого конкурента, они обратили вниманіе на важные успѣхи венеціанъ, пизанцевъ, флорентинцевъ, каталонцевъ и другихъ итальянскихъ выходцевъ, вкоренившихся на берегахъ Азовскаго моря, которые считались владѣніями кипчакскихъ хановъ. Приходилось поссорить ихъ съ властелиномъ, чтобы достигнуть затаенной цѣли; но пока обсуждались способы, кипчакскій ханъ Чанибекъ, озлобленный противъ нихъ *),—собралъ войско и раскинулъ шатры подъ стѣнами многолюдной и цвѣтущей Кафы, но не будучи въ состояніи нанести ей ни малѣйшаго вреда, бросился на только что захваченную генуэзцами Балаклаву, которую и предалъ грабежу и огню.

Поступокъ этотъ послужилъ къ важнымъ послѣдствіямъ: папа Климентъ VI, по настоянію генуэзцевъ, назначилъ противъ невѣрныхъ крестовый походъ съ полнымъ отпущеніемъ участникамъ грѣховъ, а изъ Италіи выслано было значительное вспомоществованіе, при помощи котораго кафскимъ купцамъ удалось разграбить и сжечь, какъ-бы въ возмездіе, Тану, а впослѣдствіи захватывать венеціанскіе корабли за торговлю ихъ съ татарами. Послѣднее возбудило войну между двумя республиками, длившуюся 5 лѣтъ.

---

*) См. мое „Универ. Опис. Крыма“, гдѣ выясненъ поводъ къ озлобленію.

Въ отчаянной битвѣ этой вновь пришлось пострадать византійскому императору Кантакузену, имѣвшему неосторожность присоединиться къ венеціанамъ: генуэзцы, разбивъ оба соединенные флота у Константинополя, заставили императора уступить имъ еще нѣсколько участковъ земли, смежныхъ съ Галатою, не посылать безъ ихъ дозволенія судовъ въ Азовское море и не имѣть никакихъ торговыхъ сношеній съ венеціанами.

Во все это время кипчакскіе татаре, не зная, гдѣ добывать итальянскія сукна и какимъ путемъ сбывать массы скопившихся у нихъ товаровъ, вынудили Чанибека послать въ Кафу нарочнаго съ предложеніемъ, чтобы итальянскіе купцы вновь поселились на берегахъ Танаиса, съ обѣщаніемъ вознаградить ихъ за всѣ понесенные убытки.

Предложеніе принято было съ радостію. Сотни семействъ начали переселяться, предоставляя жилища свои тысячамъ армянъ, изгнаннымъ землетрясеніемъ изъ города Ани. Такимъ образомъ отъ выхода этого Кафа удвоилась числомъ народонаселенія и вынуждена была оградиться новою стѣною съ болѣе солидными укрѣпленіями. Этого мало: она завоевала отъ грековъ Солдаю, что крайне не понравилось хану, рѣшившемуся было обуздать своеволіе дерзкихъ купцовъ; но такъ какъ битва съ ними совпала одновременно съ походомъ и пораженіемъ монголовъ на Куликовомъ полѣ, то хану пришлось даровать колонистамъ громадныя привилегіи.

Къ несчастію, на горизонтѣ ю.-в. части Европы появился страшный Тимуръ или Тамерланъ, сокрушившій единоплеменное кипчакское государство и направившій свои орды къ стѣнамъ, только что свободно взглянувшей на Божій міръ, Москвы. Этотъ страшный опустошитель Азіи, не щадившій на пути своемъ никого и ничего, быть можетъ, мечтавшій избрать Москву своею резиденціею, внезапно отмѣнилъ дальнѣйшее слѣдованіе на Сѣверъ и поворотилъ къ берегамъ Азовскаго моря, гдѣ тѣмъ временемъ вновь занятая итальянскими купцами Тана достигла цвѣтущаго состоянія.

Слухъ объ этомъ городѣ и разсказы о несмѣтныхъ его сокровищахъ возбудили жадность безпощаднаго хана.

Тѣмъ временемъ обитатели Таны, объятые ужасомъ, судя по разсказу Серра, отправили къ завоевателю депутацію съ богатыми дарами и просьбою пощадить ихъ колонію. Смиренное посольство, чрезъ нѣсколько дней пути, встрѣтило монгольскую рать, *безчисленную, какъ листья на деревьяхъ*, въ обширномъ лѣсу. Сбросивъ съ себя капишоны и сандаліи, посланники обязаны были пасть ницъ лицомъ предъ повелителемъ и умолять его о пощадѣ.

Принявъ дорогіе подарки, Тимуръ увѣрилъ ихъ, что не воюетъ съ купцами, а между тѣмъ приказалъ одному изъ военачальниковъ своихъ, подъ предлогомъ учтивости, проводить гостей до дома и подробно осмотрѣть ихъ городъ.

Но въ то время, когда всѣ были увѣрены въ своемъ спасеніи и считали монгольскія рати вдалекѣ, онѣ внезапно явились подъ стѣнами Таны и городъ вынужденъ былъ открыть имъ ворота по первому требованію. Осудивъ всѣхъ на смерть и рабство, Тамерланъ, ограбивъ дома и магазины, приказалъ сжечь городъ.

Восхищенный богатою добычею, онъ тогда же рѣшилъ перенести опустошеніе въ прославленную Кафу, куда, до приближенія его къ Танѣ, многіе изъ недовѣрчивыхъ купцовъ бѣжали съ богатствами своими.

Съ этого времени венеціанцы и другіе итальянскіе купцы вынуждены были навсегда отказаться отъ возобновленія складочныхъ конторъ на берегахъ Азовскаго моря, которое, замерзая въ зимнее время, лишало ихъ возможности въ крайности бѣгства на судахъ. Оставалось единственное средство: селиться въ Кафѣ и быть въ зависимости отъ постановленій генуэзской республики и ея учрежденій.

Это обстоятельство послужило дополнительнымъ поводомъ къ могуществу, красотѣ и баснословному богатству этой факторіи, развившей дѣятельность свою по всей почти Азіи и, безъ сомнѣнія, завладѣвшей бы рано или поздно Крымомъ, еслибъ 29 мая 1453 года, послѣ 50-ти дневной осады, Константинополь не былъ взятъ турками.

Съ занятіемъ Голлеспонта и Босфора Ѳракійскаго турки являлись властителями Чернаго моря.

„Надо было видѣть—говорили бѣжавшіе въ Кафу итальянцы—эти груды золота, серебра, мѣди, церковной утвари и прочихъ, захваченныхъ варварами, народныхъ богатствъ, скопленныхъ на городскихъ площадяхъ, чтобы составить себѣ понятіе объ ихъ алчности; но всего ужаснѣе было видѣть, какъ турки поступали съ плѣнными и церковнослужителями, которыхъ безпощадно предавали истязаніямъ и смерти. Неограничиваясь этимъ, они облекались въ священническія ризы и съ дароносицами, налитыми спиртами, въ одной рукѣ и саблею въ другой, распѣвали и били встрѣчныхъ и поперечныхъ, тогда какъ сотоварищи ихъ готовили пищу на кострахъ, составленныхъ изъ священныхъ книгъ, рукописей и ликовъ угодниковъ Божьихъ или же влачили по улицамъ дохлыхъ собакъ на эпитрахиляхъ и другихъ церковныхъ принадлежностяхъ“.

Пока турецкіе солдаты заняты были грабежомъ, генуэзцы, въ полномъ убѣжденіи, что и ихъ не минуетъ подобная участь, забравъ съ собою все, что было у нихъ лучшаго, переселились на корабли свои, съ намѣреніемъ направиться въ Кафу; но алчный султанъ, не желая выпустить изъ рукъ своихъ и этихъ людей, послалъ къ нимъ уполномоченнаго со всевозможными обѣщаніями и льготами, лишь бы они остались на своихъ мѣстахъ. Большинство изъ нихъ поддались обману и возвратились въ дома свои. Султанъ, принимая отъ нихъ ключи, вмѣсто того, чтобы подтвердить обѣщанія свои, выразилъ гнѣвъ за то будто, что они содѣйствовали грекамъ въ оборонѣ города, и въ заключеніе погрозилъ, что ихъ слѣдуетъ всѣхъ повѣсить.

Испуганные этимъ, они сочли уже за величайшія милости, что имъ дозволено было владѣть своими домами, вести торговлю въ имперіи и спасти сыновей отъ янычарства и обращенія въ мусульманскую вѣру.

Пять дней спустя, „Магометъ II, вмѣсто того, чтобы это личное обѣщаніе исполнить, самъ пріѣхалъ въ Галату и приказалъ: во первыхъ, срыть всѣ стѣны, прикрывавшіе ее отъ города, во вторыхъ, конфисковать

движимое и недвижимое имущество всѣхъ отсутствующихъ генуэзцевъ, въ третьихъ, потребовалъ военную контрибуцію съ добавленіемъ постыдной дани за дѣтей, предназначенныхъ было въ гаремъ, и въ заключеніе предалъ все предмѣстье на разграбленіе солдатъ своихъ.

Съ венеціанами и каталонцами султанъ поступилъ гораздо хуже: всѣ они были ввергнуты въ темницы и на другой день консула ихъ съ семействами и знатнѣйшими гражданами преданы были позорной казни.

Вскорѣ послѣ этого турки проникли въ Амассеру, Синопъ, Самсунъ и Трапезондъ и здѣсь нанесли страшный ударъ генуэзской торговлѣ. Осталась не тронутою пока славная и многолюдная Кафа, но сообщеніе съ нею метрополіи, съ того времени какъ Дарданельскій и Константинопольскій проливы были укрѣплены, сдѣлалось почти невозможнымъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла въ то время, съ котораго мы думаемъ начать наше повѣствованіе о славной Кафѣ на Крымскомъ полуостровѣ.

II.

На кафскомъ рейдѣ стояло около 50 кораблей, наканунѣ пришедшихъ изъ Азовскаго моря и отъ кавказскихъ береговъ. Съ однихъ выгружали строевой лѣсъ, пеньку, ленъ и смолу; съ другихъ мѣдь, желѣзо, варъ и сало; съ третьихъ дорогіе мѣха соболевые, горностаевые и чернобурыхъ лисицъ, которые въ то время чрезвычайно дорого цѣнились въ Китаѣ *); съ четвертыхъ прекрасныхъ, стройныхъ невольницъ изъ Дербента въ Дагестанѣ и другихъ мѣстностей Кавказа. Этотъ последній товаръ принадлежалъ фирмѣ извѣстнаго генуэзскаго дворянина Имперіале, бывшаго поставщикомъ невольниковъ для Судана.

— Любуйтесь, любуйтесь, синьоры, раздавались вокругъ пристани голоса молодыхъ людей,—да такихъ обворожительныхъ дѣвушекъ еще не видѣли въ Кафѣ со дня основанія ея!

---

*) Изъ записокъ, оставленныхъ намъ генуэзцами, цѣна за соболій мѣхъ лучшей доброты доходила до 2 т. піастровъ.

— Я полагаю, что ихъ раскупятъ на мѣстѣ, отвѣчалъ одинъ изъ купцовъ, если синьоръ Имперiале не станетъ просить большихъ денегъ.

— Синьоръ Имперiале занимается этимъ дѣломъ, вмѣшался третiй, изъ любви и нѣтъ сомнѣнiя, что если ему дадутъ 25% чистой пользы, онъ сейчасъ же распродастъ свой товаръ.

Слова эти сказаны были самимъ хозяиномъ товара, который держалъ въ рукахъ фактуру и изъ подлобiя разсматривалъ прелестныхъ женщинъ, обреченныхъ Богъ вѣсть на какую будущность.

Надо знать, что въ описываемое нами время Дербентъ былъ сборнымъ мѣстомъ купцовъ гиланскихъ, ширванскихъ, хазарскихъ и многихъ другихъ странъ и считался самымъ лучшимъ рынкомъ невольниковъ и невольницъ, привозимыхъ со всѣхъ мѣстностей Азiи и Россiи.

Есть свѣдѣнiе, что, при заключенiи договоровъ съ армянскими царями, итальянскiе купцы давали клятву, что, покупая этихъ несчастныхъ, они не будутъ продавать ихъ мусульманамъ, но эта клятва никѣмъ не соблюдалась.

Кромѣ этого намъ извѣстно, что даже каирскiе владѣтели ежегодно присылали въ Кафу два судна, чтобы закупать черкескихъ и грузинскихъ мальчиковъ для подготовленiя къ мамелюки.

Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ древнихъ арабскихъ писателей: „народы Кипчака и Кавказа всегда были склонны къ продажѣ своихъ дочерей, но сыновей продавали только въ такомъ случаѣ, когда голодъ или война отнимали у нихъ всѣ другiя средства къ пропитанiю“.

Цѣны на невольниковъ обоего пола устанавливались по красотѣ, силѣ, возрасту, здоровью и способностямъ. Въ продажу же шли обыкновенно жена, нарушившая брачный союзъ, сестры, оставшiяся на попеченiи брата, и плѣнники, добытые на войнѣ. Послѣднихъ черкесы всегда старались женить, чтобы торговать ихъ дѣтьми; а такъ какъ эти племена постоянно вели между собою войны, то въ плѣнныхъ никогда не встрѣчалось недостатка.

Вторымъ, послѣ Дербента, рынкомъ невольниковъ былъ теперешній Сухумъ-кальскій портъ, откуда, по словамъ Шардена, изъ одной Мингреліи ежегодно выпускалось до 12 т. невольниковъ и невольницъ, изъ числа которыхъ послѣднія высоко цѣнились за свою красоту. Третьимъ пунктомъ сбыта невольниковъ, также дорого цѣнившихся, было устье Фазиса, куда свозили ихъ со всей Грузіи.

Пока синьоръ Имперіале пересматривалъ фактуру и живой товаръ, къ нему подошелъ Гомрюкъ-ага или взимающій пошлины, слѣдуемыя въ ханскую казну со всѣхъ привозимыхъ товаровъ въ Кафу.

— Да ты сегодня сдѣлаешь два славныхъ дѣла, сказалъ онъ, улыбаясь, — во первыхъ, значительно подсыпешь золота въ кладовыя нашего свѣтлѣйшаго хана и, наконецъ, надѣлишь Крымъ женщинами, отъ которыхъ будутъ прекрасныя дѣти.

— Если ты увѣренъ въ послѣднемъ, отвѣчалъ Имперіале, то тебѣ первому подобаетъ честь начать перебразованія наружности монгольскаго типа.

— Я не прочь имѣть красивыхъ дѣтей.

— Въ такомъ случаѣ выбирай любую изъ моихъ невольницъ, пока товаръ не тронутъ. Ты всегда былъ благосклоненъ ко мнѣ, и я очень радъ доставить тебѣ удовольствіе.

Гомрюкъ-ага нѣсколько разъ обошелъ несчастныхъ плѣнницъ, трогалъ нѣкоторыхъ за щеки, другихъ за груди и животъ, третьихъ заставлялъ подыматься и выставлять на показъ, ногу и кончилъ тѣмъ, что выбралъ тучную, некрасивую дѣвушку лѣтъ 15-ти калмыцкаго происхожденія.

Имперіале взглянулъ съ улыбкою на такой неудачный выборъ; но такъ какъ спорить о вкусахъ не считалось приличнымъ, пожелалъ ему счастливаго пользованія и сдѣлалъ на память краткую замѣтку, какія дѣвушки преимущественно нравятся крымскимъ татарамъ.

Послѣ этого онъ сѣлъ на коня и подъ личнымъ наблюденіемъ приказалъ служителямъ своимъ вести невольницъ въ обширные магазины, нарочно выстроенные имъ у послѣднихъ городскихъ воротъ на берегу моря. Здѣсь

всѣмъ имъ приказано было хорошо выкупаться въ морской водѣ и роздань былъ обѣдъ, состоящій изъ пшеннаго супа, сильно подбѣленнаго кисло-соленымъ молокомъ, извѣстнымъ подъ именемъ катыка, съ кускомъ просянаго и ячменнаго хлѣба.

— Пусть сегодня онѣ отдухнутъ, приказалъ Имперіале а завтра мы ихъ перессортируемъ и тѣхъ, которыя окажутся не нужными для Крыма, отправимъ куда будетъ выгоднѣе.

Вечеромъ за ужиномъ синьоръ Имперіале объявилъ супругѣ своей, что онъ очень доволенъ вновь привезенными невольницами и надѣется на большія выгоды, такъ какъ большинство изъ нихъ достались ему за нѣсколько пудовъ соли.

— Эхъ, mio caro, отвѣчала она со вздохомъ, съ того времени, какъ намъ закрыты ворота домой, меня ничто не радуетъ. Продай во что бы ни стало твоихъ дикихъ красавицъ и попробуемъ проложить себѣ дорогу въ метрополію, О Генуа, Генуа, скоро ли я преклоню колѣна предъ твоими святыми алтарями!

Имперіале не отвѣтилъ ни слова. Торговля его представляла такія блистательныя выгоды, отъ которыхъ не легко было отказаться человѣку молодому еще и жадному къ золоту. Вставъ изъ за стола, онъ вышелъ на наружную террасу и, сѣвъ на одну изъ ступеней, направилъ взоры свои на тысячи огоньковъ, блиставшихъ въ окнахъ смолкнувшаго города. Вся Кафа съ недосягаемыми стѣнами и грозными крѣпостями, застроенная великолѣпными зданіями и церквами, рисовалась передъ нимъ въ какомъ то волшебномъ полукружіи! На базарной площади, тянувшейся вдоль бухты отъ первой до послѣдней прибрежной крѣпости, на этомъ разноязычномъ гиподромѣ всемирныхъ вожаковъ торговли, царствовала могильная тишина. Башня папы Климента *), точно гигантъ съ огненными глазами, горделиво осматривала городъ и бухту и каждый часъ извѣщала народонаселеніе звуками

*) Названа этимъ именемъ въ память крестоваго похода, предпринятаго по убѣжденію этого первосвященника противъ монголо-татаръ.

рожковъ и тамбуринами, что ни на минуту не отвлекается отъ исполненія своихъ обязанностей.

Имперіале взглянулъ на безоблачное небо, усѣянное такими же яркими звѣздами, какъ на небѣ родной Италіи, и затѣмъ вперилъ взоры въ отдаленную синеву моря, откуда давно уже поджидалъ три судна свои, ушедшія съ дешевыми товарами и обѣщавшими привести ему взамѣнъ юношей и мальчиковъ для перепродажи въ Египетъ. Поразсчитавъ въ умѣ своемъ приблизительные барыши, этотъ надменный и богатый купецъ поднялся съ мѣста и началъ ходить тихими шагами по террасѣ. Въ воображеніи его начала рисоваться картина Генуи со всѣми удовольствіями первостепенныхъ богачей и затѣмъ неминуемая старость и смерть. Какая-то грусть и тоска смѣнила его радужныя мечты. Имперіале не имѣлъ наслѣдниковъ. Женившись на богатой вдовѣ, по желанію престарѣлыхъ родителей, онъ, хотя и не чувствовалъ антипатіи къ подругѣ своей, но всегда утѣшался надеждою овдовѣть и жениться на молодой дѣвушкѣ изъ аристократической фамиліи, чтобы достигнуть почестей. Томимый этимъ желаніемъ, онъ нарочно бросилъ родину и предался на чужбинѣ болѣе выгоднымъ отраслямъ торговли и уже успѣлъ скопить массы золота, но увы!—супруга его, какъ на зло, не только не заболѣвала, а напротивъ въ здѣшнемъ климатѣ значительно пополнѣла и съ виду казалась несокрушимою.

Пройдя нѣсколько разъ вдоль дома, синьоръ Имперіале началъ обдумывать планъ отправки жены на родину. Планъ оказался вѣрнымъ, но мысль отправить съ нею хоть половину нажитаго золота ужасно пугала его. Эти проклятые турки, засѣвшіе въ дверяхъ Константинопольскаго и Дарданельскаго проливовъ, высматривали добычу, какъ тигры, и могли въ одну минуту лишить его суммы, составленной многолѣтними трудами и разсчетами.

— А что, если я пошлю ее съ десятою долею моего состоянія? мелькнуло у него въ головѣ. Конечно, варвары и этимъ не побрезгаютъ, но за то я буду свободенъ, потому что ограбленныхъ они предаютъ смерти. При этомъ я ничего не потеряю изъ собственныхъ де-

негъ, такъ какъ посылаемые будутъ равняться принесенной ею суммѣ въ приданое.

На террасу вышла синьора Имперіале, чтобы подышать свѣжимъ дыханіемъ тихой и прелестной ночи.

— И сегодня такая же очаровательная ночь, какъ и вчера, сказала она; но странно, чѣмъ болѣе я встрѣчаю здѣсь подобія съ родною землею, тѣмъ сильнѣе душа моя рвется къ ней. Ахъ, Джовани, еслибъ мы могли возвратиться въ отечество!

— Дорогая моя, при всемъ желаніи моемъ оставить Кафу, я въ настоящее время не могу; тебѣ извѣстны мои обширныя всесвѣтныя дѣла. Я послалъ массы золота въ различныя страны и долженъ выждать времени, когда возвратятся мои люди; за тѣмъ мнѣ необходимо все сбыть. Для окончанія всего этого потребуется маломальски два года. Но если ты, моя бѣдная, настолько тоскуешь по отечественной землѣ и родныхъ и требуешь. чтобы я отпустилъ тебя въ Генную, я не захочу болѣе подвергать тебя тоскѣ и страданіямъ, вліяніе которыхъ не безъизвѣстны и мнѣ, занятому тысячами дѣлъ.

— Джовани, Джовани, неужели бы ты рѣшился на такую жертву? вскрикнула она, бросаясь къ нему. Да какъ ты останешься одинъ на чужбинѣ? Кто станетъ заботиться о твоемъ покоѣ, пищѣ и бѣльѣ?.. Нѣтъ, это будетъ неблагородно со стороны той, которая предъ алтаремъ клялась не разлучаться съ тобою! Меня осудятъ твои родные и вся Генуя станетъ преслѣдовать насмѣшками.

— Все это могло бы случиться нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но теперь, когда наши суда не могутъ господствовать на Понтѣ Эвксинскомъ, каждому разумному купцу слѣдуетъ отправлять семью и золото свое въ метрополію.

— О, какъ бы я рада была, еслибъ и ты возвратился со мною!

— Я тебѣ уже сказалъ, что это невозможно; но то, что я могу сдѣлать для тебя, то готовъ сдѣлать хоть завтра. Въ бухтѣ нашей стоитъ большой венеціанскій корабль, который по просьбѣ моей, доставитъ тебя въ родной городъ, а капитанъ позаботится о сбереженіи

той суммы денегъ, которую я нахожу нужнымъ перевезти въ отечество.

— Боже, уѣзжать отъ тебя, да еще и съ золотомъ!—вскрикнула Анжелика, хватаясь за голову.

— На суднѣ съ тобою будутъ слѣдовать также на родину жена нашего нотаріуса съ двумя дочерьми и нѣсколько венеціанскихъ семействъ. Такого случая не скоро дождешься. Но самое утѣшительное для меня то, что капитанъ корабля, синьоръ Пекато, принадлежитъ къ рязряду храбрѣйшихъ и опытнѣйшихъ моряковъ. Подумай же, жена, и не теряй дорогаго времени. Къ завтрешнему утру всѣ пассажиры должны быть готовы.

Анжелика начала плакать. Ей ужасно хотѣлось возвратиться въ Генуя, чтобы быть въ семьѣ родныхъ и пріятельницъ, но въ тоже время не хотѣлось разлучаться съ молодымъ, сравнительно съ нею, мужемъ, котораго страстно любила. Изъясненія по этому поводу продолжались довольно долго и кончились тѣмъ, что Имперіале убѣдилъ жену рѣшиться ѣхать.

Въ ту же ночь поставлены были на ноги всѣ прислужницы, и къ разсвѣту десятки сундуковъ, набитыхъ цѣнными вещами, отправлены были на корабль синьора Пекато, не ожидавшаго такой достопочтенной пассажирки. Въ условленное время Анжелика, сопутствуемая невольницами, пожелавшими ѣхать съ нею въ метрополію, явилась на корабль съ заплаканными глазами и полная какого-то тайнаго предчувствія не увидѣть болѣе дорогаго мужа, не спускала глазъ своихъ съ пристани до тѣхъ поръ, пока корабль не вышелъ изъ бухты и повернулъ на высокую возвышенность, прикрывавшую съ моря видъ на Кафу.

Синьоръ Имперіале возвратился домой не безъ грусти на сердцѣ. Была ли то грусть отъ привычки видѣть предъ собою вѣрную подругу молодыхъ лѣтъ, или пробудившаяся тоска по родинѣ—трудно было сказать, но только онъ казался сумрачнымъ и не расположенъ былъ заниматься обыкновенными даже дѣлами своими. Доставъ изъ стѣннаго шкафа небольшую амфору съ солдайскимъ виномъ, онъ разомъ выпилъ изъ нея полови-

ну, заѣлъ свѣжепросоленною осетровою икрою и вновь поднесъ къ губамъ живительную влагу.

Въ эту минуту ему доложили, что консулъ со многими представителями колоніальной власти соблаговолили посѣтить его и ожидаютъ на дворѣ. Имперіале не замедлилъ открыть настежь двери предъ высокочтимыми гостями и привѣтствовать ихъ, какъ подобало республиканскому дворянину.

Надо знать, что въ описываемое нами время, вслѣдствіе перерыва правильнаго сообщенія Кафы съ метрополіею, консула ея не присылались уже изъ Генуи ежегодно, какъ бывало прежде, до занятія турками Константинополя, а избирались чрезъ каждые три мѣсяца мѣстнымъ сенатомъ, состоящимъ изъ 24 лицъ, ежегодно избираемыхъ выбывшими членами, — вслѣдствіе чего не могли пользоваться прежнею властью и соблазнительнымъ почетомъ. Присылаемые же изъ Генуи не иначе могли удостоиться этой чести, какъ, во первыхъ, принадлежать къ лучшей дворянской фамиліи и, наконецъ, представлять въ обезпеченіе правильности дѣйствій тысячу ливровъ. Изъ этого выходило, что при настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ, каждый дворянинъ уроженецъ Генуи имѣлъ надежды господствовать три мѣсяца въ колоніяхъ Крыма. А такъ какъ синьоръ Джовани Имперіале пользовался извѣстностью богача и всѣми необходимыми условіями для занятія этого важнаго поста, то на приходъ къ нему неожиданныхъ представителей власти онъ смотрѣлъ какъ на предвѣстіе своего будущаго значенія.

— Какъ я радъ видѣть въ своемъ домѣ такихъ достойныхъ сеньоровъ республики, сказалъ онъ; но какъ жаль, что я не въ состояніи буду угостить ихъ такимъ образомъ, какъ умѣла это дѣлать моя достопочтенная супруга, соизволившая бросить меня и возвратиться въ Геную.

— Неужели синьора Имперіале уѣхала? вскрикнули гости въ одинъ голосъ.

— Сегодня утромъ, на караблѣ капитана Пекато.

— Ну, теперь наши жены положительно заставятъ насъ послѣдовать вашему примѣру, сказалъ консулъ. Это будетъ крайне неутѣшительно для мужей.

— Въ этомъ слѣдуетъ винить митрополію нашу, замѣтилъ Имперiале. Она обязана была употребить всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы не допустить турокъ до владычества въ Константинополѣ. Это сосѣдство всегда будетъ пугать насъ и я нахожу, что намъ отнынѣ гораздо разумнѣе будетъ жить въ Кафѣ въ одиночку, чтобы не подвергать семьи тревогамъ войны.

— Все это справедливо, синьоръ, отвѣчалъ одинъ изъ сенаторовъ, но каково переносить разлуку?

— Конечно, конечно, безъ жены домъ походитъ на монастырь. Сказавъ это, гостепріимный хозяинъ отдалъ приказаніе вошедшему слугѣ выставить на столъ отъ всѣхъ явствъ, ликеровъ, винъ и плодовъ.

Послѣ хорошаго завтрака консулъ поинтересовался взглянуть на партію вновь прибывшихъ невольницъ.

— Стоитъ посмотрѣть и вамъ, синьоры, обратился Имперіале къ остальнымъ гостямъ. Признаюсь чистосердечно, что такихъ красавицъ мнѣ еще не приходилось получать.

Гости изъявили согласіе и всѣ послѣдовали за хозяиномъ на сосѣдній обширный дворъ, обставленный кругомъ высокими магазинами и навѣсами.

Невольницы, раздѣлившись на группы по національностямъ, большою частью скромно сидѣли и, при видѣ вошедшихъ мущинъ, начали прижиматься другъ къ другу. Любопытные гости также разошлись по различнымъ направленіямъ и вскорѣ каждый изъ нихъ объявилъ по секрету Имперіале, что поражены были красотою нѣкоторыхъ дѣвушекъ.

— Я уступлю ихъ вамъ дешевле, чѣмъ другимъ отвѣчалъ дворянинъ-купецъ и противъ каждаго отмѣтилъ имена выбранныхъ красавицъ.

Нѣсколько минутъ спустя, представили колоніальной власти снова возвратились въ комнаты и здѣсь каждый заплатилъ любезному хозяину сумму, опредѣленную имъ за невольницъ. Послѣ чего, конечно, потребовалось угощеніе болѣе пріятными иностранными винами, въ которыхъ не оказалось недостатка.

— Теперь, синьоръ Джовани Имперіале, когда мы исполнили всѣ требованія ваши, какъ подобаетъ благо-

роднымъ гражданамъ великой республики, заговорилъ консулъ, я представляю себѣ право заявить вамъ, что чрезъ 10-ть дней оканчивается срокъ моей службы и что сенатъ и важнѣйшіе граждане города предлагаютъ вамъ принять въ свои руки бразды управленія генуэзскими факторіями въ Крыму. Отвѣчайте же мнѣ, въ присутствіи приглашенныхъ мною свидѣтелей, согласны ли вы подчиниться этому желанію народа?

— Требованіе народа для меня всегда было закономъ синьоръ, отвѣчалъ Имперіале; а потому прошу передать уполномочившимъ васъ, что я безусловно подчинюсь тому, что потребовано будетъ отъ меня.

Когда высокопоставленные граждане удалились, синьоръ Джовани, выпилъ еще кружку вина, и погрузился въ размышленія.

— Быть великимъ 'консуломъ въ Хазаріи для такого человѣка, какъ я, это нешуточное дѣло, думалъ онъ.— Но быть только три мѣсяца, когда представляется возможность остаться несмѣннымъ — это смѣшно, Колоніи наши въ настоящее время находятся въ такомъ анархическомъ состояніи, что едвали кто другой пожелаетъ управлять ими на свой счетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сегодняшніе гости мои сознаютъ это, — иначе они не забыли бы одного изъ важнѣйшихъ правилъ устава нашего: не допускать людей торгующихъ на эту обязанность. Если мнѣ удастся все обдѣлать какъ я думаю и желаю, я изъявлю согласіе служить, но если встрѣчу противорѣчіе, то удалюсь изъ сената и останусь по прежнему простымъ купцомъ.

Покончивъ соображеніями своими, будущій великій консулъ потеръ руки и тихомолкомъ направился на дворъ, гдѣ находились невольницы. Осмотрѣвъ ихъ съ полнымъ вниманіемъ знатока женской красоты и достоинствъ, онъ выбралъ изъ нихъ четырехъ лучшихъ и пригласилъ слѣдовать за собою.

Генуэзкому дворянину не желательно было принимать этихъ прелестныхъ дикарокъ въ свои чертоги въ старыхъ изношенныхъ платьяхъ и грязными, вслѣдствіе чего онъ отдалъ приказаніе—свести ихъ въ баню и переодѣть въ приличные наряды.

Только послѣ этого преобразованія, смотря на этихъ дѣвушекъ, можно было удивляться совершенству вкуса избалованнаго негоціанта.

Синьоръ Имперіале и прежде былъ охотникъ до хорошенькихъ дѣвъ Кавказа, но ему никогда не удавалось держать ихъ вблизи себя и свободно любоваться ихъ естественными прелестями. Теперь же, послѣ выѣзда Анжелики, не перестававшей считать его юношей, онъ съ какимъ-то особеннымъ восторгомъ предался исполненію давно желаемыхъ потребностей страстнаго сердца.

Впрочемъ, въ Кафѣ въ описываемое время это составляло потребность каждаго даже мелкаго торгаша. Болѣе зажиточные люди чуть ли не еженедѣльно промѣнивали однѣхъ невольницъ на другихъ, входя въ сдѣлки съ прикащиками торговыхъ фирмъ и, разумѣется, съ приплатою за свѣжій товаръ. Для пріѣзжихъ купцовъ, чтобы не допускать ихъ до скуки и утомительнаго однообразія, республиканскій городъ предоставилъ проституціи самое широкое право. Изъ проститутокъ только однѣ итальянки и венеціанки оставались на постоянномъ жительствѣ, но всѣ остальныя, содержимыя мѣстными хозяйками, послѣ 3-хъ-мѣсячной службы, промѣнивались или передавались для слѣдованія въ другія страны; въ противномъ случаѣ онѣ считались устарѣвшими и негодными для развращенныхъ жителей Кафы. Такого рода условія нерѣдко доставляли поставщикамъ невольницъ громадныя выгоды отъ продажи на мѣстѣ молоденькихъ дѣвочекъ и пріобрѣтенія за ничтожную сумму немногимъ старшихъ по лѣтамъ, которыя въ другихъ странахъ не теряли своей стоимости. Вотъ почему синьоръ Имперіале не счелъ нужнымъ вступать сейчасъ же, послѣ прибытія послѣднихъ невольницъ своихъ, въ переговоры съ нѣкоторыми владѣтелями кораблей, охотно закупающими, въ числѣ прочаго, и этотъ выгодный товаръ. Проще, ему, какъ спеціалисту своего дѣла, извѣстно было, что во многихъ городскихъ заведеніяхъ предстоитъ необходимость видоизмѣненія живыхъ картинъ и что ни у кого, кромѣ его, не имѣется для этого удовлетворительныхъ способовъ.

Синьоръ Имперіале очень хорошо говорилъ на татар-

скомъ и армянскомъ языкахъ, которые были необходимы въ Кафѣ и во внутреннихъ поселеніяхъ Крыма, какъ извѣстно, переполнившихся въ этотъ періодъ времени монгольскими племенами. При знаніи этихъ языковъ, для него не представлялось особеннаго труда объясняться съ введенными въ комнаты свои невольницами. Угостивъ ихъ хорошимъ завтракомъ и сладкимъ виномъ для смѣлости, негоціантъ сѣлъ на коверъ, предъ горящимъ каминомъ, между дѣвушками, и, положивъ къ одной изъ нихъ голову на плечо, потребовалъ, чтобы каждая разсказала о происхожденіи своемъ.

Такая ласка изумила невольницъ, мечтавшихъ быть чернорабочими у какого-нибудь грознаго хозяина. Изъ разсказа первой изъ нихъ оказалось, что она захвачена была черкесами на третьемъ году отъ рожденія и находилась у нихъ въ качествѣ служанки до дня продажи. Исторія второй также не представляла ничего особеннаго. Третья заявила, что она дочь русскаго народа, и была захвачена въ степи, гдѣ работали ея родители, въ то самое время, когда они спали, а ей вздумалось поймать красиваго мотылька.

— Ну, а ты, моя красавица, къ какой націи принадлежишь? спросилъ Имперіале ту, на плечѣ которой держалъ свою голову.

— Мать моя всегда мнѣ говорила, что я дженевезка и говорила со мною на этомъ языкѣ до смерти своей.

— И ты помнишь этотъ языкъ? вскрикнулъ онъ, откидываясь въ сторону.

— Помню и буду помнить до тѣхъ поръ, пока не измѣнитъ мнѣ память.

Имперіале заговорилъ съ нею по итальянски и былъ пораженъ ея бойкими отвѣтами.

— А не говорила ли она тебѣ, откуда была похищена и какимъ образомъ попала на Кавказъ?

— Она постоянно твердила мнѣ это и, чтобы я не забыла ея отечественнаго города и фамиліи, собственноручно нацарапала эти два священныя для нея имени на крестикѣ, съ которымъ я не разлучаюсь никогда. Первымъ стоитъ Генуя, а вторымъ Имперіале.

— Что!?... Имперіале!?

— Да, Имперiале—и дѣвушка, какъ-бы изъ боязни не ошибиться, вытянула изъ-за шеи шнурокъ съ золотымъ крестикомъ, на которомъ едва замѣтными буквами начерчено было: *Лукрецiя Имперiале.*

При взглядѣ на этотъ крестикъ и эту надпись негоцiантъ вскочилъ на ноги и онѣмѣлъ изъ изумленiя. Вещь эта была принадлежностiю его семьи и имя Лукрецiи было именемъ родной сестры, которая 18 лѣтъ тому назадъ выѣхала изъ Генуи, чтобы поселиться въ Кафѣ, около единственнаго брата, но куда дѣвалась,—осталось тайною, потому что никто съ того времени не встрѣчалъ ни судна, ни капитана, ни матросовъ съ этого корабля.

— Исторiя нашей жизни не представляетъ ничего отраднаго и состоитъ изъ немногихъ фразъ, продолжала прелестная невольница, не замѣчая блѣдности и удивленiя господина своего; мать моя, когда ей было 18 лѣтъ, сѣла на корабль въ Генуѣ и направилась къ брату своему въ Кафу, но бури и страшныя погоды занесли ихъ на кавказскiе берега и здѣсь корабль ихъ былъ выброшенъ и разбитъ. Всѣ пассажиры и матросы захвачены были въ плѣнъ окрестными обитателями и проданы; мать же моя, доставшись на долю одного молодаго человѣка, вынуждена была сдѣлаться его женою. Я была первымъ ея ребенкомъ, за вторымъ, послѣ 12 лѣтъ, она умерла. Отецъ мой сейчасъ же женился на другой, но вскорѣ послѣ свадьбы онъ началъ болѣть и дошелъ до такой крайности, что вынужденъ былъ продать меня. Дѣвушка взглянула на хозяина.

— Еще одно слово, произнесъ Имперiале, — какъ тебя назвала мать?

— Бiанкою, въ память умершей матери своей.

— При этомъ отвѣтѣ гордый негоцiантъ не могъ болѣе выдержать и бросился на невольницу, которую со слезами радости началъ называть племяницей своею и цѣловать.

Невольницы поражены были этою сценою и хранили глубокое молчанiе.

Послѣ первыхъ излiянiй радости, Имперiале взялъ племяницу свою за руку и, пригласивъ къ себѣ эконом-

ку, въ краткихъ словахъ разсказалъ ей судьбу сестры своей Лукреціи, которую она хорошо знала съ дѣтства и не переставала надѣяться увидѣть, а въ заключеніе поручилъ ея попеченію Біанку, приказавъ не жалѣть ничего, чтобы сдѣлать племянницу достойною его положенія и званія.

III.

Нѣсколько дней спустя, по ходатайству Біанки, Имперіале вынужденъ былъ принять подъ кровъ свой еще пятерыхъ дѣвушекъ, съ которыми успѣла сблизится его прелестная племянница во время слѣдованія въ Кафу. Эти скромныя дѣвушки, лишь только почувствовали покровительство и участіе господина, сдѣлались чрезвычайно веселыми, рѣзвыми и болтливыми. Все это чрезвычайно понравилось синьору Имперіале, вынужденному было при женѣ по цѣлымъ днямъ развлекаться прогулками по городу, а по вечерамъ пересматривать счетныя записи. Теперь же онъ вдругъ ожилъ и снова превратился въ юношу съ игривыми затѣями. Съ этого времени онъ не ложился спать безъ того, чтобы не являлась предъ нимъ одна изъ невольницъ, предназначенныхъ для продажи.

Однажды, проснувшись позже обыкновеннаго, къ Имперіале вошелъ посланный отъ консула съ приглашеніемъ явиться въ сенатъ.

— Передайте синьору и господамъ сенаторомъ, что я исполню ихъ требованіе сейчасъ же, какъ позавтракаю.

Посланный вышелъ.

— Наконецъ-то наступилъ желанный часъ, проговорилъ про себя Имперіале! Мнѣ прійдется сказать имъ длинную рѣчь и потребовать составить отдѣльное постановленіе, которымъ я уполномочивался бы управлять факторіями до того времени, пока Генуя вспомнитъ о насъ и вышлетъ своего уполномоченнаго; а такъ какъ этого нельзя ожидать при теперешнихъ обстоятельствахъ, то я навѣрно успѣю достигнуть своихъ желаній раньше, чѣмъ дѣла республики примутъ благопріятное направленіе.

Послѣ завтрака синьоръ Имперіале облекся въ парадный дворянскій костюмъ и, сопровождаемый двумя

слугами, явился въ сенатъ, въ которомъ встрѣтилъ, кромѣ членовъ, множество почетнѣйшихъ граждапъ.

Всѣ привстали съ мѣстъ и предложили ему занять сѣдалище около консула.

Лишь только водворилась тишина, канцлеръ или главный нотаріусъ прочелъ громогласно опредѣленіе сената, которымъ, три мѣсяца тому назадъ, былъ избранъ великимъ консуломъ Хазаріи Джакомо Батисто и затѣмъ перешелъ къ тому параграфу устава, гдѣ ясно говорилось, что, па случай перерыва сообщеній съ метрополіею, кафскому сенату предоставлялось право избранія новаго консула чрезъ каждые три мѣсяца или до того только времени, пока не явится назначенный отъ метрополіи.

— Теперь, господа сенаторы, прибавилъ онъ, когда я исполнилъ пунктуально мою обязанность, прошу васъ приступить къ исполненію вашего долга.

Всѣ сенаторы поднялись и единогласно заявили, что они предлагаетъ великій постъ достопочтеннѣйшему согражданину своему, дворянину республики, синьору Джовани Императе, извѣстному имъ за человѣка честнѣйшихъ правилъ и добраго патріота.

— Противъ всего этого я не смѣю возражать, отвѣчалъ канцлеръ; но есть одно обстоятельство, которое предвидѣно законами: синьоръ Импсріале занимается торговлею, которая не согласуется съ саномъ консула. Впрочемъ, прошлое не можетъ быть поставлено ему въ укоръ, если онъ не будетъ продолжать этого занятія.

— Заявленіе ваше, синьоръ канцлеръ можетъ относиться къ тѣмъ консуламъ, которые присылаются изъ Генуи—отвѣчали сенаторы. Мы до настоящаго времени дѣйствительно избирали изъ среды своей людей, отказавшихся отъ коммерческихъ дѣлъ; но такихъ болѣе не имѣется въ нашемъ городѣ и поэтому, въ виду безвыходнаго положенія, постановили избрать синьора Императе, въ полной увѣренности, что и всѣ граждане факторіи присоединятся къ нашему единогласному желанію.

— Да, да! произнесло множество голосовъ.

— Въ такомъ случаѣ я составлю запись, которую,

надѣюсь, господа сенаторы и почтенные граждане подпишутъ.

Сотня одобрительныхъ голосовъ не замедлила отвѣчать.

Часъ спустя, запись была составлена, прочитана и подписана всѣми присутствующими въ зданіи сената.

Когда покончена была вся эта предварительная процедура, Джовани Имперіале, сіяющій въ бриліантовыхъ пуговицахъ, выступилъ на каѳедру и, опершись на драгоцѣнный эфесъ своей шпаги, обратился къ публикѣ съ слѣдующею рѣчью:

— Синьоры! до настоящаго времени вамъ приходилось сажать на консульское мѣсто людей, которые безъ разсужденія подчинялись вашимъ желаніямъ и мало заботились объ улучшеніи положенія нашихъ колоній, оставленныхъ республикою и банкомъ св. Георгія на произволъ своихъ силъ и средствъ. Нашъ страхъ и беззащитное положеніе, несмотря на то, что мы располагаемъ 700 кораблями и еще недавно имѣли громадный запасный капиталъ, довелъ управленіе до того, что городская касса ежегодно представляетъ дефицитъ въ 500 т. аспровъ, да сверхъ того надо платить константинопольскому султану 4020 скудовъ за фирманъ свободнаго плаванія по Черному морю. Стража городская состоитъ изъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, знающихъ свое дѣло, но, конечно, не достаточныхъ для защиты факторій и такихъ подвиговъ, какими мы прославили себя при варварскомъ намѣреніи Тамерлана или сокрушеніи пиратства на Понтѣ Эвксинскомъ. Намъ теперь, болѣе чѣмъ когда либо, нужно войско, деньги и забота объ улучшеніи своего положенія, чтобы быть въ состояніи отразить, стоящихъ за спиною нашею, безпощадныхъ враговъ христіанства. При такихъ потребностяхъ, для Кафы необходимъ несмѣнный распорядитель, уполномоченный властью дожа до того дня, когда республика будетъ въ состояніи возобновить свои права на свободное плаваніе чрезъ Дарданеллы и Константинопольскій проливъ. Изъ сказаннаго мною вы должны понять, что мы теперь находимся въ исключительномъ положеніи и обязаны, для сбереженія себя и своего имущества,

дѣйствовать не по уставу республики, а по собственному разсудку и тѣмъ потребностямъ, которыя обнаружились и обнаружатся въ будущемъ. Въ виду всего этого я позволилъ себѣ заявить вамъ, монсиньоры, что принять мѣсто великаго хазарскаго консула на три мѣсяца, какъ гласитъ уставъ нашъ, я не могу и не желаю. Но, если вы избираете меня на все время, пока Генуа вышлетъ намъ своего представителя власти, и предоставите мнѣ вести свои дѣла по личному усмотрѣнію, я употреблю всѣ, зависящія отъ меня, мѣры и средства для благосостоянія нашихъ факторій. Потрудитесь же обсудить мои заявленія и, если они покажутся вамъ основательными, извѣстите меня формальнымъ актомъ. Сказавъ это, Имперіале поклонился собранію и вышелъ изъ сената.

Рѣчь этого дворянина произвела ожидаемое имъ впечатлѣніе. Всѣ готовы были изъявить полное согласіе, но предварительно надо было выслушать мнѣніе канцлера, который не заставилъ ожидать себя долго.

— Синьоры, началъ онъ—все, что вы слышали изъ устъ нашего достопочтеннаго дворянина Имперіале, представляетъ много правды; но я нахожу, что мы будемъ подлежать строгой отвѣтственности предъ республикою, если самовольно предоставимъ ему неограниченную власть надъ колоніями. Правда, теперешнее исключительное положеніе наше даетъ намъ право, въ виду грозныхъ обстоятельствъ, дѣйствовать по крайнему разумѣнію нашему, но я все-таки не позволю себѣ одобрить требуемыхъ этимъ дворяниномъ условій. Если вамъ угодно будетъ принять отвѣтственность исключительно на себя, то мое дѣло составить объ этомъ актъ и постараться переслать его въ Генуую.

Послѣ этой рѣчи начали говорить сенаторы и граждане, которые въ концѣ концовъ рѣшились предоставить дворянину Имперіале всѣ опредѣленныя уставомъ права консульской власти впредь до высылки республикою новаго распорядителя. Копія съ акта должна быть немедленно отправлена въ Генуую съ заявленіемъ, что если въ ней окажется что либо противное, то требует-

ся безотлагательная отмѣна или присылка дѣйствительнаго консула.

Такимъ образомъ синьоръ Джовани Имперіале возведенъ былъ въ званіе великаго хазарскаго консула въ блистательной Кафѣ, господствовавшей на Черномъ и Азовскомъ моряхъ и доводившей торговлю свою до Индійскаго и Великаго океановъ.

Событіе это въ этотъ же день было извѣстно всему городу, жители котораго обязаны были явиться въ сенатъ въ первое воскресенье для принесенія поздравленій новому начальнику.

Для ясности, мы обязаны ознакомить читателя съ правами консуловъ, назначаемыхъ въ колоніи матерью-республикою: послѣ избранія консула, купеческій судъ (officium mercanciae) назначалъ обыкновенно четырехъ совѣтниковъ для сопровожденія его до мѣста службы: если при этомъ слѣдовала эскадра въ тотъ портъ, то ему поручалось и командованіе ею. По прибытіи въ колонію, онъ сзывалъ сенатъ и, представивъ ему свои полномочія, затѣмъ принималъ присягу и приступалъ къ новому составу совѣтовъ. Какъ ни важна была его должность, но безъ согласія сената онъ не могъ установлять налоги, производить экстраординарные расходы и употреблять общественныя деньги на пиршества и праздники. Ему запрещалось отмѣнять приговоры своихъ предшественниковъ, дѣлать какія нибудь притѣсненія торговлѣ для своихъ выгодъ или для пользы своихъ родственниковъ, чеканить на свой счетъ монету и отдавать общественныя имущества въ оброчное содержаніе, лично, безъ публичнаго обсужденія. Этого мало,—консулу воспрещалось признавать себя вассаломъ крымскаго хана и пользоваться отъ него или другихъ царей пенсіономъ или другими подарками, не только во время своего консульства, но и въ теченіи цѣлаго года послѣ снятія съ себя этого званія. За нарушеніе чего либо изъ указаннаго консулъ подвергался, по уставу, пени въ 200 генуэзскихъ ливровъ и за униженіе достоинства республики объявлялся неспособнымъ исполнять какую нибудь публичную должность въ теченіи 10 лѣтъ. Консулъ обязанъ былъ дѣлать немедленное рѣшеніе по всѣмъ

дѣламъ, переданнымъ на его разсмотрѣніе, а по окончаніи года представить отчетъ въ исполненіи возложенной на него обязанности. За службу онъ получалъ жалованье изъ Генуи. Въ то время, когда Имперіале былъ провозглашенъ консуломъ, во первыхъ, не требовалось обезпеченія, во вторыхъ, не намекалось на вознагражденіе и, наконецъ, онъ стоялъ во главѣ трехъ консульствъ, основанныхъ въ Солдаіѣ, Балаклавѣ и Тамани, вслѣдствіе чего величался верховнымъ консуломъ Кафы, всего великаго моря и хазарской имперіи и обязанъ былъ содержать на свой счетъ всадника, щитоносца, повара, шесть слугъ и шесть лошадей, кромѣ этого держать въ большой залѣ дворца своего въ теченіи всей зимы горящій каминъ и машину для пытки виновныхъ.

Все это для богатаго Имперіале не казалось тягостнымъ; но обязательства платить турецкому султану, безъ видимой пользы, громадную дань, въ угоду константинопольскимъ собратьямъ, и кромѣ того также не маловажную дань крымскому хану, послѣ того, какъ они разбиты были Хаджи-гиреемъ въ 1434 году—это страшило его на случай неблагопріятныхъ условій коммерческой дѣятельности ввѣренныхъ ему факторій. Впрочемъ, Имперіале надѣялся на массу богатѣйшихъ купцовъ, которые въ крайности могли въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ поддерживать дружественныя отношенія съ номинальными властителями Кафы, и надѣялся, что республика съумѣетъ поднять на ноги всѣхъ христіанскихъ королей противъ турокъ и заставитъ ихъ удалиться изъ Европы; а тѣмъ временемъ ему удастся создать армію, которая въ состояніи будетъ поработить весь Крымскій полуостровъ и сдѣлать его недоступнымъ со стороны материка для враждебныхъ народовъ. Радужныя мечты его иногда представляли ему возможность создать въ Крыму самостоятельное независимое королевство и сдѣлаться самому королемъ.

Когда одинъ изъ сенаторовъ принесъ Джовани Имперіале постановленіе сената и представителей факторіи объ избраніи его верховнымъ консуломъ безъ срока, онъ не выразилъ на лицѣ ни малѣйшаго удовольствія, но не

счелъ нужнымъ скрыть, что ему предстоитъ тяжелая задача преобразованія народнаго управленія и старыхъ порядковъ, которые ввергли колонію въ безутѣшное состояніе.

— Впрочемъ, мы объ этомъ поговоримъ послѣ, добавилъ онъ; а вы теперь позаботьтесь, о томъ чтобы день моей присяги сдѣлать торжественнымъ праздникомъ для бѣдныхъ людей.

— Монсиньору, вѣроятно, неизвѣстно, отвѣчалъ старый сенаторъ, что по отчетамъ, представленнымъ вчерашній день ключарями Кафы, въ кассѣ нашей нѣтъ ни единаго ливра.

— Позвольте мнѣ однажды навсегда сказать вамъ, что дворянинъ Имперіале никогда не пожелаетъ тщеславиться на чужія деньги Онъ настолько богатъ, что можетъ тратить свои собственныя не только для себя, но и для блага республики, если обстоятельства потребуютъ этого. Если вы поняли теперь меня, синьоръ Бальтазаро, то намъ пока не о чемъ говорить и займемся ужиномъ. Кстати, я васъ познакомлю съ моею прелестною племянницею, которую Богъ возвратилъ мнѣ изъ тяжкаго плѣна въ то время, когда моя достопочтенная супруга покинула меня.

Сенаторъ Бальтазаро считался однимъ изъ богатѣйшихъ гражданъ Кафы. Всѣ говорили, что у отца его осталось громадное состояніе знаменитаго Мамая, который былъ знакомъ съ нимъ и рѣшился переѣхать къ нему въ Кафу послѣ потери ханскаго престола, съ цѣлью сдѣлаться самостоятельнымъ государемъ въ крымскомъ юртѣ; но лишь только освѣдомился объ этомъ сокрушившій его Тохтамышъ-ханъ, онъ подкупилъ нѣсколько убійцъ—и славный полководецъ былъ безпощадно убитъ на базарной площади, прежде чѣмъ узнали о прибытіи его въ Крымъ татаре. Участвовала ли въ этомъ варварскомъ поступкѣ фамилія Бальтазаро—достовѣрно неизвѣстно, но существуетъ преданіе въ монгольскихъ сказкахъ, что Чёра-Мамай былъ ограбленъ друзьями, которые, боясь его мести, вынуждены были посягнуть на его жизнь.

Лишь только гость и хозяинъ расположились за сто-

ломъ, къ нимъ вбѣжала Біанка, величественная красота которой изумила сенатора, насчитывавшаго шестой десятокъ лѣтъ и не подумавшаго еще обзавестись семьей.

— Вотъ вамъ невѣста, синьоръ сенаторъ, сказалъ, шутя, великій консулъ, а такъ какъ она росла въ лѣсу и не видѣла людей, то нѣтъ сомнѣнія, что не придастъ никакого значенія вашимъ перезрѣвшимъ немного лѣтамъ. Скажи мнѣ, Біанка, обратился онъ къ племянницѣ,—хотѣла бы ты имѣть такого мужа, какъ этотъ синьоръ?

Дѣвушка, окинувъ взоромъ гостя, отрицательно покачала головою.

— Теперь мнѣ ничего и никого не нужно, отвѣчала она: у меня все есть,—и отецъ, и мать, и мужъ. При этихъ словахъ она положила руку на плечо дяди.

— А если я изъявлю согласіе выдать тебя замужъ?

— Нѣтъ, я не пожелаю, потому что хочу одѣться въ мужское платье и сдѣлаться воиномъ. Мой отецъ научилъ меня ѣздить на конѣ и стрѣлять изъ лука. Это занятіе до того мнѣ понравилось, что я по цѣлымъ днямъ ходила по лѣсамъ и кормила семью его разною дичью. Неужели же теперь, когда я такъ счастлива, мнѣ воспретятъ заниматься этимъ удовольствіемъ!

— Ты мнѣ не говорила объ этомъ раньше. Но если это справедливо, я очень радъ буду, для примѣра нашимъ согражданамъ, зачислить тебя въ городскую стражу и подучить къ исполненію обязанностей воина.

— И ты позволишь мнѣ воевать съ врагами твоими?

— Теперь у насъ нѣтъ враговъ, но, со временемъ, вѣроятно будутъ.

Обрадованная дѣвушка побѣжала сообщить свою радость экономкѣ и подругамъ своимъ и сейчасъ же начала переодѣваться въ костюмъ дяди, который, къ сожалѣнію, оказался слишкомъ просторнымъ для нея.

Тѣмъ временемъ Бальтазаро, покончивъ съ завтракомъ, началъ заводить съ консуломъ разговоръ о Біанкѣ, съ цѣлью убѣдиться, дѣйствительно ли онъ намѣренъ выдать ее замужъ?

— Я по крайней мѣрѣ предоставлю ей полное право дѣлать все то, что она пожелаетъ, отвѣтилъ Имперіа-

ле,—вы понимаете, она у меня единственная родственница и прямая пока наслѣдница.

— Это значитъ, подумалъ сенаторъ,—надо добиться ея милостиваго расположенія; а такъ какъ это казалось ему невозможнымъ, то онъ утѣшился надеждою возвратиться на родину и тамъ найти сужденную небомъ подругу.

Нѣсколько дней спустя, глашатаи оповѣстили жителей Кафы, Судгаи, Балаклавы, Таны и Черчіо, что 20 сентября новый верховный консулъ торжественно вступитъ въ сенатъ и, послѣ принятія установленной присяги, начнетъ отправлять свои обязанности.

Всѣ, кто имѣлъ дѣло съ Имперіале и кто зналъ его, начали подготовляться къ этому празднику. Представители татарскихъ властей также заявили, что они прибудутъ въ означенный день съ подарками для привѣтствованія пріятеля своего. Все это требовало значительныхъ расходовъ на пріемъ и угощеніе огромной массы народа. Имперіале нисколько не опечалился этимъ и, напротивъ, потребовалъ, чтобы всѣ остались довольными его щедростію.

Въ этотъ промежутокъ времени всѣ невольницы, находившіяся въ магазинахъ верховнаго консула, были разобраны въ городскіе публичные дома по высокой цѣнѣ, а ихъ мѣста были заняты дѣвами, утратившими, по мнѣнію кафянъ, свою свѣжесть. Когда доложили о послѣднихъ Имперіале, онъ потребовалъ къ себѣ одного изъ преданныхъ ему татаръ, Ягью, и объявилъ, что намѣренъ отправить его въ Константинополь въ качествѣ самостоятельнаго купца для сбыта туркамъ имѣвшихся у него невольницъ.

Ягья, исполнявшій и раньше подобнаго рода порученія Джованъ-аги, и на этотъ разъ надѣялся на хорошее вознагражденіе, потому что турки, обладавшіе громаднымъ количествомъ золотыхъ и серебряныхъ вещей и сосудовъ, не щадили ихъ для удовлетворенія своихъ страстей.

На другой же день товаръ этотъ посаженъ былъ на корабль и, подъ названіемъ татарскаго, долженъ былъ направиться въ Византію. Кромѣ этого порученія, Ягьѣ

приказано было тайно передать нѣсколько писемъ въ Галату, къ генуэзскому консулу и нѣкоторымъ друзьямъ, съ тѣмъ, чтобы получить подробныя свѣдѣнія о количествѣ турецкаго флота, намѣреніяхъ турокъ, ихъ укрѣпленіяхъ на Босфорѣ, преположеніяхъ республики и т. п. Консула же онъ извѣщалъ для передачи въ метрополію, что, вступивъ въ управленіе крымскими колоніями, онъ употребитъ всѣ усилія создать сильную армію и флотъ, чтобы по первому заявленію изъ Генуи явиться на помощь къ эскадрѣ республики въ тотъ моментъ, когда она будетъ готова къ пораженію врага, разъединившаго ихъ силы. Въ заключеніе онъ просилъ, чтобы республика не высылала новыхъ консуловъ и тѣмъ не возбуждала преждевременно алчность турокъ къ Кафѣ до того времени, пока не будутъ сокрушены ихъ общими усиліями ненасытные варвары.

Для болѣе успѣшнаго исполненія порученія, капитанъ корабля и матросы были переодѣты въ татарскіе костюмы, а на судовомъ флагѣ нашита была луна — символъ ислама. Всѣмъ имъ приказано было говорить, что генуэзскія колоніи, съ тѣхъ поръ, какъ лишены сообщенія съ Константинополемъ и другими европейскими портами, находятся въ такомъ жалкомъ положеніи, что неминуемо погибнутъ съ голода и спѣшатъ распродать въ неволю не только работницъ, но даже женъ и дочерей.

Синьоръ Имперіале увѣренный въ преданности Ягьи къ генуэздамъ, отъ которыхъ онъ имѣлъ все необходимое для жизни, и зная притомъ его ненависть къ туркамъ, какъ-то особенно былъ радъ, когда корабль его выступилъ изъ бухты и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, полетѣлъ на всѣхъ парусахъ къ мѣсту назначенія.

„О санкта Марія, прошепталъ онъ, благослови меня на великіе подвиги!

Разставшись съ непріятными и маловыгодными дѣвушками, доставшимися конторѣ его за самыя ничтожныя суммы, верховному консулу приходилось сбыть поскорѣе громадные запасы итальянскихъ и германскихъ фабрикъ, на которые были большія требованія со стороны кипчакскихъ и крымскихъ татаръ, но которые онъ сберегалъ, чтобы, пользуясь удобнымъ временемъ, продать чуть ли

не на вѣсъ золота, такъ какъ этотъ драгоцѣнный металлъ находился въ большомъ изобиліи у монгольскихъ племенъ, опустошившихъ Персію, Индію и Китай. Имперіале предстояла необходимость освободить огромные магазины въ виду того, что скоро поджидались караваны изъ Китая и Персіи и, слѣдовательно, надо было воспользоваться прибывшими въ Кафу кипчакскими купцами, которые на этотъ разъ, при неудачѣ, могли сами проложить себѣ путь къ Константинополю.

По справкамъ оказалось, что требовались въ громадномъ количествѣ ткани и сукна самыхъ яркихъ цвѣтовъ, красные сафьяны, ожерелья, пояса и запястья. Привезены же были для сбыта шерсть, кожи, войлоки и конскій волосъ.

Верховный консулъ, сообразивъ, насколько можетъ быть рискована отправка произведеній этихъ купцовъ въ Европу, приказалъ прикащику устроить цѣнность своихъ товаровъ и на половину уменьшить привезенные для сбыта въ Кафѣ.

Иностранные купцы всполошились, но когда имъ объяснили что турки не позволяютъ ни провозить, ни ввозить никакихъ товаровъ чрезъ Константинопольскій проливъ, вынуждены были покориться печальной необходимости, которая представила синьору Имперіале милліоны піастровъ чистой пользы.

Такая значительная выгода чрезвычайно пріятно повліяла на консула, которому предстоялъ значительный расходъ, но въ то же время воспрещалось, по уставу, брать подарки даже отъ царей свыше того, сколько можетъ употребить умѣренно въ пищу и питье одинъ человѣкъ въ продолженіи сутокъ. Несоблюденіе послѣдняго требованія, конечно, не составляло большой вины для консуловъ, высылаемыхъ изъ Генуи, которые принимали на годъ эту обязанность съ цѣлью обогатиться, но для мѣстнаго негоціанта, слывущаго богачемъ, оно могло показаться позорнымъ.

Сознавая это, Джовани Имперіале заранѣе распорядился поручить городскимъ ключарямъ или хранителямъ казны и документовъ факторій, принимать всѣ подарки или поздравительныя приношенія въ пользу городской кассы,

которая и раньше, и въ настоящее время была пуста. А чтобы возбудить къ этому болѣе охоты и усердія, онъ приказалъ объявить по всѣмъ факторіямъ, что привѣтствія, которыя будутъ приносимы ему, по обычаю страны, въ видѣ вещественныхъ сюрпризовъ, исключительно имѣютъ быть употреблены на блага колоній, крайне нуждающихся въ деньгахъ для улучшенія своего положенія.

Не успѣлъ верховный консулъ сложить въ сундуки свои золотые слитки, полученные отъ кипчакскихъ купцовъ, какъ ему доложили о приходѣ въ бухту 5 кораблей его изъ Тамани, Себастополи, Дуная и Дона.

— Это значитъ еще получить два-три милліона піастровъ, промелькнуло въ мысляхъ Имперіале. На одномъ суднѣ изъ Тамани привезены были куньи и лисьи мѣха, невысокой доброты, но отлично продаваемые въ Крыму, марена, бумажныя ткани и шафранъ, считавшійся самымъ лучшимъ; на другомъ — масса серебряныхъ слитковъ, добытыхъ изъ рудъ въ кавказскихъ горахъ, и громадное количество воска, составлявшаго чрезвычайно важную статью тогдашней торговли, потому что въ церквахъ и монастыряхъ употреблялось его неимовѣрное число пудовъ.

На третьемъ, прибывшемъ изъ устьевъ Дуная, привезенъ былъ медъ, рыба и хлѣбное зерно. Надо знать, что въ части Булгарскаго государства, прилегавшей къ этой рѣкѣ, считавшейся издавна кормилицею Византіи, генуэзцы владѣли многими выгодными пунктами, изъ которыхъ Кострицъ и Килія считались лучшими. Банъ булгарскій, по договору, заключенному въ 1387 г., между прочимъ, обѣщалъ оказывать генуэзцамъ правосудіе и полную безопасность торговли какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Кромѣ этого, соглашался покровительствовать имъ въ случаѣ кораблекрушенія и допускалъ въ Варнѣ, или въ другомъ городѣ, консулу ихъ рѣшать всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, возникавшія между генуэзцами и булгарами. Консулъ долженъ былъ пользоваться своею властью во всей силѣ и банъ обязывался, при надобности, оказывать ему содѣйствіе. Если консулъ имѣлъ нужду въ особой аудіенціи, банъ не могъ отказывать ему въ этомъ и всѣ его требованія долженъ былъ

принимать съ благосклонностію. Въ случаѣ же разрыва, генуэзцы, жившіе въ Булгаріи, имѣли право требовать средства для выѣзда въ Кафу или Константинополь, и прямо говорилось въ трактатѣ о мѣсячной отстрочкѣ для перевозки легкихъ товаровъ, а полугодовая—для вывода кораблей.

На основаніи того же договора, генуэзцы могли получать изъ Булгаріи всякаго рода произведенія, исключая жизненныхъ припасовъ въ неурожайные годы; но и въ послѣднемъ случаѣ, если бы какому изъ иностранныхъ народовъ дано было особенное дозволеніе вывозить хлѣбные запасы, то генуэзцы также имѣли право пользоваться этою привилегіею и платить только два процента; золото, серебро, настоящій жемчугъ и драгоцѣнные камни были освобождены отъ пошлинъ. Генуэзская республика съ своей стороны обѣщала дружески принимать подданныхъ булгарскаго государя во всѣхъ земляхъ, подвластныхъ республикѣ, и оказывать имъ при всякомъ случаѣ немедленное правосудіе. За нарушеніе же условій договора виновная сторона обязана была уплатить 100 т. гиперперовъ съ тѣмъ, что имущество и товары гражданъ оставались залогомъ впредь до расплаты.

Этотъ третій корабль по пути слѣдованія заходилъ въ Аккерманъ, при устьѣ Днѣстра, гдѣ синьоръ Имперіале имѣлъ свою контору. Пунктъ этотъ былъ складочнымъ мѣстомъ богатой торговли Польши съ придунайскими провинціями и изобиловалъ рыбными промыслами. Онъ былъ найденъ и заселенъ нѣсколькими кафскими купцами, въ числѣ которыхъ былъ и Имперіале.

На послѣднихъ двухъ, прибывшихъ изъ Дона и Керченскаго пролива, слѣдовали произведенія Россіи и рыбные товары, а именно: строевой лѣсъ, пенька, мѣдь и великолѣпные мѣха, добытые отъ новгородскихъ и біармійскихъ *) купцовъ, которые въ обмѣнъ брали сукна, деревянное масло, пряные коренья и итальянскія и крымскія вина. Первыя изъ этихъ винъ извѣстны были подъ названіемъ анконскихъ и апулійскихъ, а послѣднія—

*) Такъ называли астраханскихъ торговцевъ.

сурожскихъ или судакскихъ, гдѣ генуэзцы развели, въ добавокъ къ существовавшимъ раньше, громадное число виноградниковъ. Изъ рыбныхъ товаровъ, набранныхъ изъ рыболовень при устьи Дона и Керченскаго пролива, въ особенности были хороши осетрина съ ея икрою и балыками, которые отлично продавались не только въ Россіи, но и въ Греціи и Италіи. Намъ очень хорошо извѣстно, что до занятія турками Константинополя изъ портовъ Чернаго моря такой былъ громадный ввозъ рыбы въ Византійскую имперію, что собиравшаяся съ нея пошлина составляла одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода.

Всѣ эти товары приходилось новому верховному консулу спровадить большинствомъ въ Константинополь и итальянскіе порты; но онъ не могъ на это рѣшиться до того времени, пока не возвратится преданный ему Ягья, который, въ качествѣ исповѣдующаго исламъ, могъ снискать себѣ дружбу и расположенность турецкихъ властей. Вслѣдствіе такихъ соображеній Имперіале приказалъ кораблямъ разгрузиться и, не теряя времени, слѣдовать къ солянымъ озерамъ, чтобы принять соль и отвезти ее для сдачи агентамъ своимъ въ прикубанскихъ и анатолійскихъ областяхъ. Покончивъ такимъ образомъ всѣ дѣла, не терпящія отлагательства, синьоръ Джовани началъ помышлять о томъ, чтобы придать болѣе торжественности дню вступленія своего на должность правителя генуэзскихъ колоній на берегахъ Понта Эвксинскаго.

IV.

Двадцатое сентября, день, давно ожидаемый кафскими жителями, наступилъ. Всѣмъ благоразумнымъ купцамъ казалось, что съ вступленіемъ на должность главнаго распорядителя, синьора Имперіале, предстоящая участь факторій на столько измѣнится, что Генуя найдетъ въ нихъ силу и средства для плодотворной войны съ турками и что дворянинъ этотъ, заинтересованный своими выгодами, съумѣетъ сблизиться съ татарскими ханами и сдѣлать ихъ своими союзниками и врагами тѣхъ, кто

задумаетъ нарушить ихъ покой. Теперь только они злились на мать-республику, которая изъ-за ничтожныхъ стремленій ежегодно навязывала имъ собственныхъ чиновниковъ, не имѣвшихъ понятія о мѣстныхъ нуждахъ и потребностяхъ, и которые ни о чемъ такъ не заботились, какъ о личномъ благосостояніи, но сознавши, что всѣ ея распоряженія болѣе приносятъ вреда, чѣмъ пользы, сдѣлала болѣе важную ошибку, передавъ Кафу въ вѣдѣніе банка св. Георгія, составлявшаго въ то время могущественную торговую общину, которая своими кораблями, крѣпостями, войскомъ и капиталами затмѣвала даже самую республику. Все, что предпринято было этою общиною для блага Кафы, заключалось въ массѣ наблюдательныхъ и распорядительныхъ чиновниковъ, состоящихъ въ распоряженіи такъ называемаго хазарскаго трибунала, въ коемъ сосредоточивалась высшая власть гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. По постановленію этого трибунала, всѣ служащіе въ колоніи, начиная отъ верховнаго консула и до послѣдняго писца, должны быть генуэзскими урожденцами. Это было непремѣннымъ условіемъ для лица, принимавшаго какую-либо общественную обязанность, даже въ то время, когда Кафа переполнена была десятками тысячъ армянъ, принявшихъ католическое вѣроисповѣданіе и слившихся почти въ одну семью съ генуэзцами. Насколько это оскорбляло послѣднихъ, имѣвшихъ здѣсь епископа и настолько же заинтересованныхъ судьбою города—можетъ быть понятно для каждаго. Такого рода презрѣніе или недовѣріе къ людямъ богатымъ и готовымъ жертвовать всѣмъ для общихъ благъ, безъ сомнѣнія, заставляли послѣднихъ оставаться равнодушными къ правительству, неумѣвшему оцѣнить ихъ дружбы и многихъ жертвъ при устройствѣ оборонительныхъ укрѣпленій.

Для поддержанія власти своихъ чиновниковъ республика давала только 30 человѣкъ стрѣльцовъ—объ остальномъ гарнизонѣ, въ какомъ бы числѣ ни являлась его потребность, Генуя не заботилась. При такой обстановкѣ понятно, что въ Кафѣ и другихъ колоніяхъ существовало двѣ противоположныхъ партіи, т. е. господствующихъ и зависимыхъ. Мы не имѣемъ никакихъ осно-

ваній допускать, что между ними происходили столкновенія, но также не можемъ указать на факты, свидѣтельствующіе о дружбѣ и единомысліи. Изъ того же обстоятельства, что армяне, не принявшіе католицизма, вынуждены были выселиться изъ города, мы болѣе вправѣ допустить, что партія господствующихъ враждебно относилась къ гражданамъ, не признававшимъ преимуществъ ихъ религіозныхъ воззрѣній.

Всего этого раньше не замѣчалось и, напротивъ, татары, изумленные великолѣпіемъ церквей, водопроводовъ, общественныхъ зданій и крѣпостей, вооруженныхъ всѣми способами, извѣстными въ то время образованному міру, не только удивлялись честности и правосудію кафскихъ колонистовъ, но какъ-то поневолѣ начали заискивать ихъ дружбу и совершенно довольствовались тою данью, которую они добровольно вносили въ пользу ханской казны. За нѣсколько десятковъ лѣтъ, или раньше поступленія крымскихъ колоній подъ деспотическую власть общины св. Георгія, татаре восторгались щедростію генуэзцевъ, отсутствіемъ въ нихъ религіознаго фанатизма и попытокъ къ пропагандѣ, равноправностью обитателей, гостепріимствомъ, помощію и покровительствомъ, оказываемымъ чужестранцамъ. Ихъ не менѣе удивляло, что эти пришельцы содержали на свой счетъ громадное заведеніе для образованія дѣтей всѣхъ народовъ и вообще ничего не жалѣли для общаго блага людей.

Такого рода поведеніе прославило генуэзцевъ до такой степени, что даже крымскіе ханы при семейныхъ распряхъ обращались къ нимъ, какъ къ безпристрастнымъ судьямъ, а народъ и вельможи не иначе избирали хановъ и сановниковъ царства, какъ по совмѣстномъ совѣщаніи съ ними. Не ограничиваясь этимъ, ханы довели дружбу до того, что изъявили согласіе на чеканку монеты съ изображеніемъ на одной сторонѣ княжескихъ правъ Кафы, а на оборотной—своихъ, и безпрепятственно дозволили имъ селиться, на правахъ хозяевъ, въ Керчи, Ени-кале, Балаклавѣ, Судакѣ, Таманскомъ полуостровѣ и другихъ мѣстностяхъ ханства.

Дружественныя отношенія эти постепенно начали

уменьшаться послѣ убійства Мамая, прибывшаго въ Кафу съ значительными богатствами, которыя были расхищены послѣ появленія католическихъ миссіонеровъ, домогавшихся обращенія всѣхъ въ католическую вѣру, и, наконецъ, тѣми надменными и дерзкими мѣрами, которыми начали тщеславиться генуэзцы послѣ обузданія турокъ, задумавшихъ разбойничать на Черномъ морѣ, послѣ захвата Синопа. Высокомѣріе ихъ не имѣло границъ, когда вдобавокъ имъ удалось, при помощи Готфрида Зоагліо, разбить и отогнать полчища Тамерлана, дерзнувшаго подступить къ стѣнамъ Кафы. Съ этого времени они перестали платить ханамъ дань и предоставили себѣ право не только отгонять коммерческія суда, прибывшія къ татарскимъ городамъ и селеніямъ, но даже дѣлать высадки и мстить татарамъ за торговыя сношенія съ другими націями. Все это съ каждымъ днемъ озлобляло владѣтелей Крыма и служило поводомъ къ битвамъ, закончившимся трактатомъ, по которому генуэзцы пріобрѣли право на всю юго-восточную приморскую полосу Тавриды, начиная отъ Керчи и до Херсонесскаго полуострова, свободу пасти свои стада на лугахъ, принадлежащихъ татарамъ, и безпрепятственно разъѣзжать и торговать во владѣніяхъ ихъ безъ всякихъ пошлинъ и налоговъ.

Успѣхи эти предвѣщали, что въ скоромъ будущемъ весь полуостровъ перейдетъ во власть отважныхъ колонистовъ; но, къ сожалѣнію, увлеченные своимъ положеніемъ, счастливые купцы предались нѣгѣ, разврату, взяточничеству, казнокрадству, грабежамъ и убійствамъ, и дошли до такого разложенія, что были разбиты Хаджи-гирей-ханомъ и вновь обложены данью, отъ которой не приходилось больше избавиться. Въ такомъ униженномъ состояніи они находились и при взятіи Константинополя турками, безцеремонно потребовавшими отъ галатскихъ собратій ихъ отдѣльной дани за свободное плаваніе на Черномъ морѣ. Въ такомъ, если даже не худшемъ, положеніи находились дѣла, когда новый верховный консулъ, синьоръ Имперіале, облачившись въ пурпуровую мантію вышелъ, чтобы сѣсть на велико-

лѣпныя носилки и слѣдовать въ сенатъ для принятія присяги.

Утро, какъ нарочно, было восхитительное. На базарной площади ни единой души. На рейдѣ красовались сотни кораблей и мелкихъ судовъ; на башняхъ, городской стѣнѣ и на кровляхъ домовъ выставлены были національные флаги, а улица, по которой приходилось слѣдовать верховному сановнику, была чисто подметена и установлена съ одной стороны гостями и жителями Кафы, а съ другой—городскою стражею и застрѣльщиками, во главѣ которыхъ стоялъ капитанъ милиціи и кастелянъ Антоніо Зоагліо, внукъ Готфрида, избавителя Кафы отъ алчности Тамерлана.

Лишь только показался Имперіале, тысячи голосовъ закричали: vivat, vivat nostro signiore! и раздались звуки военныхъ рожковъ. У дверей сената стояло два ассесора въ парадныхъ нарядахъ и два другихъ чиновника, избраннымъ совѣтомъ шести, для наблюденія за ними. На первой ступени лѣстницы стоялъ канцлеръ, избираемый также республикою изъ числа генуэзскихъ нотаріусовъ, въ присутствіи котораго писались всѣ акты и лично имъ прикладывалась консульская печать, возвращаемая сейчасъ же по принадлежности. Печать эта имѣла важное значеніе и на случай, если бы она не оказалась въ карманѣ верховнаго консула, то онъ подвергался, по уставу, штрафу въ 25 ливровъ. Всѣ эти лица привѣтствовали начальника низкими поклонами, и пропустивши его впередъ, послѣдовали за нимъ.

Въ сенатѣ всѣ чиновники находились при мѣстахъ. На отдѣльной скамьѣ, обложенной пурпуровымъ сукномъ, сидѣли епископъ и нѣсколько аббатовъ. Противъ нихъ—шесть членовъ малаго совѣта, избираемыхъ сенатомъ изъ генуэзскихъ гражданъ Кафы, а за этими послѣдними четыре деревенскихъ судьи, спеціально назначаемыхъ для разбора дѣлъ между татарами. На переднихъ скамьяхъ помѣщались иногородніе консула, татарскіе чиновники, гости, мелкіе чины и затѣмъ почетные купцы.

Всѣ поднялись при входѣ Джовани Имперіале, который быстрыми шагами выдвинулся впередъ и заявилъ,

что готовъ принять присягу. Епископъ и аббаты не заставили его дожидаться.

Послѣ торжественной клятвы чтить республику и всѣми силами служить ея знамени, Джовани Имперіале, при крикахъ публики, взошелъ на консульское кресло и принялъ отъ преемника золотую печать, а отъ казначеевъ—ключи отъ городской кассы.

Послѣдніе громогласно заявили, что со вчерашняго дня принесено народомъ и гостями въ пользу факторій до 200 т. піастровъ въ честь избранія новаго самостоятельнаго консула.

Выслушавъ это, Имперіале обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами.

— Достопочтенные сенаторы! услуга, оказанная вами нашимъ факторіямъ, въ то время, когда онѣ находятся въ центрѣ племенъ, враждебно смотрящихъ на нихъ, и въ то время, когда мать заботящаяся о нихъ, лишена возможности подать имъ руку помощи, настолько очевидна, что не требуетъ съ моей стороны разъясненія. Я долженъ вамъ сказать только то, что всѣ мои средства отнынѣ будутъ принадлежать благу факторій нашихъ. Этого мало, я буду дѣлать все то, что возможно будетъ для самозащиты имъ и содѣйствія Генуи. Вы же обязаны пробудиться отъ сна апатіи, вспомнить заслуги отцовъ и сдѣлаться снова воинами, патріотами и честными людьми, чтобы по прежнему пользоваться дружественными отношеніями крымскихъ хановъ и его подданныхъ. Я надѣюсь, что отнынѣ и до того времени, пока я буду консульствовать, наша шпага не обнажится противъ татарина, котораго мы обязаны любить за оказанное нашимъ прадѣдамъ гостепріимство. Всѣ наши ссоры съ этими людьми имѣли дурныя послѣдствія для насъ же самихъ. Въ будущемъ они могутъ быть пагубны, если мы возбудимъ ихъ снова. Сознавая это, я теперь же обращаюсь къ сидящему между вами представителю ханскаго величества и попрошу его вѣрить отнынѣ нашей дружбѣ и считать насъ друзьями его друзей и врагами его враговъ.

— Я охотно передамъ моему свѣтлѣйшему господину твои слова, отвѣчалъ Кутлу-бекъ, прибывшій нарочно

на торжество итальянцевъ изъ Эски-Крыма. Нашъ повелитель всегда считалъ дженевезовъ за хорошихъ и гостепріимныхъ людей и очень сердился, если происходили какія-нибудь недоразумѣнія между ними и татарами. По моему, вамъ не слѣдуетъ только забывать, что вы гости наши, обязанные вѣрно уплачивать дань и пошлину, не обижать хозяевъ, а затѣмъ да даруетъ вамъ Аллахъ милліоны лѣтъ благоденствія на нашей землѣ.

— Я увѣренъ въ искренности твоихъ словъ, достопочтенный Кутлу-бекъ, и постараюсь дѣлать угодное вашему правительству. Затѣмъ, синьоры, мнѣ приходится выразить вамъ всѣмъ благодарность за довѣріе и просить васъ всѣхъ къ себѣ на завтракъ.

Имперіале почтительно поклонился и, при радостныхъ крикахъ: vivat, vivat nostro signiore! сѣлъ на носилки и, сопровождаемый массою народа, вступилъ въ консульскій дворецъ, громадное зданіе, расположенное противъ главной пристани и городской площади *), гдѣ заранѣе все было приготовлено для пріема гостей. Лишь только консулъ сбросилъ съ себя мантію, къ нему подошелъ синьоръ Бальтазаро и заявилъ, что сформировавшійся отрядъ амазонокъ желаетъ привѣтствовать его *эчеленцо*.

Имперіале недовѣрчиво улыбнулся, но послѣдовалъ за сенаторомъ на террасу, у подножія которой, на великолѣпныхъ коняхъ, выстроены были полукружіемъ вооруженныя дѣвицы, во главѣ которыхъ гарцовала его прелестная племянница. Всѣ онѣ отдали начальнику своему подобающую честь и поздравили его съ новымъ войскомъ, поклявшемся служить и защищать свои владѣнія.

— Этимъ сюрпризомъ я, кажется, обязанъ тебѣ, сказалъ консулъ, обращаясь къ Бальтазаро; дай же Богъ, чтобы этимъ милымъ созданіямъ послѣдовали всѣ молодые люди нашихъ колоній; тогда у насъ образуется войско, предъ которымъ будутъ трепетать татаре и которое въ состояніи будетъ защитить насъ отъ внезапнаго нашествія кровожадныхъ турокъ.

*) Гдѣ нынѣ карантинная переговорная.

Консулъ, вспомнивъ, что Біанка умѣетъ хорошо владѣть лукомъ, и надѣясь, что она подготовитъ къ тому же всѣхъ своихъ подругъ, не замедлилъ пожаловать амазонокъ этимъ оружіемъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ въ торжественныхъ случаяхъ являлись украшеніемъ колоніальной власти.

Вслѣдъ затѣмъ начался въ дворцѣ пиръ, который въ различныхъ видахъ продолжался трое сутокъ, вслѣдствіе того, что безпрестанно прибывали изъ ханскихъ владѣній новые гости.

По окончаніи праздника, назначено было собраніе сенаторовъ для приступленія къ выборамъ чиновъ Кафы. Верховный консулъ заявилъ, что будутъ избираться достойные граждане на тѣ мѣста, которыя останутся вакантными послѣ предварительной забаллотировки служащихъ. Канцлеръ возсталъ было противъ этого, но Имперіале погрозилъ отказаться отъ службы, если малѣйшее требованіе его не будетъ удовлетворено.

— Я хочу служить, сказалъ онъ, съ тѣми, которые будутъ пользоваться довѣріемъ гражданъ, а не съ новыми лицами, которыя ради почестей всегда находятъ возможность проникнуть въ стѣны сената. Пусть же предварительно граждане удалятъ негодныхъ и потомъ замѣнятъ дурное хорошимъ. Не справедливо ли я сказалъ? спросилъ консулъ, обращаясь къ присутствующему въ сенатѣ татарскому кадію, который имѣлъ постоянное жительство въ Кафѣ со многими другими единоплеменниками и въ угоду которымъ факторія выстроила даже мечеть.

— Ты сказалъ мудрую правду, отвѣчалъ татарскій чиновникъ; а такъ какъ правдою надобно дорожить, то всѣ должны благодарить за нее своего начальника.

— Согласны ли вы со мною, граждане, спросилъ Имперіале, или найдется кто-нибудь между вами, который предложитъ намъ болѣе разумное слово?

— Согласны, согласны! отвѣчали граждане.

Это значило что гражданамъ представлялось въ первый разъ оцѣнить заслуги людей достойныхъ, въ которыхъ имѣлъ крайнюю надобность новый консулъ, тогда

какъ по уставу требовалось, чтобы всѣ 24 сенатора, избравъ на свои мѣста другихъ, удалились бы отъ службы.

Началась баллотировка и оказалось, что изъ всѣхъ только два гражданина не удостоили чести продолжать службы и именно Бальтазаро и Рѣтто, которые казались самыми усердными исполнителями своихъ обязанностей. Оскорбленіе этихъ людей такъ было велико, что они немедленно оставили залу сената. Затѣмъ предложено было приступить къ выбору 6 членовъ, составляющихъ малый совѣтъ. Имперіале предложилъ избрать 2 армянъ, 2 венеціанъ и 2 грековъ. Заявленіе это также принято было съ удовольствіемъ.

Относительно прочихъ служащихъ Имперіале не заявлялъ ничего, находя ихъ достойными продолжать обязанности, возложенныя банкомъ Св. Георгія.

Покончивъ съ городскими учрежденіями, верховный консулъ обратился къ кадію съ вопросомъ, не пожелаетъ ли его правительство новыхъ деревенскихъ судей, содѣйствующихъ ему при разбирательствѣ ссоръ и недоразумѣній между татарами окрестныхъ деревень?

— Вопросъ этотъ я просилъ бы оставить безъ обсужденія, отвѣчалъ кадій, впредь до пріѣзда къ намъ свѣтлѣйшаго хана, такъ какъ я лично не имѣю никакого неудовольствія противъ моихъ справедливыхъ помощниковъ.

Послѣ установленной присяги вновь призванныхъ къ служебной дѣятельности гражданъ Кафы, Джовани Имперіале предложилъ имъ приступить къ отправленію своихъ обязанностей, причемъ заявилъ, что онъ намѣренъ лично взглянуть на подчиненныя ему факторіи, чтобы составить себѣ понятіе о ихъ силѣ и средствахъ при настоящемъ незавидномъ состояніи матери-республики и нѣкогда блиставшаго могуществомъ банка св. Георгія принявшаго ихъ въ свое вѣдѣніе.

Было уже поздно, когда заботливый начальникъ генуэзскихъ колоній расположился ужинать. Біанка съ подругами лично прислуживала ему и поминутно заговаривала о своей лошади и надеждахъ составить въ скорости образцовый легіонъ дѣвушекъ, который, при надобности, окажетъ городу важныя услуги.

Консулъ мало обращалъ вниманія на ея дѣтскій лепетъ. Въ его головѣ витали другія идеи: онъ мечталъ превратить всѣхъ колонистовъ въ отважныхъ воиновъ, вооружить всѣ укрѣпленія такими орудіями, которыя не допустили бы турокъ къ факторіямъ, заручиться регулярными войсками изъ единовѣрныхъ государствъ и заставить султана признать Кафу вассальнымъ княжествомъ, съ тѣмъ чтобы онъ самостоятельно властвовалъ бы въ ней. Но какъ достигнуть послѣдняго? Только благополучное возвращеніе изъ Константинополя вѣрнаго Ягьи можетъ указать ему настоящее положеніе турокъ въ несчастной столицѣ Византійской имперіи, ихъ силы и отношеніе къ Генуѣ. Тогда только, обсудивъ всѣ шансы, онъ, при надобности, заручиться ханомъ и всѣми сановниками царства, не пожалѣетъ половины состоянія и восторжествуетъ, но, конечно, въ то только время, если республика и господствующій банкъ признаютъ себя несостоятельными для борьбы.

— Развѣ я не могу, думалъ онъ, въ то время когда будетъ все готово къ моему величію отказаться отъ верховнаго начальника и потомъ явиться въ качествѣ самостоятельнаго покупщика всей мѣстности? Кто осмѣлится поставить мнѣ это въ вину, когда султанъ будетъ на моей сторонѣ?

Съ подобными идеями онъ направился первоначально въ Керчію и Тамань, гдѣ выяснилъ предъ соотечественниками своими безвыходное положеніе генуэзцевъ и требовалъ отъ нихъ безотлагательно подготовиться прибыть въ Кафу, на случай, еслибъ въ этомъ представилась необходимость.

— Васъ немного, говорилъ верховный консулъ, но я никогда не забываю, что побѣдитель послѣ генеральнаго сраженія бываетъ такъ ослабленъ, что даже немногіе могутъ разбить его. Помните же, друзья, что мы тогда только отстоимъ свою свободу, когда сплотимся въ одну душу.

Граждане приняли слова его съ искреннимъ сочувствіемъ и обѣщали немедленно подготовиться къ самозащитѣ. Обезпечивъ себя съ этой стороны, Имперіале направился въ Сугдаію, которая сама по себѣ не пред-

ставляла особенныхъ выгодъ, но имѣла громадное значеніе по недоступности замка.

Этотъ нѣкогда славный городъ, со времени перехода къ генуэзцамъ хотя и населился многими греческими семействами, ожидавшими прямаго сообщенія съ цивилизованными странами, но такъ какъ ожиданія эти не сбылись, то находился въ незавидномъ положеніи. Имперіале, окинувъ взглядомъ его неприступную цитадель и хорошо ремонтированныя древнія греческія крѣпости, съ особеннымъ вниманіемъ осмотрѣлъ величественный замокъ греческихъ князей, какъ самый надежный пунктъ укрывательства, въ случаѣ безвыходнаго положенія кафскихъ гражданъ, и нашелъ, что онъ со стороны залива ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть доступенъ для турокъ, такъ какъ является отвѣсною скалою надъ берегомъ моря. Со стороны же равнины хотя и идетъ отлого до половины горы, но стѣны защищены десятью огромными башнями въ видѣ неправильной дуги, а входъ защищался высокою четвероугольною башнею и другими укрѣпленіями. Главнѣйшій замокъ состоялъ изъ трехъ этажей, въ которомъ помѣщались три церкви, дома, кладовыя и водохранилища.

Всѣ эти постройки, тщательно оправленныя въ предпослѣдніе годы консулами, содержались въ такомъ порядкѣ, что верховному консулу не приходилось сказать ничего, какъ только приказать добавить нѣсколько десятковъ орудій на выступы со стороны материка и послать нарочныхъ для приглашенія къ нему на совѣщаніе всѣхъ представителей округа и старшинъ греческой половины Готіи, уступленной власти генуэзцевъ татарскимъ ханомъ по трактату 1383 года. Послѣднихъ Имперіале приглашалъ наудачу, потому что ханъ никогда не владѣлъ ими и не имѣлъ права передавать другимъ; консулъ на этотъ разъ не мечталъ о господствѣ, но доискивался единомыслія и дружбы противъ общаго врага, готоваго уничтожить всѣхъ безъ различія христіанъ. На призывъ его всѣ явились и съ особеннымъ удовольствіемъ выслушали приглашеніе быть готовыми ежеминутно защищать родную землю и семью.

— Я не требую отъ васъ признавать генуэзцевъ сво-

ими господами, говорилъ верховный консулъ, обращаясь къ потомкамъ древнихъ тавровъ. У насъ и не было никогда въ мысляхъ подобнаго тщеславія,—мы желали только соединиться съ вами въ единую силу противъ массы мусульманъ, ненавидящихъ васъ и насъ. Если вы поняли теперь точный смыслъ трактата, дѣлавшаго васъ независимыми отъ общаго врага, то, надѣюсь, что ради собственнаго блага будете нашими вѣрными союзниками. Васъ много, но вы бѣдны; насъ меньше, но мы богаты. Когда же мы отдадимъ вамъ свое, а вы намъ свое, тогда у насъ достаточно будетъ средствъ защититься противъ алчныхъ турокъ, безъ сомнѣнія, мечтающихъ явиться къ намъ въ гости, чтобы поступить съ нашимъ имуществомъ и семьями такъ же, какъ поступили съ христіанами Византійской имперіи. Пообѣщайте только мнѣ, что вы на первый призывъ Кафы явитесь на помощь и, въ свою очередь, потребуете отъ насъ вспомоществованія, когда окажется надобность.

Старшины обѣщали передать предложенія консула народу и не замедлить отвѣтомъ. Имперіале, приказавъ угостить ихъ на свой счетъ, подарилъ имъ по одному карабину съ надлежащими снарядами.

Затѣмъ онъ обратился къ мѣстному консулу, который, не получая давно уже слѣдуемаго ему жалованья отъ республики, почти не исполнялъ своей обязанности,—и сказалъ:

— Синьоръ, я вамъ заплачу изъ своей кассы долгъ банка нашего, съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы вы буквально исполнили мои приказанія. Потрудитесь же немедленно возстановить въ городѣ существовавшій порядокъ и вызвать ко мнѣ во первыхъ всѣхъ чиновниковъ колоніи съ оруженосцами и затѣмъ всѣхъ почетныхъ гражданъ.

Чиновниковъ оказалось немного на своихъ мѣстахъ, а военная стража состояла изъ одного музыканта, сторожа крѣпости, съ турецкимъ барабаномъ, двухъ трубачей, 8 верховыхъ и нѣсколькихъ наемныхъ инвалидовъ, давно уже прибывшихъ изъ Генуи.

Указывая гражданамъ Сугдаи на этотъ ничтожный отрядъ защитниковъ факторіи, Имперіале, изложивъ предъ ними

ужасы предстоящей борьбы съ турками, настаивалъ, чтобы попечительный совѣтъ немедленно вызвалъ къ воинскимъ упражненіямъ всѣхъ безъ исключенія жителей, способныхъ носить оружіе.

— Мы такъ обѣднѣли, отвѣчали граждане, съ того времени когда республика запретила приступать къ нашему городу коммерческимъ судамъ, что не иначе можемъ добывать себѣ насущное пропитаніе, какъ садоводствомъ и хлѣбопашествомъ; а при такихъ условіяхъ едвали возможно будетъ отнять наши силы отъ земледѣльческихъ занятій безъ прискорбныхъ послѣдствій.

— Чѣмъ же я могу помочь вашей бѣдѣ? спросилъ консулъ.

— Предоставить намъ полную свободу въ торговлѣ.

Имперіале задумался, но такъ какъ опасность была очень велика, онъ рѣшился дѣйствовать даже во вредъ собственнымъ интересамъ. Этой свободы давно ожидалъ Судакъ, чтобы населиться и достигнуть первобытнаго цвѣтущаго состоянія своего, — слѣдовательно, приходилось безотлагательно удовлетворить требованію старѣйшинъ колоніи, важной по сосѣдству къ Кафѣ и обладавшей притомъ отличнымъ замкомъ, гдѣ могли защищаться нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Изъ Сугдаи Джовани Имперіале рѣшился ѣхать верхомъ вдоль готѳійскаго берега въ Чимбалу и по дорогѣ заѣхать къ владѣтельному князю г. Ѳеодоро и приморской страны, чтобы расположить и его къ союзу. Къ обширной свитѣ его примкнули старшины тавровъ и многіе изъ молодыхъ людей колоніи, находившихъ верховнаго консула вполнѣ достойнымъ представителемъ власти дожа.

13-го октября раннимъ утромъ сотня всадниковъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, въ праздничныхъ и парадныхъ костюмахъ, выѣхали изъ Сугдаіи. День былъ восхитительный. Дорога, вьющаяся промежъ тѣнистыхъ деревъ и виноградниковъ, численность которыхъ нельзя было окинуть взглядомъ, безпрестанные источники прозрачныхъ водъ, хоры птичекъ и пѣсни женщинъ, приступившихъ уже къ сбору винограда, глубоко потрясали душу Имперіале, вспомнившаго свою милую родину, ко-

торую онъ долженъ былъ бросить съ дѣтскаго почти возраста, чтобы пріобрѣсти состояніе, открывающее двери къ счастію, довольству и почестямъ. Всего этого онъ теперь, повидимому, достигъ и, казалось бы, слѣдовало возвратиться къ родному гнѣзду. Но лишь только врывалась эта успокоительная мысль въ его голову, предъ нимъ являлись въ безутѣшномъ видѣ его громадныя постройки, магазины съ массою преданныхъ слугъ, корабли, нагруженные роскошными произведеніями отдаленныхъ странъ, которые онъ такъ недавно еще посѣщалъ, его сундуки, засыпаемые еженедѣльно золотомъ и серебромъ, и наконецъ, выборъ изъ невольницъ всего почти міра. Всего этого не могла ему представить Генуя—и онъ отлагалъ возвращеніе въ страну отцовъ до того, по крайней мѣрѣ, времени, пока охладѣетъ душа къ этимъ благамъ міра.

Великаго консула, какъ подобало, всѣ почти жители присоединенныхъ къ Сугдаіѣ деревень, встрѣчали съ плодами и доброжелательствами. Но когда онъ переѣхалъ границу своихъ владѣній, то вооруженные греки южнаго берега не иначе пропустили его слѣдовать дальше, какъ подъ отвѣтственностію своего старшины. Запоздалымъ путникамъ приходилось ѣхать по опаснымъ тропинкамъ и расположиться на ночлегъ въ небольшомъ городѣ Кансихорѣ, снабжавшемъ Кафу прелестными фруктами.

У синьора Джіовани Имперіале здѣсь былъ постоянный поставщикъ грецкихъ орѣховъ и вина, Стефаній Политисъ, который пересилился сюда изъ Константинополя съ того времени, какъ тамъ начали распоряжаться иностранные купцы. Старикъ этотъ отвелъ дорогому гостю лучшую комнату въ помѣщеніи своемъ, угостилъ всѣмъ, что имѣлъ, и въ заключеніе началъ разспрашивать, что дѣлается въ настоящее время въ его отечественномъ градѣ? въ какомъ положеніи находятся генуэзцы въ Галатѣ, послѣ безсовѣстнаго обмана ихъ, и гдѣ дѣвались многіе изъ членовъ византійскаго престола?

— На всѣ твои вопросы, дорогой мой Стефаніо, я могу отвѣтить тебѣ немногими чрезвычайно печальными извѣстіями. Турки, повидимому, не желаютъ сблизиться

съ христіанами. Мои несчастные галатскіе соотечественники, послѣ тысячи жестокостей и всевозможныхъ притѣсненій, перенесенныхъ безропотно отъ этихъ варваровъ, въ концѣ концовъ излили свое мученическое положеніе предъ республикою, но она, какъ бы въ сознаніи своего безсилія, торжественно отреклась отъ всѣхъ своихъ факторій и передала нашу общую участь въ руки банка св. Георгія, который, сосредоточивъ въ себѣ капиталы богачей и состояніе бѣдняковъ, пользовался въ это время громадными выгодами отъ торговыхъ оборотовъ. Въ такомъ безвыходномъ положеніи не оставалось другаго исхода, какъ вторично просить султана Магомета о возобновленіи стѣнъ Галаты. На просьбу эту жестокій властитель отвѣчалъ, что онъ не бралъ Галату ни силою, ни измѣной, а что ему добровольно были поднесены ключи и, слѣдовательно, доискиваться возобновленія прежнихъ правъ теперь не приходится. Тогда собратья мои вступили въ союзъ съ папою Калистомъ III, собиравшимъ въ крестовый походъ противъ турокъ всѣхъ христіанскихъ государей, и впустили въ свои архипелажскія колоніи флотъ союзниковъ, а ожившаяся республика потребовала у константинопольскаго дивана отчета въ поведеніи чиновниковъ его, дозволявшихъ обиды жителямъ Галаты и требовала не только удовлетворенія, но и вознагражденія за убытки. Султанъ не обратилъ на это никакого вниманія и, конечно, ему предъявлена была война при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ у варваровъ не существовало флота. Геллеспонтъ не былъ укрѣпленъ, а Босфоръ защищался нѣсколькими полуразрушенными замками, которые не въ состояніи были противиться огню цѣлаго флота. Когда дошли до насъ эти слухи, мы до такой степени обрадовались, что подготовили всѣ наши суда, чтобы выслать ихъ Константинополю по первому требованію изъ Генуи; между тѣмъ вскорѣ получили извѣстіе, что въ республикѣ царствуютъ горестные безпорядки изъ-за власти фамиліи Адорни противъ Фрегози и что султанъ, пользуясь этимъ, успѣлъ уже соорудить флотилію въ 150 судовъ и завладѣть Амассерою, Синопомъ, Самсуномъ и Трапезондомъ. Послѣ этихъ пе-

чальныхъ событій мы поникли головою и съ того времени со страхомъ смотримъ на горизонтъ моря. Положеніе наше невыносимое и я рѣшился прибѣгнуть къ жителямъ прибрежной полосы и доминусу Теодоро, чтобы общими силами отвратить предстоящую участь христіанамъ въ Крыму.

— Если Византійская имперія погибла отъ руки этихъ демоновъ, то врядъ ли намъ удастся избѣгнуть ихъ господства, возразилъ съ тяжелымъ вздохомъ Стефаній. Но ты мнѣ не сказалъ ни слова о членахъ царствующей фамиліи и современномъ положеніи грековъ.

— Я слышалъ, что первые всѣ безъ исключенія находятся въ темницѣ, а жены и дѣти въ гаремахъ; а относительно послѣднихъ ничего не знаю, но скоро надѣюсь имѣть самыя достовѣрныя свѣденія чрезъ нарочно посланнаго татарина. Если тебѣ интересно узнать ихъ, пріѣзжай ко мнѣ чрезъ двѣ, три недѣли.

V.

Южный берегъ Тавриды начинается Капсихоромъ. Мѣстность эта сохраняетъ до настоящаго времени свое древнее названіе „жаркаго“ или „теплаго города“, безъ сомнѣнія, присвоеннаго ей по климатическимъ условіямъ; но нынѣ это—татарская деревня, въ которой проживаютъ потомки древнихъ грековъ, принявшіе ученіе Магомета изъ-за того только, чтобы сохранить семью и имущество отъ турокъ и татаръ, не щадившихъ иновѣрцевъ. Люди эти, не имѣвшіе съ того времени сношеній почти ни съ кѣмъ, удивительно сохранили всѣ наслѣдственныя занятія, привычки и отношенія между собою. Проще, для любителей этнографіи ихъ нравы и образъ жизни могутъ служить вѣрнымъ отпечаткамъ прототипа. Судя по теперешнимъ ихъ взглядамъ на самостоятельность и крайнюю преданность къ мѣсту рожденія, мы имѣемъ возможность сдѣлать предположеніе, какъ былъ принятъ синьоръ Имперіале, явившійся между ними въ качествѣ защитника противъ общаго врага.

Капсихорцы, которые до настоящаго времени съ не-

годованіемъ смотрѣли на алчныхъ генуэзцевъ, домогавшихся господства надъ ними, нынѣ довѣрчиво выслушали кафскаго консула и обѣщали явиться на призывъ его при появленіи турокъ, чтобы не допустить ихъ внѣдриться въ Крыму. Покончивъ переговоры съ ними, Имперіале направился на Алустонъ, къ которому вела узкая тропинка по отклонамъ горъ, усѣченнымъ волнами Чернаго моря. Чудная картина мѣстности, населенной народомъ не предпріимчивымъ и не имѣвшимъ понятія о роскоши, торговлѣ и другихъ благахъ міра, какъ-то грустно повліяла на него. Какое благо быть повелителемъ такого народа, мелькнуло у него въ мысляхъ! Всѣ эти прелестныя мѣста по одному слову могли бы застроиться великолѣпными домами и производить тысячи разнообразныхъ произведеній, за которыми стремится въ отдаленныя страны сѣверная Европа... И всего этого не можетъ постигнуть цѣлая масса людей! Несчастный Крымъ, чѣмъ ты провинился предъ небомъ, что тебя до настоящаго времени населяютъ невѣжественные народы съ такими же грубыми властителями? Твоя будущность не менѣе печальна, но быть не можетъ, чтобы гнѣвъ небесъ долго продолжался. Я чувствую, что настанетъ и для тебя, красавица, радостный день, когда тысячи людей станутъ поклоняться и возносить твои прелести!

Имперіале продолжалъ мечтать, упиваясь тихимъ плескомъ моря окаймленнаго лѣсами терпентиннаго и можжевеловаго дерева, усѣяннаго ползучими кустиками каперсовъ. Вдругъ предъ нимъ выросла, какъ бы изъ пучины моря, гигантская крѣпость—точно стражъ, наблюдающій за мельчайшими явленіями на неизмѣримомъ кругозорѣ. Консулъ остановился предъ высокою башнею, на вершинѣ которой сидѣлъ старый грекъ, вперившій глаза въ морскую даль, и громко спросилъ, кого онъ съ такимъ вниманіемъ поджидаетъ.

— Враговъ, любившихъ нападать врасплохъ, отвѣчалъ онъ.

— Это удобно только днемъ, но какъ ты откроешь ихъ ночью?

— Хорошій рыбакъ видитъ рыбу и подъ водою, а мы привыкли съ дѣтства къ этому ремеслу.

Башню эту, судя по преданію, переданному тутъ же консулу, построилъ какой-то греческій императоръ, пожелавшій обезопасить жителей отъ хищничества кавказскихъ племенъ, нерѣдко подплывавшихъ къ этимъ берегамъ, съ цѣлью добывать рабынь для перепродажи. Въ такихъ случаяхъ туземцы укрывали въ нее женъ и дѣтей, вооружали каменьями, которые легко скатывались съ вершины на дерзавшихъ подступить къ ней, а сами устраивали засаду гдѣ нибудь по сосѣдству, чтобы въ крайности явиться на помощь.

— Отсюда отлично будетъ замѣтить турецкую флотилью, подумалъ Имперіале, и извѣстить насъ для принятія мѣръ. Надо будетъ нанять нарочнаго.

Нѣсколько минутъ спустя верховный консулъ былъ приглашенъ заѣхать въ Искутъ, огромное селеніе, изобиловавшее и тогда виноградными и фруктовыми садами. Не смотря на то, что жители его никогда не желали вести дружественныхъ сношеній съ Кафою и всячески старались сбывать произведенія свои помимо этой факторіи, Имперіале охотно принялъ приглашеніе и на первыхъ порахъ порѣшилъ оказать всевозможныя снисхожденія для сближенія съ ними. Искутцы потребовали свободное и безпошлинное плаваніе по всѣмъ портамъ Чернаго моря на своихъ большихъ лодкахъ, которыя послѣ навигаціи вытаскивались на берегъ. Консулъ предоставилъ имъ это право, но съ тѣмъ, что на случай нашествія на Кафу или на нихъ турокъ, обѣ стороны обязаны были содѣйствовать другъ другу.

Въ дальнѣйшемъ слѣдованіи предъ Имперіале открывались не менѣе роскошныя долины съ красивыми церквами и массами народонаселенія бодраго и сильнаго; но, къ сожалѣнію, большая часть горныхъ отклоновъ противъ моря, удобныхъ для разведенія виноградниковъ, были пусты. Въ заключеніе предъ очарованнымъ консуломъ показалась великолѣпная долина Алустона, увѣнчанная роскошнымъ замкомъ.

— Какое восхитительное мѣсто! подумалъ онъ. Чего бы здѣсь ни сдѣлали мои соотечественники, еслибъ этотъ

край принадлежалъ имъ!... Отчего здѣсь нѣтъ этихъ несчастныхъ тружениковъ? О, еслибъ Богу угодно было сдѣлать меня независимымъ владѣльцемъ этой страны, я съумѣлъ бы сдѣлать ее недоступною для армій цѣлаго міра. Но отчего эти византійскіе императоры не позаботились сдѣлать въ ней свой акрополь, чтобы въ крайности найти и помощь, и убѣжище. Несчастные, они считали себя непобѣдимыми въ Европѣ, въ предположеніи, что собственность націи не можетъ быть достояніемъ иновѣрца. Какая горькая ошибка и какое несчастіе для коммерческихъ людей! Чего бы я не далъ, чтобы создать средства для изгнанія этихъ варваровъ съ дороги нашей! А ты, наша могущественная Генуя, въ то время, когда Византія и мы тщетно обращаемъ свои взоры къ тебѣ, ты забавляешься до настоящаго времени раздорами властолюбивыхъ людей и забываешь десятки тысячъ лучшихъ сыновъ своихъ, хлопотавшихъ всю жизнь свою вдали отъ отечества, ради національной славы.

Въ то время, когда верховный консулъ погруженъ былъ въ эти размышленія, къ нему выѣхалъ на встрѣчу мѣстный топорхъ съ привѣтствіемъ и просьбою посѣтить ихъ городокъ, давно желающій выяснить нѣкоторыя недоразумѣнія относительно сношеній съ Кафою.

Имперіале, жаждавшій оказать всевозможныя одолженія всѣмъ сосѣдственнымъ христіанамъ, конечно, не безъ цѣли благъ для факторіи, охотно послѣдовалъ за мѣстнымъ начальникомъ и согласился быть его гостемъ до слѣдующаго дня.

Лишь только сдѣлалось извѣстнымъ въ Алустонѣ о прибытіи главнаго кафскаго воеводы, къ дому топорха собрались всѣ старѣйшины, а съ ними вмѣстѣ, митрополитъ, желавшіе узнать что нибудь вѣрное о слухахъ, дошедшихъ до нихъ относительно взятія турками Константинополя. Имперіале, владѣвшій греческимъ языкомъ также, какъ и своимъ собственнымъ, передалъ имъ во всей подробности несчастное событіе и увѣрялъ, что турки непремѣнно распространятъ власть свою на Крымъ, если жители его не соединятся и общими силами не защитятъ родной земли.

Всѣ поклялись умереть за права свои и явиться, при надобности, для помощи къ стѣнамъ Кафы.

— Да, горькая будущность предстоитъ христіанамъ за ихъ грѣхи, сказалъ митрополитъ, когда они остались только вдвоемъ съ консуломъ на плоской кровлѣ зданія топорха; я охотнѣе согласился бы окаменѣть, подобно нашимъ предкамъ на этой горѣ *), чѣмъ быть рабомъ и посмѣшищемъ въ рукахъ варваровъ.

При этихъ словахъ, Имперіале, какъ-то невольно направилъ глаза на возвышенность, куда показалъ престарѣлый архипастырь, и предъ нимъ показалась группа окаменѣлыхъ людей въ разнообразныхъ позахъ. Точно шла процессія съ крестами и знаменами впереди и какъ бы по единому всесильному слову превратилась въ известковыя груды.

— Это что за чудо? спросилъ онъ невольно, не отводя глазъ своихъ отъ прекрасной Демерджинской скалы.

— Чудо великое, но забытое развращеннымъ поколѣніемъ, отвѣчалъ митрополитъ. Я много дней молился, пока Господь удостоилъ меня познать въ сновидѣніи настоящую причину гибели такой массы людей. Вся суть состоитъ въ томъ, что въ давно-минувшее время жители этихъ мѣстъ, погруженные во всѣ виды порока и переставшіе признавать надъ собою Творца вселенной, задумали растерзать какого-то святаго человѣка, поселившагося на вершинѣ этой горы и употреблявшаго всѣ усилія обратить ихъ на путь истины. И вотъ, вооружившись чѣмъ кто могъ, они, подъ предлогомъ прогулки, направились по берегу морскому, чтобы обойти гору съ восточной стороны и внезапно накинуться на убогій пріютъ посланника небесъ. Взгляните сами, съ какою ненавистью они бросились съ высоты, точно каскадъ воды, рванувшійся внезапно. Присмотритесь хорошенько: нѣкоторые бѣжали съ поднятыми кулаками, другіе обнявшись, третьи, дѣлали гигантскіе шаги, — но всѣ, прежде чѣмъ имъ удалось подступить къ дверямъ праведника, превратились въ каменные столбы.

---

*) Греки и теперь вѣрятъ, что предки ихъ окаменѣли противъ Алушты, на Демерджинской скалѣ.

Имперіале началъ всматриваться и дѣйствительно глазамъ его представилось, что съ сѣверо-западнаго прорѣза горы рванулся потокъ людей, который, пробѣжавъ довольно значительное пространство, какою-то неестественною силою остановленъ былъ навсегда и, какъ бы въ назиданіе потомству, превращенъ въ известковыя колонны, сохранившія подобіе человѣческихъ фигуръ *). Набожный консулъ осѣнилъ себя знаменіемъ креста и невольно вспомнилъ о Кафѣ, гдѣ въ послѣдніе годы развратъ вытѣснилъ религію и гдѣ церковные представители предпочли свѣтскія дѣла, интриги и удовольствія всѣмъ священнымъ обязанностямъ.

— Мы не погибнемъ подобною смертью, мелькнуло въ его головѣ, но смертью болѣе мучительною, если Божество рѣшится наказать насъ.

На другой день, послѣ подробнаго осмотра городскаго замка, оказавшагося неудобнымъ для вооруженія пушками, Имперіале, въ сопровожденіи митрополита, продолжалъ слѣдованіе свое по направленію къ Чимбало, теперешней Балаклавѣ. Архипастырь одѣтъ былъ въ простую рясу и ѣхалъ на маленькой горской лошади, служившей ему въ теченіи многихъ лѣтъ для разъѣздовъ по селеніямъ метрополіи. Онъ составлялъ разительную противоположность въ сравненіи съ роскошно одѣтымъ консуломъ, ѣдущимъ на великолѣпно убранномъ конѣ.

Пѣшеходы и верховые, встрѣчавшіеся съ ними, кромѣ обыкновеннаго привѣтствія, не оказывали никакихъ почестей даже главѣ церкви, тогда какъ католическіе епископы требовали таковую даже отъ генуэзскихъ дожей. Патріархальность эта очень понравилась человѣку, преданному коммерческимъ дѣламъ и сознавшему, что дружба больше вліяетъ, чѣмъ незаслуженныя права.

Добрый и услужливый духовникъ просилъ гостя оказать честь—посѣтить ввѣренныя его попеченію монастыри на Костель горѣ.

— Это мѣсто должно напоминать генуэзцамъ лучшія времена изъ жизни въ Крыму, прибавилъ онъ.

Имперіале поблѣднѣлъ, вспомнилъ, что предшествен-

---

*) Эта игра природы явственна и теперь.

ники его употребили самыя непростительныя мѣры, чтобы завоевать всю прибрежную полосу отъ Ѳеодосіи до Чимбало, какъ уничтожали въ завоеванныхъ мѣстахъ всѣ памятники, намекавшіе о принадлежности ихъ грекамъ, и взаключеніе заставили крымскаго хана вписать въ трактатъ 1383 года согласіе свое на уступку всей Готѳіи, которая никогда не принадлежала татарамъ и не сдѣлалась бы зависимою отъ чужестранцевъ, поселившихся на ихъ собственной землѣ.

— Край этотъ тогда только будетъ нашимъ, думалъ онъ, когда мы населимъ его своими и завладѣемъ мѣстною производительностью. Здѣсь ничего не подѣлаешь оружіемъ, такъ какъ страну оберегаютъ не власти, а частные собственники, которые ни за что не отдадутъ ее даже несокрушимому побѣдителю.

Тяжкій вздохъ, вылетѣвшій изъ устъ митрополита, прервалъ размышленія консула.

— О чемъ это вы такъ тяжело вздыхаете, святѣйшій отецъ? спросилъ онъ заботливо.

Митрополитъ молча указалъ ему на впереди лежавшую гору, сплошь покрытую развалинами крѣпостей, предохранительныхъ стѣнъ и домовъ.

— Все превратилось въ безобразную груду, сказалъ онъ, и отъ руки братьевъ нашихъ по Христу.

— Да, я сознаю, что соотечественники мои сдѣлали ужасную несправедливость.

— Ни одинъ варваръ не думалъ доводить цѣлый городъ до такихъ послѣдствій. Подъ развалинами этими вопіетъ кровь грудныхъ дѣтей и не можетъ быть, чтобы такой поступокъ остался безъ возмездія. Ахъ, синьоръ. я быть, можетъ, не доживу до того времени, когда наступитъ этотъ грозный часъ суда, но вы еще молоды и неповинны въ этомъ преступленіи; послушайте меня: бросьте Кафу на ея неизбѣжную участь и бѣгите изъ нея, потому что около сухихъ дровъ сгораютъ и свѣжія.

— Святѣйшій отецъ, вы предаете анаѳемѣ согражданъ моихъ и забываете, что я ихъ защитникъ.

— Уста мои никогда не произносили проклятія, но я предвижу будущность Кафы: она погибнетъ такою же смертію, какъ погибъ этотъ славный городокъ. Вспом-

ните слова Спасителя, когда апостолъ Петръ хотѣлъ защитить его отъ архіерейской стражи, обнаживъ саблю.

Императоре хранилъ молчаніе.

Въ это время они повернули лошадей къ морю и начали спускаться по зеленому отлогу, изрѣдка покрытому великолѣпными дубами и орѣховыми деревьями.

— Какая восхитительная мѣстность! невольно вскрикнулъ итальянскій консулъ.

— Я всегда сравнивалъ этотъ уголокъ, отвѣчалъ митрополитъ, съ частицею земнаго рая и мечталъ провести здѣсь остатокъ моей жизни, но Господу угодно было иначе.

— Homo proponit, deus disponit! отвѣчалъ генуэзецъ, поднявъ глаза на краснѣющіе бока Кастель-горы. Ему показалось, что оттуда просачивалась человѣческая кровь.

— Какъ живописно окрашивается эта скала солнечными лучами, сказалъ онъ, обращаясь къ одному изъ ѣхавшихъ около него.

— Явленіе это начало замѣчаться, прибавилъ митрополитъ, послѣ истребленія воинами вашими всѣхъ обитателей этой мѣстности. Говорятъ, что это окаменѣвшая кровь.

— Святѣйшій отецъ при всякомъ удобномъ случаѣ старается напомнить мнѣ про прошлую непріязнь двухъ націй, сказалъ Императоре съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Синьоръ, вы не совсѣмъ хорошо понимаете меня. Я скорблю не только о тѣхъ, кого давно уже нѣтъ между нами, но и о томъ, что, сокрушивъ наше господство въ Сугдаіѣ, которая служитъ для васъ бременемъ, вы сами лишили себя союзника, готоваго защитить васъ ради собственнаго благосостоянія. Вы могли бы создать изъ насъ громадную непобѣдимую армію, которая охраняла бы васъ и затѣмъ мы слились бы въ единое тѣло, Какая блистательная будущность представилась бы тогда и вамъ, и всей странѣ! Мы могли бы общими силами изгнать монголовъ, сдѣлавшихся хозяевами въ Крыму, вызвать христіанъ изъ метрополій нашихъ и создать сильное государство противъ варварскихъ народовъ.

— Правда, правда, отецъ мой, отвѣчалъ Имперіале,— жестокое ослѣпленіе.

— А вы что сдѣлали?—продолжалъ митрополитъ,— вмѣсто того, чтобы подрывать власть татаръ и сближаться съ подобными себѣ христіанами, которые не довѣряли и не довѣряютъ полудикимъ монголамъ, вы, какъ бы въ угоду имъ, позавидовали нашимъ ничтожнымъ средствамъ пропитанія, отняли отъ насъ столицу нашихъ князей и до тѣхъ поръ не угомонилась вражда ваша, пока не погибъ послѣдній наслѣдникъ изъ дома севастовъ страны. Преслѣдуя бѣгущихъ князей нашихъ, вы дошли до этой мѣстности, гдѣ они укрылись, и не иначе разстались съ нею, какъ убѣдившись, что не осталось ни единой души въ живыхъ. Такимъ образомъ, наперекоръ собственному благу, вы оставили народъ безъ предводителя, стадо безъ пастыря; проще, вы, сдѣлавъ его ничтожнымъ и безсильнымъ, подготовили врагамъ нашимъ возможность поработить его безъ особенныхъ усилій. Понятно, что еслибъ Византія осталась незавоеванною или еслибъ удалось одному изъ членовъ царствовавшаго дома явиться къ намъ и стать во главѣ осиротѣвшаго народа, я полагаю, что намъ удалось бы снова сдѣлаться способными отстоять вашу и свою независимость. Подумайте объ этомъ серіозно, синьоръ, если въ душѣ вашей есть любовь къ согражданамъ и если вы желаете предупредить грозу.

— Вы сказали мнѣ великую истину, отвѣтилъ консулъ, и я употреблю всѣ усилія, чтобы похитить изъ темницъ султана хоть единаго изъ царской семьи. Я возвращу грекамъ Сугдаію съ округомъ, помогу имъ матеріальными средствами и сдѣлаю все, зависящее отъ насъ, для того, чтобы возстановить княжество и слиться съ нимъ въ одну силу.

— Смотрите же, не теряйте золотаго времени—добавилъ митрополитъ—теперь каждая минута имѣетъ значеніе, потому что турецкій султанъ не будетъ равнодушно смотрѣть на жизнь наслѣдниковъ Византійской имперіи. При этомъ я считаю долгомъ моимъ обратить ваше вниманіе на Чимбало и Херсонесъ, которые вы, вѣроятно, посѣтите теперь. Пообѣщайте жителямъ этихъ

городовъ полную независимость отъ Генуи и, если возможно, то пошлите изъ послѣдняго города отважныхъ мореходцевъ въ Константинополь за розысканіемъ родственниковъ несчастнаго императора Константина. Въ этомъ городѣ многіе, подобные мнѣ старики, лично знали императора, когда онъ княжилъ въ Ѳеодоро.

Имперіале недолго оставался въ Кастельскомъ монастырѣ св. Прокла. Свѣжіе еще слѣды разрушенія тѣснили его грудь. Выпивъ чашку молока, онъ простился съ митрополитомъ и поѣхалъ дальше.

Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ по тропинкѣ, идущей по надъ крутыми берегами, предъ путешественниками нашими показалась высокая гора, извѣстная въ то время подъ названіемъ Верблюда (Аю-дагъ) *) Имперіале зналъ, что у подножія ея расположенъ небольшой городокъ Парѳенополи, снабжавшій Кафу превосходными винами и плодами, которые доставлялись и къ нему отъ имени какого-то Астрономо. „Надо повидаться и съ этимъ купцомъ", подумалъ онъ и заявилъ окружающимъ о намѣреніи отдохнуть въ первомъ селеніи.

Огромное множество развалинъ, окружавшихъ Парѳенополи, дали понять верховному консулу, что и здѣсь нѣкогда былъ большой, довольно красивый городъ, погибшій неизвѣстно вслѣдствіе какихъ причинъ.

Астрономо принялъ почтеннаго гостя очень радушно, угостилъ его со свитою превосходнымъ сотомъ и всѣмъ, что было въ его хозяйствѣ. Имперіале, сдѣлавъ его своимъ коммиссіонеромъ и выдавъ ярлыкъ на свободное плаваніе по готѳійскимъ берегамъ, изъявилъ желаніе взойти на Верблюдъ-гору, чтобы составить себѣ мнѣніе, на какое пространство видны съ нея берега Чернаго моря. Любезный хозяинъ взялся его сопровождать, въ предположеніи указать на болѣе замѣчательныя развалины и опустѣвшіе замки давно исчезнувшихъ съ лица земли властителей.

Перешедъ небольшую рѣченку, они подошли къ большому храму, который, повидимому, недавно былъ реставрированъ.

---

*) Итальянцы именовали эту гору il Cammillo.

— Это наша соборная церковь, сказалъ Астрономо; сюда, въ день Петра и Павла, которые высоко чтятся и въ Кафѣ, ежегодно является нашъ митрополитъ и намѣстникъ изъ Θеодоро для торжества. Сказавъ это, онъ отворилъ двери храма, и предъ Имперіале открылся полъ, на которомъ загорѣлись тысячами переливовъ яркіе лучи заходящаго за горы солнца. Полъ этотъ былъ сложенъ изъ правильно нарѣзанныхъ кусочковъ прозрачнаго слюдо-виднаго шпата.

— Кому это пришла въ голову такая счастливая мысль? спросилъ консулъ, подробно осматривая каждый камешекъ.

— Одному изъ первыхъ намѣстниковъ края. Да, было нѣкогда славное время для Парθенополиса! Но съ того дня какъ про насъ забыли наши властители, а намѣстникъ нашелъ болѣе выгоднымъ перенести резиденцію свою къ сосѣдству Ай-Петри и Месихору, чтобы удалиться отъ генуэзцевъ,—мы очутились въ очень незавидномъ положеніи.

— Неужели наше сосѣдство показалось ему опаснымъ?

— Судя потому, что случилось съ Сугдаіею и Кастелью, мнѣ кажется, что господинъ нашъ долженъ былъ избрать пунктъ болѣе отдаленный и представляющій нѣкоторыя удобства для самозащиты. Такое мѣсто онъ нашелъ отчасти готовымъ для поселенія своего невдали отъ Месихоры, на скалистомъ берегу, и назвалъ его Θеодоросъ или даромъ Божьимъ. При этомъ онъ, конечно, имѣлъ въ виду близость Чимбало, Херсонеса и вообще степныхъ пространствъ, съ которыми безопасно могъ сообщаться.

— А часто ли посѣщаетъ васъ этотъ дальновидный господинъ?

— Первые намѣстники часто посѣщали, но теперешній, послѣ того какъ узналъ о паденіи Византійской имперіи, пришелъ въ отчаяніе и совершенно не заботится ни о чемъ. И дѣйствительно, оставшись безъ покровительства и средствъ, и вдобавокъ окруженный алчными врагами, ему ничего болѣе не остается, какъ сложить съ себя наслѣдственную власть или отдаться первому завоевателю. Какой же онъ можетъ быть на-

мѣстникъ, когда вручившіе ему власть лишены защиты и, можетъ быть, умерли давно въ цѣпяхъ!

Говоря это, Астрономо подвелъ гостя къ большому замку, построенному на скалистомъ выступѣ, во внутренности котораго находился другой храмъ во имя равноапостольныхъ царей Константина и Елены. Замокъ этотъ во многихъ мѣстахъ обнаруживалъ трещины и готовъ былъ обратиться въ развалины, но церковь казалась новою *). Отсюда они направились на Верблюдъ-гору и присѣли отдыхать около третьей небольшой церкви. воздвигнутой, по словамъ провожатаго, на мѣстѣ древняго капища, гдѣ множество пролито было крови Ифигеніею-Пароениицею во время служенія ея Діанѣ Таврической. Затѣмъ, они начали взбираться на вершину скалы, гдѣ, по разсказамъ Астрономо, еще сохранялись слѣды отъ ограды древнихъ царскихъ построекъ съ возвышенными пьедесталами для размѣщенія наблюдательной стражи; но Имперіале не того искалъ: ему надо было измѣрить глазомъ пространство видимаго на юго-западъ моря, откуда могли показаться турецкія суда.

Покончивъ съ этимъ, онъ возвратился въ селеніе и на другой день отправился въ дальнѣйшій путь, по которому ему безпрестанно представлялись обширныя поселенія грековъ, владѣющія множествомъ мореходныхъ лодокъ, виноградными и фруктовыми садами, лѣсами и кромѣ этого изобилующія пчелами, козами и другими домашними животными. Эта масса людей съ ихъ богатствами казалась консулу чѣмъ-то небывалымъ въ странѣ, присвоенной татарами. Въ особенности же ему понравились мѣста отъ Пале-Кура (Ялты) вплоть до резиденціи намѣстника Өеодоро **).

— Митрополитъ совершенную правду говорилъ мнѣ, подумалъ Имперіале. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему мы завладѣли Сугдаіею, зачѣмъ возбудили вражду съ этимъ народомъ, который, при своей неподвижности, не могъ бы нанести никакого вреда нашимъ торговымъ предпріятіямъ? Неужели никому изъ предмѣстниковъ моихъ не

---

*) О церкви этой упоминаетъ Палласъ, а о найденной впослѣдствіи надписи см. наше „Универ. Опис. Крыма“ въ 4 томѣ стр. 83.

**) Теперешній Ай-Тодорскій, или правильнѣе, Өеодорскій маякъ.

могла прійти мысль, что они могутъ сдѣлаться нашими друзьями изъ-за общихъ выгодъ и взаключеніе добровольно признать наше господство? Какая горькая и неисправимая ошибка! Впрочемъ, не будемъ отчаяваться,—авось Господь проститъ нашему увлеченію. Съ этими мыслями верховный консулъ показался на послѣднемъ отлогѣ горы, отдѣлявшемъ его отъ цитадели намѣстника византійскихъ владѣній въ Таврикѣ. Въ ту же минуту послышался звукъ военной свирѣли и высыпало нѣсколько десятковъ вооруженныхъ людей, быстро обступившихъ первую стѣну.

Имперіале махнулъ имъ бѣлымъ платкомъ и, приблизившись къ воротамъ, освѣдомился, можетъ ли быть принятымъ намѣстникомъ Алексіемъ Пятымъ? Вопросъ немедленно былъ переданъ кому слѣдовало, и вслѣдъ затѣмъ у открытыхъ воротъ показался молодой человѣкъ представительной наружности.

— Смѣю ли спросить ваше имя? спросилъ онъ. Къ сожалѣнію, мой отецъ настолько состарѣлся, что не въ состояніи выйти на встрѣчу дорогому гостю. Впрочемъ, и я, сынъ его, по наслѣдству Алексій Шестой, пользуюсь правомъ замѣнять отца моего.

— Я верховный консулъ Кафы и Хазарскаго моря нарочно пріѣхалъ къ вашимъ дверямъ, чтобы засвидѣтельствовать отцу вашему, доминусу дель Тодоро, и вамъ мое глубочайшее почтеніе.

— Вы сдѣлали намъ много чести. Милости просимъ со всею свитою! Сказавъ это, молодой человѣкъ собственноручно взялъ подъ узду консульскаго коня и подвелъ его къ обширному зданію, которое больше чѣмъ на половину находилось въ землѣ и почти не могло быть замѣтно за оградами цитадели. Всѣ остальныя постройки на этой возвышенности, густо расположенныя одна около другой, въ промежуткахъ можжевеловыхъ деревьевъ, также имѣли видъ какихъ-то подземелій или погребовъ.

— Какая дальновидность—подумалъ Имперіале—при такомъ скрытомъ положеніи ни единый домъ не можетъ подвергнуться разрушенію и запасныя войска останутся подъ прикрытіемъ.

На порогѣ консулъ встрѣченъ былъ сѣдымъ, какъ

лунь, старикомъ, поддерживаемымъ двумя прекрасными юношами.

— Благодареніе Богу, удостоившему меня принимать у себя верховнаго консула, сказалъ онъ! Это доказываетъ, что отнынѣ между нами не будетъ враждебныхъ отношеній.

— — Вы угадали, что я прибылъ издалека съ единственною цѣлью—сдѣлаться другомъ вашимъ и преданнаго вамъ народа.

— Да, благодаря этому народу я продолжаю по настоящее время пользоваться нѣкогда врученнымъ мнѣ титуломъ повелителя, который, съ паденіемъ властителей нашихъ, не долженъ болѣе принадлежать мнѣ.

— Вы ошибаетесь, и права, дарованныя вамъ неотъемлемы до тѣхъ поръ, пока отберутся или тѣмъ, кто ихъ далъ, или тѣмъ, кто захватитъ ихъ силою оружія.

— Послѣдняго, кажется, не долго придется ожидать, сказалъ старикъ, приглашая почтеннаго гостя на почетное мѣсто.

Въ ту же минуту начали накрывать столы для накормленія проголодавшихся путниковъ. Послѣ незатѣйливаго обѣда, завершеннаго нѣсколькими сосудами мѣстнаго вина, намѣстникъ съ сыномъ и консуломъ удалились въ отдѣльную комнату для обсужденія будущности и печальнаго положенія какъ греческихъ, такъ и генуэзскихъ колоній, очутившихся между мусульманами. Совѣщаніе ихъ продолжалось до глубокой ночи. На немъ постановлено было, что генуэзцы останутся свободными жителями въ Балаклавѣ и окрестностяхъ, будутъ имѣть своего консула и торговать по всей странѣ грековъ безъ пошлины. Греки, въ свою очередь, пользуются безпрепятственнымъ въѣздомъ въ Кафу и прочія хазарскія факторіи по торговымъ и личнымъ дѣламъ и будутъ пользоваться покровительствомъ верховнаго консула. Но самымъ серіознымъ пунктомъ договора было доставленіе въ Таврику одного изъ членовъ императорской семьи для провозглашенія его полновластнымъ властителемъ отцовскаго наслѣдія.

Покончивъ переговоры, Императоле, не теряя дорогаго времени, съ ранняго утра направился въ Чимбалу, от-

далъ приказанія наблюдать за движеніемъ турецкихъ судовъ, дорожить дружбою татаръ и грековъ и, по возможности, защищать входы въ городъ. Послѣ всего этого, онъ потребовалъ представить ему какого-нибудь пожилаго грека, знающаго хорошо татарскій языкъ для важнаго порученія.

Изъ числа всѣхъ представленныхъ не оказалось ни одного достаточно способнаго, вслѣдствіе чего верховный консулъ вынужденъ былъ съѣздить въ Херсонесъ, который такъ долго тормозилъ благосостояніе Кафы и въ заключеніе, доведенный Кафою до нищенскаго положенія, представлялся ему жалкимъ мѣстечкомъ. Но каково было изумленіе его, когда издали явился предъ нимъ обширный городъ съ прекрасною цитаделью, внутри которой находилось нѣсколько громадныхъ церквей въ византійскомъ вкусѣ, а бухта—переполненною судами различныхъ размѣровъ!

— Это счастіе наше, мелькнуло въ его умѣ; лишь бы успѣть расположить обитателей его въ нашу пользу!

Жившіе въ Херсонесѣ генуэзцы съ восторгомъ приняли своего повелителя, но, къ сожалѣнію, сообщили ему, что въ большинствѣ городскихъ построекъ не осталось никого, что они ведутъ ничтожную торговлю съ туземцами и, въ свою очередь, чувствуютъ необходимость выселиться изъ этого города.

— Повремените еще немного, утѣшалъ ихъ Имперіале: я хочу измѣнить всѣ притѣснительныя мѣры и предоставить всѣмъ городамъ одинаковыя права съ Кафою. Но предварительно мнѣ необходимо вызвать въ Таврику одного изъ кровныхъ наслѣдниковъ Византійской имперіи, чтобы сплотить около него грековъ и заручиться силою, способною содѣйствовать намъ въ борьбѣ съ турками, къ которымъ, навѣрное, прильнутъ единовѣрные татаре. Это, быть можетъ, покажется неумѣстнымъ нашей матери Генуи и повелѣвающему нами банку св. Георгія; но лучше лишиться немногаго, чѣмъ всего и жизни нѣсколькихъ десятковъ тысячъ гражданъ, которые, послѣ множества жертвъ, вновь могутъ назвать себя богатыми людьми. И такъ, друзья мои, пріищите мнѣ въ городѣ вашемъ непремѣнно грека, знаю-

щаго татарскій языкъ, котораго я могъ бы отправить въ Константинополь для доставленія одного изъ принцевъ монархіи.

Лишь только разнеслись по городу слухи, чего ищетъ верховный кафскій консулъ, греческіе старѣйшины, обрадованные идеею возстановленія ихъ царства въ Таврикѣ, собрались съ привѣтствіями къ давно ожидаемому гостю. Изъ нихъ одинъ рѣшился принять на себя трудную миссію ѣхать въ Византію и употребить всѣ мѣры для доставки принца царской крови. Оставшись наединѣ съ Имперіале, Іоаннъ Пиоа изложилъ ему въ нѣсколькихъ словахъ планъ дѣйствія. Консулъ обѣщалъ ему нѣсколько писемъ къ соотечественникамъ и достаточную сумму денегъ на подкупы стражи и разнаго рода непредвидѣнныя случайности.

На рейдѣ оказался корабль изъ Самсона и Пиѳа рѣшился, въ нарядѣ крымскаго татарина, съ бритою головою, отправиться сначала туда, а потомъ уже добраться до Византіи. Имперіале вручилъ ему золото съ письмами и, пожелавъ счастливаго успѣха, въ свою очередь, предпринялъ поѣздку въ Хыръ-Хыръ или Киркъ-еръ, чтобы повидаться съ блистательнымъ ханомъ Хаджи-гиреемъ и повѣдать его мнѣнія относительно будущности факторій, на случай нашествія на нихъ турокъ.

Хыръ-хыръ находился въ то время на Чуфутъ-кальской скалѣ, а Киркъ-еръ спереди Бахчисарайскаго ущелья, vis-à-vis съ теперешнимъ вокзаломъ желѣзной дороги; слѣдовательно, верховному консулу недолго приходилось ѣхать по изрѣдка населеннымъ мѣстамъ, заросшимъ дремучими лѣсами. Къ вечеру онъ былъ ужъ въ пріемной повелителя татаръ и велъ съ нимъ оживленный разговоръ.

— Скажите мнѣ, султанымъ, говорилъ Имперіале,— на что мы должны рѣшиться при нынѣшнихъ завоевательныхъ видахъ султана: очистить ли Кафу и переѣхать въ отечество, или, въ надеждѣ на ваше заступничество и покровительство, продолжать жить спокойно?

— Турецкій султанъ, какъ единовѣрецъ мой, отвѣчалъ ханъ, никогда не станетъ посягать на мое ханство, а потому я не совѣтую вамъ тревожиться и бояться.

Вы мои гости и друзья и я обязанъ покровительствовать на своей землѣ. Передай эти слова твоимъ согражданамъ и постарайся успокоить ихъ; въ противномъ случаѣ я вынужденъ буду самъ пріѣхать къ вамъ. Теперь скажи мнѣ, какъ поживаетъ у васъ мой Менгли и можно ли надѣяться, что онъ сдѣлается мудрымъ повелителемъ своего народа?

— Къ сожалѣнію моему, я еще не имѣлъ времени прослѣдить за его воспитаніемъ, но, судя по слухамъ, онъ сдѣлалъ громадные успѣхи и постоянно присутствуетъ на судѣ деревенскихъ судей.

— Передай, пожалуйста, ему, что я съ нѣкотораго времени началъ чувствовать себя очень слабымъ и, кажется, скоро умру. Пусть онъ не тратитъ понапрасно время и спѣшитъ возвратиться ко мнѣ на помощь.— Ханъ тяжело вздохнулъ.—Но вотъ еще одна просьба къ тебѣ, Джованъ-ага, которую ты поклянешься мнѣ исполнить.

— Вамъ извѣстно, кажется, что я и безъ клятвы сдерживалъ мои обѣщанія.

— Да, ты хорошій человѣкъ; но я все таки не могу спокойно умереть, не заручившись твоею клятвою, потому что дѣло касается благосостоянія царства и народа, и еслибъ ты самъ не посѣтилъ меня, то я, не смотря на мои недуги, долженъ былъ пріѣхать въ Кафу, для свиданія съ тобой.

— Если дѣло такой важности и не можетъ послужить во вредъ согражданамъ моимъ, то я клянусь Аллахомъ и всѣми священными книгами исполнить въ точности вашу волю.

— Спасибо, Дрованъ-ага. Ну, теперь слушай: по принятому у насъ правилу, престоломъ наслѣдуютъ старшіе въ роду; мой же Менгли, котораго я подготовляю къ этому, есть третій по лѣтамъ, послѣ двоюродныхъ братьевъ своихъ, которые, какъ можетъ быть тебѣ извѣстно, нынѣ разбойничаютъ съ черкесами, но сейчасъ же потребуютъ ханскаго престола, какъ только я закрою глаза. Мнѣ необходимо принять противъ нихъ такія мѣры, чтобы они оставались взаперти у насъ до того времени, пока Менгли успѣетъ расположить въ пользу

свою народъ и будетъ достаточно силенъ, чтобы защищать свои права и наслѣдіе. Я могъ бы самъ уничтожить этихъ скверныхъ людей, но теперь, когда жизнь моя находится на исходѣ, я не рѣшаюсь на такой грѣхъ. Отвѣчай мнѣ безъ стѣсненія и притворства: могу ли я разсчитывать на твои услуги, если, напримѣръ, въ одну темную ночь нарочно посланное съ моимъ приказаніемъ судно привезетъ ихъ къ судакскому за̀мку?

Давши клятву, я могу отвѣчать только утвердительно.

— Спасибо, спасибо, другъ мой. Я пошлю къ тебѣ нарочнаго, когда выйдетъ судно, а ты распорядишься отдать приказаніе коменданту судакской крѣпости, чтобы онъ принялъ этихъ плѣнниковъ и содержалъ ихъ въ глубокой тайнѣ отъ народа. Впрочемъ, я къ тому времени своеручно напишу тебѣ, какъ обращаться съ ними и какіе распускать слухи, еслибъ сталъ извѣстенъ арестъ таинственныхъ людей.

Сказавъ это, ханъ простился съ Имперіале, обѣщая быть до послѣдней минуты жизни искреннимъ другомъ и защитникомъ ґенуэзцевъ.

VI.

Пока верховный консулъ Кафы пируетъ между ханскими беями и мурзами и пока онъ возвратится въ резиденцію свою, намъ кстати будетъ познакомить читателя съ положеніемъ Константинополя, со времени водворенія въ немъ турокъ, и всѣми мѣрами, принимаемыми Генуею и банкомъ св. Георгія относительно хазарскихъ колоній.

Изъ свѣдѣній, завѣщанныхъ исторіею, намъ извѣстно, что Магометъ II, вскорѣ послѣ завоеванія Византіи, приказалъ построить на Босфорѣ двѣ крѣпости подъ названіемъ Румили и Анадолы-гисаръ, съ цѣлью препятствовать входу и выходу итальянскихъ судовъ въ Черное море и кромѣ этого подготовить 200 судовъ для продолженія завоеваній на Архипелагѣ.

Генуэзская республика въ это время такъ была истощена войною съ королемъ Сициліи Альфонсомъ Арагонскимъ, что дожъ ея Пьетро де Компофрегозо, съ

главными членами oficiali di Romanica e del mare, вынуждены были обратиться съ просьбою о денежной ссудѣ къ банку св. Георгія, чтобы снарядить торжественное посольство къ султану-завоевателю. Этимъ надѣялись спасти Галату и сберечь Кафу; но пока обсуждалось это предпріятіе, Галата была сокрушена. Тогда 275 важнѣйшихъ гражданъ республики порѣшили передать въ полную собственность банка св. Георгія всѣ генуэзскія колоніи на берегахъ Чернаго моря, а въ томъ числѣ и Кафу, признаваемую недоступною. Правительство Генуи, изъявляя согласіе свое на этотъ позорный актъ (отъ 15 ноября 1453 года), не только сознало онымъ свое безсиліе и преимущество частнаго учрежденія, но предоставляло даже ему право суда и казни надъ гражданами, живущими въ этихъ факторіяхъ.

Георгіевскій банкъ, не смотря на то, что также имѣлъ хорошее мнѣніе объ укрѣпленіяхъ Кафы, считалъ ее неприступною только для татаръ, производящихъ атаки конницею. А такъ какъ турки доказали подъ Константинополемъ свое умѣніе брать города съ высокими стѣнами, то на пятый же день приступилъ къ назначенію отъ имени своего должностныхъ лицъ, въ надеждѣ, что они придумаютъ новые способы защиты. Въ Кафу назначено было два уполномоченныхъ лица для введенія новыхъ порядковъ и единовременно посылался корабль съ военными снарядами и орудіями различнаго рода, подъ прикрытіемъ 200 воиновъ, подъ начальствомъ Джакомо Чикала и Даміано Леоне. Между орудіями замѣчательны были пушки огромнаго калибра, (sarbatane), предназначенныя для башень и стѣнъ города.

Благополучное прибытіе этого карабля въ кафскую бухту показалось жителямъ этой колоніи особенною милостію божества. Это доказыется письмомъ верховнаго консула ея Деметріо Вивальдо къ протекторамъ банка *), въ которомъ онъ, между прочимъ, сообщалъ, что, въ ожиданіи нападенія султана, принялъ нужныя мѣры для обороны города.

Пока это донесеніе отъ 2 мая 1454 года доходило

---

*) См. XXI документъ кодекса тавро-лигурійскаго т. VI стр. 86 fasc. I.

до мѣста назначенія, въ Константинопольскомъ проливѣ захвачены были два другихъ генуэзскихъ судна, желавшихъ прорваться въ Черное море, и капитаны ихъ были брошены въ темницу. Для предупрежденія же дальнѣйшихъ своеволій дженевезовъ, султанъ велѣлъ заключить съ Хаджи-гирей-ханомъ союзъ съ тѣмъ, чтобы ханъ напалъ на Кафу съ сухаго пути, когда флотъ его подступитъ съ моря.

И дѣйствительно, 11 іюля того же года въ кафскую бухту неожиданно вступило 52 турецкія галеры (bireme et trireme), не обнаруживая никакихъ злонамѣренныхъ цѣлей до тѣхъ поръ, пока къ стѣнамъ города не подступилъ ханъ съ 6 тыс. всадниковъ. Вивальдо струсилъ и, потребованію командующаго флотиліею Темиръ-кая, выслалъ депутацію для переговоровъ, окончившихся тѣмъ, что кафскіе колонисты обязались платить хану ежегодно 600 соммъ или 200 т. лиръ *). Послѣ чего турецкія суда отошли и водворилось прежнее спокойствіе; но съ этого времени банку св. Георгія не приходилось болѣе думать о сношеніи съ колоніями своими чрезъ Босфоръ Ѳракійскій. Въ послѣдующемъ затѣмъ письмѣ Вивальдо доносилъ банку, что кафскимъ жителямъ, вслѣдствіе повсемѣстнаго неурожая, грозитъ голодъ, что султанъ въ союзѣ съ ханомъ намѣреваются возобновить нападеніе на Кафу, и умолялъ не оставлять ихъ безъ помощи, которую въ крайности можно доставить черезъ Венгрію, Польшу и землю Бѣлаго государя (domino Blancho). Одновременно же съ этимъ нѣкоторые изъ городскихъ сановниковъ извѣщали протекторовъ банка о страшныхъ безпорядкахъ въ Кафѣ и волненіи черни, бѣгавшей по городу съ криками: vivat populus, interficiuntur nobiles! и домогавшейся свергнуть присланныхъ изъ Генуи правителей.

Такое безотрадное состояніе Кафы заставило банкъ снарядить посольство къ Магомету II съ просьбою о помилованіи черноморскихъ поселеній. Представителями посольства этого, состоявшагося въ концѣ октября, наз-

---

*) Мы не сомнѣваемся, что турки были вызваны ханомъ и что дань эта предназначалась султану.

начены были Луціано Спинола и Бальтасаръ Маруффо, оба принадлежавшіе къ разряду патриціевъ, и въ то же время избрали въ Кафу и прочія колоніи новыхъ консуловъ генуэзскихъ дворянъ. Но лишь только вновь избранные извѣщены были объ этомъ, не замедлили отказаться отъ слѣдованія въ мѣста, зараженныя демократическимъ духомъ, но главнѣе ежеминутно угрожаемыя нашествіемъ варваровъ. Банкъ прибѣгнулъ къ новымъ выборамъ и вынужденъ былъ довольствоваться услугами простыхъ ремесленниковъ. Въ Кафу, на мѣсто Вивальдо, назначенъ былъ нѣкто Томасо де Домокульта, въ Сугдаю Антоніо Леркари, а въ Чимбалу Даміанъ де Леоне *).

Для доставленія къ мѣсту новыхъ консуловъ наняты были суда, принадлежавшія Якову де Леоне и Мартину ди Вольтеджіо, обязанные отплыть 4 января 1455 г. съ трехмѣсячнымъ провіантомъ и 95-ю вооруженными матросами и, не взирая ни на какія опасности, пробиться сквозь Константинопольскій проливъ и достигнуть Кафы.

Къ счастію, этимъ отважнымъ мореходцамъ, благодаря тому, что турки заняты были походомъ на венгровъ и сербовъ, удалось привести въ Кафу въ большомъ количествѣ, какъ военные, такъ и съѣстные припасы, ободрившіе пріунывшую колонію.

Вслѣдъ за тѣмъ Генуя, освѣдомленная, что Магометъ II на голову разбитъ, подъ Крушевцемъ, Гуніядомъ, рѣшилась отправить въ Черное море новые суда съ военными снарядами и продовольствіемъ при 800 воинахъ. Вѣра въ непобѣдимость этихъ набранныхъ воиневъ была такъ велика, что протекторы банка надѣялись не только защитить Кафу, но и отобрать отъ турокъ Галату и Перу съ построенными на Босфорѣ замками, какъ только папа Николай и герцогъ Бургунскій Іоаннъ Безстрашный двинутся противъ турокъ; но увы, послѣднимъ надеждамъ недолго пришлось вѣрить: герцогъ Бургунскій забылъ о своемъ желаніи, а папа Николай умеръ.

---

*) См. тавро-лигурійскій кодексъ VI стр. 125, 128, 141 и 149.

Пока слѣдовали посланныя суда съ войсками, снарядами и продовольствіемъ, въ Кафѣ господствовала полная анархія. Башни и стѣны города находились въ жалкомъ состояніи, въ войскѣ чувствовался крайній недостатокъ и не оставалось другаго исхода, какъ искать покровительства у султана. Вивальдо рѣшился собрать всѣхъ сановниковъ и старѣйшинъ (anziani) съ предложеніемъ отправить отъ города пословъ къ Магомету въ Адріанополь. Избранные Антоніо дель Пино и Баттиста Аллегро немедленно отправились въ путь и сошлись съ посольствомъ, высланнымъ съ тѣми же цѣлями отъ банка св. Георгія. Переговоры кончились тѣмъ, что Кафа обязалась вносить ежегодно въ султанскую казну 3 т. венеціанскихъ дукатовъ.

Одновременно съ этимъ извѣстіемъ прибыли въ Кафу на своихъ судахъ Дорія и Ломелино, тѣ несчастные капитаны, которые ввержены были въ константинопольскую темницу. Четыре мѣсяца спустя, появились суда съ консулами Домокульто, Леркари и Леоне, испытавшія всевозможныя невзгоды и борьбу съ турками въ Босфорскомъ проливѣ.

Вотъ то положеніе генуэзскихъ колоній, въ которомъ онѣ находились, по описанію новаго консула, въ 1455 году: *) „По всему черноморскому прибрежью въ генуэзскихъ факторіяхъ господствуетъ неограниченная распущенность; на судахъ безпрестанные бунты; на берегу укрѣпленные замки, принадлежавшіе республикѣ, завоеваны частными лицами; въ Кафѣ, не смотря на ея выгодное положеніе, чувствуется недостатокъ въ хлѣбѣ, а относительно уплаты податей величайшій безпорядокъ. Это заставляетъ всѣ сосѣднія царства и племена обращаться съ нею высокомѣрно; что же касается Турціи, то проѣзжавшій чрезъ Кафу въ Солхатъ (Старый Крымъ) къ татарскому хану турецкій посолъ, принятый съ должными почестями, хотя и былъ вѣжливъ, но всѣ постигли, что ne anno elapso (dominus Teucrorum cum imperatore Tartarorum) preparent contra Kuffum potentiam et potissime se intelligent quo omnes unanimes generaliter concurrunt, nul-

*) См. CL документъ I-го т. стр. 355 тавро-лигурійскаго кодекса.

los capsandos essae stipendiatos“. Вслѣдствіе чего консулъ просилъ банкъ о снабженіи его деньгами для обороны и вербовки защитниковъ. При этомъ онъ жаловался на плохое состояніе водопроводовъ и необходимость устройства двухъ большихъ цистернъ.

Ко всѣмъ этимъ неурядицамъ присоединились еще церковныя интриги, имѣя во главѣ епископа Якова Кампору, въ глазахъ котораго всѣ греки и армяне были еретики и подлежали или истребленію, или обращенію въ католицизмъ. Озлобляемый тѣмъ что ему не содѣйствовали для достиженія цѣли свѣтскія власти, онъ постоянно занимался доносами въ римскую курію и Генуэю, не щадя чести сановниковъ города. Послѣдующіе за нимъ являлись такими же фанатиками, тогда какъ въ Солдаѣ епископствовалъ уроженецъ Кафы ди Негро, на столько милостивый, что безъ различія исповѣданій жертвовалъ послѣдними средствами на выкупъ плѣнныхъ у татаръ.

Не смотря на уплаченную туркамъ дань, кафскія суда, дерзавшія показаться въ Босфорѣ, по прежнему подвергались выстрѣламъ изъ пушекъ и погибели, а султанъ настаивалъ на уступкѣ ему острова Хіо, грозя въ противномъ случаѣ уничтоженіемъ всѣхъ генуэзскихъ колоній. Крайность эта заставила банкъ св. Георгія обратиться къ папамъ Калисту III и Николаю V, въ надеждѣ образовать крестовый походъ противъ жестокихъ мусульманъ.

Въ послѣдующемъ 1456 году мы находимъ, что средства могущественнаго банка находились въ незавидномъ состояніи, вслѣдствіе чего дожъ Пьетро Кампофрегозо, вооруживъ на счетъ республики два первоклассныхъ корабля, отправилъ ихъ въ Черное море, подъ начальствомъ патриціевъ Грилло и Франко-Болгаро, а банкъ, съ своей стороны, столько же судовъ съ продовольственнымъ грузомъ. При этомъ назначилъ новымъ консуломъ въ Кафу Антонія Леркари, а отца Джовани Имперіале, Лаврентія Имперіале, въ Самастру, на такую же должность.

Корабли эти выступили изъ Генуи 27 марта 1456 г. На нихъ было около 250 вооруженныхъ воиновъ для

Кафы; имъ предписано было пробиться въ Черное море вооруженною рукою. Большаго нельзя было ожидать отъ республики, занятой войною съ королемъ обѣихъ Сицилій. Два мѣсяца спустя, за ними выступилъ изъ Остіи римскій флотъ, состоящій изъ 30 галеръ и 10 малыхъ судовъ, подъ начальствомъ Меццаротта, патріарха аквилейскаго, вооруженный на счетъ папы Калиста III, съ цѣлью громить турокъ на морѣ и оборонять острова Архипелага. Флотъ этотъ вступилъ въ Мраморное море (Propontis) и, подошедъ къ Византіи, привелъ турокъ въ ужасъ. Умѣй при этомъ католики возбудить возстаніе грековъ, турки навсегда бы были сокрушены, потому что главныя силы ихъ понесли страшное пораженіе отъ руки Гуніяда, къ несчастію, сильно раненнаго и не могущаго преслѣдовать варваровъ. Но развѣ могъ надѣяться на убѣжденія свои фанатическій католикъ?

Но какъ бы ни было, эти два обстоятельства на долго остановили у турокъ жажду порабощенія христіанъ и предоставили имъ время обсудить свое горькое положеніе. Къ несчастію, въ теченіи этого времени значительно оправившаяся Кафа сдѣлалась жертвою моровато повѣтрія, о которомъ сказано въ лѣтописяхъ: ingens multitudo illorum habitatorum peste consumpta fuit.

Чтобы ознакомить читателя нашего съ этою ужасною болѣзнію, извѣстною у насъ подъ названіемъ чумы или вѣрнѣе черной смерти, мы приведемъ первыя свѣдѣнія о ней, оставленныя намъ Габріелемъ-де-Мюссе изъ Пьяченцы, бывшимъ въ кафской колоніи законовѣдомъ съ 1344 по 1346 годъ.

Вотъ что онъ говоритъ: „я самъ находился въ числѣ тѣхъ, которые спаслись на корабляхъ и бѣжали изъ зачумленной страны на родину; изъ тысячи людей, спасавшихся со мною, едва уцѣлѣло десятокъ. Болѣзнь начиналась сильными колючими болями, за которыми сначала слѣдовалъ сильный ознобъ, а потомъ появлялись очень твердые шишки подъ мышками и въ пахахъ. Послѣ чего развивалась сильная гнилостная горячка съ значительною головною болью. Къ этому присоединялся отвратительный запахъ отъ больнаго, а у другихъ пока-

зывалась кровавая мокрота. Смерть наступала на первый, второй, но чаще на третій день болѣзни. Куда ни приставали корабли наши вездѣ быстро умирали всѣ тѣ, которые приходили въ соприкосновеніе съ нами. Мы принесли съ собою на родину убійственныя стрѣлы, при каждомъ словѣ распространяли своимъ дыханіемъ смертельный ядъ! Всѣми оставленный больной лежалъ одинъ съ своими муками. Родные боялись приблизиться къ нему, врачь страшился вступить въ его жилище и даже священникъ лишь со страхомъ причащалъ его. Со стонами, разрывающими сердце, призывали дѣти родителей, отцы и матери сыновей и дочерей, одинъ супругъ-другаго. Но тщетно! даже и до труповъ родные прикасались лишь потому, что никто не соглашался исполнять послѣднія обязанности ни за какія деньги. Ни голосъ герольда, ни звуки трубы, ни звонъ колоколовъ, ни похоронное богослуженіе ничто не могло собрать родныхъ и знакомыхъ на обрядъ погребенія. Трупы самыхъ знатныхъ и высокихъ лицъ относились въ могилы самыми бѣдными и низкопоставленными людьми, потому что невыразимый страхъ отталкивалъ отъ гроба ихъ друзей и товарищей *),

---

*) По этому поводу въ № 3 Иллюстрированнаго міра за 1879 г. неизвѣстный авторъ представилъ чрезвычайно интересное свѣдѣніе о ходѣ этой эпидеміи въ XIV в. и именно: по донесеніямъ Клименту VI на востокѣ отъ нея умерло около 24 милліоновъ людей, а Италія потеряла среднимъ числомъ половину своихъ жителей.

Въ Парижѣ умерло до 80 т., въ Авиньенѣ 15 т. а въ Польшѣ тоже половина всего народонаселенія. Изъ послѣдней болѣзнь эта перешла въ среднюю Россію, а въ 1351 г. въ сѣверную. Какъ велика была ея жертва въ нашихъ земляхъ, мы можемъ судить изъ того, что въ Глуховѣ и Бѣлоозерѣ не осталось въ живыхъ ни одного человѣка, въ Москвѣ въ 1363 г. въ два дня умерло все семейство великаго князя Симеона Ивановича, а въ Смоленскѣ осталось въ живыхъ только десять человѣкъ. Всего же по соображеніямъ Геккера жертвою черной смерти въ этихъ годахъ сдѣлалось въ Европѣ 25 милліоновъ жителей, т. е. четвертая часть тогдашняго населенія этой части свѣта.

Понятно что такой небывалый въ исторіи человѣчества моръ долженъ былъ произвести ужасное впечатлѣніе на людей: богатые люди жертвовали своимъ достояніемъ на монастыри, куда, такимъ образомъ, начали стекаться громадныя богатства, а любекскіе напримѣръ купцы пожертвовали все свое золото въ церкви и монастыри, но когда духовенство отъ боязни заразиться начало запирать ворота и не принимать ничего, тогда жители бросали свои дары черезъ монастырскія ограды. Во Франціи цѣлые города предавались танцамъ, а въ Пейбургѣ, на Дунаѣ, устраивались торжественные обѣды и свадьбы только для того, чтобы разсѣять мысли о смерти. Въ другихъ мѣстахъ грабежъ, воровство и развратъ сдѣлались обыкновенными явленіями, даже монахи швабскихъ монастырей нарочно переселились въ Ульмъ, чтобы тамъ прокутить свои сокрови-

О дальнѣйшей судьбѣ Кафы, вплоть до появленія на консульскомъ мѣстѣ Джовани Импріале, переименовывавшаго свое имя или, вѣрнѣе сказать, извѣстнаго въ Генуѣ подъ различными именами назначаемыхъ общиною консуловъ, намъ прійдется сказать очень немного, а именно, что турки успѣли достигнуть полнаго господства на Архипелагѣ и такъ сильно укрѣпили Дарданельскій и Босфорскій проливы, что ни одинъ корабль не могъ проходить безъ ихъ позволенія. Республикѣ и банку оставалось или завоевать себѣ проходъ, или сообщаться сухимъ путемъ. Перваго нельзя было достигнуть, а на послѣднее требовалось много времени, большія затраты и при этомъ путь этотъ также не былъ безопасенъ. Въ дополненіе скажемъ, что дѣла банка на столько разстроились, что ему приходилось искать вспомоществованія у папы.

Естественно, что при такомъ безутѣшномъ состояніи кассы, протектора Кафы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе предавали ее забвенію или собственной участи. Невниманіе это въ 1463 г. дошло до того, что Кафа вынуждена была сама отправить въ единовѣрную Польшу одного изъ чиновниковъ своихъ съ порученіемъ набрать тамъ солдатъ. Чиновнику этому, по имени Гале-

---

ща. Одновременно появились самобичеватели и гонители евреевъ. Первые группировались нерѣдко въ нѣсколько сотъ и тысячъ человѣкъ, принадлежавшихъ къ различнымъ классамъ общества, отъ самыхъ низкихъ до самыхъ высокихъ, мущинъ и женщинъ, въ одной рубашкѣ и шляпѣ, къ которымъ былъ прикрѣпленъ красный крестъ, съ закрытымъ лицомъ при пѣніи священныхъ молитвъ переходили изъ города въ городъ и, повергаясь предъ алтарями, начинали съ большою силою бичевать себя и просить небо прекратить страшную болѣзнь, и эта манія распространилась по всей цивилизованной Европѣ. Что касается послѣднихъ или гонителей евреевъ, то варварскіе подвиги ихъ не въ состояніи описать ни чье перо. Эта кровавая расправа началась въ сентябрѣ 1348 г. въ Шильонѣ и прошла всю почти страну, атакованную эпидеміею. Въ Парижѣ напр. евреи были перебиты въ такомъ числѣ, что ихъ трупы нѣсколько мѣсяцевъ лежали непохороненными; въ Германіи и въ сосѣднихъ государствахъ ихъ обвиняли въ отравленіи колодцовъ и тысячами подвергали жестокимъ пыткамъ смерти и ренегатству. Это заставляло несчастныхъ матерей изъ боязни, чтобы маленькихъ дѣтей ихъ христіане не отбирали и не крестили, бросать ихъ въ пылающіе костры и самимъ броситься вслѣдъ за ними для того, чтобы сгорѣть вмѣстѣ со своими мужьями.

Что касается чумной эпидеміи того времени, о которомъ мы ведемъ рѣчь, то она снова завезена была въ Крымъ изъ Европейской турціи и разразилась съ особенною силою въ Россіи и главнымъ образомъ въ Москвѣ.

Въ послѣдній разъ эта страшная болѣзнь появилась въ Крыму въ началѣ настоящаго столѣтія и отсюда перенесена была въ Одессу.

ацдо, хотя и удалось собрать до 500 всадниковъ, но изъ нихъ никто не достигъ до Крыма, за учиненный поджогъ въ г. Брацлавѣ, поднявшій противъ нихъ Михаила Чарторійскаго съ вассалами. Послѣдующія попытки съ этою же цѣлью усилить кафскій гарнизонъ удалились не лучше первой. За все это время только одно подкрѣпленіе, высланное изъ Генуи сухимъ путемъ, достигло до назначенія; но оно было слишкомъ ничтожно для обширнаго города, успѣвшаго вновь улучшить свои торговыя сношенія и сблизиться съ татарами, но, къ сожалѣнію, начавшаго вмѣшиваться въ ханскія дѣла и безцеремонно обходиться съ купцами, пріѣзжавшими къ нимъ изъ отдаленныхъ странъ.

Послѣдне доказывается историческими фактами и именно требованіемъ царя Ивана Васильевича III, который, посылая въ Крымъ боярина Беклешева, поручалъ ему потребовать отъ кафскаго консула отнятые у русскихъ купцовъ товары на 2 т. рублей; но вмѣсто удовлетворенія, годъ спустя, другой русскій посолъ, Прокопій, съ купцами тамъ же были ограблены на нѣсколько тысячъ рублей.

При такомъ незавидномъ положеніи дѣлъ Джовани Имперіале принялъ на себя власть верховнаго консула и задался блистательною идеею—возстановить въ Крыму греческое княжество, сокрушить, общими силами съ республикою, господство турокъ въ Константинополѣ и затѣмъ, если представится возможность, овладѣть всѣмъ полуостровомъ Тавриды, что слѣдовало бы давно сдѣлать Генуѣ и Византійской имперіи для личной безопасности мореходцевъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ.

Верховный кафскій консулъ возвратился домой 1-го ноября 1465 года, за нѣсколько минутъ до раскрытія главныхъ городскихъ воротъ предъ башнею св. Константина, гдѣ помѣщался арсеналъ и имѣлъ постоянное пребываніе отдѣльный комендантъ. Это громадное укрѣпленіе, грозно направленное на величественную бухту, усѣянную кораблями, и въ то же время на степную даль, показалось ему недоступнымъ ни для татарскихъ, ни для турецкихъ орудій.

— О, еслибъ было въ моей власти переставлять подобныя крѣпости по личному произволу, подумалъ онъ. — Я переставилъ бы ее на Босфоръ и завладѣлъ бы этимъ ничтожнымъ съ вида проливомъ, повелѣвающимъ громаднымъ моремъ!

Незамѣченный стражею, Имперіале бросилъ взглядъ на остальныя городскія укрѣпленія, но большинство изъ нихъ показались ему не вполнѣ соотвѣтствующими своему назначенію. Затѣмъ онъ приблизился къ своимъ магазинамъ, постоялъ около нихъ нѣсколько минутъ, чего-то вздохнулъ и поскакалъ на паллацо.

Тихая осенняя ночь, при яркомъ сіяніи луны, на этотъ разъ не наводила на него прежнихъ упоительныхъ мечтаній. На душѣ его лежала какая то тяжесть и безотчетный страхъ за будущность свою и славной Кафы, удаленной отъ зависти и интригъ горделивой Генуи.

Подъ этимъ тяжкимъ впечатлѣніемъ онъ очутился у дверей дворца своего, оставилъ коня и тихими шагами пробрался въ кабинетъ свой, незамѣченный ни кѣмъ.

Не успѣлъ Имперіале сбросить съ себя плащъ, какъ услышалъ звонкій смѣхъ своей племянницы и чей-то мужескій голосъ.

— Кто бы это былъ? подумалъ онъ, приложившись глазомъ къ дверной щели—и что же оказалось? Біанка сидѣла около молодаго, прекраснаго татарина, который смотрѣлъ на нее съ какимъ-то благоговѣніемъ, а въ противоположномъ углу красовался эксъ-сенаторъ Бальтазаро.

— Браво, Біанка, ты не дремлешь и въ отсутствіи моемъ—прошепталъ онъ и внезапно очутился около племянницы, которая съ дѣтскою наивностію бросилась къ нему въ объятія.

Бальтазаро, ошеломленный этою неожиданною встрѣчею, нашелъ болѣе приличнымъ убѣжать, но татаринъ, нисколько не измѣнившись въ лицѣ, подошелъ къ консулу и, назвавъ себя Менгли-гиреемъ, просилъ извинить его за то, что онъ, не вѣдая отсутствія хозяина, зашелъ въ домъ и позволилъ себѣ полюбоваться гостепріимною племянницею его.

— Вы сдѣлали это очень кстати, отвѣчалъ консулъ, потому что я привезъ вамъ отъ свѣтлѣйшаго хана пок-

лонъ и его непоколебимую волю передать вамъ свои верховыя права на Крымскій престолъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и наставленіе, чтобы вы серьезно подготовились къ этой великой обязанности. Отнынѣ вы будете ежедневно посѣщать меня, а если не найдете страннымъ, то я охотно отдамъ въ ваше распоряженіе часть дворца моего для того только, чтобы посвящать васъ въ мудрости обращенія съ европейскими царями и народами и образомъ ихъ жизни. Изучивши это, вы обратите на себя вниманіе цѣлаго міра и безъ особенныхъ усилій достигнете почестей и славы.

— Я былъ бы очень доволенъ жить около васъ, отвѣчалъ Менгли-гирей, взглянувъ на Біанку. Еслибъ вы знали, какъ мнѣ надоѣлъ нашъ муфтій, которому постоянно чудится, что меня желаютъ обратить въ христіанство, чтобы завладѣть будущимъ наслѣдіемъ моихъ отцовъ.

— Ну, это было бы громаднымъ несчастіемъ для нашихъ факторій, сказалъ консулъ и предложилъ Біанкѣ позаботиться объ ужинѣ.

— Вы сказали—несчастіе? возразилъ Менгли, но какимъ, напримѣръ, образомъ я могу жениться на христіанкѣ, которая понравилась бы мнѣ?

— Когда вы сдѣлаетесь ханомъ, христіанкѣ не трудно будетъ переодѣться въ платье магометанки, чтобы наслаждаться съ вами жизнью.

— А развѣ она согласится на это? радостно вскрикнулъ Менгли-гирей.

— Это будетъ зависѣть отъ степени любви ея.

— А что надо сдѣлать, чтобы заслужить эту любовь?

— Ну, султанъ, теперь не время намъ говорить объ этомъ.

— Когда же настанетъ оно?

— Тогда, когда вы сдѣлаетесь крымскимъ ханомъ; а такъ какъ до этого не прійдется вамъ ожидать долго, то я совѣтывалъ бы успокоиться.

— Я могу съ ума сойти отъ нетерпѣнія.

— Мы съ племянницею употребимъ всѣ зависящія отъ насъ усилія развлекать васъ.

Менгли-гирей задумался. На лицѣ его изображалась какая-то тоска и отчаяніе. Все это не могло укрыться

отъ дальновидности Имперіале, понявшаго, что наслѣдникъ крымскаго ханства очарованъ его племянницей.

Послѣ ужина консулъ сообщилъ Менгли-гирею, что ханъ съ семействомъ на дняхъ переѣдетъ въ Солхатъ. въ свой хатырпасарай, и совѣтывалъ ему съѣздить на поклонъ къ отцу, но отнюдь не разсказывать объ увлеченіи своемъ.

— Пожалуй я исполню вашъ совѣтъ, но въ остальномъ не ручаюсь за себя, если вздумаютъ меня женить.

— Женитьба ваша не можетъ воспрепятствовать вамъ прогнать жену и сдѣлаться полновластнымъ владѣтелемъ той, которую любите; но повторяю — надо подождать. Будьте же осторожны и не предпринимайте ничего, не посовѣтовавшись со мною.

Когда Менгли-гирей ушелъ, Имперіале, посадивъ на колѣни Біанку, спросилъ у нея, знаетъ ли она, кто былъ у ней въ гостяхъ?

— Бальтазаро мнѣ говорилъ, что онъ наслѣдникъ ханства, и просилъ обращаться ласково. Мнѣ кажется, что я была очень привѣтливою.

— А понравился ли онъ тебѣ, плутовка?

— Да, понравился.

— И тебѣ не совѣстно сказать мнѣ это въ глаза?

— Вотъ странно! вы, дядюшка, совѣтуете мнѣ лгать.

— Боже тебя сохрани отъ этого, моя милая, въ особенности относительно этого принца. Въ немъ я вижу залогъ счастья нашихъ колоній и общее наше съ тобою благоденствіе. Если ты можешь понять это, я надѣюсь, что ты привяжешь его къ башмаку твоему такъ, что онъ не отвяжется никогда.

— А если онъ меня привяжетъ къ своему поясу, — что будетъ тогда, дорогой дядюшка?

— Сердце дѣвушки не должно быть на-распашку и въ особенности съ мусульманами, которые благоговѣютъ предъ тѣмъ, чего не достигаютъ.

— Въ такомъ случаѣ потрудитесь разсказать мнѣ, какъ я должна дѣйствовать, чтобы заслужить ваше благоволеніе?

Имперіале говорилъ съ племянницею около часа и только тогда перемѣнилъ разговоръ, когда убѣдился, что

Біанка послѣдуетъ его наставленіямъ не ради удовольствія, но ради общаго блага и крайней необходимости.

— Не спрашивалъ ли кто нибудь меня? спросилъ консулъ.

— Многіе приходили освѣдомиться, когда вы возвратитесь.

— Позови-ка мнѣ Анжело.

Біанка исчезла и вмѣсто нея явился главный коммиссіонеръ Императе.

— Что новаго, мой старый другъ? сказалъ консулъ, потрепавъ по плечу вошедшаго.

— По личнымъ дѣламъ все обстоитъ благополучно. Я получилъ во время вашего отсутствія два груза изъ Азіи, изъ которыхъ часть сбылъ татарскимъ купцамъ, часть закуплена въ Россію, а послѣднюю предполагаю отправить въ Мокастро (Аккерманъ). Что же касается вновь принятаго вами званія, то до меня дошли слухи, что епископъ нашъ, съ нѣкоторыми исполнительными городскими чиновниками и, кажется, комендантомъ крѣпости св. Мартина, вербуютъ недовольныхъ вашимъ выборомъ и собираются посылать въ Геную пасквильное прошеніе.

— Ты навѣрное это знаешь?

— Я слышалъ своими ушами, когда разсказывалъ городской приставъ одному изъ пріятелей своихъ.

— Негодные люди! вскрикнулъ Императе—они, ради ничтожныхъ барышей, готовы возстать и противъ спасителей своихъ. Но я не изъ тѣхъ, которые подставляютъ шею подъ ударъ сабли какого-нибудь плебея! Странно только, что епископъ за одно съ негодяями.

— Онъ возмущенъ, что въ малый совѣтъ попали еретики.

— А! теперь я понимаю причину. Садись же, мой другъ, и мы составимъ одно донесеніе дожу республики, а другое покровителямъ черноморскихъ колоній. Пора взяться за дѣло посерьознѣе и дать имъ понять единственныя средства для спасенія отъ рабства болѣе чѣмъ сотни тысячъ преданныхъ сыновъ отечества, разсыпавшихся по берегамъ Чернаго моря.

Анжело взялся за перо и писалъ до полуночи.

— Перепиши все это въ двухъ экземплярахъ, а я подумаю, какимъ образомъ вѣрнѣе отправить въ метрополію. Эхъ, какъ жаль, что у меня нѣтъ еще одного такого преданнаго и расторопнаго татарина, какъ Ягья!

— Если у васъ нѣтъ, то я могу представить вамъ, синьоръ, трехъ, которые умрутъ за насъ. Я раза три спасалъ этихъ несчастныхъ отъ голодной смерти и одѣвалъ ихъ семейства на зиму. Съ того времени эти люди изнемогаютъ отъ желанія отблагодарить меня.

— Очень радъ воспользоваться ими, но предварительно намъ надо получить отъ друзей изъ Константинополя письма. Что это Ягья не шлетъ вѣсти?

— Онъ долженъ возвратиться на дняхъ. Вчера приходила въ контору его жена въ предположеніи встрѣтиться съ нимъ, согласно предсказанію какого-то магика или астролога, а вамъ, я думаю, извѣстно, что татарскіе чернокнижники рѣдко ошибаются.

Анжело вышелъ и вслѣдъ за нимъ спальня великаго консула какъ бы ожила отъ появленія нѣсколькихъ юныхъ рабынь, одѣтыхъ въ прекрасные европейскіе наряды.

Однако Имперіале всю ночь почти не спалось. Предъ нимъ безпрестанно рисовались то недавно посѣщенный Тамань, окруженный стѣнами съ ненадежною башнею, господствующею надъ проливомъ, то безподобныя бухты херсонесская и балаклавская, то удрученный старостію лукавый Хаджи-гирей ханъ, успѣвшій въ послѣднее время заслужить всеобщую ненависть народа, то кровожадные турки, дѣятельно подготовлявшіеся къ завоеваніямъ окрестныхъ царствъ и острововъ, и при этомъ еще неурядицы въ своемъ городѣ, нуждавшемся въ единомысліи болѣе чѣмъ когда-либо.

— Боже, сколько заботъ я принялъ на себя! подумалъ консулъ. Не лучше ли отказаться отъ всего этого? Но какъ возвратиться на родину, кому продать все имущество?.. Нѣтъ, этого невозможно теперь сдѣлать. Надо пособить собратьямъ, проложить себѣ дорогу, надо сокрушить варваровъ и на развалинахъ Византійской имперіи создать новую Генуя или прежнюю монархію, а въ Крыму—вассальное княжество и отдѣльное католическое царство. Все это возможно при общемъ содѣйствіи хри-

стіанъ, но, къ несчастію, они предались семейной враждѣ и разладицѣ. Теперь только я постигаю тяжелыя послѣдствія религіознаго разлада, возбужденнаго нашими папами и соборами,—разлада, который на вѣки вѣковъ разъединилъ семью христіанъ, какъ бы съ цѣлью возбуждать ненависть и предоставлять дикимъ племенамъ больше успѣховъ къ порабощенію ихъ. Не ту ли вражду затѣваютъ теперь и въ Кафѣ епископы? Безумные фанатики! они желаютъ доказать намъ, что греки и армяне—еретики. Развѣ можно считать еретиками людей, буквально исповѣдующихъ Евангеліе? Неужели они сдѣлались еретиками только потому, что не послѣдовали ихъ своеобразнымъ толкамъ? У каждаго народа есть своего рода заблужденія и особенный образъ пониманій. Какая намъ надобность до ихъ умственнаго развитія; развѣ возможно насильно требовать, чтобы одинъ судилъ такъ точно, какъ другой? По моему, лишь бы люди сходились въ главнѣйшихъ и необходимыхъ для благоденствія своего правилахъ и любили бы себя, какъ возлюбилъ ближнихъ Основатель нашей божественной религіи... Нѣтъ, почтенный епископъ, я не изъ тѣхъ дураковъ, чтобы предоставить тебѣ право мстить и издѣваться надъ людьми, которые не желаютъ подчиняться твоей мантіи и вслѣдствіе этого достойны смерти.

На слѣдующій день, по требованію консула, собрался совѣтъ сенаторовъ изъ 20 почетныхъ гражданъ для избранія добросовѣстнаго и надежнаго человѣка, на обязанность котораго возлагалась забота о городскомъ рвѣ, валѣ, арсеналѣ, провіантѣ и чистотѣ около стѣнъ и башень, а равно и розданныхъ городскихъ мѣстахъ подъ обязательныя постройки. На совѣтѣ, по вліянію Имперіале, избранъ былъ грекъ. Въ томъ же засѣданіи предложено было избрать четырехъ синдиковъ или прокуроровъ, пользующихся властью призывать къ суду своему и подвергать пыткѣ всѣхъ гражданъ и чиновниковъ, за исключеніемъ одного только консула. Въ число ихъ снова попали одинъ грекъ и одинъ армянинъ. Такъ какъ послѣдній выборъ совершился на глазахъ епископа, то онъ не вытерпѣлъ и громогласно заявилъ, что выборъ иновѣрцевъ не можетъ признать законнымъ.

Имперіале, жаждавшій повода, чтобы усмирить дерзкаго епископа, въ ту же минуту потребовалъ отъ канцлера мнѣнія.

— Считаю долгомъ моимъ заявить достопочтеннѣйшему епископу, что по уставу нашему генеральные синдики избираются безъ различія изъ мѣстныхъ гражданъ, отвѣчалъ канцлеръ.

— Слышали, господа? спросилъ консулъ, обращаясь къ собранію сановниковъ и гражданъ. Теперь, монсиньоръ, позвольте мнѣ спросить, по какому праву вы осмѣлились возставать противъ постановленій банка св. Георгія и считать ихъ беззаконными? Не мечтаете ли вы замѣнить эти законы собственными и предписать намъ, подобно предмѣстнику вашему Якову Кампора, преслѣдованіе всѣхъ тѣхъ христіанъ, которые не имѣютъ надобности считать васъ своимъ владыкою? Отъ меня, посвятившаго себя спасенію факторій или гибели вмѣстѣ съ ними, ничего не должно укрыться, потому что я богатъ и могу имѣть сотни слугъ, которые проникнутъ во всѣ конуры и все узнаютъ. Вотъ эти-то слуги сообщили мнѣ, что въ то время, когда мы всѣ обязаны для личнаго спасенія своего сплотиться въ единое тѣло и въ единую мысль, вы подобно Кампорѣ, подготовляете новый доносъ и новую разладицу въ семьѣ гражданъ. Вы можете дѣлать все, что вы желаете, но я объявляю вамъ торжественно, что вышлю васъ за границы ханства, если вы когда-нибудь позволите себѣ выйти изъ предѣловъ вашей обязанности. До тѣхъ поръ, пока я верховный консулъ въ Кафѣ и другихъ генуэзскихъ факторіяхъ, религія будетъ имѣть не гражданское, а духовное значеніе, подлежащее суду верховнаго божества; для меня же всѣ христіане и вообще граждане, исполняющіе обязанность свою, будутъ пользоваться одинаковыми правами. Надѣюсь, монсиньоръ, что теперь, когда мы поняли другъ друга, между нами не произойдетъ столкновеній.

Епископъ побагровѣлъ, отъ злости, но, ничего не отвѣтивъ, вышелъ изъ собранія.

— Теперь, синьоры, сказалъ Имперіале, обращаясь къ собранію представителей народа и власти, я желалъ бы,

чтобы отнынѣ продажа чиновничьихъ мѣстъ не существовала, но зависѣла бы отъ васъ и чтобы распорядители въ городѣ не имѣли права сами взыскивать съ народонаселенія доходовъ въ пользу своихъ трудовъ. Для достиженія этого синдики, обще съ избранными вами нѣсколькими лицами, назначать содержаніе всѣмъ чиновникамъ и общую сумму распредѣлятъ въ видѣ налога на тѣхъ же самыхъ лицъ, которыя, по уставу, обязаны были лично передавать военному начальнику, полицейскимъ, базарнымъ и т. п. Я полагаю, что этимъ мы не нарушимъ устава, а между тѣмъ предупредимъ этихъ чиновниковъ отъ столкновеній и незаслуженнаго имени взяточниковъ. Кромѣ этого, для улучшенія нашего положенія въ финансовомъ отношеніи, мы обязаны безотлагательно уничтожить откупную систему на всѣ промыслы и съѣстные припасы, взимая за право торговли столько, сколько признано будетъ вами удобнымъ для городской кассы. Вамъ извѣстно, что покровительствующій намъ банкъ нынѣ не въ силахъ жертвовать намъ и что мы спустили даже акціи его, стоимость которыхъ рано или поздно потребуется отъ насъ. При этомъ, синьоры, имѣйте въ виду, что число городскаго гарнизона съ каждымъ днемъ значительно уменьшается и что намъ крайне необходимо довести численность его по крайней мѣрѣ до двухъ тысячъ человѣкъ. Я не сомнѣваюсь найти такое число людей въ окрестныхъ царствахъ и положительно увѣрился, что греки Таврики будутъ за одно дѣйствовать съ нами, если мы приблизимъ ихъ къ себѣ и вооружимъ наравнѣ съ цивилизованными арміями.

Вотъ все, что я имѣлъ передать вамъ на обсужденіе. Дѣйствуйте же, друзья мои, потому что мы стоимъ надъ пропастью. Не сегодня, завтра въ Крыму вспыхнетъ возмущеніе съ Крымскими татарами. Есть много за и противъ Хаджи-гирей хана, который не предпринимаетъ никакихъ мѣръ и, вѣроятно, надѣется на наше посредничество. Но мы положительно ничѣмъ не можемъ оказать ему содѣйствія, за исключеніемъ развѣ спасенія жизни въ одной изъ отдаленныхъ факторій. Я объ этомъ заговорѣ узналъ отъ нѣкоторыхъ беевъ, при проѣздѣ моемъ черезъ Салхатъ, и убѣжденъ, что безпечный ханъ

до настоящаго времени ничего о немъ не знаетъ или не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія.

Имперіале поклонился собранію и вышелъ.

VII.

Верховный консулъ сидѣлъ на террасѣ въ глубокой задумчивости и порою взглядывалъ на бѣлѣющій вдали парусъ. Біанка, находящаяся тутъ же, докладывала, что переселившійся вчера въ палацо Менгли-гирей заходилъ въ ея отдѣленіе и клялся во что бы ни стало жениться на ней.

— А ты что отвѣчала? спросилъ онъ небрежно.

— Я отвѣчала, что этого нельзя сдѣлать безъ вашего согласія и притомъ надо потерпѣть, пока измѣнятся нѣкоторыя обстоятельства.

Судно тѣмъ временемъ повернулось за вѣтромъ и Имперіале узналъ, что оно было то самое, на которомъ уѣхалъ Ягья. Сердце его забилось и нетерпѣніе обнаружилось въ движеніяхъ. Два часа спустя, передъ нимъ стоялъ преданный татаринъ съ мѣшкомъ денегъ и нѣсколькими письмами отъ константинопольскихъ друзей.

Имперіале въ порывѣ радости обнялъ татарина и, выложивъ предъ нимъ договорную плату съ коммиссіонными деньгами, просилъ его отдохнуть въ семьѣ и зайти вечеромъ для личныхъ переговоровъ.

Въ первомъ вскрытомъ письмѣ заключался отвѣтъ константинопольскаго консула, обѣщавшаго при первой возможности передать заявленія его въ метрополію. Причемъ присовокуплялось, что банкъ или община св. Георгія въ настоящее время не располагаетъ болѣе прежними могущественными средствами, чтобы предпринять какую-либо активную роль для борьбы съ окрѣпшею Турціею, которая съ каждымъ мѣсяцемъ расширяетъ свои владѣнія и грозитъ завоеваніемъ всѣхъ сосѣднихъ царствъ; затѣмъ шли отчаянные вопли и жалобы на жестокость и стѣсненіе свободы.

Имперіале тяжело вздохнулъ и долго не рѣшался распечатывать другихъ писемъ.

Второе письмо гораздо сильнѣе опечалило его. Другъ из-

вѣщалъ его, что Магометъ II давно уже рѣшилъ завоевать и уничтожить всѣ генуэзскія факторіи на берегахъ Чернаго моря и ожидаетъ для этого удобного повода; что европейскія державы струсили и навѣрно не станутъ жертвововать ни людьми, ни средствами для спасенія грековъ и генуэзцевъ, живущихъ внѣ метрополіи.

Въ послѣдующемъ его извѣщали, что жена его благополучно проѣхала оба пролива и, вѣроятно, нынѣ находится въ отечественномъ городѣ. Затѣмъ послѣдовали совѣты продолжать коммерческія сношенія чрезъ посредство преданныхъ татаръ, которыхъ турки признаютъ за единовѣрцевъ и дружественно обращаюся съ ними.

Покончивъ съ письмами, Имперіале почти громко сказалъ:

— И такъ, надежды на помощь со стороны республики и протекторовъ банка нельзя ожидать! Слѣдовательно, приходится самимъ дѣйствовать. Надо будетъ взяться за Бальтазаро, который кажется способнымъ къ военному искусству, и сблизиться съ греками и армянами, пылающими ненавистью къ туркамъ. Къ счастію, въ число синдиковъ попали Деліяни и Бедросъ, на которыхъ можно будетъ положиться. Съ этого дня всѣ жители колоній нашихъ должны превратиться въ воиновъ и ежеминутно быть наготовѣ защищать свою свободу. Бальтазаро будетъ у меня и вербовщикомъ, и командиромъ городскаго резерва, а Біанка, для поощренія молодежи начальницею отряда амазонокъ. Эта обязанность, навѣрно будетъ держать Менгли гирея въ нѣкоторомъ почтеніи и предупредитъ попользновенія на наступательный образъ дѣйствія.

Пока консулъ разсуждалъ съ самимъ собою и соображалъ, какимъ образомъ приступить къ достиженію цѣли, къ нему возвратился Ягъя.

— Джованъ ага, сказалъ онъ, я взглянулъ уже на семью мою и пришелъ дать тебѣ подробный отчетъ въ дѣйствіяхъ моихъ. Товаръ мой отлично сошелъ съ рукъ и турки просили меня не прекращать сношенія съ ними. У нихъ большой недостатокъ въ шерсти, мясѣ и колоніальныхъ товарахъ, т. е. во всемъ, чего у тебя такъ много. Намъ нечего дремать. Прикажи грузить второй

корабль; я запасся даже фирманомъ для свободной торговли въ Стамбулѣ.

— Спасибо, Ягья, требованіе твое будетъ удовлетворено; но скажи мнѣ, пожалуйста, не узналъ ли ты чего-нибудь относительно греческой царской семьи?

— Царь убитъ, отвѣчалъ онъ, женскій полъ попалъ въ гаремъ, а остальные члены, послѣ долгаго томленія въ темницѣ, подъ угрозою смерти вынуждены были принять нашъ законъ.

Имперіале поблѣднѣлъ.

— Такимъ образомъ не осталось ни единаго изъ фамиліи Палеолога? спросилъ онъ.

— Я случайно узналъ, что одинъ остался въ живыхъ въ землѣ франковъ, куда посланъ былъ до нашествія турокъ, но живъ ли онъ—греки не знаютъ. Турки обѣщаютъ за его голову тысячу золотыхъ и убѣждены, что онъ скрывается въ имперіи.

Имперіале сдѣлался веселѣе и перешелъ къ разспросамъ относительно укрѣпленій Босфора, численности турецкихъ силъ и отношенія побѣдителей къ порабощеннымъ.

Ягья на все давалъ отвѣты неутѣшительные, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не подлежащіе сомнѣнію. Изъ нихъ можно было прійти къ убѣжденію, что къ Босфору немыслимо идти съ десяткомъ судовъ, что турки всѣ безъ исключенія вооружены и что греки, лишенные оружія начальниковъ и сочувствія Европы, вынуждены были смириться, чтобы сберечь жизнь свою и семействъ своихъ.

Покончивъ распросы, верховный консулъ позвалъ своего главнаго коммиссіонера и приказалъ ему безотлагательно нагрузить самое большое изъ судовъ своихъ такими товарами, которые выберетъ Ягья.

— Матросовъ ты самъ выбери, сказалъ онъ, обращаясь къ татарину; а когда все будетъ готово, зайди попрощаться,

Не успѣлъ Ягья выйти изъ палаццо, какъ его замѣнилъ нарочный, присланный Хаджи-гирей-ханомъ изъ Солхата, или Стараго Крыма, съ запискою на клочкѣ грубой бумаги.

Имперіале прочелъ слѣдующія слова: „возлюбленный

Джовапъ-ага! мнѣ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ завтра укрыться въ одной изъ недоступныхъ крѣпостей Кафы. Ради Бога, приготовь мнѣ съ семьею какой-нибудь уголокъ и прикрой насъ, пока утихнетъ народный бунтъ. Я, въ свою очередь, при удобномъ случаѣ окажу тебѣ сосѣдскую услугу".

— Позвать ко мнѣ Менгли-гирея! приказалъ консулъ. Молодой принцъ вбѣжалъ съ недоумѣніемъ.

— Прочитайте эту записку и передайте мнѣ ваше мнѣніе.

Менгли-гирей поблѣднѣлъ.—Я полагаю, отвѣчалъ онъ, что опасность велика и что надо будетъ помочь нашему повелителю.

— Если опасность дѣйствительно велика, то мы, ради сохраненія добрыхъ отношеній къ народу, должны такъ поступить, чтобы уклониться отъ столкновенія съ нимъ.

— Въ такомъ случаѣ вы отклонете гостепріимство?

— Напротивъ, я хочу обезпечить и себя, и хана.

— Что-жъ вы намѣрены сдѣлать?

— Сейчасъ же приготовить корабль, на которомъ ханъ съ семействомъ выѣдетъ въ Тану или въ сосѣднюю къ ней мѣстность. Я тѣхъ убѣжденій, что оттуда ему удобнѣе будетъ составить сильный отрядъ и возвратиться съ оружіемъ, чтобы усмирить негодяевъ. Садитесь же, напишите ему, чтобы онъ, не теряя ни минуты, прибылъ къ намъ прежде восхода солнца. Гонцу я дамъ свѣжую лошадь, а теперешнія ночи достаточно велики, чтобы успѣть дважды поѣхать и возвратиться изъ Солхата.

Менгли-гирей исполнилъ порученіе и приказалъ посланному не жалѣть коня.

Къ двумъ часамъ ночи корабль прибуксированъ былъ къ пристани и ожидалъ властителя крымскаго ханства, который прибылъ семьею только въ четыре часа и, неузнанный никѣмъ, кромѣ коменданта и консула, немедленно пустился въ открытое море.

На слѣдующій день, прежде чѣмъ Имперіале проснулся, предъ палаццо его находилось около 20 мурзъ и бековъ, съ нѣсколькими десятками представителей отъ

различныхъ улусовъ, которые громогласно требовали выдачи Менгли-гирея, чтобы возвести его на ханскій престолъ. Услышавъ это, консулъ прошелъ къ принцу и поручилъ ему самому выйти къ бунтовщикамъ и заявить имъ, что онъ никогда не станетъ царствовать беззаконнымъ образомъ и пока не услышитъ изъ устъ хана приказанія смѣстить его, не тронется съ мѣста. Юноша буквально исполнилъ его совѣтъ.

— Ханъ убѣжалъ, отвѣчали бунтовщики; онъ этимъ доказалъ свою неспособность и нежеланіе управлять наслѣдственнымъ трономъ.

— Я не повѣрю этому, возразилъ Менгли-гирей; ханъ, вѣроятно, удалился въ какой-нибудь улусъ, чтобы наблюдать за вашими дѣйствіями и чтобы потомъ безпощадно наказать главнѣйшихъ заговорщиковъ.

Бунтовщики переглянулись. Послѣднее показалось имъ правдоподобнымъ.

— Ну, а если окажется, что онъ бѣжалъ? спросили они.

— Тогда я обязанъ буду повиноваться вамъ. Для убѣжденія же въ этомъ, шираатъ опредѣляетъ четырехъмѣсячный срокъ. Совѣтую вамъ до того времени успокоиться и терпѣливо ожидать предопредѣленія. Если Богу угодно, чтобы я царствовалъ, то это совершится и безъ вашего заявленія. Возвратитесь же домой и будьте увѣрены, что я своевременно вспомню свою обязанность.

— Да сохранитъ тебя Аллахъ на тысячи лѣтъ! отвѣчали бунтовщики—но помни, что если ты черезъ 4 мѣсяца не будешь между нами, то мы вынуждены будемъ поискать другихъ наслѣдниковъ престола. Съ этими словами заговорщики удалились изъ двора палаццо.

Имперіале, который съ ужасомъ выслушалъ послѣднюю угрозу, сейчасъ же рѣшился принять мѣры, чтобы предупредить развитіе этой опасной мысли. Пославъ за бунтовщиками нарочнаго для открытія ихъ мѣстопребыванія, онъ лично отправился къ мѣстному кадію и представивъ ему печальную будущность страны, если явятся въ нее раньше 4-хъ мѣсяцевъ претенденты на крымскій престолъ, началъ просить его немедленно пригласить къ

себѣ на пиршество безпокойныхъ людей и употребить всѣ усилія, чтобы не допустить ихъ до вызова племянниковъ хана.

— Тебѣ не трудно будетъ увѣрить этихъ негодяевъ, говорилъ консулъ, что царевичи эти занимаются разбоями и ведутъ безобразную жизнь между черкесами и что если они появятся въ Крыму, то прежде всего затѣятъ кровопролитіе, къ которому привыкли съ малолѣтства. Намъ необходимо, чтобы они не предпринимали никакихъ насильственныхъ мѣръ до того времени, пока возвратится ханъ или пока пройдетъ установленный ширатомъ срокъ. Остальное ты самъ поймешь. Но чтобы доказать тебѣ, что мы, христіане, очень дорожимъ вашимъ спокойствіемъ не на однихъ словахъ, я предлагаю тебѣ устроить пиршество на мой счетъ. Сказавъ это, онъ подалъ кадію пригошню золотыхъ монетъ и скрылся.

Кадій нѣсколько минутъ оставался въ изумленіи отъ щедрости и искренняго участія гяура къ мусульманамъ. Но вспомнивъ, что надо дѣйствовать, онъ отдалъ приказаніе заготовить большое угощеніе на 70 человѣкъ и отправилъ нарочнаго съ приглашеніемъ къ себѣ дорогихъ гостей. Чѣмъ и какъ онъ принималъ ихъ — это осталось тайною, но извѣстно только, что на другой день Имперіале и Менгли-гирей совершенно были убѣждены, что претенденты, имѣвшіе право на крымскій престолъ, не будутъ вызваны раньше 4-хъ мѣсяцевъ, или того времени, въ теченіи котораго они могутъ быть смануты и заключены въ судакскую крѣпость, подъ видомъ пиратовъ или важныхъ преступниковъ.

Нѣсколько дней спустя, Имперіале потребовалъ къ себѣ Бальтазаро и формально назначилъ его начальникомъ будущаго отряда защиты Кафы, съ предоставленіемъ права принимать въ услуги всѣ націи, за исключеніемъ мусульманъ. Затѣмъ онъ снарядилъ судно на Кавказъ, для доставленія серебра изъ мѣстныхъ рудниковъ для чеканки денегъ; всю же мѣдь, находящуюся въ распоряженіи города и монастырское золото и серебро велѣлъ свезти на монетный дворъ для обезпеченія городской кассы. Синдики Деліяни и Бедросъ также уполномочены были пригласить свои націи къ уча-

стію въ воинской повинности, крайне необходимой для ихъ же благосостоянія. Біанка, въ свою очередь, получила начальническій знакъ и извѣстную сумму денегъ на предварительные расходы по устройству отряда изъ дѣвушекъ.

Пока въ Кафѣ происходила такого рода дѣятельность, Хаджи-гирей успѣлъ высадиться около теперешняго Бердянска и собрать вокругъ себя всѣхъ кечимъ, шедакъ и урумбитъ ногайцевъ, издавна недовольныхъ на соотечественниковъ своихъ, жившихъ внутри Крыма и присвоивавшихъ себѣ права власти. Заручившись ихъ обѣщаніемъ слѣдовать за нимъ и даже на смерть, ханъ, не теряя золотаго времени, немедленно двинулся чрезъ Арабатскую стрѣлку и неожиданно расположился лагеремъ между Кафою и Солхатомъ.

Имперіале, не узнавъ Хаджи-гирея, въ предположеніи, что явились претенденты на ханскій престолъ, отдалъ приказаніе закрыть всѣ городскія ворота и выставить всѣ боевыя средства для защиты города. Менгли-гирей пожелалъ находиться также въ числѣ воиновъ около консула, вошедшаго на башню св. Константина, откуда открывался видъ на враждебный станъ.

Впрочемъ Кафскіе жители скоро были утѣшены нарочно посланнымъ гонцомъ отъ хана, объявлявшаго, что онъ намѣренъ дѣйствовать только противъ бунтовщиковъ, заставившихъ его бѣжать изъ столицы, а потому проситъ друзей быть спокойными и не опасаться непріязни сопровождавшихъ его воиновъ.

— Ну, что, Менгли-гирей, сказалъ консулъ, обращаясь къ царевичу — правда, мы отлично предугадали будущее?

— Ты великій человѣкъ, Джованъ-ага. Отецъ мой вѣроятно, назоветъ тебя своимъ избавителемъ и не забудетъ твоей услуги.

— Нѣтъ, другъ мой, я отъ него ничего болѣе не требую, какъ дружественной защиты противъ турокъ, которые немилосердны къ генуэзцамъ. Но.... едва ли онъ согласится на такую добродѣтель.

— Конечно, если заговоры будутъ продолжаться. Мнѣ

такъ и чудится, что султанъ воспользуется нашими безпорядками.

— Однако, Менгли, я совѣтывалъ бы тебѣ съѣздить теперь же на свиданіе съ Хаджи-гиреемъ, чтобы онъ не вообразилъ какой-нибудь нелѣпости противъ тебя. Возьми съ собою кадія и поѣзжай съ гонцомъ.

— Царевичъ призадумался, но, сознавая необходимымъ повиноваться доброму совѣту, вышелъ, чтобы приготовиться въ дорогу.

Часъ спустя послѣ выѣзда Менгли-гирея, въ числѣ прочихъ военоначальниковъ, предстала предъ Имперіале и Біанка въ рыцарскомъ вооруженіи.

— Ты точно Іоанна Д'аркъ въ этомъ костюмѣ, сказалъ консулъ.

— Кто знаетъ, можетъ быть мнѣ тоже суждено сдѣлаться Іоанною Д'аркъ между генуэзцами и турками! отвѣчала дѣвушка съ самоувѣренностью; но вотъ что странно, дядюшка,—почему Менгли-гирей выѣхалъ изъ города? Нѣтъ ли въ этомъ дурнаго замысла и противъ насъ?

— Племянница моя обѣщаетъ быть дальновиднымъ полководцемъ; но на этотъ разъ я не могу подозрѣвать заговора, потому что самъ заставилъ наслѣдника ханскаго престола выѣхать къ повелителю своему. Это необходимо было сдѣлать для предупрежденія превратныхъ предположеній. Чего добраго, найдутся такіе негодяи, которые увѣрятъ хана, что Менгли сочувствуетъ бунтовщикамъ и находится въ стачкѣ съ ними. Вообще намъ предстоитъ вести свои дѣла съ большою осмотрительностью. Турки сами по себѣ не явятся въ Крымъ, но если ханъ или татаре вызовутъ ихъ противъ насъ, то они не замедлятъ явиться предъ Кафою. При обоюдной же ненависти ихъ, мы, даже безъ войны, въ концѣ концовъ сдѣлаемся ихъ рабами. Но чтобъ избѣгнуть всего этого, намъ предстоитъ чрезвычайно много сдѣлать: во первыхъ, чтобы каждая семья обезпечила себя по крайней мѣрѣ годовымъ продовольствіемъ; во вторыхъ, намъ предстоитъ изобрѣсти нѣсколько такихъ судовъ, которыми пришлось бы пожертвовать въ темную ночь для поджога непріятельскихъ кораблей и, нако-

нецъ, подготовить всѣхъ способныхъ носить оружіе для внезапныхъ вылазокъ, на случай, если этому поблагопріятствуютъ обстоятельства. Постарайтесь же, синьоры, изложить всѣ эти необходимости на усмотрѣніе сената нашего, который, я полагаю, согласится съ заявленіями вашими и на вѣрно, при моемъ участіи, облегчитъ ваше тяжелое положеніе.

Начальники стражи и крѣпостей продолжали ожидать дальнѣйшихъ приказаній относительно сегодняшняго дня.

— Мнѣ нечего больше сообщать вамъ, синьоры, за исключеніемъ развѣ того, что проходъ чрезъ Константинопольскій проливъ для насъ не существуетъ болѣе и что Генуя сознала полное безсиліе вступать въ борьбу съ турками за нашу свободу. Грустная новость, но, къ сожалѣнію, она не подлежитъ сомнѣнію, потому что это сообщено мнѣ нашимъ галатскимъ консуломъ.

— Послѣднее приказаніе, синьоръ консулъ, сказалъ комендантъ крѣпости св. Константина—держать ли стражу на готовѣ, или распустить по домамъ?

— Отпустить всѣхъ до послѣдняго, за исключеніемъ часовыхъ на башняхъ, за которыми усилить наблюденіе. Объявите однако всѣмъ, что въ случаѣ звона въ церквахъ, они обязаны явиться на городскую площадь для выслушанія приказаній.

Нѣсколько дней спустя, до Имперіале дошло извѣстіе, что Хаджи-гирей безпрепятственно вошелъ въ Солхатъ и бунтовщики доставлены были къ нему въ цѣпяхъ и что Менгли-гирей отнынѣ занятъ будетъ наблюденіемъ надъ постройкою дворца въ Бахчисараѣ, куда и самъ желаетъ переселиться. Разлука съ этимъ послѣднимъ какъ-то грустно отозвалась въ сердцѣ консула, но онъ былъ убѣжденъ, что Менгли на всегда сохранитъ какъ о немъ, такъ и вообще о генуэзцахъ добрую память. Вслѣдъ за этими вѣстями въ кафской бухтѣ появилось большаго размѣра турецкое судно, съ котораго съѣхалъ на пристань посланникъ султана Ахметъ-бей.

Имперіале принялъ высокаго гостя съ подобающею честью и пригласилъ его въ палаццо на отдыхъ. Посланникъ охотно послѣдовалъ за нимъ и, когда они оста-

лись въ двоемъ, сообщилъ, что онъ нѣкогда былъ христіаниномъ, но послѣ той минуты, какъ дядя его лишился трона и жизни, вынужденъ былъ наружно принять исламъ, не ради собственныхъ благъ, но ради того, чтобы сдѣлаться защитникомъ и покровителемъ народа предъ фанатическимъ побѣдителемъ.

— Какими же судьбами вы заѣхали теперь къ намъ?

— Хаджи-гирей-ханъ донесъ султану, что его лишили ханства и просилъ его защиты; но такъ какъ записка, доставленная къ константинопольскому пашѣ, не была никѣмъ подписана, то мнѣ приказано было съѣздить на мѣсто и разузнать подробно обо всемъ, происшедшемъ въ Крыму. Къ удовольствію моему, я узналъ уже кое-что на пути слѣдованія и очень радъ, что въ дѣлѣ этомъ не участвовали христіане. Теперь мнѣ слѣдуетъ только заручиться собственноручнымъ письмомъ хана и считать миссію мою оконченною.

— Я съ удовольствіемъ предоставлю вамъ лошадей и провожатыхъ, сказалъ консулъ, если вы окажете мнѣ удовольствіе откушать со мною и выпить чарку стараго вина, которое вамъ, вѣроятно, воспрещается въ Стамбулѣ.

Ахметъ-бей не противорѣчилъ и во все время обѣденнаго стола сообщалъ Императоре подробности завоеванія Византіи, всѣ способы осады столицы, варварства, которыя не прекращаются до настоящаго времени, и дальнѣйшіе завоевательные виды Магомета. По его мнѣнію, султанъ непремѣнно пожелаетъ завоевать Крымъ, когда покончитъ съ болѣе ближайшими землями, принадлежавшими искони императорамъ Восточной имперіи.

— Эта мысль не покидаетъ его, прибавилъ посланникъ; и я убѣжденъ, что достигнетъ ея исполненія, на томъ основаніи, что, захвативши въ желѣзныя руки голову, не представляетъ труда завладѣть остальными членами корпуса. Но.... я увѣренъ въ глубинѣ души, что Господь, наказавшій насъ за нашу надменность, направилъ въ Византію болѣе надменныхъ варваровъ только для того, чтобы спасти отъ меча ихъ Европу. Здѣсь они застрянутъ до того времени, пока окрѣпнутъ хри-

стіане и будутъ въ состояніи сокрушить ихъ могущество.

— Синьоръ, позвольте мнѣ сдѣлать еще одинъ вопросъ, сказалъ консулъ—неужели изъ всей семьи Палеолога не осталось никого въ религіи отцовъ?

— Остался только одинъ, но и онъ во Франціи.

— Какимъ это образомъ могло произойти?

— Мнѣ извѣстно по этому случаю немногое отъ покойнаго императора Константина, моего незабвеннаго дяди, и именно слѣдующее: одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ его, ожесточившись противъ завѣщанія отца и не чувствуя себя достаточно сильнымъ, чтобы вести борьбу, обратилъ все имущество свое въ деньги и уѣхалъ въ Лотаргинію за 33 года до нашествія турокъ, гдѣ и проживалъ подъ именемъ графа Византійскаго. Въ это время во Франціи царствовалъ Карлъ VII, воевавшій съ англичанами, успѣвшими завладѣть частью его государства. Родственнику моему насиліе это чрезвычайно не понравилось и онъ началъ вліять на простонародіе и преимущественно на одну красивую поселянку Іоанну Д'аркъ. Дѣвушка увлеклась и, нарядившись въ его костюмъ, успѣла ознаменовать себя тѣмъ великимъ подвигомъ, который извѣстенъ нынѣ всему міру. Во все это время графъ Византійскій не переставалъ помогать этой дѣвушкѣ и деньгами, и совѣтами. Туземцы вслѣдствіе этого прозвали иностранца Контъ Д'аркъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ переѣхалъ на островъ Хіо и занялся воспитаніемъ сына своего, котораго любилъ до безумія. На вопросы мои, гдѣ этотъ юноша теперь?—я ничего не могъ узнать; но нашлись такіе, которые донесли султану, что будто бы онъ проживаетъ въ имперіи нашихъ дѣдовъ и мечтаетъ о возстановленіи наслѣдственныхъ правъ. Если это справедливо, то онъ вѣроятно, находится на островахъ и только тогда явится въ Константинополь, когда убѣдится въ возможности жить подъ моимъ покровительствомъ, или въ качествѣ иностранца, или приметъ исламъ, что бы избѣгнуть висѣлицы. Однако, синьоръ, я замѣшкался у васъ: пора исполнить приказаніе ненавистнаго повелителя. На обратномъ пути я дольше пробуду въ Кафѣ и тогда мы вмѣстѣ поплачемъ.

надъ несчастною судьбою Византіи и вашихъ факторій.

Имперіале очень хотѣлось попросить посланника посодѣйствовать ему къ отысканію сына Контъ-Д'арка, но онъ боялся довѣрить ему свою важную тайну.

Когда Ахметъ-бей уѣхалъ, консулъ зашелъ къ Біанкѣ и продиктовалъ ей нѣсколько строкъ къ Менгли-гирею. Она писала, что къ Хаджи-гирею ѣдетъ посланникъ изъ Турціи, который, можетъ быть, везетъ гибельныя приказанія для соотечественниковъ ея и въ заключеніе упрекала его, что онъ не интересуется болѣе свиданіемъ съ нею.

— Теперь, другъ мой, позови ко мнѣ Анжело, сказалъ онъ.

Біанка, которая любила Менглія, съ радостію бросилась исполнить приказаніе въ надеждѣ, что царевичъ не замедлитъ явиться послѣ полученія ея письма.

— Анжело, сказалъ консулъ, когда вошелъ коммиссіонеръ,—ты похвалился мнѣ, что имѣешь трехъ преданныхъ татаръ. Если ты дѣйствительно вѣришь имъ, то поручи болѣе надежному передать это письмо Менгли-гирею, но такъ, чтобы никто ни здѣсь и ни тамъ не могъ узнать объ этомъ. Мнѣ крайне необходимо знать, зачѣмъ султанъ послалъ въ Крымъ своего посланника и не скрывается ли въ этомъ дурныхъ намѣреній. Кто же, кромѣ Менглія, можетъ сообщить намъ достовѣрныя извѣстія?

— Вы справедливо сказали, синьоръ. Надѣюсь, что желаніе ваше будетъ въ точности исполнено.

Вслѣдъ затѣмъ Имперіале доложено было, что изъ Генуи прибылъ сухимъ путемъ посолъ отъ общины банка св. Георгія.

— Зовите его, зовите! сказалъ встревоженный консулъ.

Въ палаццо введенъ былъ громаднаго роста мущина съ всклокоченными волосами, запыленный, грязный и оборванный.

— Не удивляйтесь, синьоръ—сказалъ онъ—если видъ мой можетъ пугать людей. Я ѣду около мѣсяца, не отдыхая, убилъ около 20 лошадей,—но все таки достигъ цѣли.

— Во первыхъ, позвольте представить вамъ письмо отъ достопочтеннѣйшей супруги вашей, свидѣтельствующее о благополучномъ возвращенiи ея въ отечественный городъ, и, наконецъ, посланiе отъ протекторовъ черноморскихъ колонiй; а до того, пока вы прочитаете эти бумаги, ради пресвятой Мадонны, прикажите накормить меня.

Принявъ пакеты, консулъ взялъ гостя своего за руку и подвелъ къ шкафу въ стѣнѣ, гдѣ хранились всевозможные напитки и явства.

— Кушайте и пейте, сколько душѣ вашей угодно! сказалъ онъ, удалившись въ свою рабочую комнату и распечатывая женино письмо.

Синьора Анжелика сообщала мужу, что не смотря на то, что турки неоднократно стрѣляли по судну ихъ мраморными ядрами, имъ удалось проѣхать Босфоръ и, не встрѣчаясь съ врагами на водѣ, прибыть здравыми въ Генуя, но что синьоръ Пекато ни за какiя блага не рѣшается возвратиться въ Кафу.

— Это значитъ, что я потерялъ одинъ изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ кораблей, подумалъ консулъ.

Затѣмъ ему сообщалось, что въ Генуѣ всѣ думаютъ объ оказанiи помощи крымскимъ колонiямъ, трактуютъ, шумятъ, но ни къ чему не приступаютъ. Въ заключенiе заботливая супруга совѣтовала ему поручить все свое недвижимое имущество преданному Анжело и возвратиться на покой.

— А ну, посмотримъ теперь, что пишетъ начальство! проговорилъ Имперiале, вскрывая пакетъ.

Вотъ содержанiе этого письма:

„Достопочтенный синьоръ Джовани Имперiале! До свѣдѣнiя нашего дошло вчера, что вы, наперекоръ постановленiямъ нашей общины, при содѣйствiи враждебной партiи завладѣли правами верховнаго консула безъ малѣйшаго на то согласiя нашего. Принимая во вниманiе, что вы, по образу вашей торговли, не можете соотвѣтствовать такой почетной должности и что ваше главенство можетъ возбудить анархiю и преждевременную погибель Кафы и прочихъ колонiй нашихъ, мы постановили: приказать вамъ немедленно явиться въ Генуя,

на судъ нашъ, и обязанности консула теперь же передать избранному и назначенному нами храброму Жіофредо, который уполномоченъ отмѣнить всѣ постановленія ваши и дѣйствовать самостоятельно. Малѣйшее сопротивленіе со стороны вашей вызоветъ смертную казнь, такъ какъ имя наше никогда не вносилось и не внесется въ списокъ консуловъ черноморскихъ колоній нашей общины".

Прочитавъ это грозное посланіе, Имперіале затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Подлецы! вскрикнулъ онъ—и въ эту минуту, когда вы не пользуетесь никакими правами, когда вы не въ силахъ оказать погибающимъ никакого пособія, вы стараетесь лишить ихъ даже тѣхъ средствъ, которыя они сами изобрѣли. Нѣтъ, безчувственные враги, нѣтъ, подлые барышники, не будетъ по вашему! Только я одинъ могу спасти колоніи и то тогда только, если счастіе будетъ благопріятствовать, а вы изъ гнустнаго тщеславія посылаете господствовать надъ нами какого-то горскаго разбойника, который въ первый же день доведетъ насъ до потери имущества и жизни.

Имперіале, полный злости, зашагалъ по комнатѣ и въ нѣскоько минутъ придумалъ отважный планъ избавиться отъ присланнаго на его мѣсто консула. Затѣмъ онъ спокойно расположился на софѣ и, приказавъ никого не принимать, началъ поджидать гостя своего.

Часъ спустя, верховный консулъ вошелъ и расположился около него.

— Очень радъ, синьоръ, сказалъ Имперіале, что община, наконецъ, вспомнила о подданныхъ своихъ и избавила меня отъ обязанности служить колоніямъ въ моменты гибели ихъ. Я принялъ консульство не потому, что оно льстило мнѣ, а изъ-за того только, чтобы не допустить анархіи. Повторяю мою благодарность протекторамъ и съ величайшимъ удовольствіемъ завтра представлю васъ сенаторамъ и гражданамъ. Но, можетъ быть, вы обойдетесь и безъ меня, если сами сообщили кому нибудь изъ кафскихъ жителей о своемъ назначеніи.

— Нѣтъ, синьоръ, я такъ былъ голоденъ при въѣздѣ

въ городъ, что ни съ кѣмъ не могъ говорить. Я только спросилъ о вашемъ палаццо и летѣлъ къ нему, въ надеждѣ возстановить свои силы.

— Если сказанное вами справедливо, то мнѣ не остается болѣе ничего, какъ только взглянуть на подпись вашу. Потрудитесь же написать мнѣ ваше имя и фамилію, чтобы я могъ подтвердить вашу самоличность предъ представителями городской власти.

Гость въ ту же минуту исполнилъ предложеніе Имперіале. Заручившись и этимъ, хозяинъ собственноручно принесъ нѣсколько фляжекъ вина и, поминутно угощая имъ начальника своего, въ концѣ концовъ разузналъ профессію его на родинѣ. Оказалось, что онъ разбойничалъ въ разныхъ мѣстахъ Италіи и на столько сдѣлался опаснымъ, что приходилось выпроводить его въ отдаленную мѣстность для блага отечества.

Разузнавъ все, что ему казалось необходимымъ, Имперіале ввелъ гостя своего въ одну изъ спаленъ палаццо и раздѣвъ его, уложилъ въ постель. При этомъ онъ нашелъ у разбойника тайный наказъ членовъ банка, въ которомъ предписывалось, по вступленіи на должность, безотлагательно предать Имперіале смертной казни и все движимое и недвижимое имущество его обратить въ кассу колоній.

Въ эту минуту у верховнаго консула помрачился разсудокъ и, схвативъ кинжалъ, онъ положительно искололь пьянаго посланника, который не въ силахъ былъ защищаться. Затѣмъ, выждавъ того момента, когда всѣ заснули, Имперіале, взваливъ на себя мертвое тѣло, бросилъ его въ отхожую яму, съ постелью и простынею, на которыхъ были слѣды его преступленія.

На другой день Ягья, приготовившійся совершить другую поѣздку въ Константинополь, получилъ отъ Имперіале для пересылки въ метрополію подробный рапортъ отъ новаго консула о благополучномъ прибытіи въ Кафу и исполненіи всѣхъ возложенныхъ на него порученій.

— Передавая эту бумагу, сказалъ Имперіале, ты на всѣ вопросы долженъ отвѣчать, что никого не знаешь въ Кафѣ, что пакетъ тебѣ принесенъ для доставленія въ генуэзское консульство какимъ-то неизвѣстнымъ лицомъ,

обѣщавшимъ вознаградить за трудъ только тогда, когда доставлено будетъ удостовѣреніе о доставленіи его по принадлежности. Помни же это, если тебѣ пріятна моя расположенность. Кромѣ этого я убѣдительно прошу тебя, если ты встрѣтишь херсонскаго жителя подъ именемъ Іоанна Пиѳа, который заявилъ бы тебѣ, что онъ самъ или съ товарищемъ желаетъ возвратиться въ Крымъ, то ты прими ихъ на мой корабль, какъ меня самого, и доставь ихъ туда, куда они пожелаютъ.

Татаринъ не замедлилъ записать названное имя и, пожелавъ всѣхъ благъ хозяину, немедленно отправился въ путь.

— Ну, теперь я могу успокоиться, сказалъ консулъ; никто не знаетъ въ городѣ о смѣнѣ меня. Община будетъ получать донесенія за подписью того, кого она назначила. Остается только зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не послалъ мимо меня письма или доноса. Но это не представляетъ особеннаго затрудненія. Я съумѣю пересмотрѣть и, при надобности, измѣнить свою фамилію. На случай же республика восторжествуетъ надъ врагами и проложитъ себѣ свободный путь, я найду себѣ уголокъ въ Польшѣ и другихъ католическихъ державахъ, гдѣ, при моемъ состояніи, буду жить такъ же беззаботно, какъ и на родинѣ. Веселое расположеніе Имперіале заставило его племянницу созвать всѣхъ подругъ своихъ въ палаццо и устроить пикникъ, въ которомъ принималъ участіе и самъ консулъ.

Нѣсколько дней спустя, къ Имперіале возвратился Ахметъ-бей въ сопровожденіи Менгли-гирея.

— Ну, теперь, когда миссія моя покончена, сказалъ посланникъ, я могу погостить у тебя до попутнаго вѣтра.

— А я, къ сожалѣнію, только до вечера, прибавилъ Менгли-гирей и бросился въ отдѣленіе Біанки.

— Ну, какъ идутъ дѣла нашего хана? спросилъ консулъ, когда они сидѣли за чашкой кофе.

— Все кончилось благополучно и я очень радъ, что могу засвидѣтельствовать предъ султаномъ услуги, оказанныя генуэзцами Хаджи-гирею.

— И вы полагаете, что это измѣнитъ непріязнь султана къ намъ?

— Все же хоть немногимъ охладить ненависть.

— А скажите мнѣ откровенно, въ какой степени мы ненавистны ему и за что?

— Да какъ бы вамъ сказать? Во первыхъ, ему хочется, чтобы всѣ христіане сознали предъ нимъ свою ничтожность и провозгласили его своимъ повелителемъ; что же касается генуэзцевъ, то онъ ненавидитъ ихъ съ того момента, когда они, въ качествѣ гостей на греческой землѣ, обнажили свои мечи противъ его войска. Съ этого времени онъ только и бредитъ сокрушеніемъ всѣхъ ихъ владѣній въ сосѣдствѣ.

— Слѣдовательно вы полагаете, что крымскія колоніи наши недолго будутъ существовать?

— До того времени, пока не произойдетъ столкновенія съ мѣстными ханами, къ которымъ султанъ питаетъ какое-то особое расположеніе и надѣется имѣть въ нихъ надежную опору на случай всеобщаго возстанія противъ него европейскихъ христіанъ. Если вы дорожите вашими благами, то старайтесь жить въ мирѣ и согласіи съ татарами.

Въ эту минуту у Имперіале явилась блистательная идея—сдать крымскому хану всѣ генуэзскія колоніи и сдѣлаться его подданнымъ, но, подумавъ еще немного, онъ рѣшился это сдѣлать только тогда, когда вступитъ на престолъ Менгли-гирей или когда не представится болѣе никакой надежды къ самостоятельному существованію. Въ честолюбивой головѣ его еще не погасла надежда восторжествовать надъ неизбѣжностію предопредѣленія.

— Еще одинъ вопросъ, мой дорогой гость, сказалъ консулъ—есть ли надежда, что республика наша сблизится съ султаномъ и достигнетъ сношенія съ факторіями своими?

— Накакой. Я самъ слышалъ своими ушами, какъ Магометъ приказывалъ, чтобы ни одной шлюпки итальянцевъ не пропускать въ Черное море, но не особенно препятствовать выходу изъ него кораблей.

Съ Менгли-гиреемъ Имперіале перекинулся нѣсколькими словами, утѣшившими его вполнѣ.

— Султанъ намъ пишетъ, что отнынѣ турки будутъ

заботиться о Крымѣ, какъ о своей собственности, и обѣщаетъ всевозможныя снисхожденія въ торговыхъ сношеніяхъ, шепнулъ онъ. Это доказываетъ, что мы можемъ быть спокойными.

По отъѣздѣ изъ Кафы важныхъ гостей, къ Империале доставленъ былъ съ нарочнымъ изъ Чимбало пакетъ на имя хазарскаго консула безъ поименованіи фамиліи. Пакетъ былъ переданъ какимъ-то татариномъ и оказался отъ протекторовъ банка, не увѣренныхъ еще, что назначенный ими новый консулъ достигъ до резиденціи своей. Въ письмѣ предписывалось или, проще, повторялось одно изъ прежнихъ постановленій общины, основанныхъ, какъ и тогда, на несправедливыхъ слухахъ, относительно смерти Хаджи-гирей-хана и замѣщеніи его Менгли-гиреемъ. Вслѣдствіе чего протекторы, увѣренные въ дружелюбіи новаго хана, приказывали немедленно сократить расходы Кафы по содержанію войска, занимавшаго городъ и крѣпости, такъ какъ средства банка находятся въ плохомъ состояніи и требуютъ содѣйствія изъ городскихъ доходовъ. При этомъ подписывалось оказать новому хану величайшее сочувствіе, съ обѣщаніемъ всякаго содѣйствія для поддержанія его правъ и покровительства противъ его враговъ, которые были ни кто иные, какъ его братья. Одновременно же совѣтывалось, дабы не остаться безъ союзниковъ противъ хана, на добросовѣстность котораго трудно было положиться, войти въ дружественныя сношенія съ Олобеемъ, сыномъ владѣтельнаго князя Алексія, имѣвшаго резиденцію въ крѣпости Теодоро, какъ съ христіаниномъ. Въ заключеніе обѣщались крестовые походы, сокрушеніе турецкаго господства и т. п.

— Воображаю, сказалъ Империале про себя, какъ бы расхохотался, чимбальскій консулъ, синьоръ Де-Олива, еслибъ вздумалъ вскрыть этотъ пакетъ и прочитать всю эту чушь, написанную въ немъ. Надо будетъ передать это предписаніе въ сенатъ, для потѣхи чиновниковъ.

Съ этою мыслью онъ добавилъ въ адресѣ свое имя и фамилію и, при надписи, отправилъ къ канцлеру для предъявленія сенаторамъ новаго распоряженія общины. Одновременно съ этимъ указомъ посылалось на обсуж-

деніе сената и заявленіе Хаджи-гирея о томъ, что дочь его выходитъ замужъ за Ширинлы-бека, вслѣдствіе чего всѣ высшіе сановники Кафы приглашаются на праздникъ.

Приглашеніемъ этимъ обыкновенно требовались не лица для участія въ пиршествѣ, а приличные подарки для дополненія приданнаго невѣсты. Кафскіе жители знали очень хорошо, что ханы придавали значеніе своимъ приглашеніямъ и поэтому коллегіально обсуждали, въ какую сумму и какіе именно подарки должно отправить отъ имени всѣхъ генуэзцевъ.

Менѣе цѣнные подарки посылались и на свадьбы прочихъ членовъ царствующей фамиліи. Тоже самое принято было и со стороны хановъ и всѣхъ бековъ на случай приглашенія ихъ на свадьбу консула и другихъ сановниковъ города.

Обычай этотъ соблюдался даже и въ то время, когда обѣ націи находились въ непріязненныхъ отношеніяхъ и нерѣдко былъ поводомъ къ возстановленію дружбы.

Дорожа такимъ поводомъ на непредвидѣнныя случайности, генуэзцы, всѣ безъ исключенія, принимали участіе, въ пожертвованіяхъ и составляли иногда такой складъ вещей и продуктовъ, изъ котораго часть откладывалась въ запасъ, на подарки при въѣздѣ хана въ Кафу.

Обѣ бумаги, присланныя верховнымъ консуломъ, немедленно были доложены сенаторамъ и на сколько ханская показалась обыкновенною, на столько собраніе было возмущено распоряженіемъ протекторовъ общины св. Георгія.

— Потрудитесь сообщить мнѣ ваше общее мнѣніе, сказалъ канцлеръ, для записи въ книгу.

— Мнѣніе наше таково, отвѣчали сенаторы, что мы отнынѣ не будемъ имѣть ни одного грегарія или воина, содержащагося на счетъ общины, а будемъ выставлять, при надобности, своихъ сыновей для защиты себя. При этомъ мы просимъ протекторовъ нашихъ впредь до улучшенія отношеній ихъ съ султаномъ предоставить намъ свободу управлять собою и городскими дѣлами по личному усмотрѣнію и крайнимъ обстоятельствамъ.

Канцлеръ не хотѣлъ вносить послѣдняго заявленія въ

книгу, но въ эту минуту появился въ залѣ Имперіале и сопротивленіе его оказалось безсильнымъ.

Верховный консулъ приказалъ выдать ему копію съ этого постановленія, которую долженъ былъ послать враждебному ему начальству въ надеждѣ отомстить за себя.

VIII.

Только что Имперіале возвратился изъ Солхата, гдѣ праздновалась 40 дней свадьба единственной дочери Хаджи-гирей хана, Альме-султанъ. Окруженный всѣми почти представителями городской власти, верховный консулъ разсказывалъ о знакомствѣ своемъ съ главнѣйшими начальниками или представителями родовъ Ширинлы, Мансурлы, Манкитлы, Нахшиванлы, Чекешке, Ибратлы, Ули, Оланлы, Бардаклы, Арсланъ-бекъ-или, Чебанъ-или, Деви-или и Неврусъ-или которые раньше неблагосклонно относились къ пребыванію итальянцевъ въ Крыму.

— Я сдѣлалъ все, что могло зависѣть отъ меня— говорилъ онъ—чтобы возбудить къ намъ расположенность, и въ заключеніе пригласилъ ихъ на пиршество къ намъ въ день св. Георгія. А такъ какъ до этого дня немного остается, то прійдется моей Біанкѣ много потрудиться для пріема массы гостей.

— И ханъ пріѣдетъ? спросили многіе.

— Этого не знаю. Онъ обѣщалъ; но здоровье его такъ слабо, что, кажется, онъ не въ силахъ будетъ сѣсть на лошадь. Мнѣ кажется, что онъ и самъ сознаетъ приближеніе смерти, потому что отправилъ вновь нарочныхъ на Кавказъ о немедленномъ розысканіи и доставленіи къ намъ въ сугдайскую крѣпость своихъ племянниковъ, могущихъ помѣщать царствовать Менглію. Я не иначе могъ возвратиться въ Кафу, какъ побывавъ съ конвоемъ въ Судгаіѣ, чтобы лично отдать приказаніе консулу и коменданту, какъ поступить съ плѣнниками. Мнѣ кажется, что услуга наша принесетъ намъ двойную пользу: во первыхъ, ханъ будетъ доволенъ ею и, наконецъ, Менгли-гирей не пожелаетъ нарушать добрыхъ

отношеній къ тѣмъ, кто будетъ держать подъ замкомъ его опасныхъ враговъ.

— Вы безподобны въ дальновидности, отвѣчали всѣ сановники; а при такомъ консулѣ есть надежда, что покинутыя республикою дѣти переживутъ печальные дни и дождутся снова сіянія солнца.

— Вы льстите мнѣ, достопочтенные друзья, отвѣчалъ Имперіале; но я, готовый пожертвовать всѣмъ имуществомъ и жизнею для Кафы, иногда предполагаю, что если община вздумаетъ прислать на мое мѣсто какого нибудь разбойника или карбонаре, вы всѣ охотно признаете его своимъ начальникомъ и выгоните меня изъ города, если я одинъ возстану противъ такого назначенія.

— Дай Богъ, чтобы это не случилось; но если случится, мы скорѣе всѣ выселимся изъ Кафы, чѣмъ оскорбимъ того, кто служитъ безъ вознагражденія и жертвуетъ своими средствами для нашего блага. Мы не прочь даже провозгласить васъ своимъ дожемъ, если Генуя окончательно забудетъ о насъ, нуждающихся въ правителѣ, который мудростію и самоотверженіемъ сохранилъ нашу независимость.

— Спасибо вамъ, друзья, но до этого еще далеко. Я не ищу для себя ровно ничего, но изъ любви къ мѣсту, гдѣ живу съ юности, гдѣ обогатился и гдѣ былъ уважаемъ всѣми, я готовъ на всевозможные подвиги. Не поставьте же мнѣ въ будущемъ въ упрекъ, если узнаете, что я своеручно убилъ кого либо изъ-за блага вашего. Это очень можетъ случиться, если ко мнѣ соизволитъ прибыть одинъ изъ протекторовъ банка и потребуетъ привести въ исполненіе еще какое нибудь предписаніе въ видѣ того, какое я имѣлъ честь представлять вамъ о сокращеніи грегаріевъ.

— Вы поступите, какъ истинный благодѣтель нашъ, отвѣчали сенаторы единодушно; довольно уже быть рабами ничтожныхъ барышниковъ, стремившихся повелѣвать нашими женами и дѣтьми и предоставлять ихъ на гибель варваровъ. О Генуя, могли ли мы ожидать, что будемъ отвергнуты тобою и отданы, какъ товаръ, въ коммерческія руки!

— Не будемъ, друзья, возмущать себя воспомина-

ніемъ о прошломъ, сказалъ Имперіале; запьемъ виномъ горькое назначеніе и постараемся лично позаботиться о своей судьбѣ. Біанка! прикажи подать намъ изъ лучшихъ сортовъ вина.

Съ этого только времени верховный консулъ успокоился.

— Теперь я буду дѣйствовать напроломъ и самостоятельно—думалъ онъ—община для меня не существуетъ болѣе. Пусть она высылаетъ, по обыкновенію, новыхъ консуловъ, но ни одинъ изъ нихъ не будетъ властвовать и ни одинъ не возвратится на родину. Несчастные избранники! вы вмѣсто пурпуровой мантіи найдете саванъ и, неоплаканные никѣмъ, истлѣете вдали отъ родной земли, но имя ваше не перестанетъ мелькать передъ глазами вашихъ палачей до того времени, пока замѣнится новою жертвою.

Веселая пирушка сановниковъ прервана была заявленіемъ Анжело, что изъ Сугдаи прибылъ посланный съ письмомъ отъ коменданта крѣпости. Имперіале вышелъ, но скоро возвратившись возвѣстилъ гостямъ, что коршуны, которыхъ страшился Хаджи-гирей и которые могли бы растерзать Менглія, находятся уже въ несокрушимой клѣткѣ, сами не зная, въ какую сторону и къ какому народу попали въ плѣнъ.

Недѣлю спустя послѣ этого событія, Хаджи-гирей-ханъ мирно и спокойно испустилъ свое послѣднее дыханіе и на крымскій престолъ вступилъ молодой, полный силы Менгли.

Лишь только вѣсть эта дошла до верховнаго консула, онъ отдалъ приказаніе по всѣмъ подчиненнымъ ему колоніямъ приготовить богатые бакшиши, или подарки новому хану, которые доставить лично консуламъ съ подобающимъ привѣтствіемъ.

Пока приказаніе это исполнялось къ урочному дню, имѣющему сгруппировать всѣхъ консуловъ въ Кафѣ, куда ожидался Менгли, занятый въ послѣднее время постройками въ теперешнемъ Бахчисараѣ, Имперіале успѣлъ отъ себя лично приготовить въ даръ другу своему великолѣпную саблю въ золотыхъ ножнахъ, усыпанныхъ алмазами и другаго рода дорогими каменьями, сѣдло,

стоющее нѣсколько тысячъ піастровъ, и обложенную золотомъ колыску.

— Всѣ эти предметы, думалъ онъ, постоянно будутъ напоминать ему мою дружбу, которая не прекратится между нами до смерти.

— Ну, а ты, Біанка. что намѣрена послать твоему обожателю? спросилъ Имперіале у задумчиво сидящей племянницы.

— Еслибъ я имѣла свои средства, я заказала бы ему золотую печать съ изображеніемъ гребешка, которымъ онъ, при послѣднемъ свиданіи, расчесалъ мнѣ волосы, и затѣмъ небольшой кинжалъ съ надписью: „умри отъ него, когда охладѣешь къ той, которая посылаетъ съ нимъ сердце свое“.

— Неужели, дитя мое, ты такъ любишь этого мусульманина?

— Я выросла между мусульманами, дядюшка, и отецъ мой былъ мусульманинъ; могу ли я не быть расположена къ этимъ людямъ, хотя и признаю преимущество христіанской религіи и ни за какія блага не измѣню ей.

— Если ты поклянешся въ исполненіи послѣдняго, то я охотно исполню твое желаніе: перстень съ печатью и кинжалъ съ надписью будутъ готовы къ тому дню, когда выѣдетъ въ Солхатъ депутація.

Біанка упала на колѣни предъ образомъ св. Дѣвы и, поднявъ руки, торжественно поклялась умереть въ религіи матери.

Имперіале поднялъ племянницу и, тяжело вздохнувъ, поцѣловалъ ее въ холодный лобъ.

— Бѣдная сиротка, неужели тебѣ суждено умереть рабынею? мелькнуло въ его мысляхъ; чего бы я не далъ, чтобы возвратить тебя въ родной городъ! но ты въ немъ завянешь, какъ пересаженный не во время цвѣтокъ. Тебѣ нужны татаре и черкесы, ты жаждешь встрѣчи съ ними и ихъ забавы для тебя лучшее развлеченіе. Да исполнится же сужденное свыше!

Тѣмъ временемъ въ кафскую бухту неслось на всѣхъ парусахъ судно мѣстной конструкціи, на носу котораго стоялъ стройный молодой человѣкъ, внимательно смотрѣвшій на городъ. Имперіале какъ-то невольно началъ

слѣдить за нимъ. Суденце остановилось у самой пристани и на палубѣ показался Іоаннъ Пиѳа, который подошелъ къ молодому человѣку и вмѣстѣ съ нимъ спустился въ шлюпку.

— Неужели ему удалось отыскать одного изъ наслѣдниковъ византійскаго императора? подумалъ консулъ.

Десять минутъ спустя, предъ нимъ стоялъ херсонесскій житель, который нарочно прибылъ въ Кафу, чтобы представить найденнаго имъ въ Византійской имперіи послѣдняго христіанскаго потомка царственной семьи.

— Приказаніе ваше, синьоръ, я исполнилъ буквально, сказалъ онъ, указывая на молодаго спутника своего; вотъ вамъ тотъ, котораго вы изъявили желаніе видѣть,

Имперіале молча подалъ руку гостю и повелъ его въ свой кабинетъ.

— Синьоръ, сказалъ онъ, я послалъ нарочно на свой счетъ отыскать въ восточной имперіи кого либо изъ семьи императорской фамиліи...

— Это передано мнѣ и я исполнилъ ваше желаніе. Я одинъ изъ ближайшихъ членовъ погибшей семьи Палеолога и готовъ служить вамъ тѣломъ и душею, если въ этомъ чувствуется со стороны вашей необходимость.

— Вы прямо прибыли въ Кафу или заѣзжали въ Херсонесъ?

— Пиѳа завозилъ меня въ Херсонесъ и ознакомилъ съ жителями его; потомъ мы были въ Чимбало и другихъ мѣстностяхъ, которыя я не съумѣю назвать, но знаю, что онѣ населены греками.

— А какъ васъ принималъ народъ?

— Мнѣ казалось, что всѣ сочувствовали нашему семейному несчастію.

— Слѣдовательно, повѣрили въ ваше происхожденіе?

— Иначе и не могло быть, потому что я чрезвычайно похожъ на моего царствовавшаго дядю, котораго многіе изъ херсонесскихъ и чимбальскихъ купцовъ видѣли.

— Отлично, синьоръ. Вы, послѣ отдыха у меня и переговоровъ съ мѣстными греками, поѣдете сухимъ путемъ, чрезъ Сугдаію и Готѳію, до уцѣлѣвшаго княже-

ства Византійской имперіи, гдѣ властвуетъ теперь престарѣвшій Алексій, который съ удовольствіемъ возвратитъ законному наслѣднику права его.... Я на первый разъ помогу вамъ деньгами, если вы пообѣщаете мнѣ вооружить всѣхъ грековъ, построить нѣсколько десятковъ хорошихъ судовъ и слиться съ нами въ одно тѣло, чтобы имѣть возможность отбиться отъ турокъ, которые мечтаютъ сокрушить насъ и на этомъ отдаленномъ клочкѣ земли.

— Я готовъ сдѣлать все противъ этихъ варваровъ.

Въ эту минуту въ комнату вошла Біанка. Взглянувъ на прекраснаго молодаго гостя, обратившаго на нее черные, пламенные глаза, дѣвушка какъ-то невольно покраснѣла и остановилась.

— Это моя племянница, сказалъ консулъ, и такая же несчастная, какъ вы. Теперь она нашла дядю, который защититъ ее отъ случайностей. Авось и васъ спасетъ отъ того же наслѣдіе того же дяди.

Алексій Палеологъ, какъ его называли друзья и знакомые, поднялся съ мѣста и молча поклонился Біанкѣ и затѣмъ, обратившись къ Имперіале, спросилъ:

— Не происходитъ ли и она изъ царскаго дома?

Консулъ разсказалъ всю ея исторію.

Послѣ продолжительный общей бесѣды, молодой севастъ отведенъ былъ Біанкою въ одну изъ комнатъ палаццо, предназначенную для отдыха важныхъ лицъ. Въ этой прелестной спальнѣ почивалъ и Менгли-гирей, теперешній повелитель ханства.

Оставшись наединѣ, Алексій, не знавшій покоя въ продолженіи пяти послѣднихъ лѣтъ въ своей скитальнической жизни по Архипелагскимъ островамъ, только сегодня безъ страха и томительной тоски заснулъ спокойнымъ сномъ. Ему снился Константинополь и всѣ погибшіе и страждущіе въ неволѣ родные. Онъ видѣлъ распростертое на землѣ тѣло императора, который бился на равнѣ съ солдатами, въ надеждѣ спасти подданныхъ и имперію—и тѣло это требовало мести. Затѣмъ на сцену выступила Біанка съ знаменемъ побѣды, но вдругъ была обезглавлена какою-то могущественною рукою. Потомъ небо покрылось черными тучами и онъ очутился

на островѣ Хіо, въ доставшейся ему отъ отца виллѣ, носящей названіе *Панагія тисъ Дафнесъ*. Всѣ постройки на ней были разрушены, а въ лавровой рощѣ точно выросъ изъ земли храмъ съ чудотворнымъ ликомъ Богоматери, предъ которымъ теплилась неугасимая лампада. Святая Дѣва потребовала отъ него посвятить себя въ санъ священника и молиться за родныхъ.

— Говорятъ, что сны на новомъ мѣстѣ сбываются, подумалъ Алексій, когда очнулся; надо будетъ записать все видѣнное мною—и, доставъ записную книженку, онъ началъ писать.

Въ тотъ же вечеръ къ великому князю Византійской имперіи введенъ былъ консуломъ синдикъ Деліяни, который, какъ уроженецъ Таврики, дорожившій правами соотечественниковъ своихъ и преданіями старины, посвятилъ его самымъ подробнымъ образомъ въ исторію Гоѳтіи. Изъ словъ его Алексій понялъ, что вся прибрежная часть этой страны принадлежала византійской коронѣ, но управлялась самостоятельно или членами царской семьи, подъ именемъ севастовъ, или архонтами, выбираемыми гражданами. Севасты были въ Сугдаѣ, Мангопіи и Теодорѣ, а въ Каркинитѣ, Херсонесѣ и Боѣ *) архонты. Впослѣдствіи же, когда Сугдаія была взята генуэзцами, а остальныя княжества не могли выдержать напора варваровъ, то земли эти были оставлены греками, которые переселились въ мѣстности недоступныя по мѣстоположенію и именно—на Мангопію, Чимбало, Херсонесъ и Готоію. Въ Мангопіи нынѣ княжитъ изъ рода византійскихъ севастовъ Исай, а въ Теодоро архонтъ Алексій, котораго возвелъ въ это достоинство, при отъѣздѣ изъ Таврики, покойный императоръ Константинъ и что въ настоящее время этотъ немощный старикъ, замѣняемый сыномъ своимъ Алексѣемъ Ололомъ, будетъ очень радъ сложить власть свою въ пользу того, кто наслѣдовалъ ее по происхожденію своему.

— Если вамъ удастся устроиться, продолжалъ син-

*) Мѣстность около Кучука-Озенбаша, недоступная почти со всѣхъ сторонъ съ развалинами стѣнъ, церквей и т. п.

дикъ Кафы, то нѣтъ сомнѣнія, что мы всѣ сгруппируемся около васъ и не пожалѣемъ ничего, чтобы сдѣлать наше княжество сильнымъ и образцовымъ. Южная Таврика изобилуетъ виноградомъ, рыбою, лѣсами и двумя превосходными бухтами, а этого достаточно для благосостоянія торговыхъ людей, могущихъ, кромѣ мореплаванія, заниматься садоводствомъ, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.

— А какъ велико Мангупское княжество и много ли у него воиновъ? спросилъ князь.

— Княжество его состоитъ изъ нѣсколькихъ поселеній, совершенно беззащитныхъ. Но самъ князь живетъ на недоступной вершинѣ скалы, куда подданные собираются при малѣйшей опасности и всѣ превращаются въ воиновъ, число которыхъ можетъ доходить до 1500 человѣкъ. Побѣдить его не иначе возможно, какъ окруживъ всю подошву скалы, довести народъ до голода; но для этого надо употребить нѣсколько тысячъ человѣкъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, потому что большинство народа имѣетъ на этой вершинѣ склады своихъ произведеній.

— Слѣдовательно, на помощь его нельзя разсчитывать?

— Можно вызвать охотниковъ, которыхъ всегда найдется много.

— А Теодоро хорошо ли защищено?

— Нѣтъ, это не особенно возвышенный съ материка выступъ, господствующій надъ частицею моря, съ котораго очень удобно наблюдать за прибрежною полосою до Фороса и откуда нѣсколько часовъ ѣзды до Чимбало. Это сосѣдство доставило намъ возможность еще не такъ давно освободить этотъ городъ отъ генуэзскаго господства, которые задумали было завоевать его на томъ основаніи, что онъ оставался свободною бухтою.

— Въ такомъ случаѣ гдѣ же удобнѣе, по мнѣнію вашему, основать столицу? спросилъ царевичъ.

— Теперь вамъ не приходится удаляться отъ центра народонаселенія, но впослѣдствіи, я полагаю, вы остановите ваше вниманіе на Херсонесѣ, требующемъ не

особенно важныхъ затратъ для возобновленія его рвовъ и нѣкоторыхъ крѣпостей со стороны моря и материка. Генуэзцы, вѣроятно не откажутся посодѣйствовать вамъ всѣмъ, чѣмъ будутъ въ состояніи, лишь бы вы могли защитить ихъ отъ турокъ. Я убѣжденъ даже, что они охотно возвратятъ намъ Сугдаію, какъ мѣстность совершенно безполезную имъ съ того времени, какъ перестали являться туда, по старой привычкѣ, торговые люди.

Деліяни, откланиваясь будущему владѣтельному князю южной Таврики, изъявилъ желаніе лично сопровождать его до мѣста резиденціи.

Не успѣлъ онъ выйти, къ Алексію вбѣжала Біанка.

— Ахъ, монсиньоръ, сказала она, какой мнѣ странный снился сонъ въ продолженіи какихъ нибудь десяти минутъ.

— Вѣроятно, къ вамъ сходили всѣ лучшіе ангелы, чтобы восхвалить вашу доброту, сказалъ онъ съ улыбкою.

— Къ несчастію, я никогда не могла сдѣлать ничего добраго и заслуживающаго вниманія пресвятой Дѣвы, иначе мнѣ не приснилось бы такое видѣніе. Представьте, я видѣла себя въ цѣпяхъ, въ темницѣ, умирающею съ голода, и въ ту самую минуту, когда я придумывала легчайшій способъ смерти, вы явились ко мнѣ въ коронѣ, которую бросили на каменный полъ и затѣмъ, взявъ меня за руку, вывели изъ заключенія. Неужели, монсиньоръ, вы сдѣлаете это въ самомъ дѣлѣ, если на насъ внезапно нападутъ турки?

— Я не думаю, чтобы звѣри могли имѣть такіе помыслы въ отношеніи такихъ прелестныхъ дѣтей.

— Ну, а еслибъ это случилось, вы обѣщаете быть моимъ спасителемъ?

— Я обязанъ сдѣлать это за оказанное мнѣ гостепріимство и сочувствіе въ моей печальной судьбѣ.

Біанка весело подошла къ гостю и, поцѣловавъ его въ смуглый лобъ, просила не забывать своего обѣщанія.

Съ этого дня добрая дѣвушка употребляла всѣ усилія предупреждать малѣйшія желанія гостя своего и съ такимъ вниманіемъ и усердіемъ служила ему, что синь-

оръ Имперіале началъ побаиваться о разстройствѣ давно созрѣвшаго въ честолюбивомъ умѣ его плана. Вслѣдствіе этого онъ приготовилъ все къ немедленному отъѣзду князя.

— И такъ, вы уѣдете навсегда отъ насъ? спросила Біанка у Алексія.

— Не думаю, моя дорогая, чтобы я могъ не пожелать видѣть васъ.

— А мнѣ кажется, что вы сейчасъ же послѣ выѣзда забудете даже имя той, которая всей душою привязалась къ вамъ точно, какъ къ брату.

— Біанка, неужели вы несчастливы?

— Да, я болѣе тоскую у дяди, чѣмъ въ неволѣ у черкесовъ. Я имѣла несчастіе познакомиться съ теперешнимъ крымскимъ ханомъ, котораго полюбила и готова была бѣжать съ нимъ въ горы и лѣса и можетъ быть давно сдѣлала бы это, еслибъ не убѣдилась, что дядя мой содѣйствовалъ этому сближенію съ мусульманиномъ изъ своихъ интересовъ. Ясно, что Менгли не любитъ меня, но не прочь имѣть подъ рукою христіанку-рабыню. Все это до того оскорбило меня, что я возненавидѣла весь міръ и предалась бы всѣмъ сердцемъ тому, кто замѣнилъ бы мою несчастную мать. Біанка прослезилась.

— Не плачь, милое дитя, сказалъ молодой севастъ, положивъ къ ней на плечо руку, я пока чужой въ этой странѣ, но помни, что если найду себѣ пріютъ, то сочту за особенное удовольствіе замѣнить тебѣ брата и нѣжнаго друга. Потерпи же немного и молись почаще за того, кто будетъ думать о тебѣ.

— Неужели вы будете думать о бѣдной сироткѣ?

— Потому именно, что и я сирота.

— О, въ такомъ случаѣ я по цѣлымъ ночамъ буду стоять на колѣняхъ предъ Мадонною, а все остальное время думать о моемъ другѣ.

— Поклянемся же въ этомъ, проговорилъ едва слышно князь и приложилъ свои губы къ губамъ прелестной итальянки и нѣжный братскій поцѣлуй связалъ ихъ навсегда высшими и благороднѣйшими чувствами глубокой вѣры и любви.

Въ этотъ же день царевичъ выѣхалъ изъ Кафы, въ сопровожденіи Деліяни и нѣкоторыхъ другихъ соотечественниковъ, издавна переѣхавшихъ въ Тавриду.

Въ Сугдаѣ и повсюду до Алустона, гдѣ онъ останавливался, къ нему приходили на поклоненіе не только мущины, но даже женщины и дѣти, предлагавшіе часть имущества своего для установленія княжества на прочныхъ основаніяхъ.

Въ Алустонѣ князь положительно изумленъ былъ, встрѣтивъ огромную массу народа, во главѣ ихъ митрополита и священниковъ, преклонившихъ предъ нимъ колѣни.

— Даміанъ! вскрикнулъ принцъ и упалъ въ объятія митрополита—я только одинъ разъ видѣлъ тебя у несчастнаго императора и ликъ твой врѣзался въ моей дѣтской памяти.

— Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, яко видѣста очи мои!... вскрикнулъ глубоко тронутый митрополитъ. Великій Боже, ниспошли на него благодать святаго Духа и возврати ему престолъ отцевъ!

— Аминь, аминь! запѣли священники и за ними всѣ присутствующіе.

Даміана узналъ Алексій по глубокому рубцу на щекѣ, полученному въ столкновеніи съ какими-то пиратами на морѣ, когда онъ епископствовалъ на о. Критѣ (Кандіи). Ему припомнилось даже, какъ онъ разспрашивалъ его объ этой борьбѣ и какъ дядя, его императоръ, пожаловалъ его дорогою тростью, тою самою, которая и теперь находилась въ рукахъ его.

Митрополитъ, въ свою очередь, вспомнилъ его и отца его, покинувшаго родину изъ-за ничтожныхъ недоразумѣній и не пожелавшаго ни за какія блага возвратиться въ Византію.

Это случайное знакомство, потверждавшее его царское происхожденіе предъ массою народа, удвоило всеобщій восторгъ. Благоговѣніе, съ которымъ сопровождали его тавры въ свой крошечный уголокъ, еще болѣе усилилось, когда къ нему навстрѣчу вынесли на носилкахъ убѣленнаго сѣдинами кира Алексія, много лѣтъ тому назадъ получившаго отъ императора Константина право

господствовать въ его наслѣдіи. Этотъ Алексій зналъ хорошо его отца и помнилъ великія благодѣянія, оказанныя ему въ бѣдности. Старикъ, вспомнивъ все это, упалъ къ ногамъ севаста и залился слезами; сыновья его сдѣлали тоже.

Послѣ дружескихъ поцѣлуевъ и увѣреній въ томъ, что онъ сохранилъ въ цѣлости довѣренныя ему земли, киръ Алексій, просилъ государя своего предоставить ему еще на нѣсколько дней власть хозяина, чтобы принимать его въ качествѣ благодѣтеля своей семьи.

Получивъ на это полнѣйшее согласіе, онъ сопроводилъ князя въ городскую цитадель и помѣстилъ въ лучшей постройкѣ, которую самъ занималъ при посѣщеніяхъ Алустона. Пока наслѣдный принцъ отдыхалъ и знакомился съ представителями окрестныхъ округовъ, въ городѣ шло ликованіе народа, мечтавшаго возстановить могущество и славу прадѣдовскихъ временъ.

Нѣсколько дней спустя, севастъ продолжалъ ѣзду свою по той же дорогѣ, по которой слѣдовалъ Джовани Имперіале. Осматривая все со вниманіемъ и теплымъ сочувствіемъ, онъ дѣлалъ замѣтки въ книжечкѣ своей и заблаговременно думалъ о средствахъ улучшенія быта счастливаго, но распущеннаго народа, отвыкнувшаго отъ единомыслія и сосредоточенности силы.

На Теодорскомъ или, вѣрнѣе, на Ѳеодорскомъ укрѣпленіи князь былъ принятъ громадною толпою народа и всѣми представителями отъ деревень, поднесшихъ ему почернѣвшую отъ времени корону, нѣкогда оставленную императоромъ Константиномъ на память подданнымъ своимъ.

Митрополитъ тутъ же возложилъ ее на голову князя и довольно сильнымъ голосомъ провозгласилъ *пола эти деспота!* *).

Этотъ возгласъ подхваченъ былъ народомъ и не прекращался до того времени, пока не наступилъ вечеръ.

IX.

23-е апрѣля ежегодно праздновалось въ Кафѣ въ честь святаго покровителя генуэзской общины съ особеннымъ

*) Многая лѣта, владыко!

торжествомъ. Даже по уставу колоній назначался расходъ изъ городской кассы для извѣстнаго рода предметовъ, такъ наприм. по 4 свѣчи на каждую церковь, на призъ въ скачкѣ 1200 аспровъ, на изображеніе герба, на ленту, шпоры, на угощеніе глашатаевъ, на лисицу, въ которую стрѣляли изъ лука, на борца-пѣтуха и многія другія народныя потребности.

Мы уже говорили о томъ, что верховный консулъ пригласилъ къ себѣ на этотъ праздникъ, извѣстный у мусульманъ подъ названіемъ *Хыдырлеза*, всѣхъ почти представителей татарскихъ округовъ, для которыхъ заранѣе приготовлены были лучшія кофейни и частные дома. Татаръ этихъ всего болѣе увлекалъ дорогой призъ на скачкѣ и желаніе показать народу своихъ великолѣпныхъ скакуновъ.

Консульское палаццо также убрано было изысканнымъ образомъ, но не для этихъ гостей, а для свѣтлѣйшаго крымскаго хана Менгли-гирея, личнаго друга Имперіале и доброжелателя всѣхъ генуэзцевъ, приславшаго нарочнаго гонца съ извѣстіемъ о желаніи посѣтить Кафу въ день годовщины Хыдырлеза.

— Какое несчастіе — сказалъ верховный консулъ, приблизившись къ постели Біанки—что ты не въ состояніи выѣхать съ отрядомъ твоихъ амазонокъ на встрѣчу къ другу нашему Менглію?

— Я больше васъ скорблю объ этомъ, дорогой дядя, но у меня такое головокруженіе, что я и двухъ минутъ не усижу на лошади. Поручите мою обязанность синьоринѣ Бальтазаро, которая не хуже меня ѣздитъ верхомъ.

— Но я надѣюсь, что къ завтрашнему дню ты совершенно оправишься.

— Это будетъ чудомъ со стороны святой Дѣвы, потому что я чувствую общій упадокъ силъ.

Имперіале нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, но видя, что не заставитъ больную хоть на нѣсколько минутъ забыть свою болѣзнь, вышелъ съ негодованіемъ и, пославъ за Бальтазаро, поручилъ ему передать завѣдываніе отрядомъ амазонокъ сестрѣ его Джудитѣ.

— Смотрите-же—прибавилъ онъ—чтобы ханъ не за-

мѣтилъ ни единаго вооруженнаго человѣка, кромѣ женщинъ. Пусть его думаетъ, что мы съ восшествіемъ его на престолъ распустили городскую стражу въ увѣренности сохранить дружбу. Не мѣшало-бы повернуть жерлами къ городу и пушки, направленныя въ степь.

Бальтазаро немедленно отправился исполнять приказаніе начальника.

Тѣмъ временемъ въ Кафу начали въѣзжать сановники ханства, встрѣчаемые у главныхъ воротъ комендантомъ крѣпости св. Константина, синдиками и другими представителями колоніи, которые распредѣляли ихъ по приготовленнымъ квартирамъ. Въ 8 часовъ вечера городскія ворота закрылись и всѣ соболѣзновали, что праздникъ пройдетъ безъ хана, вѣроятно задержаннаго какими-нибудь важными дѣлами. Но прежде чѣмъ амазонки рѣшились возвратиться домой, послышались сильные удары въ ворота и передовой возвѣстилъ, что Менгли-гирей слѣдуетъ за нимъ. Ворота снова были отворены и освѣщены, а амазонки быстро помчались на встрѣчу къ державному повелителю.

Часъ спустя Менгли-гирей, окруженный болѣе чѣмъ сотнею всадниковъ, спѣшился предъ палаццо и ласково здоровался съ верховнымъ консуломъ, ведущимъ его подъ руку въ комнату.

— Ну, синьоръ вы не на шутку напугали мою свиту—сказалъ ханъ—ваши вооруженныя женщины налетѣли такъ внезапно на нихъ, что опи попятились назадъ и выхватили изъ за пояса сабли. Вѣроятно это сдѣлала обдуманно ваша племянница.

— Къ сожалѣнію ваше высочество бѣдная Біанка не удостоилась чести встрѣтить васъ: она бѣдняжка лежитъ больною.

— Возможно-ли это? вскрикнулъ ханъ, какъ бы пораженный такою неожиданностію.

— Такъ угодно было Богу. Но насколько она печалится и тоскуетъ объ этомъ,—вы вѣроятно сами услышите отъ нея.

— Да, да—задумчиво твердилъ ханъ—мы непремѣнно увидимъ ее и утѣшимъ насколько будемъ въ силахъ.

Бѣдная дѣвушка, а я такъ восторгался... и серіозно она больна?

— У ней такое головокруженіе, что не можетъ приподняться съ постели.

— Ну, это не опасно и, вѣроятно, скоро пройдетъ.

— Докторъ тоже говоритъ и совѣтуетъ оставаться въ покоѣ.

— Вы пожалуйста сообщите ей, что я завтра до отъѣзда моего побесѣдую съ нею, какъ въ былые счастливые дни. А теперь потрудитесь накормить меня, вашего гостя, и дать мѣстечко утомленному путешественнику.

Импеіале сейчасъ же пригласилъ хана въ залу, переполненную городскими представителями и приказалъ подавать ужинъ.

Менгли-гирей, любившій роскошное освѣщеніе и хорошую обстановку, съ особеннымъ удовольствіемъ поздоровался со всѣми своими прежними пріятелями и еще съ большимъ наслажденіемъ выпилъ бокалъ водки за общее здоровье присутствующихъ. Закусивши икрою и балыкомъ, онъ нѣсколько разъ принимался за прекрасныя вина, которыя не могъ держать при дворѣ своемъ, но къ которымъ пристрастился въ Кафѣ.

— Нашъ пророкъ—сказалъ онъ, держа въ рукахъ золотую чашу—вѣроятно никогда не пробовалъ европейскаго вина, что запретилъ его пить всѣмъ безъ исключенія. Мнѣ какъ намѣстнику его, конечно, не приходится нарушать его законовъ у себя и въ своемъ царствѣ, но я могу его пить сколько душѣ моей угодно въ христіанской колоніи.

Всѣ замѣтили, что ханъ опьянѣлъ, и боялись за послѣдствія. Къ счастію опьяненіе сдѣлало его только веселымъ пѣвцомъ и танцоромъ.

Империале раза четыре докладывалъ ему, что, согласно желанію его, приготовлена постель для отдыха, но ханъ требовалъ принести еще вина и своеручно наливалъ для всѣхъ бокалы.

— Ужъ если вы пригласили меня на пиръ, такъ надо пировать насколько схватитъ силъ. Только смотрите въ оба, чтобы ни одинъ татаринъ не видѣлъ меня, иначе

я прослыву ослушникомъ воли Божьей. Все это я дѣлаю изъ любви къ вамъ, понимаете изъ любви къ учителямъ и наставникамъ, за которыхъ готовъ обнажить мечъ даже противъ единовѣрцевъ моихъ!

Такого рода выходки и любезности со стороны повелителя татаръ продолжались до того времени, пока ему отказались служить языкъ и ноги.

— Несите меня въ комнату Біанки—произнесъ онъ съ трудомъ, когда его взяли служители консула—я хочу видѣть Біанку!... съ этими словами ханъ заснулъ.

Праздникъ прошелъ великолѣпнымъ образомъ. Призъ на скачкѣ достался самому изъ сильнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ лицъ ханства Ширинлы-бею. Менгли-гирею торжественно представлены были подарки отъ гражданъ Кафы и другихъ крымскихъ факторій на память восшествія его на престолъ и перваго въѣзда въ Кафу въ качествѣ повелителя. Каждый подарокъ показывался народу съ объясненіями и пожеланіями счастія, многолѣтія и т. п. Когда дошла очередь до золотой печати съ изображеніемъ гребешка и кинжала, предназначеннаго Біанкою, Имперіале до передачи ихъ ханскому казначею поднесъ къ Менгли-гирею и тихо объяснилъ отъ кого именно они поступили и какое имѣютъ значеніе.

Молодой ханъ быстро выхватилъ эти два, прекрасно-отдѣланные подарка и, осмотрѣвъ ихъ внимательно, перстень съ печатью надѣлъ на палецъ, а кинжалъ вложилъ за поясъ.

— Поблагодари Біанку—сказалъ онъ—кинжалъ этотъ я всегда буду носить, а печать съ гребнемъ будетъ изображать мою царскую тамгу. Такимъ образомъ она можетъ быть увѣрена, что память о ней навсегда сохранится въ сердцѣ Менгли-гирей хана. Не успѣлъ верховный консулъ сойти съ возвышенія, чтобы уступить мѣсто солдайскому консулу, къ нему подошелъ Бальтазаро и съ отчаяніемъ заявилъ, что Джудита его пропала безъ извѣсти съ того момента, какъ выѣхала на встрѣчу хана.

— Возможно ли это синьоръ? Не заѣзжала ли она на обратномъ пути къ знакомымъ, почувствовавъ себя не хорошо?

— Мои люди обошли весь городъ и нигдѣ ее не видѣли.

— А подруги ея, что говорятъ?

— Онѣ говорятъ, что Друдита ѣхала впереди ихъ, но потомъ не могли услѣдить за нею по случаю ночной темноты.

— Не испугалась ли лошадь ея чего-нибудь и понесла ее въ степи?

— Я тоже подумалъ это и послалъ десятокъ верховыхъ, но до настоящаго времени никто не возвратился.

— Подождемъ синьоръ до вечера, а потомъ примемъ надлежащія мѣры. Возможно ли допустить, чтобы вооруженная дѣвица, окруженная такимъ числомъ людей и въ добавокъ въ присутствіи хана, могла быть похищенною. Какъ хотите, а я полагаю, что ее унесла лошадь.

Послѣ пріема подарковъ Менгли-гирей приглашенъ былъ къ обѣденному столу, но на этотъ разъ онъ воздержался отъ излишняго употребленія вина. Біанку онъ посѣтилъ за нѣсколько минутъ до отъѣзда и сообщилъ ей по секрету, что теперь же имѣлъ намѣреніе увезти ее къ себѣ, но такъ какъ она больна, то приходится отложить до нѣкотораго времени. Дѣвушка взглянула на него не безъ изумленія, но такъ какъ въ душѣ ея не оставалось никакого уже чувства къ этому измѣнившемуся человѣку, она не отвѣтила ничѣмъ, кромѣ пожеланія благополучнаго царствованія и непрерывной дружбы съ ея соотечественниками.

Ханъ и прочія гости разъѣхались. Прежняя тишина возстановилась въ Кафѣ. Бальтазаро, которому не удалось нигдѣ открыть слѣдовъ Джудиты, въ полномъ убѣжденіи, что она похищена ханскою свитою, съ какою-то особенною злобою предался сформированію своей милиціи. Имперіале, чувствуя, что стремленія его принимаютъ желанное направленіе, исключительно предался развитію торговой дѣятельности. На всѣхъ почти судахъ его были преданные татаре или переодѣтые генуэзцы съ надлежащими фирманами отъ правителей ханства, которые безбоязненно подходили къ берегамъ Турецкой имперіи и безпошлинно пріобрѣтали и сбывали свои товары. На этотъ разъ онъ одновременно почти посылалъ довѣрен-

ныхъ въ г. Сарай, считавшійся лучшимъ рынкомъ невольниковъ, въ Самаркандъ, служившій средоточіемъ Харезмскаго царства и изобиловавшій шелковыми метеріями; въ Фарабъ, Кассай, Пекинъ или на Хотанъ, богатый складами жемчуга, караллов, ладана, мускуса, гвоздики и различныхъ дорогихъ тканей; на Таврисъ, къ которому шли караваны со всей Азіи и гдѣ генуэзцы, пользующіеся обширными преимуществами, имѣли консула и чрезвычайно выгодно продавали или мѣняли сукна, бархатъ, мѣха и полотно на шелкъ, хлопокъ, ревень, индиго, ультрамаринъ, лакъ, жемчугъ и другія произведенія южной Азіи. Но всего охотнѣе Имперіале направлялъ повѣренныхъ своихъ на небольшой островъ въ Персидскомъ заливѣ Ормусъ, отъ котораго онъ былъ въ восхищеніи и давно бы пересилился туда, еслибъ пріискалъ хорошихъ спутниковъ.

Верховный консулъ, которому дважды приходилось посѣщать этотъ пунктъ склада индійскихъ произведеній, всегда говорилъ съ восторгомъ о пышности и баснословныхъ богатствахъ этого мѣста, гдѣ забота власти предоставляла посѣтителямъ всѣ виды роскоши и нѣги въ сладострастіи, изысканное покровительство, честное правосудіе и радушное гостепріимство.

Никогда денежное благосостояніе Имперіале не доходило до такой степени, какъ въ эти годы. Правда ему два раза грозила опасность быть обличеннымъ въ преступно-присвоенной консульской власти, но онъ съумѣлъ безслѣдно спровадить на тотъ свѣтъ, откуда не возвращаются, еще двухъ присланныхъ изъ Генуи консуловъ и поочередно пользоваться ихъ именами при перепискахъ съ протекторами банка св. Георгія.

Въ промежуткахъ этого времени новый Готѳійскій князь Алексій успѣлъ завести небольшой флотъ и образовать довольно многочисленную армію, но къ сожалѣнію у него не доставало средствъ на пріобрѣтеніе пушекъ, ружей и огнестрѣльныхъ снарядовъ, которые безпрестанно обѣщались верховнымъ консуломъ, но не доставлялись въ предположеніи, что турки отрѣшились отъ мысли покоренія генуэзскихъ колоній и что Менгли-гирей, чрезвычайно благоволившій къ нему за аккурат-

ную поставку благовонныхъ винъ Шираза,—не допуститъ до такого несчастія друзей. Кромѣ этого консулу иногда представлялось, что если сосѣди его будутъ имѣть вооруженныя суда, то могутъ сдѣлаться опасными для его соотечественниковъ.

Алексій, успѣвшій сблизиться съ владѣтелемъ Мангупа и не перестававшій мечтать о мести туркамъ при содѣйствіи генуэзцевъ, къ которымъ могли присоединиться всѣ итальянцы, никакъ не могъ понять безпечности Имперіале, вызвавшаго его для этой цѣли. Молодому князю и на умъ не могло придти, что другъ его давно былъ осужденъ общиною на смертную казнь и что онъ далекъ идеи сношенія съ республикою, а напротивъ желалъ бы при содѣйствіи Менгли-гирей хана и своего золота сдѣлаться самостоятельнымъ вассаломъ султана на пространствѣ отъ Черчіо (Керчи) до Херсонеса включительно.

Радужная мысль эта явилась Имперіале съ того времени, когда онъ, получивъ подробныя свѣдѣнія о несокрушимости турецкаго владычества въ Европѣ и явномъ изнеможеніи христіанскихъ державъ, положительно убѣдился, что всѣ усилія его одного ни къ чему хорошему не приведутъ. Вотъ почему онъ предался желанію обогатиться поскорѣе; однако ему для рѣшительнаго образа дѣйствія не доставало связи Менгли-гирея съ Біанкою, на вліяніе которой онъ возлагалъ большія надежды. Но отчего до настоящаго времени ханъ не выразилъ желанія взять хорошенькую племянницу его? это какъ-то непріятно дѣйствовало на Имперіале, сознающаго любовь гирея къ ней.

Менглію дѣйствительно очень нравилась Біанка; но онъ не хотѣлъ брать ее добровольно, потому что это, по его убѣжденіямъ, было равносильно брачному союзу, вслѣдствіе чего онъ постановилъ похитить ее чрезъ посредство слугъ и пользоваться какъ плѣнницею и рабою. Рѣшеніе принято было исполнить 23 апрѣля въ тотъ моментъ, когда Біанка выѣдетъ съ отрядомъ дѣвушекъ на встрѣчу къ хану, а чтобы это вполнѣ удалось, то въѣздъ назначенъ былъ ночью. А такъ какъ вмѣсто Біанки попалась Джудита, то ханъ во все это

время увлекался ея граціозными движеніями и прелестнымъ пѣніемъ къ которому питалъ любовь и большую охоту. Но вскорѣ она начала безпокоить его ревностію и непонятными для мусульманина стремленіями и желаніями. Ханъ сначала уговаривалъ ее быть довольною своимъ положеніемъ, потомъ сердился, а въ заключеніе приказалъ удалить навсегда отъ свѣтлыхъ очей его, но съ тѣмъ, чтобы она не могла сообщить никому о мѣстонахожденіи своемъ. Лица, получившія это приказаніе, нашли лучшимъ способомъ предупредить нечаянныя случайности тѣмъ, что бѣдную дѣвушку свезли въ темницу подъ замокъ, поручивъ кормить и поить ее вволю, чтобы красота ея не измѣнилась.

На мѣсто Джудиты въ гаремѣ появилась молчаливая черкешенка, но хану, привыкшему къ веселому разговору и нѣжному пѣнію итальянки, она показалась какимъ-то полу-животнымъ. Послѣдующія за нею одалычки оказались не лучшими. Тогда онъ вспомнилъ о Біанкѣ и чѣмъ чаще она мелькала въ его памяти, тѣмъ больше развилось желаніе завладѣть ею.

Наконецъ онъ не стерпѣлъ и призвалъ къ себѣ того самаго Арифа, который служилъ ему въ Кафѣ и который такъ мастерски схватилъ и доставилъ въ Кыркъеръ Джудиту.

— Арифъ, я хочу возложить на тебя важное порученіе — сказалъ ханъ. — Если ты исполнишь его, то я подарю тебѣ землю и возведу въ почетное званіе.

— Все, что въ силахъ сдѣлать бѣдный человѣкъ для повелителя своего, то сдѣлаетъ и вѣрный Арифъ—отвѣчалъ слуга, приложивъ руку къ сердцу.

— Ты долженъ исправить ошибку свою и именно во чтобы ни стало похитить Біанку.

— Племянницу великаго консула? Ахъ, султанымъ это дѣло не посиламъ одному человѣку тамъ, гдѣ 50 или 60 тысячъ гяуровъ.

— Гражданамъ нѣтъ надобности до частныхъ дѣлъ тѣмъ болѣе, что Біанка сама охотно послѣдуетъ за тобою, если ты успѣешь вручить ей мое письмо.

— Если вы убѣждены въ этомъ, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что я найду возможность привезти ее.

Менгли гирей, чтобы замаскировать поводъ посылки слуги своего передъ Имперiале, рѣшился потребовать отъ него свѣдѣнiй, относительно явленiя въ Готоiю какого-то царевича изъ Константинополя. Къ Бiанкѣ онъ писалъ, что нынѣ устроивши для нея приличное помѣщенiе, онъ безъ терпѣнiя жаждетъ принять ее въ свой дворецъ. Для большей вѣры подъ подписью приложена была, подаренная ею печать и списаны точныя слова съ рукоятки кинжала.

— Вотъ тебѣ два письма — сказалъ ханъ—то, которое побольше, отдай консулу — а которое поменьше передай по секрету его племянницѣ. Я тѣхъ убѣжденiй, что она сама научитъ тебя, когда и какъ удобнѣе будетъ бѣжать. Въ задатокъ же возьми отъ меня этотъ ничтожный подарокъ — и онъ бросилъ слугѣ кошелекъ, набитый червонцами.

Арифъ, поцѣловавъ полу гирея, вышелъ и, немедленно осѣдлавъ лучшихъ двухъ коней, выѣхалъ изъ Кыркъера по направленiю къ Кафѣ.

Три дня спустя онъ, остановившись у Кафскаго кадiя, направился къ Имперiале, которому по какой-то неизъяснимой случайности подалъ оба письма, завернутыя въ полотенце. Часъ спустя Арифъ, замѣтивъ у окна Бiанку, вспомнилъ о письмѣ къ ней и остолбенѣлъ отъ ужаса.

— О, несчастный! вскрикнулъ онъ громко — мнѣ ничего болѣе не остается, какъ броситься въ море.

— Ты ошибся мой другъ—послышался за нимъ внезапно голосъ консула — одно изъ писемъ твоихъ не ко мнѣ адресовано. Возьми его и потрудись самъ передать моей племянницѣ.

Татаринъ пришелъ въ изумленiе и готовъ былъ броситься въ ноги доброму Френку. Имперiале, удержавъ его, сказалъ:

— Я не читалъ написаннаго въ этомъ письмѣ, но мнѣ очень хорошо извѣстно его содержанiе. Помни же, если моя премянница не пожелаетъ ѣхать съ тобою, то ради дружбы къ Менгли гирею, я самъ посодѣйствую тебѣ увезти ее, но съ тѣмъ, конечно, условiемъ, что ты не скроешь предъ повелителемъ твоимъ моей услуги. Въ противномъ случаѣ я не только прикажу схватить тебя,

но и напишу хану о твоей ошибкѣ, за которую поплатишься головою. Съ той минуты, какъ Біанка будетъ въ твоихъ рукахъ, ты будешь въ моихъ, но я ничего болѣе не требую отъ тебя, какъ искренней дружбы, за которую готовъ тебѣ платить вдвое противъ ханскаго жалованья.

— Чѣмъ же я могу служить тебѣ? недовѣрчиво спросилъ Арифъ.

— Ты будешь сообщать мнѣ о пріѣздахъ султанскихъ посланниковъ и обо всемъ, что намѣрены будутъ предпринимать противъ насъ турки. Мнѣ больше ничего не нужно знать, чтобы въ крайности не сдѣлаться рабами этихъ злыхъ людей.

— А сколько ты обѣщаешь за нарочно посланнаго?

— 500 піастровъ за добрую новость, а тысячу за неблагопріятную.

— Согласенъ. Вотъ тебѣ моя рука и будь увѣренъ, что Арифъ не возьметъ у тебя ни единой монеты, не заслуживши ея.

Имперіале нарочно вышелъ со двора, чтобы предоставить ханскому слугѣ болѣе свободы дѣйствія. Арифъ, которому извѣстны были всѣ входы и выходы въ палаццо, смѣло вошелъ къ Біанкѣ, которая обрадовалась встрѣчѣ съ нимъ и послѣ обыкновенныхъ разспросовъ о здоровьи и состояніи ея отряда вооруженныхъ дѣвицъ, поднесъ ей ханское письмо.

— Мой повелитель приказалъ мнѣ пожелать вамъ тысячелѣтія—сказалъ онъ, прикладывая руку къ сердцу.

Біанка поблѣднѣла и трепетною рукою открыла свернутую записку, на которой прежде всего увидѣла отпечатокъ гребня и роковыя слова, начерченныя ею на кинжалѣ. Пробѣжавъ глазамиэ то безцеремонное письмо, молодая дѣвушка глубоко задумалась.

— Арифъ, ты можешь теперь уйти—а завтра я дамъ тебѣ отвѣтъ.

— Только сударыня я ни за какія блага не приду за нимъ сюда, потому что дядя вашъ передалъ мнѣ свой отвѣтъ и можетъ заподозрить меня въ переговорахъ съ вами, а такъ какъ я знаю чему меня могутъ подвергнуть за это, то умоляю васъ о состраданіи. Та же участь ожи-

даетъ меня насчастнаго и со стороны хана, если я не доставлю вашего отвѣта.

— Какимъ-же образомъ я передамъ тебѣ отвѣтъ?

— Я былъ-бы счастливъ, еслибъ вы вручили мнѣ за городскими воротами. Тамъ только я буду увѣренъ, что никто не успѣетъ арестовать меня и обнаружить цѣль моего пріѣзда въ Кафу. Такъ мнѣ совѣтовалъ сдѣлать самъ Менгли гирей ханъ и увѣрялъ, что вы не полѣнитесь сдѣлать этой жертвы для него.

— Пожалуй Арифъ я успокою тебя, но такъ какъ я не могу идти далеко, то ты подожди меня около ближайшихъ воротъ къ крѣпости Климента; если же они будутъ затворены, то я пройду до слѣдующихъ.

Татаринъ подпрыгнулъ отъ радости и началъ благословлять родителей Біанки за спасеніе свое.

Восторгъ Арифа дѣйствительно былъ непритворный, онъ надѣялся помимо содѣйствія Имперіале завладѣть его племянницею. Но не успѣлъ онъ повернуть за уголъ консульскаго палаццо, какъ Джованъ ага спросилъ его, какой отвѣтъ онъ получилъ отъ Біанки?

Скрыть истины не приходилось, потому что дальновидный консулъ могъ прослѣдить за каждымъ шагомъ дѣвушки и предупредить его замыселъ. Арифъ разсказалъ все, какъ было.

— И ты навѣрно выманилъ ее, чтобы похитить? спросилъ онъ улыбаясь.

— Я только подготовилъ способъ, по не осмѣлился бы этого сдѣлать безъ вашего согласія и притомъ я не получилъ еще отвѣта на ханское письмо къ вамъ.

— Письма моего къ хану не нужно, потому что онъ этимъ не интересуется. Ему нужна моя племянница и я отдаю ее, помни, ради дружбы, но горе тебѣ несчастный, если ты оскорбишь ее единымъ словомъ или по оплошности выронишь съ сѣдла. Поклонись же отъ меня хану и скажи, что я скоро навѣщу его въ новомъ Сараѣ. Еще одинъ вопросъ: какимъ образомъ ты довезешь Біанку?

— Я привелъ съ собою запасную лошадь, на которую она сядетъ, послѣ того какъ мы отъѣдемъ часа на два отъ Кафы.

— Такъ ты обѣщаешь мнѣ сберечь ее?

— Сберегу, какъ глаза мои.

Имперiале, который такъ привыкъ и привязался къ единственной родственницѣ своей на чужбинѣ почувствовалъ угрызенiе совѣсти, но скрѣпивъ душу вынулъ изъ кармана горсть чирвонцевъ и, подавая ихъ татарину, сказалъ:

— Арифъ я удвою награду мою, если ты будешь заботиться, чтобы Бiанку не обижали и если ты меня извѣстишь или обратно привезешь ее, на случай придворныхъ интригъ или разочарованiя со стороны хана.

— Все, что будетъ прiятно для васъ Джованъ ага и для вашей племянницы, я сдѣлаю съ особеннымъ удовольствiемъ. Клянусь въ этомъ Кораномъ и могилами моихъ родителей!

Услышавъ эту великую клятву и зная какъ дорожатъ ею татаре, верховный консулъ въ знакъ благоволенiя коснулся плеча татарина и быстрыми шагами удалился на базарную площадь, которая на этотъ разъ переполнена была купцами, прибывшими изъ сѣверныхъ странъ.

На другой день вся дворня и прислуга консульскаго палаццо видѣли, какъ Бiанка противъ обыкновенiя вышла очень рано со двора. Часомъ или двумя позже послѣдовалъ за нею и синьоръ Имперiале. Послѣднiй не долго отсутствовалъ, но первая не возвращалась.

— Гдѣ же моя милая племянница—спросилъ синьоръ Джовани у экономки, когда ему поданъ былъ завтракъ—не опять ли она чувствуетъ себя больною?

— Она куда-то вышла синьоръ еще съ утра.

— Вѣроятно купаться; но отчего до настоящаго времени не возвратилась?

— Я полагаю, что сошлась съ подругами.

— А я думаю не случилась ли съ нею какая-нибудь бѣда. Она плохо плаваетъ, а между тѣмъ любитъ шалить въ водѣ.

— О, санта Марiя, возможно ли это допустить? Я сейчасъ же побѣгу къ купальнѣ нашей сама, а другихъ слугъ пошлю по городу.

Нѣсколько минутъ спустя экономка съ воплемъ и криками вбѣжала на дворъ и, бросая предъ хозяиномъ

одежду племянницы, доказывала, что несчастная дѣвушка утонула и требовала немедленно принять мѣры къ отысканію тѣла, которое быть можетъ еще возможно возвратить къ жизни.

Имперіале заметался и, вполнѣ раздѣляя убѣжденія экономки своей, самъ побѣжалъ на берегъ моря и послалъ десятки лодокъ на розыски, которые не прекращались въ теченіи всего дня, но не привели ни къ какимъ результатамъ.

Верховный консулъ, который самъ положилъ въ купальню одежду Біанки, для отвлеченія подозрѣнія народа въ похищеніи ея ханомъ, принявъ горестный видъ, до поздней ночи сидѣлъ на берегу моря и не иначе возвратился домой, какъ насильно увлеченный друзьями. Весь городъ оплакивалъ несчастную Біанку, такъ внезапно и такъ рано прекратившую жизнь.

Между тѣмъ, пока ее оплакивали въ Кафѣ, Арифъ мчалъ ее тропинками и за ѣмъ, посадивъ на запаснаго коня пригрозилъ смертью, если она подумаетъ о бѣгствѣ. Всадники неслись полною рысью по холмистому пространству, гдѣ не видно было ни единой души, затѣмъ они своротили въ лѣсъ, гдѣ предполагалъ татаринъ сдѣлать привалъ, но въ тотъ моментъ, когда они очутились въ чащѣ деревъ, когда казалось, что всѣ опасности миновали,—предъ ними очутился рослый прекрасный молодой человѣкъ, вооруженный саблею и турецкими пистолетами.

— Монсиньоръ! вскрикнула Біанка—мой сонъ сбылся. Спасайте меня!.. и, покачнувшись, она упала на землю.

Пораженный неожиданною встрѣчею съ тою, къ которой онъ давно стремился душою и только теперь собрался съѣздить, князь Готоіи бросился на татарина и сорвавъ его мощною рукою съ лошади, однимъ взмахомъ сабли снесъ его буйную голову. Приведенная въ чувство Біанка, видя похитителя своего обезглавленнымъ, въ нѣсколькихъ словахъ разсказала другу своему случившееся.

— Мы не можемъ здѣсь долго оставаться — сказалъ Севастъ. Желаешь ли ты возвратиться въ Кафу?

— Ни за что—отвѣчала она, заливаясь слезами—мой

дядя употребляетъ всевозможныя хитрости, чтобы услужить хану и навѣрно изобрѣтаетъ новый способъ передать меня въ гаремъ этого мусульманина. Если вы забыли ваше обѣщаніе замѣнить мнѣ брата и друга, то примите меня подъ кровъ вашъ, въ качествѣ невольницы, рабыни, и я съумѣю заслужить вашу благосклонность.

— Такіе люди какъ я, моя дорогая дѣвочка, никогда не забываютъ своихъ обѣщаній. Ты будешь моею невольницею, но невольницею, владѣющею моимъ сердцемъ. Ѣдемъ же ко мнѣ—и, посадивъ на лошадь Біанку, онъ поскакалъ съ нею въ ущелья горъ. Не уменьшая бѣга лошадей по горамъ и лѣснымъ пространствамъ наши путешественники на другой день благополучно достигли до Партенита, гдѣ праздновалъ народъ память верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, въ храмѣ, возобновленномъ усердіемъ почившаго митрополита Даміана, котораго обожалъ князь до послѣдней минуты жизни и собственноручно закрылъ ему глаза.

На праздникъ этотъ съѣхались всѣ почти старцы и благочестивые люди всей страны. Случай этотъ показался владѣтелю Готѳіи чрезвычайно благопріятнымъ заявить народу своему, что Господу Богу угодно было даровать ему невѣсту, случайно найденную въ лѣсу и вырванную изъ рукъ похитителя, подосланнаго татарскимъ ханомъ, съ которою онъ и намѣренъ сегодня же сочетаться бракомъ, если послѣдуетъ благословеніе протопресвитеровъ и доброе пожеланіе народа. „Зито! зито василеа! *) отвѣчалъ восторженный народъ.

По совершеніи бракосочетанія Алексій, напутствуемый благословеніями и радостными возгласами преданныхъ ему поселянъ, съ нѣсколькими избранными свидѣтелями совершившагося брака продолжалъ слѣдованіе въ свою резиденцію, не думая конечно о томъ, что тѣло Арифа, привезенное въ Солхатъ, будетъ узнано и возбудитъ ужасное негодованіе къ таинственному убійцѣ и похитителю Біанки, узнать котораго при всемъ желаніи хана и синьора Имперіале не оказалось никакой возможности.

---

*) **Въ буквальномъ переводѣ: живи, живи царь!**

Впрочемъ у властителей этихъ продолжала жить надежда рано или поздно отыскать Біанку, за которую обѣщано было и золото и почести тому счастливцу, который укажетъ, гдѣ она находится.

Но при всемъ этомъ Импеpiале, который искренно преданъ былъ племянницѣ своей, сильно негодовалъ противъ Менглія за то, что онъ не принялъ надлежащихъ мѣръ къ предупрежденію подобнаго событія и дерзко высказалъ свое неудовольствіе и глубокую скорбь.

Ханъ клялся исправить ошибку, но чѣмъ меньше ему удавалось узнать о существованіи Біанки, тѣмъ больше онъ высказывалъ уступчивости и благосклонности къ Импеpiале, который въ концѣ концовъ почти повелительно обращался съ властителемъ татаръ, обязаннымъ ему вдобавокъ содержаніемъ въ солдайской крѣпости принцевъ, болѣе пользующихся правомъ господства въ Крыму.

X.

Не успѣла Кафа отпраздновать годовщину 1474 года въ честь великаго претектора общины своей св. Георгія, какъ Джовани Импеpiале снова пришлось обагрить руки свои въ невинной крови вновь присланнаго изъ Генуи консула и явиться въ перепискѣ съ республикою подъ именемъ Антонiа делла-Габелла. На этотъ разъ граждане колоніи, обновивъ составъ сенаторовъ, синдиковъ и прочихъ разбогатѣвшихъ чиновниковъ, избрали къ утомленному дѣлами несмѣнному консулу своему въ совѣтники изъ бѣдныхъ гражданъ Франческо Фіеско и Уберто Скуарчіафико, считавшихъ себя по происхожденію патриціями, но разорившихся послѣ нашествія турокъ на Синопъ и вынужденныхъ бѣжать въ Кафу.

Оба эти чиновника были надменнаго нрава; властолюбивы, алчны, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудолюбивы и усердно занялись приведеніемъ въ образцовый порядокъ города и его доходныхъ статей, конечно, съ цѣлью личнаго обогащенія. Импеpiале, пораженный ихъ дѣятельностію и умѣніемъ браться за дѣло, вскорѣ совершенно передалъ имъ власть свою и вообще пересталъ интересоваться городомъ и другими факторіями, гдѣ мирно и

спокойно проходили дни за днями. Притомъ Крымскій ханъ оказывалъ ему такое предпочтеніе и предоставлялъ такія права, что онъ могъ считать себя полнымъ властелиномъ Крыма. Относительно турокъ, занятыхъ завоеваніями на Архипелагѣ и ближайшихъ къ нимъ земель, не было и помину. Такъ что все это, взятое вмѣстѣ, обѣщало генуэзцамъ въ Крыму полное и безмятежное счастіе на многіе годы или покрайней мѣрѣ до того времени, пока на крымскомъ престолѣ Менглигирей, а на мѣстѣ верховнаго консула Джовани Имперіале.

Однажды Имперіале сидѣлъ погруженный въ раздумье надъ письмомъ, доставленнымъ ему изъ Константинополя. Письмо это было отъ жены его Анжелики, которая умоляла или взять ее къ себѣ или самому возвратиться въ отечественный городъ, гдѣ въ настоящее время никто не думаетъ о приведеніи надъ нимъ угрозы въ исполненіе и что настоящіе протекторы общины очень рады будутъ его пріѣзду.

„Нѣтъ голубушка—говорилъ онъ про себя—еслибъ ты знала, что я ежеминутно трепещу и здѣсь, ты сама предложила бы мнѣ бѣжать какъ можно дальше отъ Генуи“. Минуту спустя новыя прискорбныя мысли начали лѣзть въ его голову. Онъ проклиналъ тотъ часъ, когда народъ избралъ его верховнымъ консуломъ и заставилъ сдѣлаться невольнымъ убійцею многихъ неповинныхъ ни въ чемъ собратьевъ своихъ. „Нѣтъ, отнынѣ рука моя болѣе не подымется ни на кого и прежде чѣмъ наступитъ Сентябрь я выѣду навсегда изъ этого города. Мой домъ и магазины проданы уже, остается только продать суда и перевезти сундуки съ золотомъ. Чего-бы я не далъ теперь, чтобы была около меня одинокаго моя бѣдная Біанка? При этомъ имени Имперіале прослезился и безсмысленно устремилъ глаза свои на небольшое суденце, подходящее къ его палаццо. Изъ суденца этого вышелъ на пристань пожилой грекъ и направился къ дворцу. Часъ спустя консулу подано было письмо, отъ котораго онъ пришелъ въ неизъяснимый восторгъ. Оно было отъ Біанки, которая, подробно описавъ случившееся съ нею событіе, извѣщала дядю,

что по волѣ Провидѣнія она была спасена тѣмъ самымъ княземъ Византійской имперіи Алексіемъ, котораго онъ постарался увезти изъ Турціи и сдѣлать властителемъ въ Готѳіи, какъ бы съ цѣлью заставить его жениться на ней; въ заключеніе она извѣщала дядю, что Господь даровалъ ей наслѣдника, и просила его быть воспріемниковъ новорожденнаго.

Въ припадкѣ радости Имперіале цѣловалъ посланнаго, поилъ его своеручно виномъ и, одаряя одеждою и деньгами, интересовался самыми ничтожными мелочами изъ жизни своей племянницы.

— Спѣши-другъ мой обратно—говорилъ консулъ—и скажи твоимъ повелителямъ, что я завтра или послѣзавтра выѣду къ нимъ со всѣмъ тѣмъ, что необходимо будетъ принести въ даръ новорожденному наслѣднику Готѳіи.

Лишь только суденце съ посланнымъ проплыло мимо палаццо, къ Имперіале подошелъ Бальтазаро.

— Синьоръ—сказалъ онъ, пылая гнѣвомъ—мы должны будемъ отмстить Менглію за поруганіе чести и долговременное томленіе въ темницѣ моей несчастной сестры.

— Какъ развѣ Джудита была жертвою хана? спросилъ консулъ съ изумленіемъ.

— Несчастная сегодня пришла ко мнѣ въ изорванномъ цыганскомъ платьѣ, благодаря тому, что выпущена была изъ темницы, какою-то милостивою наложницею хана. Я просилъ-бы васъ разспросить лично бѣдняжку и хорошо обдумать планъ мести.

— Потрудитесь-же синьоръ Бальтазаро прійти съ нею вмѣстѣ ко мнѣ. Мы сегодня попируемъ отъ радости, а потомъ подумаемъ о мести. Я также сегодня оскорбленъ и обрадованъ подобно вамъ. Моя дорогая Біанка отыскана.

— Возможно-ли это синьоръ?

— У Бога все возможно. Этотъ проклятый Менглій, котораго мы старались сдѣлать ручнымъ волкомъ, кажется задался мыслію прежде всего пожрать овечекъ своихъ благодѣтелей. Представьте онъ похитилъ Біанку изъ палаццо моего, но благодаря владѣтельному князю

Теодоро, отбившему ее случайно отъ похитителя, она сдѣлалась нынѣ супругою монсиньора Алексія и проситъ меня быть воспріемникомъ наслѣдника готоійскаго княжества.

— О, синьоръ, удостойте и насъ счастія видѣть ее, если вы собираетесь въ Теодоро.

— Всѣ друзья и подруги ея могутъ ѣхать со мною. Я очень радъ буду обрадовать мою племянницу внезапною встрѣчею со всѣми тѣми, кого она любила.

Вечеромъ того же дня у Имперіале было огромное собраніе дѣвицъ и городскихъ сановниковъ, предъ которыми Джудита разсказала свою печальную исторію съ прибавленіемъ, что участь ея подготовлена была Біанкѣ, но Провидѣнію угодно было спасти ее только тѣмъ, что она заболѣла.

— Господа! вскрикнулъ консулъ—я не осмѣлюсь повезти Джудиты къ моей племянницѣ до тѣхъ поръ, пока судьба ея не измѣнится. Джудита должна выйти замужъ за того, кого она любила. Я даю ей въ приданное одно судно и 50 т. піастровъ, такъ какъ, быть можетъ, она дѣйствительно собою искупила страданія Біанки. Ну синьоры, ну Джудита, будьте откровенны и рѣшимъ дѣло сейчасъ-же.

Послѣ минутной тишины въ залѣ начался шопотъ и затѣмъ на сцену выдвинутъ былъ канцлеръ города, который давно любилъ эту дѣвицу и пользовался ея расположеніемъ.

Сдѣлка была покончена и сейчасъ же по настоянію консула они были перевѣнчаны въ сосѣдней церкви. Такимъ образомъ веселье, начатое слегка, окончилось свадебнымъ пиромъ при участіи добраго епископа Симона.

Послѣдующій затѣмъ день прошелъ въ приготовленіяхъ Имперіале и многихъ другихъ семействъ къ поѣздкѣ въ Теодоро. Весь трюмъ судна наполненъ былъ приданымъ и подарками, предназначенными Біанкѣ.

Веселый консулъ, ходя по двору своего палаццо и разсчитывая, сколько приличествуетъ поднести въ приданое денегъ принцу царской крови, чтобы не уронить своего достоинства, внезапно былъ остановленъ на хо-

ду давно извѣстною ему татаркою Хабибе, вдовою Мамая, умершаго въ прошломъ году, который завѣдовалъ солхатскимъ округомъ и ближайшими окрестностями Кафы.

— Я опять къ вамъ Джованъ-ага—сказала она, утирая слезы—вы единственный человѣкъ, который зналъ хорошо мужа моего, прослужившаго всю жизнь ханамъ и умершаго нищимъ, какъ подобаетъ честному чиновнику и благочестивому мусульманину.

— Знаю, знаю Хабибе, но я ужъ говорилъ тебѣ нѣсколько разъ, что я не ханъ и ничего не могу сдѣлать въ пользу сына твоего, послѣ того какъ Менгли-гирей назначилъ Эминекъ-бека, утвержденнаго нами. Не скрою отъ тебя и того, что сынъ твой Сейдакъ ведетъ себя очень неприлично и извѣстенъ хану за жестокаго и безнравственнаго человѣка.

— Все это чистѣйшая ложь, распускаемая Эминекъбекомъ, сознающимъ, что выгодная должность его по праву наслѣдства должна принадлежать Сейдаку. Клянусь вамъ Аллахомъ, что сынъ мой скромнѣе многихъ женщинъ и если дѣлаетъ кое-какія шалости, то изъ отчаянія за несправедливость. Я готова дать вамъ подписку моею кровью за поведеніе его, если вы попросите хана обратить на него очи милости и справедливости.

— Попросить при случаѣ я не прочь, но обнадеживать тебя не стану до того времени, пока мы не найдемъ законнаго повода быть недовольными Эминекомъ или до тѣхъ поръ, пока самъ ханъ не смѣнитъ его.

Хабибе упала на колѣна и начала рыдать.

— Не плачь напрасно, добрая женщина, — сказалъ Имперіле — клянусь тебѣ Аллахомъ, что я охотно помогу и исполню твое желаніе, когда къ этому представится первый случай.

— Но вы можете забыть про свое обѣщаніе, а я не могу безпрестанно пріѣзжать въ Кафу.

— Если ты сомнѣваешься въ памяти моей, то сходи къ товарищу или помощнику моему Уберто Скуарчіафико и попроси его записать твою просьбу и напомнить мнѣ, когда заѣдетъ къ намъ Менгли-гирей.

Хабибе, видя что не добьется большаго, направилась къ Уберть-агѣ, который раза два заѣзжалъ къ ней при жизни Мамая.

Уберто принялъ вдову очень ласково и, подробно разспросивъ ее, о чемъ она ходатайствовала у консула, внезапно спросилъ: сколько она заплатитъ ему если желаніе ея исполнится?

— Я въ прошломъ году предлагала три тысячи секиновъ, а теперь готова дать пять тысячъ.

— Потрудись же принести мнѣ эти деньги впередъ и я, во чтобы ни стало, окончу твое дѣло, какъ только заглянетъ къ намъ ханъ.

— Я имѣю свѣдѣніе, что Менгли-гирей теперь въ Солхатѣ и нѣтъ сомнѣнія, что заѣдетъ въ Кафу.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше для тебя. Поспѣши же, мать моя, принести деньги, а остальное я беру на себя.

Хабибе исчезла, а на другой день, въ то самое время, когда верховный консулъ съ друзьями выступалъ изъ бухты, она подъѣхала на арбѣ къ дому Скурчіафико и своеручно перенесла къ нему нѣсколько мѣшечковъ съ золотыми и серебрянными монетами.

Еслибъ граждане Кафы, любующіеся въ эту минуту роскошнымъ кораблемъ своего консула, могли бы узнать, что жизнь, честь, имущество и свобода ихъ рѣзвыхъ сыновей и дочерей проданы за ничтожныя деньги Скурчіафикомъ кровожадной татаркѣ,—они навѣрно растерзали бы новаго Іуду; но увы никто ничего не зналъ и не могъ предполагать, чтобы принятый и облагодѣтельствованный ими патрицій Генуи, рѣшился погубить соотечественниковъ своихъ, которые благоденствовали въ этой счастливой странѣ около $2^{1}/_{2}$ вѣковъ! Подумалъ ли самъ Уберто, чѣмъ можетъ закончиться его сдѣлка съ нахальною татаркою не разъ уже выгнанною изъ столицы хана, гдѣ она назойливо добивалась власти для развращеннаго и жестокаго сына своего? Мы не можемъ допустить, чтобы совѣтникъ верховнаго Хазарскаго консула, рѣшился бы на такой нероновскій поступокъ, могущій быть пагубнымъ и для него съ семействомъ, еслибъ видъ золота не затмевалъ его разсудка.

Скорѣе всего онъ былъ убѣжденъ, что Менгли-гирей,

обязанный Имперіале, не станетъ упорствовать въ исполненіи его требованія изъ-за какого-нибудь Эминека или другаго татарина, руководимаго генуэзцами. Но какое дѣйствіе это можетъ произвести на народъ, презиравшій Сейдака, онъ объ этомъ не хотѣлъ думать, считая вѣроятно татаръ, неспособными сочувствовать своему благосостоянію.

Точно, какъ бы по какому-то таинственному предопредѣленію, сосчитавшему дни блистательнаго существованія Кафы, пришлось на это время выѣхать Имперіале изъ города, а Менгли гирею выѣхать въ него.

Уберто Скуарчіафико встрѣтилъ хана въ консульскомъ паллацо сухо и вяло.

— Ты стоишь и осматриваешь меня синьоръ Уберто,—сказалъ гирей—какъ человѣкъ сильно обиженный мною или моими чиновниками.

— Я обязанъ грансиньоръ раздѣлять чувства моего начальника.

— А развѣ, мой другъ, Джовани недоволенъ мною?

— Вспомните султанъ какъ вы поступили съ несчастною Джудитою и вслѣдъ затѣмъ съ Біанкою?

Ханъ сконфузился и покраснѣлъ. Замѣтивъ это, Уберто измѣнилъ свой тонъ.

— Такъ друзья не дѣлаютъ; но нашъ добрый консулъ простилъ вамъ эти шалости молодости и не пожалѣлъ 100 тысячъ піастровъ подарить въ приданое бѣдной Джудитѣ, которая третьяго дня возвратилась къ намъ въ рубищахъ, а вчера перевѣнчалась съ городскимъ канцлеромъ. Платить такую сумму для прикрытія чужихъ преступленій только могутъ истинные друзья.

— Я всегда считалъ такимъ Имперіале и никогда не отказывалъ ему ни въ чемъ.

— Напротивъ онъ до настоящаго времени возмущенъ, что вы не пожелали уважить ходатайства его о замѣщеніи Эминекъ-бека Сейдакомъ, которому по всѣмъ правамъ шираата принадлежитъ отцовская должность.

— Еслибъ я уважилъ эту просьбу, то оскорбилъ бы во первыхъ честнаго Эминека, на котораго не поступало ни одной жалобы; во вторыхъ заставилъ-бы вашихъ сенаторовъ, утвердившихъ мой выборъ, думать обо мнѣ

не такъ, какъ я желалъ бы, и наконецъ я обидѣлъ бы моихъ подданныхъ. Впрочемъ, если Джованъ ага лично не расположенъ къ Эминеку, я могу дать ему высшее назначеніе въ другой части моихъ владѣній и назначить на мѣсто его пріятеля Джовани Кара-мусу, который извѣстенъ и мнѣ за хорошаго мусульманина.

— Мы никого не желаемъ болѣе, какъ Сейдака— грубо отвѣчалъ Уберто—и если вы не назначите его теперь же, то не ручаемся, что ваши братья будутъ выпущены изъ Солдайской крѣпости и уже они, а не вы, назначатъ его каймакамомъ сосѣдняго къ намъ округа.

— Подумалъ ли ты Уберто о послѣдствіяхъ того, въ чемъ такъ настаиваешь и грозишь защитнику и другу генуэзцевъ? я увѣряю тебя, что, назначая Сейдака каймакамомъ, я подпишу смертный приговоръ жителямъ Кафы.

Уберто громко расхохотался и поспѣшилъ отвѣчать:

— Ужъ не вѣрнѣе ли будетъ, что вашъ отказъ возбудитъ смертный приговоръ для его высочества Менгли-гирея?

— Несчастный, ты отчасти предугадываешь относительно меня, но не подумаешь о сотнѣ тысячъ твоихъ согражданъ. Какъ жаль, что я не могу поговорить объ этомъ важномъ и роковомъ дѣлѣ съ самимъ консуломъ.

— Блистательному хану и государю должно быть извѣстно, что во время отсутствія начальника вся власть его переходитъ къ помощнику, который и отвѣчаетъ за свои дѣйствія.

— Послушай Уберто я прошу тебя пожалѣй этотъ городъ съ его дѣтьми. Повѣрь мнѣ, что я люблю Кафу и готовъ сдѣлать для нея все полезное. Забудь-же этого разбойника Сейдака и избѣгай его, какъ плута и ненавистнаго для всѣхъ человѣка.

— Все это вамъ говорили враги его, тогда какъ я лично знаю Сейдака за примѣрнаго и добросовѣстнаго мусульманина. Въ этомъ вы и сами убѣдитесь въ самомъ непродолжительномъ времени, но если онъ только кажется мнѣ такимъ, то развѣ вамъ трудно будетъ подписать приказъ объ удаленіи его съ мѣста? Ханъ задумался,

но алчный Скуарчіафико, которому не хотѣлось возвращать денегъ Хабибе, продолжалъ настаивать и увѣрять гирея, что народъ совершенно не замѣтитъ перестановки начальниковъ.

Въ это время Анжело отворилъ двери и пригласилъ высокаго гостя къ обѣду. Менгли-гирей, увидѣвши большой сосудъ съ любимымъ виномъ, прежде всего бросился къ нему.

— Эхъ, Уберто—сказалъ онъ, вздыхая—ты кажется лишишь меня удовольствія вторично пріѣхать къ друзьямъ моего дѣтства и пить съ ними этотъ славный напитокъ!

— Напротивъ, грансиньоръ, я стараюсь больше сблизить васъ съ ними. Нашъ верховный консулъ навѣрно забудетъ всѣ неудовольствія, какъ только узнаетъ, что вы, въ угоду ему, назначили каймакамомъ любимца его Сейдака.

— Ты твердо увѣренъ въ этомъ? спросилъ гирей, почувствовавшій пріятный толчекъ въ голову отъ вина.

— Да—отвѣтилъ нерѣшительнымъ тономъ Уберто.

— Поклянись мнѣ предъ этимъ образомъ, который вы называете санта Мадона и которому такъ усердно молилась бѣдная Біанка, и я сейчасъ своеручно напишу приказъ. Ханъ снова зачерпнулъ вина и ожидалъ клятвы.

Скуарчіафико старался отвлечь его вниманіе отъ этого требованія, но ханъ настаивалъ и Іуда вынужденъ былъ произнести тѣ слова, которыя диктовалъ ему мусульманинъ предъ ликомъ святой Мадоны!

— Теперь принеси мнѣ бумагу и я исполню ваши требованія—сказалъ твердымъ голосомъ гирей.

Бумага была принесена. Ханъ вынулъ изъ за пояса чернильницу и написалъ нѣсколько словъ, къ которымъ приложилъ печать, подаренную ему Біанкою.

— На, возьми—сказалъ ханъ, отталкивая бумагу—и отправь мой приказъ для объявленія мѣстному кадію. Но предварительно взгляни на печать, которой у насъ болѣе придаютъ значенія, чѣмъ подписи. Это печать съ изображеніемъ того гребешка, которымъ я въ этомъ самомъ домѣ чесалъ голову племянницы Имперіале. Могла ли она бѣдняжка подумать, что отдавая ее мнѣ, вручала страшное оружіе для гибели всѣхъ соотечествен-

никовъ своихъ одновременно со мною. Ханъ выпилъ еще одну кружку вина и отказался отъ вкушенія хлѣба.

— Я не возьму въ ротъ моей священной пищи въ томъ городѣ—сказалъ онъ, обращаясь къ Уберто—которому противъ желанія подписалъ погибель. Прощай Убертъ-ага; поклонись отъ меня моему другу Джовани и скажи, что я буду просить Бога, чтобы роковыя предчувствія мои не сбылись. Съ этими словами ханъ вышелъ на дворъ, потребовалъ коня своего и, сопровождаемый отрядомъ каракалпаковъ или личной гвардіи своей, рысью выѣхалъ изъ Кафы.

Скуарчіафико долго слѣдилъ за нимъ въ какомъ-то раскаяніи, но какъ только предъ нимъ заблистали червонцы Хабибе, онъ подозвалъ перваго изъ консульскихъ служителей и, вручая ему бумагу для передачи кадію, потребовалъ, чтобы она немедленно была исполнена. Пока ханскій указъ о смѣнѣ Эминекъ-бека приводился въ исполненіе, Имперіале съ обширною свитою принятъ былъ въ Теодоро со всѣми почестями, подобающими ближайшему родственнику владѣтельной княгини, переименованной Анною. Нѣсколько десятковъ человѣкъ трудились надъ переносомъ съ судна дорогихъ подарковъ какъ со стороны гостей, такъ равно и отъ дяди. Каждый гость представлялъ лично свой даръ и вознаграждался дружественными объятіями князя и супруги его. Когда дошла очередь до верховнаго консула, то онъ, не желая тратить дорогаго времени на поименованіе мало интересующихъ его вещей, ограничился только вскрытіемъ одного сундука, въ которомъ оказалось золото, серебро, крупный жемчугъ и драгоцѣнные камни.

— Это главная часть приданаго твоего, моя дорогая племянница,—сказалъ онъ—все же остальное служитъ дополнительными мелочами, которыя мнѣ, мущинѣ, показались необходимыми для женщинъ. Вдобавокъ ко всему я привезъ тебѣ нѣкогда любимыхъ тобою невольницъ и престарѣлую экономку мою, которая рвалась къ тебѣ и увѣряла, что ея пособіе въ настоящее время можетъ быть крайне необходимо для васъ.

— А вы дорогой дядя съ кѣмъ останетесь? Кто присмотритъ за вами въ одиночествѣ?

— Теперь, Біанка, когда я видѣлъ своими глазами твое счастіе, мнѣ не остается ничего болѣе, какъ удалиться на покой. Я много и долго трудился для согражданъ моихъ. Пора очистить дорогу человѣку, менѣе меня утомленному жизнію. Правда я желалъ бы сдѣлать еще многое, но чувствую, что соотечественники мои потеряли воинственный пылъ, предались роскоши и изнѣжились до такой степени, что не въ состояніи будутъ защитить себя даже отъ ничтожнаго по силамъ врага.

— Переѣзжайте дядюшка къ намъ—вскрикнула Анна. Съ вами наша жизнь пройдетъ, какъ въ раю.

— Да, синьоръ—прибавилъ Алексій—племянница ваша сказала правду — отдохните около любящихъ и обязанныхъ вамъ счастливыхъ людей.

— Нѣтъ, друзья мои, я не уживусь въ этомъ тихомъ и спокойномъ краю; мнѣ труженнику съ дѣтства необходима коммерческая дѣятельность, мнѣ нужны люди предпріимчивые, хлопотливые, мнѣ нужны отважныя путешествія въ отдаленныя страны и звукъ золотыхъ монетъ.

— Что же вы намѣрены предпринять?

— Пока не рѣшилъ окончательно, но мечтаю о Кавказѣ и Персіи. Эти страны напоминаютъ мнѣ самые лучшіе годы моей жизни. Ну, а вы, монсиньоръ,—спросилъ съ улыбкою Импеціале, обращаясь къ князю, куда намѣрены переселиться, если почтенные варвары задумаютъ позавидовать вашему скромному бытью въ этой странѣ.

— Я возвращусь на островъ Хіо, къ которому привязался всею душою и гдѣ у меня есть наслѣдственная земелька съ дорогимъ прахомъ отца.

— И вы останетесь тамъ, еслибъ даже островъ этотъ былъ взятъ турками?

— Чтожъ дѣлать. Говорятъ, что теперь эти варвары менѣе жестоки въ обращеніи съ христіанами. Я измѣню мою фамилію, откажусь отъ происхожденія Палеологовъ и буду трудиться наравнѣ съ прочими. Жизнь человѣка не такъ длинна, чтобы тратить ее на отважные подвиги безъ твердой увѣренности въ торжествѣ.

Пока велись эти разговоры, Біанка со слезами радости обнимала своихъ горничныхъ, нѣкогда бывшихъ

подругами ея рабства и сильно прижимала къ сердцу несчастную Джудиту, которая до мелочей передавала ей, какъ была схвачена ночью конвойными Менгли гирея, какъ онъ насиловалъ ее въ первые дни и потомъ, когда она имѣла несчастіе привязаться къ нему, онъ приказалъ бросить ее въ темницу, чтобы наслаждаться съ грязными татарками и черкесками, изъ которыхъ одна, сжалившись надъ ея страданіями, предоставила ей возможность убѣжать съ таборомъ цыганъ.

— Навѣрно и меня постигла бы такая участь—сказала княгиня—еслибъ пресвятая Дѣва не послала во время моего Алексія. Ахъ, Джудита, еслибъ ты знала какъ онъ искренно любитъ меня, какъ онъ умѣетъ обращаться съ женою, какое важное значеніе придаетъ браку! Проще онъ заставляетъ меня смотрѣть на него съ какимъ-то благоговѣніемъ и ежеминутно трепетать за его жизнь.

— А развѣ онъ болѣетъ?

— Бываютъ ночи, когда онъ не смыкаетъ ни на минуту глазъ и все о чемъ то томится и вздыхаетъ. Я хотя и понимаю, что ему, рожденному въ пышныхъ царскихъ чертогахъ, съ блистательными надеждами на будущее, не весело жить между моремъ и скалами, въ средѣ простосердечныхъ поселянъ, но эта тоска можетъ преждевременно свести этаго чуднаго человѣка въ могилу и одновременно убить и меня. Что станетъ тогда съ нашимъ маленькимъ наслѣдникомъ?

Такъ какъ верховному консулу, томимому безпрестанно въ послѣднее время страхомъ и грозными призраками невинно убитыхъ имъ соотечественниковъ, казалось ужаснымъ оставаться долго внѣ Кафы, то по настоянію его крестины совершены были на другой день мѣстнымъ простымъ священникомъ и новорожденный получилъ имя Константина въ память послѣдняго императора изъ фамиліи Палеолога.

Къ вечеру Имперіале со всѣми остальными гостями уже оставили Теодорскій зáмокъ и на всѣхъ парусахъ неслись домой. По общему предположенію они должны были прибыть въ Кафу раньше полуночи, но такъ какъ вѣтеръ вскорѣ измѣнился и пришлось судну простоять

цѣлые сутки въ Урзовитѣ, то они вошли въ свою бухту только на третій день.

Приблизившись къ пристани Имперіале первый замѣтилъ, что всѣ городскія ворота были затворены и охранялись городскою стражею. Сердце его застучало и мрачное предчувствіе чего-то необкновеннаго овладѣло его душею.

Бальтазаро и канцлеръ также замѣтили это и старались убѣдить консула, что, вѣроятно, произошла какая-нибудь драка между генуэзцами и татарами.

— Въ настояще время всякая драка для насъ опаснѣе прежнихъ продолжительныхъ войнъ — замѣтилъ съ грустью Имперіале—я радъ былъ бы повѣсить 20 невинныхъ негодяевъ, зачинщиковъ ея, чтобы немедленно прекратить вражду и спасти городъ отъ мести мусульманъ.

Съ этими словами консулъ спустился на яликъ и приказалъ свезти себя къ ближайшей къ городскимъ воротамъ пристани.

На вопросъ его—что случилось? комендантъ крѣпости и начальникъ городской стражи подробно разсказали о происшедшемъ во время отсутствія его съ добавленіемъ, что смѣна Эминекъ-бека и назначеніе на его мѣсто Сейдака, подняло всѣхъ окружныхъ татаръ на ноги, которые узнавъ, что это назначеніе насильственно добыто нами отъ хана, бросились было на городъ, чтобы уничтожить насъ всѣхъ, но благодаря татарину Ягьѣ, мы успѣли во время принять мѣры и тремя выстрѣлами изъ пушекъ разогнали разъяренную толпу.

„Ну, теперь все кончено, если раздались выстрѣлы— подумалъ Имперіале—звукъ ихъ долетитъ до Стамбула и горе дѣтямъ твоимъ Кафа!“

Не сказавъ ни слова, консулъ послалъ за Скуарчіафико и съ наклоненною головою возвратился въ палаццо. Грусть и роковое предчувствіе разрывали его душу.

„Не повѣсить-ли мнѣ этого Калигулу? вскрикнулъ онъ какъ-разъ въ то время, когда Уберто блѣдный отворилъ двери.

— Что ты сдѣлалъ проклятый человѣкъ? спросилъ у него тихимъ, но зловѣщимъ голосомъ Имперіале.

— Синьоръ, я только исполнилъ ваше приказаніе, переданное мнѣ Хабибебою.

— Она вѣроятно и пять тысячъ секиновъ вручила тебѣ отъ моего имени.

— Вы меня оскорбляете синьоръ. Оскорбить въ своемъ домѣ и мнѣ не составитъ труда, хотя и я знаю кое-что за вами, но никогда никому не говорилъ объ этомъ не менѣе ужасномъ поступкѣ противъ метрополіи.

— Ужъ не считаешь ли ты меня предателемъ этого славнаго города, которому я принесъ такъ много жертвъ?

— И въ томъ числѣ цѣлый рядъ верховныхъ консуловъ, ежегодно высылаемыхъ изъ Генуи—прибавилъ съ улыбкою Уберто.

Имперіале съ ужасомъ взглянулъ на противника своего и, собравшись съ духомъ отвѣчалъ:

— Если я сдѣлалъ это, то ты можешь самъ понять, чѣмъ я рисковалъ для блага моихъ соотечественниковъ. Всѣ эти голыши съ первыхъ же дней своего господства поступили бы съ факторіями нашими подобно тебѣ.

— Такъ или иначе, но я, синьоръ имѣю подъ рукою ясныя доказательства, которыя ужаснутъ народъ, если вы не сдѣлаетесь благосклоннымъ ко мнѣ попрежнему.

— Нѣтъ, дорогой мой, я скорѣе передамъ тебѣ власть мою и подъ какимъ-нибудь предлогомъ выѣду, чѣмъ соглашусь одобрять твой поступокъ.

— Вы отлично поступите синьоръ, если предоставите мнѣ возможность исправить самому мою ошибку.

— И вы возвратите городу безопасность?

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Помните же сеньоръ, что малѣйшее увлеченіе ваше будетъ не исправимо, что вы за 60-ти тысячное народонаселеніе дадите отчетъ предъ Богомъ.

— Я завтра же начну собираться въ дорогу, а вы подъ предлогомъ моей болѣзни примете мою обязанность. Но ради Бога никому не говорите ни слова о нашей сдѣлкѣ и моемъ предположеніи выѣхать къ зятю на то время, пока вы приведете все въ порядокъ. Я еженедѣльно буду

присылать нарочнаго за свѣдѣніями и не замедлю явиться, если обстоятельства потребуютъ моего присутствія, прежде чѣмъ вы успѣете успокоить враговъ своихъ. Смотрите же вызывайте меня немедленно, если волненіе татаръ усилится.

На слѣдующій день жителямъ Кафы слѣдовало подготовляться къ празднованію годовщины св. Георгія, но не смотря на то, что въ окрестныхъ степяхъ господствовала тишина и солнце радужно освѣщало городъ, никто не думалъ объ этомъ. Всѣмъ посѣщавшимъ палаццо объявляли, что верховный консулъ внезапно заболѣлъ и находится въ сильномъ бреду и что обязанность его впредь до выздоровленія поручена Скуарчіафико.

Тѣмъ временемъ Анжело усиленно спѣшилъ грузить на суда хозяина все имущество подъ предлогомъ обыкновенной коммерческой партіи на Константинополь. По мѣрѣ нагрузки суда эти, уже на ходу, получали приказанія слѣдовать въ Черчіо и тамъ дожидаться дальнѣйшихъ приказаній.

Предъ вечеромъ Имперіале приказалъ пригласить къ себѣ епископа Симона, къ которому питалъ особенное уваженіе за его безпредѣльную любовь къ христіанамъ и въ особенности къ гражданамъ Кафы. Епископъ этотъ прибылъ въ Кафу изъ Польши, гдѣ также былъ уважаемъ всѣми.

— Извините меня монсиньоръ, что я заставилъ васъ потрудиться идти ко мнѣ. Какъ видите я боленъ, а между тѣмъ дѣло нельзя оставить впредь до выздоровленія моего.

— Вы знаете синьоръ меня достаточно и я полагаю, что лишнія слова совершенно напрасны.

— Въ такомъ случаѣ я прямо приступлю къ сущности дѣла: знаете ли вы, что наша милая Кафа со всѣми ея гражданами повисла надъ пропастью и погибнетъ безслѣдно, если только мы не успѣемъ поспѣшить къ ней на помощь?

— Нѣтъ синьоръ, я пока ничего не предвижу опаснаго. Татаре любятъ шумъ и драку, но на другой день

сами же приглашаютъ тѣхъ, съ которыми дрались, на свадебный пиръ.

— Да. но это въ обыкновенныхъ дракахъ, произошедшихъ изъ за какой нибудь вещи или ругательнаго слова. Въ настоящемъ же случаѣ они подняты на ноги любимымъ начальникомъ и не положатъ оружія до того времени, пока онъ имъ не прикажетъ; между тѣмъ онъ этого не сдѣлаетъ, пока не будетъ удовлетворенъ. А какъ его удовлетворить? Одною головою Скурчіафико— онъ не будетъ довольствоваться и потребуетъ возврата должности, которая зависитъ отъ разгнѣваго Менгли-гирея. Нѣтъ, монсиньоръ, мы сдѣлали ошибку, которую можемъ не иначе поправить, какъ потоками крови героевъ. Вамъ придется безотлагательно ѣхать въ Польшу и привести оттуда войско, которое могло бы защитить насъ отъ несомнѣннаго вмѣшательства въ распрю нашу турокъ.

— Синьоръ, вы пугаете меня.

— Я говорю вамъ, къ сожалѣнію, горькую истину. Только вы одинъ можете быть спасителемъ города, если съумѣте возбудить къ народонаселенію его состраданіе единовѣрцевъ нашихъ.

— Я готовъ обойти весь міръ пѣшкомъ, чтобы спасти дорогую Кафу. Но мнѣ все кажется, что опасность не такъ еще велика.

— Настаивать надъ вами я не вправѣ монсиньоръ, но я твердо убѣжденъ, что минуты независимости генуэзцевъ уже сочтены и горе намъ, если не явятся къ намъ во время защитники. Турки, давно жаждующіе полнаго господства на Черномъ морѣ, по первому заявленію какого-нибудь оборваннаго татарина, охотно двинутъ къ намъ свои корабли съ массою воиновъ и въ нѣсколько часовъ сдѣлаются нашими повелителями. Подумайте же, монсиньоръ, объ ужасныхъ послѣдствіяхъ города, когда пророчество мое сбудется.

— И такъ по вашему мнѣнію мнѣ необходимо ѣхать.

— И чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше—отвѣчалъ верховный консулъ, потому что въ Кафѣ не наберется и сотни человѣкъ, которые пожелаютъ защищать ее до крайности.

Епископъ погрузился въ размышленіе, но нѣсколько минутъ спустя, онъ бросился въ объятія къ другу своему и, зарыдавъ, какъ бы по предчувствію, что не увидится болѣе съ нимъ, быстрыми шагами возвратился домой, чтобы съ разсвѣтомъ пуститься въ далекій и не безопасный путь.

„О санта Марія—шепталъ ему вслѣдъ Имперіале—помоги этому человѣколюбцу совершить великій подвигъ; смилуйся надъ нашими невинными дѣтьми и не допусти на нихъ варваровъ! Повторяя эти слова, Джовани какъ будто слышалъ въ глубинѣ души: „не молись напрасно о градѣ, который вмѣстѣ съ тобою заслужилъ самаго строгаго наказанія.“ Передъ этимъ укоромъ совѣсти онъ онѣмѣлъ и безсмысленно вперилъ глаза въ потолокъ. Въ это время вошелъ къ нему Ягья.

Татаринъ покорно расположился у порога и ожидалъ, пока хозяинъ самъ обратитъ на него вниманіе.

— Это ты Ягья? спросилъ наконецъ Имперіале.

— Я Джованъ ага—отвѣчалъ онъ тихимъ и печальнымъ тономъ.

— Ты, навѣрно, пришелъ сообщить мнѣ печальныя извѣстія, потому что я не замѣчаю въ тебѣ обыкновенной веселости.

— Охъ—отвѣчалъ татаринъ, покачивая головою—весь Крымъ взбѣсился противъ благодѣтелей своихъ и грозитъ имъ огнемъ и мечемъ за то, что они возвели въ каймакамы злодѣя Сейдака. Я смѣялся было надъ ихъ угрозами, но узнавъ сегодня, что они послали въ Стамбулъ депутацію къ султану объ избавленіи ихъ отъ вашего господства, счелъ нужнымъ заявить вамъ объ этомъ, мой добрый ага.

— Правду ли ты говоришь Ягья? спросилъ консулъ съ ужасомъ.

— Я самъ читалъ ихъ прошеніе къ султану, въ которомъ они изъявляютъ согласіе вступить въ подданство султана, если онъ поможетъ имъ изгнать изъ Крыма зловредныхъ френковъ, самовольно поселившихся на ихъ землѣ.

— И депутація эта уже выѣхала?

— Выѣхала, ага.

— Ну, такъ прощай навсегда мой добрый и честный Ягья. Мы не въ силахъ бороться съ турками и навѣрно всѣ до единаго погибнемъ въ битвѣ съ ними. Вотъ тебѣ послѣднее мое вознагражденіе—прибавилъ онъ, подавая татарину кошелекъ съ деньгами—возвратись домой помолись за христіанскихъ друзей твоихъ, когда узнаешь о погибели их̇ъ.

Ягья разцѣловалъ протянутую къ нему руку и, утирая слезы кулакомъ, противъ желанія своего долженъ былъ удалиться изъ дома, снабжающаго его средствами къ жизни.

Въ одинъ и тотъ же день синьоръ Имперіале и епископъ Симонъ выѣхали изъ Кафы. Первый подъ предлогомъ покончить какіе-то разсчеты съ племянницею, а послѣдній съ цѣлью снабдить Кафу коронными войсками, на случай еслибъ Турція вздумала вмѣшаться въ недоразумѣнія татаръ съ генуэзцами.

Но если епископомъ управляла идея спасенія своихъ единовѣрныхъ согражданъ, то у Имперіале была совершенно противоположная мысль. Онъ покидалъ навсегда тотъ городъ, въ которомъ нажилъ большое состояніе, гдѣ пользовался чуть ли не царскими правами и главнѣе всего былъ обожаемъ, начиная отъ бѣднѣйшаго караима еврейскаго закона, до надменнаго кадія. Могъ ли онъ разсчитывать на такія почести и заслуги въ другихъ странахъ? Честолюбивый отъ природы и гордый дворянинъ Генуи, хотя и сознавалъ какое почтенное мѣсто могъ бы занять въ отечественномъ городѣ, но не смѣлъ мечтать о немъ. Слѣдовательно, ему приходилось бѣжать какъ можно дальше отъ всѣхъ тѣхъ, которые могли рано или поздно затмить всѣ его заслуги и поставить ему въ вину цѣлый рядъ убійствъ такихъ людей, которые ни единымъ словомъ не могли оскорбить его. А кто бы могъ поручиться ему, что вѣроломный Скуарчіафико не сдѣлаетъ извѣстными всѣмъ свои открытія.

Джовани Имперіале былъ чрезвычайно грустенъ въ ту минуту, когда корабль его тронулся въ путь. Городъ весь почти спалъ, никто въ немъ не подозрѣвалъ, что ихъ мудрый защитникъ такой твердый и рѣшительный

въ былое время, нынѣ сокрушенный ничтожнымъ Уберто, постыдно убѣгаетъ въ самую критическую минуту ихъ жизни. Да и думали ли они, что къ нимъ приближается послѣдній день Помпеи съ неменѣе грозными картинами? Никто кажется кромѣ Имперіале не допускалъ такой катострофы. Въ предчуствіи ужасныхъ послѣдствій, онъ, забывъ на минуту свою скорбь, нынѣ съ скрещенными руками, походилъ на пророка, оплакивающаго Іерусалимъ—и слезы его были искреннія.

Когда корабль поворотилъ къ С. В. и скрылась послѣдняя освѣщающая бухту лампа, верховный консулъ упалъ на колѣна и, бросая по направленію къ городу перстень свой съ консульскою печатью, почти въ слухъ началъ молиться за добрыхъ друзей съ ихъ семействами.

Корабль понесся на всѣхъ парусахъ къ Черчіо, гдѣ Имперіале хотѣлъ дождаться извѣстій, чѣмъ окончатся неудовольствія татаръ, и затѣмъ уже избрать мѣсто для дальнѣйшаго пребыванія своего.

Заключеніе.

Мы до настоящаго времени говорили о томъ, что происходило въ Кафѣ, теперь бросимъ взглядъ на то, что творилось въ Крыму послѣ насильственнаго назначенія Сейдака на мѣсто Эминекъ-бека, имѣвшаго родственныя связи со всѣми почти первостепенными сановниками ханства.

Эминекъ-бекъ, прочитавъ ханскій приказъ о смѣнѣ, въ туже минуту отправился къ Менгли-гирею и спросилъ у него чѣмъ провинился онъ и чѣмъ заслужилъ его немилость.

— Ты всегда былъ для меня любимымъ человѣкомъ—отвѣчалъ ему ханъ—но эти проклятые гяуры, которымъ я обязанъ кое-какими услугами, заставили меня поступить противъ тебя несправедливо. Извини меня, я постараюсь вознаградить тебя.

— Нѣтъ, султанымъ — отвѣчалъ обиженный — не я оскорбленъ ихъ дерзостію, но вы и все ханство. Такое насиліе не должно остаться безъ заслуженнаго наказа-

нія, въ противномъ случаѣ они станутъ вмѣшиваться во всѣ дѣла нашего царства и въ концѣ концовъ сдѣлаются господствующими въ странѣ. Мы должны во чтобы то нистало сокрушить ихъ самостоятельность на нашей землѣ.

— Дѣлай Эминекъ какъ знаешь, но только не вмѣшивай моего имени. Я и самъ желалъ-бы, чтобы они почувствовали полную зависимость отъ насъ. Ханъ произнесъ эти слова, не подозрѣвая какія мысли бродили въ головѣ бывшаго каймакама.

— И такъ вы изъявляете желаніе, чтобы они получили наказаніе?

— Повторяю, что я не прочь зануздать ихъ.

Эминекъ, поцѣловавъ Фалду повелителя своего, удалился и сообщилъ родственникамъ и друзьямъ, что ханъ изъявилъ согласіе отмстить зазнавшимся френкамъ.

— Слава Аллаху—вскрикнули Гайдеръ и Кара-Муса, которые болѣе другихъ ненавидѣли генуэзцевъ. Мы немедленно отправимъ къ султану просьбу объ избавленіи нашей отчизны отъ гяуровъ, а сами постараемся вооружить нѣсколько тысячъ человѣкъ, которые окружатъ Кафу и не допустятъ мерзавцевъ избѣгнуть наказанія.

— Я первый подписываю ваше прошеніе—отвѣчалъ Эминекъ-бекъ и обѣщаю выставить тысячу преданныхъ мнѣ татаръ.

Просьба была составлена и подписана 24 эфендіями и беками, которые довѣрили подать ее лично султану одному изъ купцовъ, бывавшихъ уже въ Стамбулѣ.

Одновременно съ отправкою въ Турцію посла Эминекъ-бекъ съ друзьями своими окружилъ Кафу нѣсколькими тысячами татаръ и зорко слѣдилъ за френками, недопускавшими ихъ къ городскимъ стѣнамъ.

Все это произошло вскорѣ послѣ выѣзда Импеpіале. Скуарчіафико вмѣсто того, чтобы стараться о примиреніи и вознагражденіи Эминекъ-бека, отъ чего не отказались бы всѣ жители Кафы, послалъ ему сказать, что отнынѣ городъ не будетъ платить никакихъ налоговъ и не потерпитъ ни единаго татарина въ стѣнахъ своихъ, если только Менгли-гирей не усмиритъ бунтовщиковъ въ продолженіи трехъ дней.

Назначенный срокъ истекъ, но вмѣсто того, чтобы отошли татаре, число ихъ удвоилось. Не постигая цѣли осаждающихъ, Уберто мало заботился объ ихъ угрозахъ, такъ какъ городъ свободно сообщался моремъ съ своими колоніями и вообще съ окрайнами Чернаго и Азовскаго морей.

Прошла еще недѣля. Многіе изъ дальновидныхъ гражданъ начали предчувствовать что-то не доброе, а нѣкоторые изъ боязни подвергать семью и состояніе свое военнымъ случайностямъ, заблагоразсудили тайкомъ выѣхать на Кавказъ, конечно въ надеждѣ возвратиться, какъ только возстановится прежній порядокъ вещей. Скуарчіафико одинъ не падалъ духомъ и собирался сдѣлать внезапную вылазку, чтобы разогнать безпорядочные таборы дерзкихъ бунтовщиковъ и съ этимъ умысломъ заботился о сформированіи значительной милиціи изъ молодыхъ людей. Всѣ охотно являлись на призывъ его, но вылазка откладывалась до возвращенія Имперіале, за которымъ посланъ былъ въ Теодоро нарочный корабль.

Тѣмъ временемъ татарскій уполномоченный прибылъ въ Андріанополь и, передавая просьбу султану отъ имени главнѣйшихъ сановниковъ царства, разсказывалъ такія небылицы и притѣсненія, будто бы переносимыя татарами отъ внѣдрившихся въ странѣ ихъ френковъ, что султанъ отдалъ приказаніе немедленно посадить на суда 20 тысячъ войска и поступить съ дженевезами Кафы самымъ безпощаднымъ образомъ.

Такого повода давно уже ожидалъ Магометъ II, понимавшій хорошо какія выгоды можно извлекать отъ господства въ Крыму, предоставлявшаго одновременно и полное право владѣнія Чернымъ моремъ. При этомъ татарскіе послы прибыли въ Константинополь, какъ-разъ въ то время, когда сдѣланы были султаномъ большія подготовленія для завоеванія Кандіи и вообще битвы съ Венеціанскою республикою. На рейдѣ стояло 480 кораблей всѣхъ родовъ и размѣровъ, готовыхъ отплыть по первому слову повелителя. Суда эти направлены были съ десантными войсками въ Тавриду, подъ личною командою великаго визиря Кедукъ-Ахмета и 1 іюня 1475

года бросили якоря въ виду изумленныхъ жителей Кафы, которые со страхомъ и трепетомъ метались по городу.

Въ эту только минуту Скуарчіафики вспомнилъ слова Менгли-гирея и Имперіале и ужаснулся своего поступка. Въ ушахъ его звучали тысячи голосовъ: проклятый Іуда предатель! ты продалъ нашу жизнь, ты продалъ нашихъ дѣтей за ничтожныя деньги, въ благодарность за то, что мы дали тебѣ пріютъ и пропитаніе. „Затѣмъ раздавались крики: отдай намъ Имперіале, котораго ты изгналъ, онъ одинъ можетъ спасти насъ! По его слову двинутся къ намъ всѣ Готоы и мы будемъ спасены“.

Уберто стоялъ какъ ошеломленный громовымъ ударомъ и не зналъ на что рѣшиться. Идти въ городъ, откуда неслись вопли съ проклятіями, онъ боялся изъ предположенія быть растерзаннымъ народомъ; оставаться пассивнымъ зрителемъ также не приходилось. Какъ вдругъ послышался за нимъ голосъ Бальтазаро:

— Синьоръ, мы атакованы со всѣхъ сторонъ, а вы любуетесь этою картиною съ полнымъ равнодушіемъ! Ради Бога спѣшите къ крѣпостямъ и прикажите стрѣлять изъ пушекъ.

— Все напрасно, синьоръ Бальтазаро,—отвѣчалъ онъ. покачивая головою—у насъ едва ли наберется столько снарядовъ, чтобы сдѣлать по одному выстрѣлу въ каждое непріятельское судно. Лучше будемъ ожидать ихъ ударовъ.

Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ раздался залпъ изъ непріятельскихъ орудій и ядро, разметавъ тѣло Уберто, влетѣло во внутренность палаццо, надъ которымъ развивался флагъ съ краснымъ крестомъ, ненавистный туркамъ.

Вотъ тебѣ награда за предательство—невольно вырвалось изъ устъ Бальтазаро—теперь посмотримъ какое мы получимъ возмездіе за наши грѣхи. Бѣдныя наши жены и дѣти, а вы чѣмъ провинились предъ Господомъ? Неужели и вы должны пострадать ради того, чтобы увеличить нашу предсмертную агонію?

Бальтазаро бѣжалъ что было силы, чтобы извѣстить Франческо Фіески о гибели сотоварища и о томъ, что нужно замѣнить его.

Фіески не замедлилъ принять власть консула и сдѣлалъ надлежащія распоряженія. Открылась съ обѣихъ сторонъ страшная канонада, въ продолженіе которой Ягья съ двумя сыновьями своими неутомимо вывозилъ на небольшомъ яликѣ женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей за церковный мысъ, приказывая имъ бѣжать вдоль берега и выѣзжать изъ Крыма на первомъ попавшемся суднѣ. Въ числѣ первыхъ вывезенныхъ была Джудита и всѣ тѣ, къ которымъ благоволилъ Джованъ ага,—его не забвенный добрый хозяинъ.

На второй день канонада усилилась, потому что турки свезли пушки на берегъ и направили ихъ на Константиновскую крѣпость. Пальба не прекращалась въ теченіи всего дня и причинила довольно значительныя потери для города. Ягья, слѣдившій за всѣмъ совѣтовалъ Фіески сдѣлать въ полночь вылазку, чтобы завладѣть орудіями, свезенными турками на берегъ, которыя причиняли страшный вредъ. Онъ доказывалъ, что взять турецкую баттарею не составляло труда, а взявши ее можно надѣяться на хорошій исходъ дѣла. Фіески предложилъ этотъ совѣтъ на обсужденіе гражданъ, но къ сожалѣнію не нашлось никого, кто бы изъявилъ охоту участвовать въ вылазкѣ.

Фіески выходилъ изъ себя, просилъ, умолялъ, но никто не обращалъ вниманія на его искреннее желаніе пожертвовать собственною жизнею для спасенія роднаго гнѣзда.

— Мы погибнемъ, синьоры, если не завладѣемъ пушками, которыя наносятъ нашимъ стѣнамъ ужасный вредъ, говорилъ онъ, намъ не трудно избавиться отъ нихъ при единодушномъ желаніи. Рѣшайтесь же, друзья ради спасенія вашихъ женъ и дѣтей, которыхъ не пощадятъ варвары. Я первымъ брошусь на смерть, чтобы не посрамить имя генуэзцевъ.

Всѣ, слышавшія эти слова, находили ихъ разумными, но охотниковъ жертвовать своею жизнію, ради спасенія другихъ, не оказалось.

Стрѣльба изъ пушекъ не прекращалась, но съ каждымъ часомъ Фіески замѣчалъ, что около него рѣдѣлъ кружокъ чиновниковъ факторіи. Ни канцлера, ни сид-

никовъ, ни отважнаго Бальтазаро онъ болѣе не видѣлъ около себя. Пушками преимущественно управляли греки, поклявшіеся не щадить враговъ до послѣдняго заряда. Но какъ отважно и дружно не было ихъ дѣйствіе, вскорѣ въ стѣнахъ и укрѣпленіяхъ Кафы оказались большіе проломы. Народъ приходилъ въ уныніе и отказывался исправлять обязанность гарнизона. Фіески вынужденъ былъ прибѣгнуть къ насиліямъ и съумѣлъ на время возбудить во многихъ воинскій пылъ. Но въ то время, когда предъ нимъ блеснула надежда на вылазку и когда онъ получилъ чрезъ посредство преданнаго Ягьи извѣстіе, что готоійскій князь собираетъ дружину, чтобы явиться на помощь къ Кафѣ, а епископъ Симонъ извѣщалъ, что заставъ въ Кіевѣ друга своего польскаго магната Гастольда съ арміею, изъявившаго также согласіе идти на помощь къ нему, въ одной изъ армянскихъ церквей собрались на совѣщаніе восемъ первостатейныхъ богачей армяно-католическаго исповѣданія, которые боясь лишиться жизни и имущества, постановили сдать туркамъ городъ на выгодныхъ условіяхъ и тѣмъ прекратить кровопролитіе и ужасныя послѣдствія борьбы, могущей продолжаться очень долго. Постановленіе это признано было всѣми почти армянами разумнымъ и подлежащимъ немедленному исполненію.

Въ тотъ же день представители армянскаго сословія отправили одного изъ татаръ съ этимъ заявленіемъ къ великому визирю, который, наградивъ посла, просилъ привести къ нему на корабль этихъ добродѣтельныхъ людей для выясненія условій награды за услугу и капитуляціи.

Богачи, пользуясь темнотою ночи и тѣмъ, что у воротъ пристани стоялъ караулъ изъ единоплеменниковъ ихъ, спокойно вышли на берегъ и сѣвъ въ одну изъ лодокъ, отправились къ турецкому главнокомандующему. Кедукъ-Ахметъ паша принялъ ихъ дружественно и не только согласился на неприкосновенность жизни и собственности не господствующихъ въ Кафѣ націй, но даже обѣщалъ выдѣлить имъ часть изъ добычи, которая достанется туркамъ отъ генуэзцевъ.

Обрадованные такою любезностію и снисходительно-

стію армяне въ ту же ночь приступили къ возмущенію гражданъ противъ Фіески и открыли ворота варварамъ.

Несчастному защитнику въ то время, когда онъ надѣялся восторжествовать надъ врагами и ожидалъ сильной помощи съ двухъ сторонъ, ничего болѣе не оставалось, какъ бѣжать въ Солдаю.

Жители Кафы сдались съ правомъ откупиться отъ смерти и невольничества; но лишь только Кедукъ-Ахметъ занялъ консульскій палаццо и окружилъ городъ и всѣ выходы изъ него своими войсками, потребовалъ, чтобы всѣ граждане безъ исключенія представили ему точную перепись своему имуществу.

— Я это дѣлаю для того—сказалъ онъ изумленнымъ представителямъ народа — чтобы справедливѣе распредѣлить налогъ или, проще, чтобы каждый заплатилъ султану не больше и не меньше слѣдуемаго.

Лишь только доставлены были эти вѣдомости, коварный турокъ приказалъ, чтобы всѣ невольники отобраны были отъ владѣтелей въ пользу падишаха, но когда ихъ набрано было громадное число, подъ видомъ неимѣнія средствъ для перевозки въ Константинополь, отдалъ приказаніе, чтобы они выкуплены были обратно своими господами по установленной имъ высокой цѣнѣ.

Покончивши съ этимъ, великій визирь потребовалъ отъ всѣхъ иностранныхъ купцовъ, находившихся въ это время въ Кафѣ, 25 тысячъ дукатовъ, а съ господствовавшихъ генуэзцевъ опредѣлилъ взыскать золотомъ сумму, равную половинѣ всего ихъ состоянія.

Недѣлю спустя Кедукъ-Ахметъ отдалъ своимъ янычарамъ приказаніе, выбрать въ свои орты 1500 молодыхъ людей изъ кафскихъ жителей и выслалъ нѣсколько отрядовъ войска для покоренія Солдаи и другихъ независимыхъ земель въ крымскомъ ханствѣ. Затѣмъ предалъ позорной казни 300 богатѣйшихъ гражданъ Кафы и 162 валажскихъ купца, первыхъ за оказанное сопротивленіе султанскимъ войскамъ, а послѣднихъ въ возмездіе за то, что въ минувшемъ году Стефанъ воевода и палатинъ молдавскій разбилъ турецкій отрядъ на голову при Краковицѣ и приказалъ часть плѣнныхъ посадить на колъ, а съ другихъ содрать кожу.

Въ заключеніе онъ объявилъ всѣмъ генуэзцамъ, пизанцамъ, флорентинцамъ и католонцамъ быть въ готовности слѣдовать въ Константинополь. Тогда только несчастные сознали свою горькую ошибку и горько оплакивали излишнюю довѣрчивость къ армяно-католикамъ, какъ бы отмстившимъ имъ за насильственное присоединеніе къ католицизму, раздѣлившему ихъ націю на двѣ секты.

Теперь кровожадному визирю приходилось покончить расчетъ съ восемью богачами, оказавшими ему услугу овладѣть Кафою. Находчивый варваръ приказалъ пригласить ихъ на большой пиръ къ себѣ и, обѣщая въ самомъ непродолжительномъ времени вознаградить по обѣщанію, отпускалъ каждаго по одиночкѣ въ двери, ведущія на узкую лѣстницу, у послѣдней ступени которой стоялъ палачъ и однимъ взмахомъ сабли отдѣлялъ голову, измѣнявшую своему отечеству.

Освобожденный такимъ образомъ отъ всѣхъ обязательствъ своихъ Кедукъ-Ахметъ съ ожесточеніемъ перенесъ свои дѣйствія на Солдаю, откуда заранѣе выпущены были братья Менгли гирея и въ неприступномъ замкѣ, котораго укрылись генуэзцы во главѣ Фіески.

Поклявшись другъ другу не сдаваться живыми, они бились какъ львы, переходя изъ крѣпости въ крѣпость до тѣхъ поръ, пока утомленные варвары порѣшили заморить ихъ голодомъ. Съ этой цѣлью они заложили громадными каменьями выходъ имъ изъ послѣдней засады и спокойно расположились въ опустѣвшемъ на половину городѣ.

Покончивъ съ Солдаіею, алчный визирь двинулъ армію свою, сопровождаемую судами, на Готѳію и безпощадно громилъ все, что попадалось ему на встрѣчу. Цѣлыя селенія предавались смерти, если не успѣвали скрываться въ отдаленныхъ лѣсахъ. Многіе изъ генуэзцевъ, которымъ удалось спастись изъ Кафы и Солдаи и скрыться въ глубокихъ пещерахъ, были душимы дымомъ отъ костровъ, разложенныхъ у входа, а жители Парѳенита, настигнутые у Гурзовиты, должны были пасть подъ ударами сабель и наполнить тѣлами своими большой оврагъ, носящій по настоящее время названіе бойни христіанъ.

Кедукъ-Ахметъ этимъ путемъ направилъ отрядъ къ беззащитной резиденціи Алексія. Затѣмъ къ владѣніямъ Мангупскаго князя Исаія, къ Балаклавѣ и Херсонесу, что бы окончательно завладѣть Крымскимъ полуостровомъ.

Алексій Палеологъ, не располагавшій ни единымъ орудіемъ, не смѣлъ и думать о сопротивленіи. Зная какая жестокая участь предстоитъ ему и небольшой семьѣ его, князь пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе старшинъ изъ ближайшихъ селеній и спросилъ ихъ, что они намѣрены требовать отъ него.

— Если вы желаете сражаться и умереть за родину свою, то я готовъ первый обнажить саблю и стать впереди васъ—говорилъ онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ.

— Нѣтъ мы не можемъ этого сдѣлать противъ такого числа враговъ, вооруженныхъ пушками—отвѣчали поселяне. Это будетъ безразсудная глупость и намъ ничего болѣе не остается, какъ укрыться въ недоступныхъ горахъ, пока пройдутъ враги, а тебѣ, нашъ добрый князь, мы совѣтуемъ сберечь свою дорогую жизнь, которая можетъ быть, понадобится намъ въ будущемъ.

Князь со слезами простился съ рыдающими старшинами и въ тотъ же день приказалъ преданнымъ ему слугамъ снарядить одинъ изъ кораблей своихъ и перенести на него свое небольшое состояніе,

— „Ну, Анна—сказалъ онъ—отправляй твою прислугу и помолимся въ послѣдній разъ на этой печальной скалѣ, чтобы Создатель нашъ удостоилъ насъ увидѣть мой крошечный уголокъ на прекрасномъ островѣ Хіо, гдѣ мы превратимся въ простыхъ работниковъ и будемъ жить тихо и мирно для самихъ себя.

— Для меня вездѣ хорошо, гдѣ будетъ мой мужъ и отецъ—отвѣчала добрая жена.

День склонялся къ вечеру, когда князь съ супругою своею, никѣмъ не сопровождаемый, спустился къ крошечной Теодорской бухтѣ, сѣлъ въ яликъ и поплылъ къ судну своему.

— Теперь намъ нечего терять времени — сказалъ князь—переодѣнемся же поскорѣй въ турецкіе наряды, подымемъ ихъ флагъ и съ Богомъ!

Матросы не замедлили исполнить приказаніе повелителя своего и легкое судно быстро понеслось по направленію къ Константинопольскому проливу, который положено было проходить ночью.

Кедукъ-Ахметъ вдоль до Херсонеса не встрѣтилъ ни единаго человѣка. Въ Чимбалѣ онъ могъ узнать отъ татаръ, что греки ушли въ горы, а Генуэзцы уплыли куда-то на судахъ. Занявъ Инкерманскую крѣпость гарнизономъ, великій визирь направилъ часть арміи своей къ Мангупу и не предполагалъ отступать отъ него до того времени пока не будетъ достигнута цѣль *).

Миссія эта была вполнѣ закончена. Оставалось только завладѣть личностію хана, въ доказательство всеобщаго завоеванія страны и пріобрѣтенія Чернаго моря, а такъ какъ отъ Мангупа до Кыркъ-ера было недалеко и Менгли-гирей не сопротивлялся подчиниться требованію Кедука, то визирь безотлагательно возвратился въ Кафу и, распредѣливъ армію свою гарнизонами въ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктахъ Крыма, отдалъ приказаніе немедленно нагрузить на суда всю добычу и плѣнныхъ для слѣдованія въ Стамбулъ.

Турецкій флотъ снова двинулся за главнокомандующимъ своимъ съ массами итальянцевъ, предназначенныхъ для заселенія опустѣвшихъ предмѣстій Константинополя.

При слѣдованіи этомъ одному изъ судовъ суждено было отстать отъ флотиліи и противными вѣтрами отклониться принятаго направленія. На суднѣ этомъ находилось 150 генуэзцевъ, которые, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, сбросили турковъ въ море и, овладѣвъ судномъ, благополучно высадились на берегахъ Дуная и оттуда уже принесли въ Геную печальное извѣстіе о гибели генуэзскихъ факторій въ Крыму.

Вѣсть эта поразила Анжелику Имперіале такъ, что она лишилась языка, а добрый епископъ Симонъ, выступившій было съ польскими войсками на помощь къ друзьямъ, узнавъ, что городъ былъ сданъ измѣною на

---

*) О битвѣ на Мангупѣ и участи князя Исаія будетъ сказано въ слѣдующей за симъ главѣ.

четвертый день послѣ осады вскрикнулъ и упалъ мертвымъ къ ногамъ Гастольда.

Что стало съ тѣми итальянцами, которые заблаговременно удалились на кавказскіе берега — мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній, но знаемъ, что число ихъ было велико на пространствѣ отъ Тамани до Анакліи и что въ 1509 году, въ царствованіе князя Инала, франки занимали всѣ долины къ сѣверу Кавказа и жили въ добромъ согласіи съ туземными народами.

Изъ народныхъ же преданій одно намекаетъ на то, что послѣ бѣгства изъ Крыма новыхъ массъ этого народа, они подъ предводительствомъ вождя своего, безъ сомнѣнія, Джовани Имперіале, заняли самыя лучшія земли, принадлежащія кабардинцамъ, которые не были въ силахъ воспротивиться ихъ напору. Здѣсь вождь этотъ влюбился въ жену кабардинскаго начальника и умолялъ его уступить ему ее. Кабардинецъ ни за что не соглашался; но жена, которая, можетъ быть, любила тайно этого франка или просто хотѣла оказать соотечественникамъ своимъ большую услугу, уговорила мужа отдать ее, но съ условіемъ, чтобы дженевезъ исполнилъ обязательства, которыя ему будутъ предложены чрезъ три дня послѣ свадьбы. Мужъ согласился и предложилъ итальянскому вождю свой ультиматумъ. Сдѣлка принята и оба представителя торжественно произнесли взаимныя клятвы не нарушать мирныхъ отношеній и обоюдныхъ согласій до опредѣленнаго времени.

Три дня спустя на указанное мѣсто снова собрались представители дженевезовъ и кабардинцы съ старшинами.

— Я уступилъ тебѣ мою половину тѣла и души — сказалъ начальникъ кабардинцевъ—не изъ личныхъ выгодъ и интересовъ, но ради блага управляемаго мною народа и теперь не намѣренъ требовать отъ тебя ничего болѣе, какъ оказать намъ самое необходимое: ты обязанъ немедленно удалиться съ твоимъ народомъ изъ нашей земли и возвратить намъ первобытное независимое состояніе.

Неожиданность такого требованія поразила всѣхъ итальянцевъ, но отказаться отъ исполненія своего клятвеннаго обязательства, они были не въ правѣ.

Многіе изъ путешественниковъ, даже нашего столѣтія, встрѣчавшіеся съ кабардинцами, передаютъ намъ, что у этого племени и теперь часто говорится: „мы отдали своихъ женъ за эту богатую страну“.

Куда же за тѣмъ дѣвались несчастные Крымскіе генуэзцы? Существуетъ только одно предположеніе, что они поселились у подошвы Эльбруса, гдѣ, сроднившись съ сосѣдними народами, не только забыли свой языкъ и религію, но и даже происхожденіе отъ христіанъ Европы.

Такъ окончила свою историческую жизнь Генуя на классической почвѣ Крыма и такъ исчезли съ лица земли ея послѣдніе отважные піонеры рыцарскихъ временъ. Come guadagnatto, cosi e scampatto говоритъ древняя итальянская пословица.

КНЯЗЬ ИСАЙ

Послѣдній владѣтель Мангупа въ Крыму.

(Историческій фактъ въ народномъ преданіи).

КНЯЗЬ ИСАЙ

Послѣдній владѣтель Мангупа въ Крыму.

(Историческій фактъ въ народномъ преданіи).

Такъ какъ не всѣмъ читателямъ нашимъ можетъ быть извѣстенъ знаменитый въ Крыму Мангупъ, то мы, прежде чѣмъ приступить къ повѣтствованію о судьбѣ послѣднихъ владѣтельныхъ князей его, полагаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о мѣстоположеніи этого города, заставившаго сказать Эдуарда Кларка *) что *„ничто, въ какой бы то ни было части Европы не превосходитъ ужасной величественности Мангупа“*. Слова эти совершенно справедливы; а такъ какъ бо́льшаго не въ силахъ выразить языкъ серіознаго путешественника, то мы и ограничимся ими впредь до разсмотрѣнія его болѣе подробнымъ образомъ.

Къ Мангупу идутъ нѣсколько проселочныхъ дорогъ: первая съ горъ, вторая изъ Севастополя, третья изъ Бахчисарая на деревню Теберти и послѣдняя отъ Бельбека и Дуванъ-кой на Каралезы. Послѣдній путь мы полагаемъ самымъ кратчайшимъ отъ станціи желѣзной дороги, хотя и предпочитаемъ поѣздку къ нему изъ Бахчисарая, какъ крайняго пункта, гдѣ представляется во́зможность сдѣлать запасъ провизіи.

Мангупъ находится въ центрѣ пространства между Инкерманомъ и Чуфутъ-кале, сходенъ съ ними по природному устройству, крѣпостнымъ сооруженіямъ и остаткамъ первобытныхъ жилищъ человѣка, но намного разнится по обширности верхней площади и величественной высотѣ надъ уровнемъ моря. Это въ полномъ смыслѣ слова *Баба-кая* или отецъ горъ, какъ называютъ его туземцы по сравненію съ окрестными возвышенностями.

*) См. его Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie t. II p. 484.

И этотъ Мангупъ, нѣкогда густонаселенный, цвѣтущій и поражающій всѣхъ, послѣ того какъ коснулась до него варварская рука турокъ, превратился въ притонъ караимовъ и въ темницу политическихъ преступниковъ. При присоединеніи Крыма къ Россіи Мангупъ достался намъ въ жалкихъ развалинахъ съ нѣсколькими лачужками бѣдныхъ жителей, которыхъ видѣлъ въ концѣ истекшаго столѣтія почтенный авторъ Херсонеса Таврійскаго, митрополитъ Римско-католическихъ церквей въ Россіи, Сестренцевичъ—Богушъ и, судя по особенному какому-то окладу ихъ лицъ, считалъ потомками древнихъ основателей этого города.

Въ заключеніе мы скажемъ, что предлагаемый разсказъ составляетъ очеркъ кампаніи турковъ въ Тавридѣ, послѣ только что описанныхъ нами событій съ несчастными генуэзцами въ Кафѣ.

I.

Былъ одинъ изъ жаркихъ майскихъ дней. Престарѣлый владѣтельный князь Мангупа только что позавтракалъ *тарханною* *) и, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Андреемъ, собирался выйти на воздухъ, когда одинъ изъ охранителей въѣздныхъ воротъ сообщилъ ему о прибытіи изъ Константинополя какого-то неизвѣстнаго человѣка, желавшаго видѣть великодушнаго севаста.

— Возвратись, сынъ мой, и проси странника пожаловать въ мой домъ. Я прикажу отвести ему комнату и принять какъ искренняго друга—отвѣтилъ Исай.

Часъ спустя къ дворцу подъѣхалъ верхомъ мущина среднихъ лѣтъ съ большими усами, чрезвычайно похожій съ вида на турка. Нѣсколько придворныхъ служителей помогли гостю спуститься съ лошади и, поздравивъ его съ пріѣздомъ, отвели въ общую комнату, предназначенную для всѣхъ, имѣвшихъ желаніе видѣться съ княземъ.

Пріѣзжему подали умыться и поставили предъ нимъ

---

*) Нѣчто въ родѣ нашей затирки, которая приготовляется на молокѣ и послѣ ок сленія тѣста сушится лепешками на солнцѣ и затѣмъ лепешки растираются руками.

большой мѣдный подносъ съ разнообразными яствами, затѣмъ приготовили ложе для отдохновенія и всѣ вышли.

Гость недолго отдыхалъ. Его повидимому безпокоила какая-то непріятная жгучая мысль, которую онъ хотѣлъ поскорѣе передать владѣтельному князю.

— Гдѣ теперь князь Исай? спросилъ онъ у одного изъ слугъ.

— Въ своей любимой каменной бесѣдкѣ.

Гость послѣдовалъ по указанному ему направленію и скоро приблизился къ оконечности скалы, откуда внезапно открылась предъ нимъ великолѣпная панорама горъ съ ихъ голыми бѣлыми боками, зеленыя ущелья и восхитительныя поляны, въ глубинѣ которыхъ возились трудолюбивые поселяне, казавшіеся какими-то пигмеями. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, онъ замѣтилъ тыквообразный известковый наростъ, выдвинувшійся надъ пропастью съ входными дверями и большими отверстіями по сторонамъ—„должно быть здѣсь его бесѣдка“ подумалъ онъ, двигаясь впередъ и неожиданно очутился въ объятіяхъ друга своего.

— Милый мой Степанъ—говорилъ князь—а я считалъ уже тебя погибшимъ и приказывалъ духовнику моему поминать твое имя въ числѣ прадѣдовъ. Откуда и какимъ образомъ ты явился въ Таврику? Ну же, начинай разсказывать. Твой печальный видъ поражаетъ меня. Садись поближе и дай насмотрѣться на твои прекрасные глаза.

— Что я могу сказать утѣшительнаго другу? ровно ничего. Съ той поры какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ я, не будучи въ состояніи заставить генуэзцевъ заплатить мнѣ за захваченныя отцовскія помѣстья въ Кафѣ и Солдаѣ, рѣшился самъ поѣхать въ Геную, чтобы тамъ получить свое.

— Да, да, вѣдь ты, при завладѣніи ими Солдаи, былъ малолѣтнимъ и скрытъ, кажется, женою повара, въ предположеніи сберечь наслѣдника для разбитаго престола.

— Гмъ, престола, отъ котораго не осталось и щепочки! Представь я третьяго дня видѣлъ своими глазами какъ эти хищные и ненасытные люди трудились надъ тѣмъ, чтобы уничтожить на прадѣдовскихъ крѣ-

постяхъ нашихъ гербы и надписи и замѣняли ихъ своими.

— Это, вѣроятно, съ цѣлью, чтобы присвоить себѣ право именоваться строителями ихъ и сокрушить памятники, которые будутъ вѣчнымъ бѣльмомъ на ихъ глазахъ.

— Такъ и я подумалъ и ограничился одною презрительною насмѣшкою. Богъ съ ними! настанетъ очередь и ихъ гибели.

— Ну, чѣмъ ты покончилъ въ Генуѣ?

— Тѣмъ, что порабощенные не имѣютъ права на ходотайство о вознагражденіи. „Не будь ты изъ членовъ владѣтельнаго дома—отвѣчали они—мы вознаградили бы тебя, но при теперешнихъ условіяхъ не можемъ". Такимъ образомъ пропали мои наслѣдія въ Солдаѣ. За Кафскій же дворъ съ постройками заплатила община по оцѣнкѣ.

— Ты заѣзжалъ въ Константинополь? спросилъ Исай.

— Но развѣ ты не замѣчаешь этого по моей изуродованной наружности? Я вынужденъ былъ сбрить бороду и одѣться въ татарское платье, чтобы не обнаружить своего происхожденія. Этимъ способомъ мнѣ пришлось открыть очень многое, которое необходимо принять и тебѣ къ свѣдѣнію. Турки непремѣнно хотятъ завладѣть Таврикою и такъ увѣрены въ успѣхѣ этого предпріятія, что откладываютъ его какъ лакомство на послѣдній день своихъ завоеваній.

— Ну, этого послѣдняго дня имъ быть можетъ не доведется дождаться. Говорятъ вся Европа ополчается противъ варваровъ.

— Это только говорятъ, но на дѣлѣ ничего не видно.

— Не ропщи мой бѣдный другъ: Богъ знаетъ лучше насъ свои дѣла. Вотъ намедни еще мои пастухи смотрѣли на бараньи лопатки и утверждали, что турки въ самомъ непродолжительномъ времени будутъ изгнаны изъ Европы.

— Твои волхвы вѣроятно наоборотъ толкуютъ предопредѣленіе судьбы.

— Пусть будетъ по твоему — сказалъ съ улыбкою князь—мы также подчиняемся волѣ Всевышняго, какъ

и собратья наши. Но ты скажи мнѣ, чѣмъ ты намѣренъ заниматься у насъ?

— Я не останусь въ этой странѣ, которая напоминаетъ мнѣ несчастные годы дѣтства. Мнѣ остается единственный исходъ бѣжать въ Россію, гдѣ наша фамилія извѣстна многимъ купцамъ, которымъ благодѣтельствовалъ мой отецъ. Я полагаю, что тамъ найду себѣ пріютъ и занятіе, приличное моему происхожденію, но если этого не случится, то постригусь въ монахи.

— Ты отлично сдѣлаешь, если послѣдуешь этому голосу души. Тамъ многіе изъ нашихъ пользуются почестями. Я и самъ не прочь былъ бы переселиться въ эту благодатную страну, еслибъ Господь соблаговолилъ пристроить мою дочь.

— Какое удовольствіе свидѣться съ тобою въ отдаленной странѣ. Поѣдемъ вмѣстѣ князь.

— Теперь не могу—отвѣчалъ Исай—мнѣ надобно подождать, чѣмъ окончатся переговоры мои съ русскимъ княземъ, сыну котораго надобна жена. Если онъ женится на Катѣ, я полагаю оставить мое княжество Андрею и уѣхать; но если этого не случится, то я навѣрно умру тамъ, гдѣ умирали мои отцы.

Степанъ вздрогнулъ и молчаливо поникъ головою.

— Ты грустишь за мною? спросилъ владѣтельный князь.

— Да, потому что я предчувствую твою печальную участь. Брось твое ничтожное княжество, которое при первомъ нашествіи турокъ сдѣлается жертвою. и пойдемъ вмѣстѣ искать счастія между единовѣрными Россами.

— Степанъ, ты совѣтуешь мнѣ почти невозможное. Что скажетъ мой народъ, что скажутъ могилы моихъ благочестивыхъ праотцовъ, если я покину ихъ безъ особенной надобности? Нѣтъ это невозможно для того, въ крови котораго есть родство съ императорскимъ домомъ! Ты знаешь. что Константинъ погибъ въ битвѣ за независимость имперіи и смертію своею завѣщалъ намъ слѣдовать его примѣру. Я могу удалиться только тогда, когда мое единственное сокровище наречется женою Іоанна *)· Но сбудется ли это?

*) Сынъ Іоанна III, рожденный отъ перваго брака съ Тверскою княжною Маріею.

— Русскій князь охотнѣе женится на твоей дочери, если увидитъ ее лично. Послушай меня, если только сознаешь, что дочь твоя достойна любви будущаго могущественнаго монарха.

— Не могу идти наперекоръ моимъ убѣжденіямъ. Катерину видѣлъ посланникъ русскаго царя и увѣрялъ меня, что дѣло это состоится. Подожду еще годикъ, а затѣмъ да будетъ воля Божія!

Степанъ не счелъ нужнымъ болѣе настаивать. Опустившись въ прорѣзъ скалы, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ слѣдилъ за движеніемъ людей въ глубокомъ отдаленіи, которые весело и беззаботно убирали свои посѣвы.

— Смотрю и не насмотрюсь на величественную картину—сказалъ онъ нѣсколько минутъ спустя. Кому это пришла идея создать себѣ этотъ воздушный павильонъ? Вѣдь мы висимъ надъ пропастью.

— Это изобрѣтеніе Андрея. Онъ давно осматривалъ этотъ наростъ, который именовалъ шишкою на лбу и въ заключеніе придумалъ выдолбить внутренность его и сдѣлать нѣсколько отверстій. Достигнувъ этого ему вздумалось воздвигнуть для себя отдѣльный дворецъ внутри скалы. Если ты желаешь взглянуть на него, то намъ не далеко придется идти.

— Я очень хочу взглянуть на друга дѣтства.

— Мы вѣроятно застанемъ его у себя. Сказавъ это, князь взялъ за руку гостя и повлекъ къ отвѣсу скалы.

— Куда ты ведешь меня? съ ужасомъ вскрикнулъ Степанъ, которому показалось, что Исай потерялъ разсудокъ.

— Отсюда ведетъ лѣстница къ Андрею.

— Да мы убьемся—говорилъ онъ, отступая назадъ.

— Это тебѣ такъ кажется только потому, что ты не видишь спуска. Подойди ближе.

И дѣйствительно гость успокоился, открывши довольно широкую лѣстницу, прорубленную на отвѣсномъ боку сплошной скалы. Прикрывши глаза, чтобы не видѣть съ боку ужасной пропасти, а другой рукою держась за грубыя насѣчки известняка, онъ съ замирающимъ сердцемъ слѣдовалъ за княземъ и вдругъ очутился въ

большой комнатѣ, изысканно убранной, изъ которой виднѣлся цѣлый рядъ другихъ отдѣленій съ правильными цѣльными комнатами.

Не вѣря глазамъ, Степанъ думалъ, что онъ какимъ-то волшебствомъ перенесенъ въ подземный міръ. Пробужденіе его послѣдовало только тогда, когда онъ находился въ объятіяхъ Андрея, повлекшаго его въ свои чертоги.

Послѣ долгихъ обыкновенныхъ разговоровъ друзья перешли къ стороннимъ предметамъ.

— Ну какъ идутъ ваши дѣла съ татарами? спросилъ Степанъ.

— Мы живемъ съ ними какъ нельзя лучше. Я очень часто бываю въ Кыркъ-ерѣ и Хыръ-хырѣ, куда мечтаетъ теперешній ихъ ханъ, Менгли-гирей, окончательно переселиться и обѣщалъ мнѣ позаботиться о проведеніи черты между нашими владѣніями для предупрежденія столкновеній съ поселянами. Человѣкъ этотъ, не смотря на свою молодость, разумно разсуждаетъ и повидимому не желаетъ имѣть непріятностей съ ближайшими сосѣдями. При этомъ онъ терпѣть не можетъ горныхъ пространствъ и кажется думаетъ всѣ ихъ оставить въ греческомъ распоряженіи, если мы окопаемся рвомъ.

— Такимъ сосѣдомъ надо дорожить и пользоваться его благосклонностію, въ противномъ случаѣ, впослѣдствіи, когда татаре подмѣтятъ ваши удобства, они пожалуй начнутъ домогаться господства.

— Едвали это можетъ случиться, такъ какъ они исключительно преданы скотоводству и нисколько не расположены къ нашего рода занятіямъ. При этомъ они видятъ, что мы не обладаемъ ихъ богатствами, чужды завоевательныхъ видовъ и никогда не станемъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Въ царствѣ же ихъ такъ много удобной земли, что нашъ гористый край всегда будетъ казаться имъ неудобнымъ для жизни.

— Твои слова радуютъ меня, Андрей, но какъ только предъ глазами моими мелькнетъ эта алчная туча саранчи т. е. проклятые турки, я готовъ бѣжать изъ Таврики на край свѣта. Это настоящіе звѣри, для которыхъ кровь невинныхъ даже дѣтей, доставляетъ наслажденіе.

— Дѣйствительно всѣ говорятъ о народѣ этомъ съ ужасомъ. Бѣдный дядя, бывало онъ только и жаждалъ слышать народныя пѣсни, а съ того времени какъ узналъ, что всѣ почти царственные родственники его вынуждены были принять религію побѣдителя, настолько постарѣлъ, что отправляетъ по душѣ ихъ непрерывныя панихиды и томится ужасно тоскою.

Въ это время показался у порога служитель съ заявленіемъ, что къ севасту прибыли какіе-то люди съ просьбою.

Андрей поднялся съ мѣста и, нашедъ князя въ крайней комнатѣ своихъ покоевъ, любующагося отдаленными видами, сообщилъ ему о пріѣзжихъ.

— Намъ и безъ нихъ слѣдовало бы возвратиться домой—отвѣчалъ Исай—я думаю у Кати давно накрытъ столъ и она безпокоится о нашемъ отсутствіи. Идемъ Степанъ—прибавилъ хозяинъ, проходя мимо гостя—вѣдь ты не видѣлъ никогда моей дочери, которая при другихъ обстоятельствахъ навѣрно была бы твоею женою. А теперь кто знаетъ быть можетъ тебѣ придется ѣхать въ Россію для покончанія нашихъ переговоровъ съ русскимъ княземъ.

— Я былъ бы счастливъ, еслибъ могъ сослужить тебѣ эту службу. Для насъ русскіе князья отнынѣ единственные братья. Охъ, какъ жаль, что Владиміръ завоеватель Херсонеса не сочелъ нужнымъ оставить навсегда за собою Таврику. Теперь мы имѣли бы сильнаго сосѣда, которому служили бы какъ старшему брату и верховному господину.

— Да наше сближеніе могло бы оказать важное значеніе — сказалъ Исай — это сознавалъ и покойный дѣдъ мой императоръ Іоаннъ *), женившійся въ 1414 году на прелестной Аннѣ, дочери великаго князя Василія **), которой къ несчастію нашему не суждено было долго жить, чтобы союзомъ своимъ сблизить два великіе народа. Видно отцы наши заслужили окончательное отвращеніе къ себѣ небесныхъ силъ, сдѣлавшихъ все, чтобы

*) Сынъ Мануила Палеолога.
**) Дмитріевича.

лишить насъ сторонней поддержки. Добрая и набожная императрица на третьемъ году послѣ вступленія въ Константинополь, сдѣлалась жертвою страшной и безпощадной *пануклы,* *) а послѣ этого семьѣ нашей не представлялось болѣе случая на новое сближеніе.

Тѣмъ временемъ подошелъ одинъ изъ стражей главныхъ воротъ и подробно описалъ наружность людей, просившихъ позволенія представиться къ нему.

— Это должно быть тѣ изъ хазаровъ, которые приняли іудейскую вѣру—отвѣчалъ онъ—снимите съ нихъ оружіе и пропустите. Я ихъ приму сегодня вечеромъ, а до того времени они могутъ пробыть у соотечественниковъ своихъ въ задней части города.

— О прозелитахъ этихъ я давно слышу — сказалъ Степанъ, но ни разу не видѣлъ ихъ.

— Это отличный и добронравный народъ — отвѣчалъ Исай, но удивительно, что съ принятіемъ ихъ прадѣдовъ іудейской вѣры они, эти отважные и сильные люди, сдѣлались кроткими и трусливыми. У меня живетъ ихъ нѣсколько десятковъ семействъ не потому, что имъ выгодно жить на каменной скалѣ, но потому что они увѣрены въ безопасности своихъ женъ и дѣтей. Впрочемъ я во всѣхъ отношеніяхъ доволенъ ими; они усердно занимаются выдѣлкою кожъ и тысячью мелочами, которыя сбываютъ въ Таврикѣ. Кромѣ того мы только чрезъ нихъ имѣемъ всѣ иностранные продукты и издѣлія и чрезъ нихъ посредство ведемъ переговоры. Многіе изъ нихъ живутъ въ Кафѣ, Черчо, Ямболи **) и Херонцѣ и слывутъ за богатѣйшихъ гражданъ. Всего удивительнѣе, что они живутъ въ ладу и съ татарами, которые хотя и называютъ ихъ *караиманами* или исповѣдывающими черную вѣру, но не примѣчая въ манерахъ и образѣ жизни ничего, напоминающаго евреевъ, относятся къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и ласкою. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось навѣстить ихъ въ Хыръ-хырѣ (Чуфутъ-кале), гдѣ они заняли Ю. В. часть и, поправивъ мѣстами древнія стѣны этого города, раз-

---

*) Чумы.
**) Балаклавѣ.

множились въ такой степени, что съ трудомъ помѣщались на участкѣ, который служилъ первобытнымъ властителямъ чѣмъ-то въ родѣ Аѳинскаго акрополя.

Князь не могъ далѣе продолжать своего разговора, такъ какъ къ нему подбѣжала дочь его Екатерина. Это была молодая стройная дѣвушка, одѣтая въ русскій національный костюмъ. Ея черныя волосы въ двухъ толстыхъ косахъ были чернѣе вороньяго крыла. Немного смуглая отъ природы и вліянія южнаго солнца, съ небольшимъ греческимъ носомъ и прелестными бархатными глазами, окаймленными нѣжною бахрамою рѣсницъ и какъ бы нарисованными бровями, она показалась Степану идеальною мечтою поэтическаго настроенія души.

— Вотъ ужъ цѣлый часъ, какъ я ожидаю тебя отецъ къ обѣду и до того оскорбилась твоимъ невниманіемъ, что сама рѣшилась идти за тобою. Мы всѣ сегодня лепили твои любимыя ушки, а ты знаешь, что если они перекипятъ, то хоть выбрось на дворъ.

— Спасибо, спасибо дочь моя. За то я въ награду веду къ тебѣ троюроднаго брата твоего Степана, котораго ты такъ часто желала видѣть.

— Съ пріѣздомъ, дорогой гость — сказала княжна, быстро оборачиваясь къ родственнику. Ну, какъ вамъ не грѣшно было до настоящаго времени не навѣстить насъ?

— Не упрекай его Катя въ этомъ. Онъ бѣдняжка долженъ былъ скитаться по міру, чтобы привести дѣла свои въ порядокъ.

— И по крайней мѣрѣ вамъ удалось достигнуть этого? спросила дѣвушка, взявши его за обѣ руки.

— Да, я кое-что сдѣлалъ—отвѣчалъ Степанъ, цѣлуя родственницу въ лобъ.

— Ну, слава Богу и за это. Завтра у насъ храмовой праздникъ въ церкви св. Константина и Елены и мы отслужимъ благодарственный молебенъ.

— Если вы обѣщаете молиться за меня, то и я помолюсь, чтобы измѣнилась ваша однообразная жизнь подъ небесными облаками.

Княжна улыбнулась отъ послѣдняго сравненія.

— Какъ не высоко мы живемъ, но жизнь моя здѣсь

такъ прелестно проходитъ, что я не желаю лучшей. У меня бываютъ всѣ наши дѣвицы, съ которыми я посѣщаю по очереди всѣхъ жителей. Ахъ, еслибъ вы знали, какія иногда разсказываютъ мнѣ старушки легенды и событія изъ давно минувшихъ временъ! Иногда мы встрѣчаемъ въ лѣсу нашего пастуха, который держитъ всегда за пазухой баранью лопатку и предсказываетъ намъ будущность. И какой забавный этотъ барба-Юрка: онъ какъ начнетъ говорить, то мелитъ безъ устали—точно вѣтряная мельница.

— А исполняются ли его предсказанія? спросилъ Степанъ.

— Нѣкоторыя изъ подругъ моихъ называютъ его безошибочнымъ пророкомъ, но я ничего не могу сказать, потому что не рѣшалась узнавать, что можетъ случиться со мною въ будущемъ.

— Не считаете ли вы это грѣхомъ?

— Нѣтъ, но я боюсь томиться грустью на случай, если ему вздумается наговорить мнѣ про какія-нибудь несчастія.

— Такимъ юнымъ дѣвамъ не обѣщаетъ судьба внезапныхъ ударовъ. Я напротивъ убѣжденъ, что барба-Юрка откроетъ предъ вами отрадную и веселую картину жизни, къ которой вы обязаны будете подготовиться. Не пожелаете ли вы завтра пойти со мною къ этому пророку? Мнѣ, какъ человѣку, которому приходится навсегда разстаться съ родиною, чрезвычайно желательно узнать, что будетъ со мною на чужбинѣ.

Княжна согласилась.

— Гдѣ же мой іерей—спросилъ у дочери Исай—неужели мы будемъ обѣдать сегодня безъ него? Сказавъ это, старый князь пригласилъ гостя и Андрея къ низенькому столу, изящно убранному перламутровыми пластинками, на которомъ въ серебряныхъ и золотыхъ тарелочкахъ разложены были различнаго рода соленыя и копченыя рыбы, масло, сыръ и медъ.

— Какая милость, что я вовремя подоспѣлъ — раздался внезапно голосъ вошедшаго священника, который, повернувшись къ иконамъ, началъ читать громко предобѣдную молитву.

— Патеръ, представляю вамъ моего племянника, сына послѣдняго князя Судгаи—сказалъ Исай.

— О, мой возлюбленный крестникъ—вскрикнулъ духовникъ, лобзая гостя—вѣрно ты предчувствовалъ, что я хотѣлъ взглянуть на тебя прежде разлуки съ этимъ міромъ. Да какой ты сдѣлался красивый и рослый!... О пресвятая Владычица, не покинь его въ одиночествѣ и ниспосли утѣшеніе и надежду на отрадную будущность!

За обѣдомъ отецъ Епифаній, подъ вліяніемъ встрѣчи съ сыномъ дука, при которомъ, когда-то служилъ, началъ разсказывать многія событія изъ своей жизни и между прочимъ сообщилъ. что одинъ изъ Судгайскихъ князей вскорѣ послѣ занятія ихъ города дженевезами выѣхалъ въ Москву (Москву), гдѣ принятъ былъ русскимъ царемъ очень радушно и что отъ него осталось нѣсколько сыновей, которые получили фамиліи князей Ховриныхъ и Головиныхъ.

— Твой покойный отецъ не только слышалъ это отъ своихъ родителей—добавилъ священникъ—но даже отъ многихъ русскихъ купцовъ въ Кафѣ, которымъ извѣстно было происхожденіе стараго князя изъ нашихъ странъ.

— Твои воспоминанія придали мнѣ надежду встрѣтить на чужбинѣ, если не родственный, то по крайней мѣрѣ дружественный пріемъ—сказалъ Степанъ, записавъ въ памятную книгу двѣ неслыханныя имъ раньше фамиліи. Теперь потрудись, достопочтенный отецъ, передать мнѣ все, что тебѣ извѣстно о послѣднихъ дняхъ жизни моего отца. Правда ли, что онъ отравленъ былъ генуэзцами, а я спасенъ отъ смерти благодаря домашнему повару? Это меня очень интересуетъ, потому что я не могу понять, что могли имѣть дженевезы противъ человѣка, забывшаго навѣрно о томъ, что дѣды и отцы его владѣли Судгаіею.

— Я не смѣю утверждать перваго; но судя потому, что отецъ твой умеръ чрезъ часъ послѣ рукопожатія консула, зашедшаго къ намъ подъ предлогомъ друга и пожелавшаго во чтобы ни стало взглянуть на тебя, единственнаго сына, мы всѣ пришли къ убѣжденію, что этотъ демонъ вошелъ въ нашъ мирный домъ съ заранѣе обду-

манною цѣлію истребить весь мужескій полъ изъ царственной семьи.

— Какія же были причины этому?

— Причины были тѣ, что Константинопольскій императоръ нѣсколько разъ заявлялъ желаніе возстановить княжество Солдаи въ лицѣ твоего отца, что бы подорвать усиливающееся вліяніе этихъ отважныхъ искателей счастія.

— Теперь я понимаю! Вотъ люди, которые не пощадили бы даже грудныхъ младенцевъ, изъ видовъ торговли. Имъ мало было сокрушить Херсонесъ и Ямболи, надобно было завладѣть и Солдаіею, чтобы направить всѣхъ коммерческихъ людей въ Кафу. Какая жадность и предусмотрительность! А чтобы обезпечить за собою навсегда эти мѣста, они рѣшаются не только истребить поколѣніе владѣтелей, но и уничтожить даже слѣды на укрѣпленіяхъ о принадлежности ихъ другому народу! Нѣтъ, злодѣи, послѣднее вамъ не удастся, потому что мы, подъ основаніями каждой болѣе или менѣе солидной постройки, оставляли надпись на камнѣ, которая рано или поздно выяснитъ наши права.

— Да—сказалъ со вздохомъ старый князь—съ той поры какъ Дженевезы явились въ страну, наши предки ничего не ощущали, кромѣ страха униженія и бѣдности. Не довольствуясь обыкновенными торговыми промыслами, они постоянно употребляли насиліе противъ императора и крымскихъ хановъ и считали насъ отдѣльныхъ владѣтелей, за какихъ-то ничтожныхъ людей, обязанныхъ исполнять всѣ ихъ требованія. Говорятъ, что и теперь они вздумали идти наперекоръ татарамъ и Менгли-гирею и возбудили ужасное волненіе въ ханствѣ. Дай Богъ, чтобы это не вызвало въ Таврику турецкихъ войскъ, но если это случится, то мы всѣ погибнемъ изъ за ихъ властолюбія.

— Не сокрушайся, князь, о своей участи. Я полагаю, что татаре въ настоящее время сами покончатъ съ ними. Я намедни говорилъ съ однимъ изъ бековъ ихъ, который объѣзжалъ улусы съ цѣлью призвать къ оружію всѣхъ безъ исключенія молодыхъ людей. Онъ не скрылъ отъ меня и того, что Менгли-гирей ханъ, который такъ

любилъ прежде дженевезовъ, нынѣ запретилъ принимать ихъ въ Кыркъ-еръ.

— А не говорилъ ли тебѣ этотъ бекъ о томъ, что они намѣрены вызвать турковъ?

— Нѣтъ, объ этомъ не было рѣчи.

— Въ такомъ случаѣ татаре ничего не подѣлаютъ съ ними. Вся сила Кафы находится въ бухтѣ, а до тѣхъ поръ, пока бухта въ ихъ власти и городскія стѣны не доступны татарамъ, имъ нечего боятся ожесточенiй хана и его подданныхъ. Для нихъ могутъ быть ужасны только турки съ пушками и кораблями. Но если эти варвары явятся на помощь, тогда и намъ придется сложить свои головы.

Исай поднялся изъ за стола. Отецъ Епифанiй прочелъ благодарственную молитву.

— Теперь можно пригласить хазаровъ—сказалъ онъ одному изъ слугъ, убиравшихъ столъ.

Нѣсколько минутъ спустя предъ владѣтелемъ Мангупа стояло пять караимовъ, которые отличались отъ туземцевъ очень немногимъ и именно шапками, завѣщанными имъ для отличiя религiозности своей отъ прочихъ обитателей Таврики. Они имѣли видъ ермолокъ, опушенныхъ мѣхомъ.

— Съ прiѣздомъ поздравляю васъ—сказалъ князь—какими судьбами вы посѣтили меня?

— Мы давно слышимъ о томъ благосостоянiи, которымъ наслаждаются собратья наши подъ вашимъ крыломъ. Не будетъ ли такъ милостивъ властитель дозволить и намъ переселиться къ нему?—сказалъ сѣдой караимъ, опустившись на колѣно.

— Гдѣ вы живете теперь?

— По рѣкѣ св. Анастасiи или Кальёну *) ближе къ морю. Намъ было очень выгодно жить на этой мѣстности, пока Херсонесъ былъ торговымъ городомъ, но съ тѣмъ поръ, какъ Византiйскiй императоръ по настоянiю дженевезовъ запретилъ приставать туда судамъ, идущимъ изъ Константинополя, положенiе наше съ каждымъ днемъ ухудшается. При этомъ окрестности наши начали на-

*) Качѣ.

селяться монголами, съ которыми не легко ужиться, такъ какъ они грубы и безнравственны.

— Чѣмъ же вы будете заниматься въ моихъ владѣніяхъ и какую принесете княжеству пользу?

— Мы всѣ почти ремесленники и кожевники.

— Въ такомъ случаѣ я позволю вамъ прорѣзать себѣ жилища на Ю. З. окрайнѣ Мангупа, но съ тѣмъ, что ремеслами вашими вы будете заниматься внѣ городскихъ стѣнъ. Тамъ же и будете хоронить вашихъ умершихъ.

Хазары начали переговоривать между собою и нашли очень удобнымъ мѣстомъ для мастерскихъ своихъ лѣвый скалистый склонъ подъ главными городскими воротами, такъ какъ около него вытекалъ отличный источникъ воды и наконецъ потому, что это пространство прикрыто было второю крѣпостною стѣною, предохраняющею отъ внезапнаго набѣга непріятелей. Порѣшивъ занять указанныя мѣста, караимы начали просить формальнаго распоряженія.

— Отправьтесь дѣти мои къ завѣдующему дѣлами княжества, онъ снабдитъ васъ всѣмъ необходимымъ. Ну, съ Богомъ! дай Богъ вамъ жить также честно и мирно какъ живутъ ваши единовѣрцы.

Караимы почтительно поклонились и вышли. Степанъ, заинтересованный этими людьми, также послѣдовалъ за ними, заявивъ князю о желаніи подробно осмотрѣть резиденцію его.

Мы не станемъ описывать тѣхъ впечатлѣній, которымъ подвергся молодой человѣкъ при подробномъ осмотрѣ Мангупа; но не скроемъ, что онъ изумленъ былъ какъ мѣстоположеніемъ, такъ и тяжелыми условіями жизни обитателей, отдаленныхъ отъ міра во первыхъ ужасною высотою и наконецъ отдаленностію отъ большинства гражданъ, счастливо и весело живущихъ на зеленыхъ равнинахъ.

„Должно быть какія-нибудь крайнія обстоятельства заставили первыхъ владѣтелей переселиться на эту вершину и обнести ее съ доступныхъ сторонъ высокими стѣнами и крѣпостями—думалъ Степанъ, всматриваясь въ недоступныя укрѣпленія—но надо полагать, что кромѣ

предосторожности, эти люди руководились наставленіями мудраго Иппократа, увѣрявшаго, что долговѣчность и здоровье человѣка зависитъ отъ чистоты воздуха".

Съ этими мыслями онъ подошелъ къ первому выступу Мангупской площади, нынѣ извѣстному подъ названіемъ Махнели и вперилъ жадные взоры въ грозныя и никѣмъ не занимаемыя горы, разбросанныя съ непонятною для человѣка цѣлью. Почва ихъ казалась негодною для растительности, свойственной высотамъ, бока были обрывисты и кое-гдѣ покрыты красильными кустарниками. Ни единаго животнаго не виднѣлось между ними. „И въ природѣ бываютъ, какъ между людьми, большія пространства совершенно безполезныя и не нужныя никому—подумалъ онъ, продолжая идти по Ю. В. окрайнѣ площади, прерываемой отвѣсами поразительной глубины. Отсюда Степанъ долго любовался сначала громадными массами, синѣющихъ вдали горъ Таврики, заросшихъ исполинскими деревьями, а потомъ перенесъ свои взоры къ ближайшимъ мѣстностямъ, переопоясаннымъ отрадными зелеными полянками, за которыми скрывались въ группахъ садовой растительности большія селенія туземцевъ, обозначавшіяся высокими тополями—этими гигантами, одаренными Богомъ властью отвлекать громовыя стрѣлы *) отъ тѣхъ, кто содержитъ ихъ въ сосѣдствѣ своемъ.

— Благословенъ Богъ, пославшій васъ къ намъ въ гости—внезапно раздался за Степаномъ чей-то голосъ и передъ нимъ очутился убѣленный сѣдинами старикъ. Я узналъ только сейчасъ, что вы пожаловали къ намъ и сердце мое переполнилось благодарностію къ пресвятой Деспинѣ (Владычицѣ), удостоившей отжившаго старца взглянуть на послѣдній отпрыскъ царской семьи нѣкогда знаменитой Судгаи.

Степанъ принялъ въ объятія неизвѣстнаго ему человѣка съ искреннимъ участіемъ.

— Ты окажешь мнѣ большое удовольствіе—продолжалъ старикъ—если вступишь въ мое убогое жилище и попробуешь какихъ-нибудь сластей, приготовленныхъ

*) Туземцы Крыма и теперь вѣрятъ въ громовыя стрѣлы.

дочерями моими, рожденными въ домѣ твоего добраго отца, о которомъ мы каждый день молимся Предвѣчному.

— Развѣ ты переселился сюда изъ Судгаи? спросилъ Степанъ.

— Я не могъ оставаться въ ней, послѣ смерти твоего родителя, у котораго я былъ однимъ изъ близкихъ слугъ.

— Слѣдовательно ты можешь мнѣ передать кое-что изъ жизни отца. Гдѣ-же твое жилище?

Старикъ выступилъ впередъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, подвелъ гостя къ каменной лѣстницѣ, ведущей внутрь скалы.

— Милости просимъ, достопочтенный архоптъ, но будьте осторожны по непривычкѣ ходить по стертымъ отъ времени ступенямъ.

Степанъ очутился въ веселой комнатѣ, прилично убранной войлоками и большими подушками, гдѣ двѣ молодыя женщины пряли шерсть. Лишь только старикъ назвалъ гостя, онѣ скромно преклонили передъ нимъ колѣно и поцѣловали его въ плечо.

— Архонтъ пришелъ узнать, не забыли-ль вы приготовлять любимыя его отцомъ сладости—сказалъ шутя хозяинъ.

— Мы постараемся оправдаться передъ нимъ не одними только словами—отвѣтили женщины и вышли въ другую каморку.

Степанъ присѣлъ къ окну. У ногъ его расположился хозяинъ, неперестававшій всматриваться въ черты лица дорогаго гостя и покачивать головою, какъ бы изумляясь важнымъ событіямъ прошлаго.

— И такъ, барба Никола, ты близокъ былъ къ моему отцу? спросилъ Степанъ.

— Я выросъ на его глазахъ и никогда не провинился ничѣмъ. Онъ довѣрялъ мнѣ всѣ тайны, скорби и радости.

— Если ты говоришь правду, то навѣрно откроешь мнѣ то, чего никто не знаетъ.

— Это-то и было причиною моей радости увидѣть тебя въ то время, когда приходится ожидать ежеминутно ангела смерти. Счастливъ ты, что засталъ меня въ жи-

выхъ. Я одинъ могу указать тебѣ на то мѣсто, гдѣ дѣдъ твой закопалъ свои драгоцѣнности въ то время, когда на Солдаю нашли проклятые агаряне, а впослѣдствіи вкоренились дженевезы. Твой отецъ раза два ходилъ со мною на это мѣсто и употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы я не забылъ на случай внезапной смерти его. Бѣдняжка, онъ не хотѣлъ прикасаться къ наслѣдству, въ надеждѣ возстановить права княжества. Предъ смертью же подозвалъ меня и, вручая заранѣе приготовленное завѣщаніе, потребовалъ, чтобы я, послѣ похоронъ его, немедленно переселился къ родственнику его на Мангупъ, куда вѣроятно и тебя возьметъ князь Исай и чтобы я вручилъ тебѣ духовное въ день совершеннолѣтія. Но я, исполнившій первое его приказаніе, не могъ исполнить послѣдняго, потому что тебя увезъ поваръ неизвѣстно куда. Семь лѣтъ я не переставалъ разъѣзжать по Таврикѣ и приходилъ въ отчаяніе, что не найду тебя. Сказавъ это, старикъ открылъ большой сундукъ и изъ глубины его досталъ двѣ плотно связанныя дощечки, внутри которыхъ лежала свернутая бумага.

Степанъ съ благоговѣніемъ приложилъ ее къ устамъ своимъ и, вытеревъ выступившія на глазахъ слезы, началъ читать волю отца, котораго не помнилъ.

Въ завѣщаніи говорилось, что онъ всю жизнь свою старался возстановить права свои на судгайское княжество, которое потеряно было отцомъ, неожидавшимъ этого отъ лукавыхъ генуэзцевъ и что не ограничиваясь въ первые годы ходатайствомъ въ Константинополѣ, онъ, послѣ паденія Византійской имперіи, неоднократно обращался къ родственникамъ своимъ въ Россію въ надеждѣ получить оттуда пособіе. Чѣмъ болѣе мнѣ обѣщали его, тѣмъ больше я подвергался ненависти дженевезовъ, но выѣхать изъ города я не рѣшусь. Да будетъ воля Божья надо мною! На случай же, если враги мои подымутъ на меня руку, то тебѣ, возлюбленный сынъ мой, ничего болѣе не останется, какъ воспользоваться дѣдовскимъ имуществомъ, могущимъ обезпечить тебя и уѣхать къ роднымъ въ Москву, гдѣ навѣрно приметъ тебя православный царь также милостиво, какъ и раньше

переселившихся къ нему членовъ нашей семьи. Въ заключеніе подробно описывалось мѣсто въ одной изъ отдаленныхъ отъ Судгаи пещеръ, куда сложено было фамильное богатство и подтверждалось, что никто кромѣ Николы, воспитаннаго при ихъ семьѣ, не знаетъ этой тайны.

— Какое неожиданное счастіе для того, кто, потерявъ славное имя предковъ, долженъ былъ содержать себя на чужбинѣ поденными трудами! вскрикнулъ Степанъ, обнимая старика. Но будешь ли ты, нашъ другъ, въ состояніи доѣхать со мною до этой отдаленной пещеры?

— Я не такъ еще слабъ на лошади, какъ тебѣ кажется и притомъ у меня два сильныхъ зятя, которые послѣдуютъ за нами, въ качествѣ слугъ и защитниковъ. Путь нашъ чрезъ горы неособенно великъ: мы на третій день будемъ въ Капсихорѣ, откуда не болѣе часа ѣзды до пещеры. Тамъ не трудно будетъ найти судно, которое свезетъ тебя къ берегамъ Таны.

— Когда же ты окажешь мнѣ эту милость?

— Не милость, а священную обязанность, которая тяжелымъ бременемъ лежитъ на моихъ слабыхъ плечахъ.

Молодыя женщины внесли большой металлическій подносъ съ вареньями въ глубокихъ кратерахъ (чашахъ) и поставили его на табуреткѣ у ногъ гостя. Вслѣдъ затѣмъ подань былъ мѣдный сосудъ съ виномъ.

— Вино это я сберегъ со дня выѣзда моего изъ Судгаи и держалъ въ надеждѣ угостить тебя. Надежда моя сбылась, но не испортилось ли оно отъ старости? Старикъ поднесъ къ губамъ своимъ сосудъ съ тонкимъ горлышкомъ, но не иначе глотнулъ изъ него, какъ предварительно пожелавъ царствія небеснаго бывшимъ князьямъ Судгаи, а жившему наслѣднику ихъ *пола эти* (многолѣтія).

Вино оказалось такъ хорошо, что Степанъ съ наслажденіемъ выпилъ гораздо больше, чѣмъ слѣдовало. Въ эту минуту послышался звонъ колокола.

Барба Никола осѣнилъ себя знаменіемъ креста и сказалъ: Завтра празднуютъ христіане память Константина и Елены. Пойдемъ и мы почтить молитвою вели-

кихъ нашихъ царей. Степанъ поблагодарилъ добрыхъ женщинъ за прекрасныя лакомства и обѣщалъ имъ прислать цѣнные подарки. Съ этими словами онъ вышелъ изъ подземелья и по дорогѣ въ церковь условился съ служителемъ отца своего выѣхать изъ Мангупа послѣзавтра съ разсвѣтомъ.

При резиденціи князя Исая было двѣ церкви. Одна его семейная, куда ходили молиться всѣ придворные и близкіе люди, а другая народная въ честь св. Георгія побѣдоносца. Первая была ближе къ дворцу и ничѣмъ почти не отличалась отъ второй. Какъ въ одной такъ и въ другой святые изображены были на стѣнахъ и у подножій ихъ стояли каменные столбики для постановки прихожанами свѣчей, приготовляемыхъ обыкновенно въ каждомъ домѣ набожными старушками. Кромѣ этого въ правомъ углу лежалъ большой камень надъ киметиріею или общею усыпальницею, въ которую переносились бережно кости основателей и настоятелей храма по истеченіи трехлѣтняго пребыванія тѣла на кладбищѣ. На камень этотъ рѣдкая изъ женщинъ ставила менѣе трехъ свѣчей, а княжеская дочь обыкновенно 12. Этимъ старались, каждый умилостивить Бога къ призваннымъ на небеса собратьямъ ихъ. Въ церкви во имя Константина и Елены, въ которую вступилъ нынѣ Степанъ, казалось достопримѣчательнымъ то, что въ промежуткахъ между образами написана была полная генеалогія князя Исая съ указаніемъ года, мѣсяца и числа умершихъ. Въ числѣ ихъ Степанъ нашелъ имена своихъ прадѣдовъ, дѣда и отца.

Священникъ при каждомъ богослуженіи и кажденіи ѳиміамомъ святымъ иконамъ обязанъ былъ прочитывать эти имена и просить Бога о дарованіи имъ царствія небеснаго.

На этотъ разъ отецъ Епифаній, кромѣ обычнаго поминовенія умершихъ, молился и за здравіе присутствующихъ князей Исая, Екатерины, Андрея и Степана. Богослуженіе продолжалось до поздней ночи. Всѣ обитатели Мангупа и близъ лежащихъ селеній присутствовали на немъ и должны были ночевать въ городѣ, чтобы не пропустить завтрашней обѣдни и народнаго обѣда,

предлагаемаго княземъ, послѣ котораго устраивались различнаго рода игры, гимнастическія упражненія, танцы и т. п. развлеченія.

Степану пришлось возвращаться съ Катею, которая во все время усердно молилась въ церкви.

— Нашъ патеръ обѣщалъ мнѣ—сказала она—отслужить сначала панихиду за вашего отца, а потомъ благодарственный молебенъ Спасителю за сохраненіе вашей жизни.

— Благодарю васъ Катя, но чѣмъ же я отслужу вамъ за эту благосклонность?

— Я ни въ чемъ не имѣю надобности теперь и не сознаю, что оказываю вамъ особую услугу.

— Катя, я только завтрашній день пробуду съ вами и затѣмъ уѣзжаю изъ родины, чтобы не увидѣть ея болѣе. Подумайте хорошенько, не могу ли я оказать вамъ услуги изъ Россіи? Мнѣ отецъ вашъ говорилъ, что вы предназначаетесь въ жены наслѣднику московскаго царства.

— Этого онъ желаетъ—отвѣчала печально княжна—но надъ нами есть Творецъ нашъ, Который распоряжается по своему.

— Неужели вы противъ этого брака?

— Я не ищу почестей, но и не нахожу повода возставать противъ разумной воли отца, желающаго отказаться отъ правъ своихъ въ пользу Андрея и переѣхать ко мнѣ.

Сообщите мнѣ пожалуйста, какимъ образомъ русскій царь могъ узнать о вашемъ существованіи и тѣхъ достоинствахъ, которыми вы обладаете?

— Онъ самъ никогда быть можетъ не узналъ бы объ этомъ, еслибъ въ прошломъ году не посѣтилъ насъ посланникъ его къ хану, которому я повидимому показалась достойною быть русскою царицею. Это былъ бояринъ Никита Беклемишевъ, направленный къ намъ нашими родственниками изъ Москвы, отъ которыхъ онъ привезъ письма и подарки. Онъ прибылъ къ намъ въ мартѣ въ такую выюгу и холодную погоду и такъ простудился, что я вынуждена была заботиться о немъ въ продолженіи двухъ недѣль. Что

именно понравилось ему во мнѣ — я не съумѣю сказать, но положительно увѣрена, что отецъ мой много содѣйствовалъ къ тому, чтобы возбудить въ немъ усердіе къ бракосочетанію моему съ повелителемъ русской земли.

— И съ того времени вы не получали никакого отвѣта?

— Нѣтъ, кажется, по этому поводу не очень давно пріѣзжалъ къ намъ изъ Кафы отъ нарочнаго русскаго посланника Алексія Старкова караимъ ходжа Кокосъ, чтобы поладить съ отцомъ относительно приданаго моего *).

— И поладили?

— Не знаю.

Въ это время Исай нагналъ Степана съ дочерью своею.

— Сегодня нашъ патеръ Епифаній великолѣпно отслужилъ всенощную. Какъ жаль, что онъ устарѣлъ и не всегда можетъ служить съ такою бодростію.

Пришедъ во дворецъ Степанъ, какъ только очутился наединѣ съ владѣтельнымъ княземъ, началъ подробно разспрашивать, на чемъ остановились его переговоры за Катю съ русскимъ царемъ.

— Все покончено—отвѣчалъ онъ — но можетъ быть мы разойдемся изъ за приданаго. Ты знаешь самъ, что я не богатъ и не могу дать всего. Надо будетъ обезпечить и себя и Андрея.

— Ради Бога не стойте на этомъ дорогой, дядюшка, я вамъ дамъ массу золота и дорогихъ камней, отдамъ все наслѣдіе отца моего, только рѣшайтесь безотлагательно ѣхать со мною и дочерью вашею въ Москву. Личное присутствіе Кати представляетъ въ настоящемъ случаѣ важное значеніе. Она такъ хороша, что первый взглядъ царя рѣшитъ дѣло.

— Я не совсѣмъ тебя понимаю, другъ мой. Ты говоришь о какомъ то наслѣдіи отца, котораго какъ извѣстно не оказалось.

— Оно не оказалось, потому что дѣдъ мой скрылъ

*) Сватовство это подтверждается исторіею Карамзина и др. источниками.

его въ землѣ, а отецъ не хотѣлъ выкапывать до того времени, пока не возстановитъ своихъ княжескихъ правъ.

— И ты знаешь это мѣсто?

— Да; я послѣ завтра ѣду за открытіемъ нашего родоваго состоянія и сейчасъ же выѣзжаю съ нимъ въ Россію. Умоляю васъ, послѣдуйте за мною.

— Нѣтъ, другъ мой, я нахожу подобный образъ дѣйствія неприличнымъ моему происхожденію. Я поѣду только тогда, когда получу приглашеніе явиться.

— Вы правы дядя, но обѣщайте по крайней мѣрѣ немедленно прибыть ко мнѣ, если представится какая-либо опасность для васъ или Кати. Я положительно убѣжденъ, что имѣя такую красавицу дочь, вы не избѣгнете войны даже съ Менгли-гиреемъ.

— Ну, ну полно, видно Катя моя ослѣпила тебя. Поѣзжай съ Богомъ ты самъ, устрой свое положеніе, а потомъ и мы пріѣдемъ къ тебѣ.

Степану хотѣлось настаивать, но такъ какъ онъ боялся показаться влюбленнымъ, то рѣшился отложить до завтрашняго дня свои совѣты.

На другой день, 21 мая, Степанъ раньше обыкновеннаго пробудился и пошелъ осматривать остальную часть Мангупской вершины, чтобы вынести полное понятіе о владѣніи послѣднихъ родственниковъ своихъ въ Тавридѣ.

Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на дворецъ Исая и начертилъ въ памятной книжкѣ своей насколько могъ видъ на него съ различныхъ сторонъ. Это было громадное для того времени двухъ-этажное зданіе, искусно выложенное изъ камня съ рельефными украшеніями на каменныхъ рамахъ вокругъ оконъ и дверей, съ высокимъ плацомъ и навѣсомъ предъ нижнимъ этажемъ. По сторонамъ тянулись высокія стѣны съ зубчатыми амбразурами, которыя огибали обширный дворъ, переполненный различнаго рода зданіями, имѣвшими скрытое сообщеніе между собою. Всѣ эти прекрасныя постройки стояли на сплошной скалѣ, отсѣченными стѣною отъ города, и ни единое деревцо, ни единый цвѣтокъ не оживлялъ ихъ суроваго вида. „И здѣсь жить безъ ма-

тери, брата и сестры молодой дѣвушкѣ, могущей первенствовать въ любой столицѣ! говорилъ, про себя Степанъ — да это въ полномъ смыслѣ замокъ съ феею". Опустивъ голову на грудь, молодой князь снова очутился около жилища барбы Николая, который изъявилъ удовольствіе сопровождать его въ качествѣ чичероне и вновь выбѣжалъ къ нему на встрѣчу.

— Всѣ эти подземныя жилища принадлежатъ караимамъ — говорилъ старикъ, указывая на рядъ пещеръ, расположенныхъ у обрыва, недоступнаго для человѣческихъ ногъ. Судя по устройству въ нихъ шкафовъ на сплошной стѣнѣ, надо полагать, что дома эти воздвигались людьми, знакомыми съ нѣкоторою роскошью въ домашнемъ быту. Этого мало, посмотрите на эти корытообразныя углубленія для скопленія дождевой воды, вѣдь они сдѣланы руками.

Нѣсколько шаговъ дальше Степанъ увидѣлъ небольшія обшитыя желѣзомъ ворота. Они устроены были въ каменной стѣнѣ, заграждающей впадину между отвѣсныхъ скалъ, по которой представлялась возможность сообщаться съ селеніями, расположенными у подножія Мангупа.

— Эти двери открываются только въ день св. Георгія и въ день св. Константина и Елены — продолжалъ барба Никола — чтобы сократить дорогу для пѣшеходовъ, желающихъ явиться на наши годовые праздники. Затѣмъ ими пользуются только въ крайности. Но еслибы кто осмѣлился открыть ихъ по своей прихоти, то подвергается сброшенію съ этой высоты.

Дальше Степанъ былъ подведенъ къ гроту, который названъ дѣвичьимъ склепомъ.

— Говорятъ, что въ давно прошедшія времена изъ грота этого вела лѣстница къ жилищамъ поселянъ, обитавшихъ у подошвы этой скалы. Но впослѣдствіи, послѣ землетрясенія, исчезла.

— Отчего же ты называешь этотъ гротъ дѣвичьимъ склепомъ? спросилъ Степанъ.

— Есть преданіе, что землетрсеяніе совпало съ тѣмъ моментомъ, когда этимъ путемъ хотѣло проникнуть 40

дѣвицъ, внезапно закупоренныхъ съ обоихъ выходовъ передвиженіемъ скалы.

Отсюда Степанъ взглянулъ на обширный городъ, постройки котораго густо примыкали одна къ другой и ему показалось, что по числу жителей Мангупъ превосходилъ Судгаю. Промежъ домовъ выглядѣвало 6-ть церквей, несравненно большихъ, чѣмъ княжескія и другой дворецъ съ мраморными колоннами. По словамъ барбы Никола, въ послѣднемъ обитали въ прошлое время братья владѣтельнаго князя, а нынѣ за неимѣніемъ ихъ, онъ находился въ распоряженіи Андрея и управляющаго дѣлами княжества Ѳеодорита, дальняго родственника Исая по матери. Затѣмъ они поровнялись съ улицею, высѣченною на скалѣ вдоль всего города, начиная отъ въѣздныхъ воротъ.

На вопросъ Степана, когда и кѣмъ проложена эта улица, барба Никола также не могъ отвѣчать. Степанъ очутился у главнаго въѣзда, охраняемаго высокою башнею, наполненною стражею, вооруженною луками и сѣкирами. Мѣсто это называлось *Тавани* или потолокъ горы. Сюда всѣ почти обитательницы Мангупа приходили за ключевою водою, вытекающею изъ одного изъ естественныхъ гротовъ. Степанъ взобрался на башню, у амбразуръ которой лежали на готовѣ сотни тяжеловѣсныхъ камней для тѣхъ, которые вздумали бы силою проникнуть въ ворота. Отсюда ему представилось довольно широкое, покатистое ущелье между двухъ воздушныхъ мысовъ Мангупа, перепоясанное высокою стѣною.

— Это для чего воздвигнута стѣна? спросилъ Степанъ у сторожеваго.

— Чтобы имѣть время принять мѣры къ защитѣ— отвѣчалъ онъ.

— А бывали случаи внезапнаго нападенія?

— Къ намъ не рѣдко подбираются шайки грабителей, но всегда возвращаются обратно съ потерею нѣсколькихъ человѣкъ.

Степанъ обратился къ востоку и предъ нимъ точно нарисована была великая стѣна съ четырехъугольными башнями, размѣщенными на извѣстномъ разстояніи одна

отъ другой. На каждой изъ нихъ сидѣлъ часовой, зорко смотрѣвшій впередъ. Молодой человѣкъ и отсюда взглянулъ на обширный городъ, покоющійся подъ небесными облаками. Какая-то зловѣщая тишина царствовала повсюду.

„Точно въ немъ женщины обитаютъ—подумалъ Степанъ—могутъ ли такіе люди защищить себя противъ отважнаго врага?“ Съ этими мыслями онъ направился вдоль гигантской стѣны, посѣтилъ многоэтажныя пещеры, служащія мѣстомъ пребыванія отряда воиновъ и затѣмъ остановился предъ оврагомъ большихъ воротъ, которыми проникъ онъ вчера на вершину Мангупа. Въѣздъ этотъ оберегался часовыми съ двухъ башенъ. Дальше вниманіе молодаго князя было обращено на каменный столбъ, глубоко всаженный въ землю противъ глубокаго отвѣса скалы.

— Столбъ этотъ имѣетъ важное значеніе на случай осады нашихъ выходовъ—сказалъ барба Никола—посредствомъ его мы можемъ сдѣлать вылазку и нечаянно напасть на тѣхъ, которые задумали бы заморить насъ голодомъ и не допустить вылазки.

Въ эту минуту ударили въ колоколъ. Барба Никола перекрестился и повернулъ по направленію къ храму. Степанъ послѣдовалъ за нимъ и удивился большимъ группамъ виднѣющихся молельщиковъ.—Это заставило его поинтересоваться, какое число жителей состоитъ въ распоряженіи властителя Мангупскаго княжества.

— По послѣдней переписи состояло мущинъ около 3 тысячъ и немногимъ меньше женщинъ. Всего же съ дѣтьми около 8 тысячъ.

Сказанное старикомъ не показалось молодому князю сомнительнымъ при видѣ огромной толпы народа, съ ранняго утра расположившейся кругомъ церкви. Нѣсколько деревянныхъ налоевъ, разставленныхъ на площади свидѣтельствовали, что служить обѣдни будутъ нѣсколько іереевъ, а въ храмѣ архіерей.

Послѣ трезвона прибылъ владѣтельный князь съ дочерью и племянникомъ, сопровождаемые епископомъ и важнѣйшими стратегами и деревенскими начальниками. Обѣдня немедленно началась и, не смотря на молебствія

и панихиду, окончилась очень рано т. е. прежде чѣмъ солнце начало сильно грѣть.

Пока продолжалась божественная литургія, не вдали отъ храма установлены были на простыхъ рубленыхъ топорами доскахъ хлѣбъ, рыба, вино и сыръ для пришедшихъ издали натощакъ. Дальше дѣлались приготовленія къ играмъ и забавамъ.

Въ то время, когда Исай вышелъ изъ храма и, приблизившись къ мѣсту трапезы, взялъ поданную ему чашу съ виномъ и едва произнесъ обычное поздравленіе народу, всѣ присутствующіе закричали:

„*Зито авенди!* *).

Тоже самое сдѣлали Андрей и епископъ.

Имъ отвѣчено: *зито архонде!*

Когда чаша передана была Катѣ, то она провозгласила во первыхъ вѣчную память всѣмъ царямъ и царицамъ несчастной Византіи, потомъ князьямъ Согдаи и, въ заключеніе указывая на Степана, какъ на послѣдняго представителя ихъ, пожелала ему радостной жизни.

Хери дука, хери дука! **) ревѣлъ народъ, помнившій славныя имена властителей сосѣдняго княжества.

Неожиданное привѣтствіе это заставило Степана въ свою очередь взять гектару съ виномъ и громкимъ голосомъ сказать:

— Благодарю васъ, братья, за добрыя пожеланія наканунѣ того ужаснаго для меня дня, когда я, гонимый врагами, долженъ бѣжать навсегда изъ отечества моего. Я ухожу съ молитвою за васъ и всѣхъ христіанъ Тавриды, молитесь и вы за бѣднаго изгнанника, готоваго каждому изъ васъ помочь въ новомъ отечествѣ своемъ, Россіи. Я буду молиться, чтобы ваше княжество не подвергнулось участи Солдаи и чтобы вы мужественно могли во всѣ времена отстоять утраченную греками свободу.

Зито, зито дука! было отвѣтомъ народа.

Послѣ полудня Катя вышла изъ дворца съ Степаномъ, чтобы отыскать прославленнаго пастуха-барба Юрку.

---

*) Многія лѣта отцу повелителю.
**) Радуйся князь!

Молодому князю ужасно хотѣлось знать свою будущность въ чужой землѣ и будущность милой княжны, предназначаемой въ русскія царицы.

Къ общему удовольствію они встрѣтили его у самыхъ городскихъ воротъ, задумчиво смотрящаго въ даль.

— Мы къ тебѣ пришли, барба, сказала Катя, подавая старичку кое-что отъ стола своего.

— Спасибо тебѣ, добрая хозяйка и госпожа моя; а я все утро молился за тебя св. Константину и Еленѣ, чтобы они приняли тебя подъ свой покровъ.

Словамъ этимъ княжна не предала особеннаго значенія и приняла ихъ какъ обыкновенное доброжелательство преданнаго слуги.

— А знаешь ли, я привела къ тебѣ моего родственника, который собирается уѣхать навсегда изъ Таврики и желалъ бы узнать, какая предстоитъ ему участь на чужбинѣ?

— Ты сказала родственника? но развѣ у тебя есть родные кромѣ Андрея?

— Это внукъ послѣдняго князя Судгайскаго.

— Ну, теперь припоминаю. Не его-ли мой братъ, служившій поваромъ при князѣ Василіи, спасъ отъ кровожадныхъ дженевезовъ?

— Да, я тотъ самый—отвѣчалъ Степанъ.

— О, если ты не обманываешь меня старика, то я не пожалѣю своихъ померкшихъ глазъ, чтобы до мельчайшихъ пятнышекъ разсмотрѣть твою судьбу на вновь поднятыхъ мною бараньихъ лопаткахъ.

Съ этими словами пастухъ вынулъ изъ-за пазухи двѣ кости, тщательно завернутыя въ тряпку и большую изъ нихъ направилъ къ солнцу.

Нѣсколько минутъ спустя онъ улыбнулся и сказалъ:

— Слава Богу ты избѣгнешь общей участи, если не станешь терять чрезвычайно дорогаго времени. Чрезъ недѣлю будетъ уже поздно. Массы враговъ приближаются къ несчастному городу и расплывутся по странѣ. Тысячи невинныхъ падутъ отъ ихъ руки и страна забудетъ имена своихъ князей. Спѣши-же, князь, уйти подальше отъ береговъ понта эвксинскаго.

Пастухъ снова началъ присматриваться къ лопаткѣ.

— Онъ бредитъ—сказала Катя шопотомъ.

— Въ землѣ русской тебя примутъ хорошо—продолжалъ пастухъ, потому что ты будешь считаться богачемъ, но горе тебѣ, несчастный, если ты не будешь довольствоваться своимъ положеніемъ и станешь спасать другихъ отъ ихъ участи!

Въ эту минуту къ Катѣ подошли группы дѣвицъ, идущихъ изъ отдаленныхъ селеній на народный праздникъ. Княжна по-неволѣ должна была оставить гостя своего.

— Если ты не имѣешь сказать ничего больше о моей судьбѣ, то я попросилъ бы сказать мнѣ нѣсколько словъ о Катѣ, которую, какъ тебѣ вѣроятно извѣстно, прочатъ въ русскія царицы.

— А ну-ка посмотримъ — отвѣчалъ Юрка, взявши маленькую лопатку—броситъ ли меня на старости лѣтъ моя благодѣтельница? Я какъ-будто зналъ, что у меня будетъ два почтенныхъ кліента.

Кость поднялась къ солнцу, но вдругъ веселое лицо старика приняло мрачный видъ, слезы выступили изъ глазъ, лопатка была откинута далеко и онъ, судорожно схвативъ за руки Степана, началъ умолять его увезти съ собою княжну.

— Это почему? спросилъ удивленный князь.

— Потому что ей предстоитъ ужасная участь. Ради Бога не разспрашивай, а спѣши забрать всѣхъ, кого любишь, потому что надъ головами нашими повисло молніеносное облако. Бѣгите, бѣгите всѣ кто можетъ— закричалъ старикъ и скрылся въ чащѣ кустарниковъ, чтобы собрать овецъ своихъ.

Степанъ принялъ его сначала за потерявшаго разсудокъ, но вспомнивъ, что вчера говорилось о возстаніи татаръ противъ дженевезовъ, которые могли обратиться за содѣйствіемъ къ туркамъ, жаждавшимъ господства на Черномъ морѣ, быстро послѣдовалъ за Катею и, нагнавъ ее въ то время, когда она довела гостей своихъ до мѣста игръ, подозвалъ ее и, разсказавъ въ краткихъ словахъ предсказаніе барбы Юрки, началъ умолять собраться съ отцомъ въ дорогу.

— И вы повѣрили этому старому болтуну? отвѣчала дѣвушка съ улыбкою.

— Да, я повѣрилъ ему только потому, что самъ предвижу горькую будущность христіанъ Таврики. Она неминуема и чѣмъ скорѣе вы покините ваше слабое княжество, тѣмъ вѣрнѣе имѣете надежду на счастіе впереди. Подумайте, какая неизмѣримая пропасть между положеніемъ жены великаго царя и рабынею поганаго варвара! Это тотъ-же рай въ сравненіи съ муками ада.

— Я не прочь хоть сейчасъ слѣдовать за отцомъ моимъ, если онъ пожелаетъ разстаться съ своею любимою родиною отвѣчала княжна со вздохомъ.

— Такъ идемъ-те къ нему и будемъ вмѣстѣ умолять.

Катя послѣдовала за Степаномъ съ опущенною головою.

Исай сидѣлъ въ это время на одномъ изъ заднихъ балкончиковъ своего дворца и любовался играми и забавами народа.

— Афенди! вскрикнулъ Степанъ, падая предъ нимъ на колѣна,—я пришелъ въ послѣдній разъ умолять тебя ѣхать со мною. Ты погибнешь со всею твоею семьею, если не послушаешь меня. Тысячи враговъ приближаются къ Таврикѣ въ надеждѣ упиться христіанскою кровью. Я буду самый несчастнѣйшій человѣкъ, если узнаю, что послѣдніе мои родственники сдѣлались ихъ рабами.

Князь на минуту изумился и началъ подробнѣе разспрашивать его, но когда узналъ, что вся эта тревога возбуждена въ немъ предсказаніемъ малоумнаго пастуха, засмѣялся и началъ доказывать, что турки не имѣютъ никакой надобности посягать на его маленькое княжество; но доказательства эти были какъ-то вялы и ни на чемъ не основаны.

— Такъ вы не хотите вѣрить моему доброжелательству? спросилъ подымаясь Степанъ.

— Излишняя любовь и доброжелательство нерѣдко показываютъ намъ истину въ превратномъ видѣ. Я также не считаю княжество мое прочнымъ между варварами, но не допускаю, чтобы оно погибло раньше прекращенія нашего рода.

— Афенди я увѣренъ, что ты раскаешься и назовешь меня пророкомъ.

— Перестань, дитя мое. Я боюсь, чтобы слова твои не возмутили народъ и счастливую дочь мою. Ты уѣзжай

съ Богомъ и если желаешь свидѣться съ нами поскорѣе, то дѣйствуй въ Москвѣ. Даю тебѣ слово, что, получивши согласіе царя на бракосочетаніе сына его съ Катею, я на третій же день выѣду изъ Мангупа.

— Вы не выѣдете больше изъ Таврики, если теперь не послѣдуете за мною—отвѣчалъ зловѣщимъ тономъ Степанъ.

— Ты полагаешь, что враги закроютъ мнѣ всѣ выѣзды съ моря?

— Я полагаю, что они завладѣютъ Мангупомъ. У нихъ есть пушки, предъ которыми не устоятъ ни одного часа всѣ ваши стѣны и ворота.

— На все есть Божія милость.

— Милость эту Господь изъявляетъ вамъ въ моемъ лицѣ, дядюшка. Если вы примете ее, то выразите благодарность, въ противномъ случаѣ лишитесь дальнѣйшаго покровительства и утѣшенія.

У дверей показался престарѣлый епископъ и Степанъ долженъ былъ повернуть влажные глаза на площадь, откуда слышались звуки волынокъ, свирелей и радостныхъ криковъ молодежи.

„Пируйте, пируйте—подумалъ онъ—веселитесь, пока не грянули цѣпи неволи на вашихъ быстрыхъ ногахъ. О, Господи, отклони отъ этого прекраснаго города чашу горести! Смилуйся надъ безвинными чтецами Твоего великаго имени! Степанъ не могъ долже смотрѣть на веселящихся и снова пошелъ къ Катѣ.

— Ну, что сказалъ отецъ? спросила она.

— Онъ находитъ, что опасности не предстоитъ для его княжества.

— Я тѣхъ же убѣжденій. Мнѣ не снился даже на этой недѣлѣ ни одинъ зловѣщій сонъ, тогда какъ я всегда вижу мать мою при малѣйшей непріятности.

— Предчувствіе иногда запаздываетъ настолько, что трудно бываетъ помочь бѣдѣ. Повторяю вамъ просите, требуйте, но только спасите себя и отца отъ чего-то ужаснаго, котораго не минете послѣ отъѣзда моего. Клянусь вамъ, что я не имѣю другой цѣли. кромѣ спасенія друзей. На случай же, если все пройдетъ безъ

васъ благополучно и вы не выйдете замужъ, вамъ не трудно будетъ возвратиться на родину.

Въ это время доложили Исаю, что татаринъ, поставщикъ ковровъ, желаетъ видѣться съ нимъ.

Князь приказалъ ввести его.

— Что скажешь Муратша, не понабилось ли золото мое? спросилъ властитель, улыбаясь.

— Я прискакалъ сообщить вамъ, бей, очень важную новость. На Кафу идутъ турки, по вызову бунтовщиковъ. Нашъ молодой ханъ, не довѣряя этимъ людямъ, приказалъ тебѣ поклониться и просить прiюта, пока минуетъ опасность. Онъ вѣритъ въ недоступность твоей крѣпости и надѣется, что гроза минуетъ скоро.

Князь ужаснулся и началъ подробно разспрашивать, откуда дошли до Менгли гирея эти слухи.

— Ихъ привезли тѣ самые послы, которые ѣздили къ султану съ просьбою освободить татаръ отъ дженевезскаго господства отвѣчалъ онъ.

— Ты не сообщалъ этой новости никому изъ моихъ подданныхъ? спросилъ Исай.

— Нѣтъ, но мнѣ кажется, что объ этомъ имѣетъ уже свѣдѣнiе вашъ старый пастухъ, потому что встрѣтивъ меня, просилъ не передавать печальныхъ вѣстей при дочери вашей. Что прикажете отвѣчать хану, такъ какъ онъ приказалъ мнѣ не терять ни одной минуты?

— Отвѣчай, что къ услугамъ его всегда готовъ мой новый дворецъ и что я буду дѣлиться съ нимъ послѣднимъ моимъ кускомъ хлѣба.

Татаринъ повернулъ и въ туже минуту исчезъ съ вершины Мангупа.

— Твое пророчество начинаетъ сбываться сказалъ Исай, обращаясь къ Степану, сидѣвшему въ глубокой задумчивости въ комнатѣ Кати.

— А, что случилось? спросилъ онъ, вскакивая.

— Сейчасъ прiѣзжалъ посолъ отъ хана съ извѣстiемъ, что турки плывутъ къ намъ.

— Слава Господу — вскрикнулъ гость — авось теперь вы послушаете меня и избѣгнете ужасной участи.

— Успокойся, сынъ мой, турки идутъ на Кафу противъ

твоихъ враговъ и навѣрно не подумаютъ обо мнѣ. Притомъ самъ Менгли гирей, изъ боязни быть жертвою недовольныхъ и братьевъ своихъ, которые навѣрно получатъ свободу изъ Судгайской крѣпости и захотятъ отмстить ему, просилъ меня принять его подъ свою защиту.

— И вы согласились?

— Какъ же я могъ иначе сдѣлать съ сильнымъ и нужнымъ сосѣдомъ?

— Въ такомъ случаѣ, афенди, видя вашу неминуемую гибель, я настою на немедленномъ выѣздѣ вашемъ со мною. Вы можете уступить вашъ дворецъ честному Менглію на слово и онъ сбережетъ безъ васъ ваше имущество.

— Это невозможно, другъ мой, но почему ты полагаешь, что я дурно сдѣлалъ, пообѣщавъ хану гостепріимство?

— Потому что это обстоятельство укажетъ туркамъ, что въ странѣ этой есть христіанскій князь, дерзнувшій укрывать у себя властителя Крымскаго престола. А что турки станутъ его требовать отъ тебя въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Онъ имъ будетъ нуженъ какъ доказательство подвиговъ, какъ государь, обязанный торжественно признать свое вассальство.

— Тѣмъ лучше для меня: ханъ благодарный сдѣлается моимъ другомъ и заступникомъ.

— А если братъ его будетъ назначенъ на престолъ?

— Этого не пожелаетъ народъ.

— Такъ вы находите, что вамъ не слѣдуетъ выѣзжать?

— Теперь больше, чѣмъ раньше. Неужели Степанъ ты не хочешь понять, что ни одинъ царь не долженъ покидать своихъ подданныхъ въ минуты опасности; что царь долженъ быть защитникомъ и утѣшителемъ тѣхъ, кто вѣрно служитъ ему въ мирное время и при надобности не пощадитъ за него жизни? Нѣтъ сынъ мой, я и дочь моя должны наравнѣ съ подданными биться противъ враговъ и за свою и народную независимость. Мы умремъ, но не убѣжимъ. Не правду ли я сказалъ, дочь моя? спросилъ Исай, обращаясь къ Катѣ, которая въ

знакъ согласія преклонила предъ отцомъ колѣно и поцѣловала его руку.

— Послѣ этого я не осмѣлюсь болѣе произнести ни слова—сказалъ смущенный Степанъ. Да поможетъ вамъ Владычица въ благихъ намѣреніяхъ вашихъ. Отнынѣ молитва эта не покинетъ уста мои до тѣхъ поръ, пока не минуетъ грозная туча съ неба любимой моей родины. Благословите же и Вы меня на безгоремычное жительство на чужбинѣ.

Князь Исай, осѣнивъ его знаменіемъ креста, снялъ съ шеи своей ладонку съ частицею св. мощей и, надѣвая на него, просилъ не забывать Кати, на случай, еслибъ ее постигла несчастная участь.

— Какъ жаль, что я не встрѣтилъ тебя раньше прибавилъ онъ — ты былъ бы защитникомъ и мужемъ моей дочери. Нарушать же теперь царское слово, въ виду предстоящей опасности, было бы униженіемъ для потомка Византійскихъ императоровъ. Но помни Степанъ, если гроза минуетъ насъ и русскій владыка откажется отъ Кати, она должна остаться на твоемъ попеченіи. Я спрошу у тебя за нее на томъ свѣтѣ и тогда, если несчастіе доведетъ насъ всѣхъ до постыднаго плѣна. Обѣщай мнѣ, что ты будешь употреблять всѣ усилія, для спасенія ея. Это послужитъ мнѣ утѣшеніемъ предъ послѣднимъ вздохомъ.

Степанъ упалъ на колѣни предъ святыми иконами и поклялся прахомъ отца и матери, что замѣнитъ Катѣ брата и друга и посвятитъ ей всю жизнь свою.

— Ты слышала, дочь моя, эти великія слова—сказалъ князь съ слезами на глазахъ.

— Они глубоко проникли въ мою душу — отвѣтила дѣвушка.

— Я вѣрю каждому слову Степана и совѣтую тебѣ, дитя мое, въ какомъ бы ты ни очутилась положеніи свято хранить вѣру и честь свою. Онъ найдетъ тебя и подъ землею, если представится необходимость. Обнимитесь же, милые, при мнѣ братскимъ поцѣлуемъ и одарите другъ друга какими-нибудь бездѣлицами, которыя постоянно напоминали бы вамъ послѣдній день свиданія

на Мангупѣ, названномъ одними изъ предковъ моихъ престоломъ храма священной Таврики.

Молодые люди бросились другъ къ другу въ объятія, но такъ какъ не имѣли при себѣ ничего другаго кромѣ древнихъ колецъ, то и помѣнялись ими.

На кольцѣ Степана мельчайшими буквами написано было: „счастіе или смерть“ а на кольцѣ Кати „смерть или надежда“.

На слѣдующій день съ разсвѣтомъ Степанъ выѣхалъ съ Мангупа въ сопровожденіи барбы Никола и двухъ зятей его, вооруженныхъ какъ на битву. За городскими воротами онъ вновь столкнулся съ пастухомъ Юркою.

— Да благословитъ тебя Богородица! крикнулъ ему старикъ—отчего же ты не увезъ съ собою хоть мою госпожу?

— Оттого, что Богу угодно другое. Да сбудется его велѣніе—отвѣчалъ Степанъ.

— Ты правъ, господинъ мой, волю Божію не властенъ человѣкъ измѣнить. Не забывай по крайней мѣрѣ молиться о насъ. Кстати повѣдай мнѣ на прощаніи, гдѣ находится теперь мой бѣдный братъ съ семействомъ? Чего бы я не далъ, чтобы взглянуть хоть разикъ на него и племянниковъ моихъ! Но да будетъ воля Божія, авось увидимся тамъ—и онъ указалъ на небо.

— Твой братъ живетъ въ Константинополѣ подъ именемъ татарскаго бека, а двое изъ сыновей его занимаютъ очень почетныя должности. Благодаря ихъ положенію многіе изъ христіанъ избавляются отъ висѣлицы.

— Неужели они приняли вѣру враговъ? съ ужасомъ спросилъ барба Юрка.

— Они исповѣдуютъ ее только съ вида, но ночью собираются въ подземные храмы и горячо молятся Христу Спасителю объ освобожденіи единовѣрцевъ отъ ига агарянъ *).

— Если ты не обманываешь меня, то я умру съ полнымъ убѣжденіемъ сойтиться съ ними. Потрудись передать имъ это, если встрѣтишься. Да сохранитъ тебя Панагія Ѳеотоку **)!

---

*) Такъ называли мусульманъ.

**) Владычица Богородица.

Путники махнули ему головою и довольно быстро поскакали по направленію къ синѣющимъ вдали высокимъ горамъ Таврики.

По дорогѣ имъ не разъ приходилось проѣзжать чрезъ обширныя цвѣтущія поселенія, украшенныя нѣсколькими храмами, гдѣ приглашали ихъ добрые поселяне на отдыхъ и подкрѣпленіе силъ, но Степанъ какъ бы по внушенію какого-то таинственнаго голоса, останавливался только на ночь.

Вскорѣ предъ ними показался, съ закутанною облаками вершиною, знакомый Трапезусъ — этотъ Олимпъ Таврики *). Всѣ эти мѣста были знакомы съ дѣтства Степану, а къ вечеру они прибыли въ Капсихоръ и радушно приняты были однимъ изъ почтенныхъ гражданъ, знавшихъ Степана и барбу Никола.

— Я пріѣхалъ за нашимъ родовымъ имуществомъ— сказалъ князь и завтра съ раннимъ утромъ желалъ бы выѣхать въ Меотійское море, а оттуда думаю проѣхать къ русскому царя. Мнѣ нечего болѣе ожидать отъ родины. Не окажешь ли ты мнѣ послѣдней услуги приготовить къ отплытію надежное судно?

— Завтра отходятъ въ Черчіо (Керчь), нѣсколько судовъ—отвѣчалъ хозяинъ—и отъ тебя будетъ зависить выбрать любое. При этомъ онъ началъ называть судохозяевъ по именамъ.

Одинъ изъ нихъ и именно Костанда Барбуни былъ очень хорошо извѣстенъ Степану. За этимъ то и посланъ былъ слуга.

Барбуни, который питалъ безпредѣльное уваженіе къ владѣтельному роду севастовъ Судгаи, не только взялся доставить его къ развалинамъ Таны, но изъявилъ согласіе продать свое судно съ грузомъ и навсегда послѣдовать за равнымъ ему лѣтами княземъ.

— Я одинокъ—говорилъ онъ—и мнѣ не о комъ скорбѣть въ Готѳіи. Ты же для меня святъ тѣмъ, что мы одновременно родились, одновременно потеряли матерей и тѣмъ еще, что твой покойный отецъ воспріялъ меня

---

*) Прежнее названіе Палатъ-горы.

отъ купели. Я радъ, что нашелъ тебя и отнынѣ буду съ радостію твоимъ другомъ и рабомъ.

Степанъ обнялъ ровестника и согласился жить съ нимъ по-братски.

Подкрѣпившись пищею, гости немедленно отправились къ той пещерѣ, гдѣ хранилось такъ много лѣтъ достояніе владѣтелей Судгаи.

Нѣсколько часовъ спустя пять сундуковъ, навьюченныхъ на лошадяхъ, доставлены къ морскому берегу и оттуда свезены были на яликѣ на судно Костанда.

— Не забыли ль мы еще чего-нибудь? спросилъ Степанъ у барбы Никола.

— Нѣтъ, афенди. Я помню хорошо число ихъ и въ доказательство вручу вамъ серебряные, спаянные въ кольцѣ, ключи. Сказавъ это, онъ подалъ Степану связку ключей, которыхъ оказалось столько, сколько было сундуковъ.

Князь открылъ первый сундукъ, въ которомъ заблестѣли княжеская корона и сотни другихъ украшеній, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями. Отложивъ ихъ въ сторону, Степанъ коснулся большихъ низокъ жемчуга. Одну изъ нихъ онъ подалъ барбѣ Никола, затѣмъ вручилъ ему три золотыя чаши. Жемчугъ приказалъ раздѣлить дочерямъ, а гектары—одну себѣ и по одной затьямъ его. Изъ перстней также выдѣлилъ каждому члену его семьи по одному экземпляру. Послѣ этого онъ хотѣлъ приступить къ вскрытію слѣдующаго сундука, чтобы и изъ него сдѣлать выдѣлъ, но барба Никола заявилъ, что сочтетъ это расхищеніемъ завѣтнаго имущества и ни за что не возьметъ ни единой вещицы. Всѣ просьбы и усилія князя не поколебали старика и его зятей, которые поспѣшили уйти отъ соблазна. Барба Никола согласился только взять коня его, какъ не нужнаго болѣе для ѣдущаго моремъ.

— Имѣете ли вы дѣло на берегу? спросилъ Барбуни, когда Степанъ снова замкнулъ сундукъ.

— Нѣтъ, никакого.

— Въ такомъ случаѣ не будемъ терять попутнаго вѣтра. Кто знаетъ, что будетъ завтра?

— Ты правъ, проводимъ же друзей на берегъ, помолимся св. Анастасіи и съ Богомъ поплывемъ.

При послѣднемъ объятіи благодѣтелей своихъ Степанъ, какъ бы озаренный внезапною мыслію, вырвалъ изъ записной книги своей листокъ и написалъ на немъ слѣдующія слова: „въ Константинополѣ около храма св. Софіи живетъ мой спаситель Мануилъ Скиндеръ, родной братъ вашего пастуха, барбы Юрка. Онъ живетъ подъ именемъ татарскаго бея Смаила. При нуждѣ онъ и сыновья его не откажутъ намъ въ услугахъ".

— Пожалуйста—сказалъ онъ, подавая старику записку — передай ее Катѣ въ присутствіи отца и попроси ихъ, чтобы они затвердили написанное мною наизусть. Кто знаетъ, что будетъ впереди.

Часъ спустя Степанъ уже отходилъ отъ береговъ отчизны, полный тяжелыхъ воспоминаній. Но всего больше сжималось его сердце при мысли, что можетъ быть никогда не увидитъ Кати, рѣшившейся принести себя въ жертву обожавшему ее народу. Она красовалась предъ нимъ точно Венера, но не въ лавровомъ, а мученическомъ вѣнцѣ. Молодой князь сомкнулъ глаза только тогда, когда исчезли предъ ними Судгайскія горы.

---

27 іюня 1475 года престарѣлый Мангупскій князь Исай сидѣлъ на террасѣ дворца своего въ глубокомъ размышленіи. Рядомъ съ нимъ стояли Андрей и завѣдывающій дѣлами Өеодоритъ. Нѣсколько подальше сидѣла Катя, старавшаяся скрыть уныніе, терзавшее ея душу. День былъ ясный, но такой странный, молчаливый, какъ будто свѣтило небесное прислушивалось къ малѣйшему шороху на землѣ.

— Къ вамъ идетъ Менгли-гирей ханъ—сказалъ Өеодоритъ, указывая пальцемъ на человѣка, показавшагося вдали.

При этихъ словахъ Катя оглянулась и вошла въ дворецъ.

— Онъ вѣроятно получилъ какія-нибудь непріятныя новости, которыми желаетъ подѣлиться съ тѣми, которые, можетъ быть, на несчастіе свое, пріютили его у

себя — сказалъ Исай. Поди Андрей къ нему на встрѣчу.

Нѣсколько минутъ спустя на террасу поднялся молодой, широкоплечій, съ плоскимъ лицомъ, потомокъ Чингизъ-хана.

— Какъ твое здоровье добрый сосѣдъ? спросилъ онъ, небрежно поднявъ руку къ сердцу.

— Благодарю блистательнаго владыку Крымскаго юрта за ласковое слово — отвѣчалъ Исай, поднявшись съ мѣста и поднося руку ко лбу.

— Я принесъ тебѣ, землякъ, очень непріятныя новости. Турки въ безчисленной массѣ судовъ подступили къ Кафѣ и начали громить ея укрѣпленія. Еслибъ ты зналъ, какъ это непріятно для меня!

— Утѣшься, ханъ, на все воля Божія.

— Нѣтъ, я этого не могу простить тѣмъ, которые осмѣлились послать къ султану нарочныхъ. Если я не потеряю престола отцовъ, то первымъ дѣломъ моимъ будетъ повѣсить ихъ всенародно. Они подняли на ноги около 10 тысячъ моихъ подданныхъ и окружили несчастныхъ дженевезовъ съ сухаго пути.

Это крайне безчестно со стороны тѣхъ, которые въ нуждѣ находили въ нихъ благодѣтелей.

— Развѣ ты не знаешь, что всегда возстаютъ противъ насъ тѣ, которымъ мы оказываемъ милости или вспомоществованія? Но оставимъ это въ сторонѣ. Скажи мнѣ, не обращался ли къ тебѣ главнокомандующій турецкими войсками?

— Я не получалъ отъ него никакихъ писемъ.

Князь задумался.

— Это возмущаетъ меня—продолжалъ ханъ — видно враги мои съумѣли выставить меня врагомъ султана и другомъ дженевезовъ.

— Мнѣ кажется, что тебѣ слѣдовало бы съѣздить самому къ мѣсту битвы и переговорить съ начальникомъ турковъ.

— Я скорѣе прикажу отрубить себѣ голову, чѣмъ рѣшусь вступать въ переговоры съ какимъ-нибудь рабомъ, желавшимъ показать себя усерднымъ исполнителемъ воли господина своего.

— На что же ты рѣшаешься?

— Я буду терпѣливо ожидать, чѣмъ все это окончится.

— А какъ ты полагаешь, чѣмъ все это окончится?

— Тѣмъ, что Кафа будетъ взята, жители ограблены и уведены въ плѣнъ.

— Только этимъ?

— Чего же имъ нужно больше? Неужели они посягнутъ па мое царство, которое отдалено отъ нихъ цѣлымъ моремъ?

— Я сочелъ бы это великимъ благомъ, но не думаю, чтобы эти кровопійцы ограничились этимъ только. Они захотятъ завладѣть всѣмъ нашимъ островомъ для того, чтобы сдѣлать его безопаснымъ для себя.

— Чего добраго, бунтовщики посовѣтуютъ имъ сдѣлать это. Но скажи мнѣ, бей, какъ ты намѣренъ дѣйствовать, если они рѣшатся завладѣть твоимъ княжествомъ?

— Я буду отражать враговъ до тѣхъ поръ, пока это будетъ въ моихъ силахъ.

— А желаешь ли ты, чтобы я пригласилъ содѣйствовать тебѣ преданныхъ мнѣ людей.

— Нѣтъ, ханъ, это можетъ озлобить турокъ и противъ тебя. Ты можешь оказать мнѣ гораздо больше пользы, если останешься пассивнымъ зрителемъ. Я думаю, что султанъ останется съ тобою въ дружественныхъ отношеніяхъ.

— Если сбудется твое пророчество, то я останусь навсегда твоимъ другомъ и постараюсь сдѣлать государемъ всей горной и приморской стороны.

— Ну, а если я буду сокрушенъ и взятъ турками въ плѣнъ?

— Я употреблю всѣ усилія возвратить тебѣ свободу.

Исай посмотрѣлъ недовѣрчиво на хана и сдѣлалъ знакъ Андрею подать завтракъ на террасу.

Менгли-гирей со жадностію налилъ себѣ чашу вина и, не останавливаясь, выпилъ до послѣдней капли.

— Эхъ, какой прелестный напитокъ! сказалъ гирей. Какъ жаль, что я не властенъ держать его у себя и угощать друзей. Изъ за этого только напитка я готовъ

пожертвовать частью моего государства христіанину, чтобы онъ снабжалъ меня имъ. Бѣдные дженевезы, неужели-ль вы погибнете для меня?

— Они останутся твоими подданными или въ качествѣ гостей, если ты пожелаешь этого.

— Конечно, но только тогда, когда не будутъ уведены въ плѣнъ. Турки имѣютъ привычку считать собственностію все захваченное оружіемъ. Дженевезамъ слѣдовало объявить турецкому главнокомандующему, что они не считаютъ себя вправѣ воевать, такъ какъ принадлежатъ крымскому хану, съ дозволенія котораго и живутъ въ Кафѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ кадій и татаре, живущіе съ ними подтвердили бы это и военачальнику пришлось начать переговоры съ мною, но гордые люди не захотѣли унизиться и заперли предъ ними ворота, чѣмъ доказали свою самостоятельность. Я даже удивляюсь какъ ихъ умный консулъ, мой другъ Джованъ-ага не разсчиталъ всего этого. Ханъ съѣлъ кусокъ асетровой икры и вторично выпилъ чашу вина.

Въ это время показался вдали верховой татаринъ, который скакалъ что было силъ у лошади. Менгли-гирей вздрогнулъ и поднялся на ноги.

— Султанымъ—сказалъ прискакавшій — Кафа взята Турками и братья ваши, выпущенные Гайдеръ-бекомъ изъ Судгайской крѣпости празднуютъ побѣду вмѣстѣ съ кедукомъ Ахметъ пашою.

Ханъ поблѣднѣлъ и заскрежеталъ зубами.

— Ну, теперь я погибъ—сказалъ онъ, обращаясь къ Исаю—несчастные дженевезы, они не подумали даже, ради своего блага, спровадить на тотъ свѣтъ моихъ опасныхъ враговъ! О, Джованъ-ага, какую ужасную глупость ты сдѣлалъ, что откармливалъ братьевъ моихъ на гибель свою и мою! Не будь ихъ, я теперь смѣло бы вступилъ въ Кафу, какъ царь и заставилъ бы турковъ смириться; но, увы, теперь я въ глазахъ ихъ покажусь преступникомъ, насильно захватившимъ престолъ отъ старшаго въ роду и могу поплатиться жизнію отъ руки брата, имѣющаго на это право по нашему шаріату.

— Не будетъ ли какихъ приказаній визирямъ и агамъ? спросилъ посланный.

— Передай имъ, чтобы они пригласили въ Кыркъ-еръ всѣхъ преданныхъ мнѣ начальниковъ и бековъ и слѣдили за малѣйшими движеніями турковъ. Я буду оставаться здѣсь и ожидать отъ нихъ извѣстій, до того времени, пока минуетъ опасность. Скажи имъ, что не турки меня пугаютъ, но мои бѣшеные родственники, которые считаютъ себя вправѣ господствовать къ Крыму.

Когда вѣстовой исчезъ, Менгли-гирей, осушивъ третью гектару вина приблизился къ князю и, положивъ къ нему на плечо руку, сказалъ:

— Теперь я простой татаринъ и ты можешь выгнать меня изъ города твоего, какъ человѣка безполезнаго и пожалуй опаснаго, такъ какъ меня станутъ требовать отъ тебя.

— Я принялъ тебя къ себѣ, какъ гостя—отвѣчалъ Исай—и ты пробудешь у меня до тѣхъ поръ, пока самъ пожелаешь и пока я здѣсь считаюсь хозяиномъ. Тебя не иначе возьмутъ отсюда, какъ вмѣстѣ со мною.

Тронутый этими словами, ханъ поцѣловалъ въ плечо стараго князя и обѣщалъ драться около него до упадка силъ.

Вскорѣ послѣ этого слухъ о взятіи турками Кафы распространился по Мангупскому княжеству и заставилъ представителей народа явиться къ князю своему для выслушанія приказаній. Исай приказалъ имъ перенести всѣ запасы жизненныхъ продуктовъ на Мангупъ и на случай движенія Турковъ внутрь Таврики, забравъ женъ и дѣтей своихъ, перейти къ нему.

— Здѣсь вы будете подъ защитою крѣпостей—сказалъ онъ—и Богъ дастъ мы будемъ въ силахъ отразить варваровъ.

Въ переносахъ и подготовленіяхъ къ защитѣ резиденціи князя приняты были жителями самыя дѣятельныя мѣры. Главнымъ начальникомъ и распорядителемъ явился Ѳеодоритъ, который съ ранняго утра отдавалъ приказанія и подготовлялъ молодыхъ людей къ стрѣльбѣ изъ лука и метаніи огромныхъ камней, поднятыхъ на

вершины крѣпостей и сложенныхъ въ большомъ количествѣ у основанія ихъ.

Менгли-гирей и князь Исай не разъ осматривали крѣпостныя стѣны и сторожевыя башни и всегда утѣшались надеждою, что они выдержатъ напоръ враговъ и выстрѣлы изъ небольшихъ орудій. Имъ казалось, что на такія высоты враги не въ силахъ будутъ взвезти большаго размѣра пушекъ.

— Тебѣ надо только обезпечить себя и народъ пищею—говорилъ ханъ—объ остальномъ нечего и заботиться. Твой начальникъ храбрый и повидимому очень разумный человѣкъ, а люди скорѣе умрутъ, чѣмъ уступятъ горсть родной земли.

Послѣдующіе затѣмъ гонцы, прибывавшіе къ хану, приносили чрезвычайно непріятныя новости о поступкахъ Ахметъ паши и турковъ въ Кафѣ и которые будто разсчитывали завоевать всю Готѳію, а въ заключеніе явиться въ Кыркъ-еръ.

— А много-ли явилось въ мою резиденцію преданныхъ мнѣ начальниковъ отрядовъ? спросилъ гирей у послѣдняго.

— Сначала было много, но не видя васъ они начали хладѣть къ обязанностямъ своимъ и возвращаться въ свои улусы—сказалъ угрюмо вѣрный служитель. Какъ хотите, султанымъ, но вамъ необходимо возвратиться домой, иначе васъ сочтутъ трусомъ и всѣ передадутся вашимъ братьямъ, гарцующимъ на волѣ.

— Неужели меня считаютъ трусомъ? вскрикнулъ Менгли-гирей, покраснѣвъ отъ злости—да я одинъ не побоюсь стать противъ всѣхъ турковъ и рубить ихъ до того времени, пока будетъ двигаться моя рука. Ну, ужъ если дѣло дошло до такого позорнаго имени, то я сейчасъ-же ѣду домой. Пусть лучше не останется моихъ костей, чѣмъ жить съ такимъ гнустнымъ именемъ. Сказавъ, это Менгли-гирей приказалъ поклониться отъ него и поблагодарить за гостепріимство мангупскаго князя, затѣмъ подать ему коня и, не объяснивъ никому причинъ внезапнаго выѣзда, скрылся изъ Мангупа.

Ѳеодоритъ, узнавши объ этомъ, не замедлилъ донести Исаю, что ханъ бѣжалъ не безъ цѣли и что вѣроятно онъ замыслилъ дурное противъ нихъ.

— Нѣтъ, другъ мой, ханъ уѣхалъ скорѣе съ тѣмъ, чтобы покровительствовать намъ. Ты сильно ошибаешься въ немъ.

Мнѣніе это оскорбило главнокомандующаго или топарха, но онъ постарался скрыть свое негодованіе и навелъ разговоръ на Катю.

— Тебѣ дядя приходится позаботиться объ устройствѣ ея положенія—сказалъ молодой человѣкъ.

— Я давно забочусь объ этомъ, сынъ мой, но видно Господь желаетъ дать намъ испытаніе.

— Мнѣ кажется скорѣе, что ты идешь противъ воли и назначенія Его.

— Я не понимаю твоихъ словъ, Ѳеодоритъ.

— Я хочу тебѣ сказать, что ты напрасно мечтаешь выдать ее замужъ за наслѣдника русскаго царства.

— Если это не удастся; тогда мы пріищемъ ей другаго приличнаго жениха.

— Но только не въ виду настоящихъ событій должны являтся подобныя мечты. Тебѣ необходимо немедленно выдать Катю замужъ, чтобы не допустить ее до турецкаго гарема.

— За кого-же напримѣръ? спросилъ Исай съ цѣлью проникнуть въ тайныя мысли человѣка, котораго онъ ласкалъ только по необходимости.

— Чѣмъ-же я не заслужилъ твою милость?

Отвѣтъ этотъ покоробилъ владѣтеля,

— Конечно—продолжалъ Ѳеодоритъ я не происхожу отъ императорской фамиліи, чтобы считать себя вправѣ дѣлать дочери твоей предложеніе, но въ такихъ обстоятельствахъ лучше сдѣлать ее женою одного изъ членовъ дома своего, чѣмъ рабынею варвара и притомъ, если ты помнишь, мои дѣды также пользовались княжескимъ титломъ по близкому родству съ твоими предшественниками.

— Однако ты, сынъ мой, сегодня говоришь со мною не такъ, какъ подобаетъ вѣрноподданному.

— Я положительно убѣжденъ, что Менгли-гирей явился къ намъ шпіономъ и, замѣтивъ слабыя стороны нашего укрѣпленія, самъ приведетъ турковъ, которые въ нѣсколько часовъ побѣдятъ насъ. Кромѣ этого мнѣ ка-

жется, что онъ влюбился въ твою дочь и этимъ путемъ желаетъ сдѣлать ее своею наложницею. Если же она выйдетъ замужъ, эта идея покинетъ хана и мы будемъ спасены.

— Не оспариваю твоихъ предположеній, но не желаю также и вѣрить имъ. Пусть лучше дочь моя умретъ въ неволѣ, чѣмъ русскій царь скажетъ за отца ея дурное слово. Ты, какъ человѣкъ, завѣдывающій всѣми безъ исключенія дѣлами моего княжества, вѣроятно и самъ сознаешь, что я отвѣчаю тебѣ прилично моему званію и положенію. Но довольно объ этомъ другъ мой, поговоримъ лучше о томъ, что мы обязаны дѣлать на случай, еслибъ Менгли-гирей, по твоему мнѣнію, рѣшился бы сдѣлать нападеніе на насъ?

Ѳеодоритъ, не ожидавшій такого исхода дѣлу, началъ доказывать, что городскія стѣны очень тонки, ворота не надежны и защитники разбѣгутся отъ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ, которыхъ ни разу не слышали.

— Всего этого мы не въ состояніи измѣнить—отвѣчалъ Исай—но будемъ надѣятся на Бога, Который покровительствовалъ нашимъ дѣдамъ. Я уже отдалъ приказаніе, чтобы во всѣхъ церквахъ горѣли неугасимо лампады и ежедневно отправлялись обѣдни и всеночныя. Будемъ, сынъ мой, молиться и надѣяться. Авось Царь Небесный прикроетъ насъ отъ враговъ.

— Пожалуй будемъ молиться и надѣяться отвѣчалъ съ лукавою улыбкою Ѳеодоритъ—тоже самое, кажется, дѣлалъ и Константинъ Палеологъ за нѣсколько дней до паденія Константинополя. Попробуемъ и мы послѣдовать примѣру этого несчастнаго императора, авось наша молитва благопріятнѣе подѣйствуетъ. Сказавъ это, онъ повернулся и вышелъ.

Князь ужасно былъ оскорбленъ этою дерзостію Ѳеодорита, родоначальникъ котораго былъ незаконнорожденнымъ сыномъ дѣда его отъ невольницы.

„О, хамская кровь—говорилъ старикъ—никакія милости и никакое положеніе не могутъ облагородить тебя. Ты всегда ищешь повода показать нечистоту свою и осквернить благодѣтелей! Всѣ подобные Ѳеодориту безчестили императорскій Византійскій домъ, всѣ они при-

няли теперь мусульманство подъ именемъ принцевъ крови, какъ бы съ цѣлью низкими способами чернить память давшимъ имъ жизнь. Навѣрно и этотъ негодяй, если попадетъ въ плѣнъ туркамъ, не замедлитъ принять исламъ, назовется Мангупскимъ княземъ и сдѣлается или посломъ или поставщикомъ султанскаго двора. Какое несчастіе, что я въ настоящее время не имѣю у себя способнаго человѣка, могущаго замѣнить его!... Князь ходилъ взадъ и впередъ съ ожесточеніемъ. Тысяча безотрадныхъ мыслей вращались въ его сѣдой головѣ. Взятіе Кафы, считавшейся недоступною, намѣренія турковъ ворваться въ Таврику, внезапный отъѣздъ хана и въ заключеніе непростительная дерзость ничтожнаго по происхожденію Ѳеодорита, желавшаго воспользоваться своимъ настоящимъ положеніемъ для сближенія съ нимъ— все это казалось Исаю, привыкшему къ тихой и безмятежной жизни, чѣмъ-то ужаснымъ, неестественнымъ. Въ первый разъ безстрашный князь началъ чего-то бояться не за себя, а за милую дочь.

За всѣмъ происходившимъ зорко слѣдила Катя и въ свою очередь находилась подъ тяжкимъ гнетомъ возмутительныхъ идей. Она отлично знала Ѳеодорита и всегда считала его человѣкомъ, способнымъ на всевозможныя пакости для достиженія задуманнаго, но никогда ей не приходило въ голову, что онъ осмѣлится искать ея руки въ тѣ минуты, когда участь княжества держалась на ниточкѣ, прикрѣпленной къ его шеѣ.

„Ну, что если этотъ негодяй вздумаетъ погубить насъ изъ мести? мелькнуло въ ея умѣ. Не онъ ли самъ заставилъ хана удалиться изъ Мангупскаго дворца?

Къ счастію послѣднее предположеніе оказалось невѣрнымъ, потому что прибывшій слуга изъ новаго дворца подробно донесъ отцу ея о причинѣ внезапнаго отъѣзда Менгли-гирея.

Это немного успокоило отца и Катю.

Въ тотъ же вечеръ князь, сидѣвшій на одномъ изъ балкончиковъ своихъ, обращенныхъ къ городу, гдѣ безпечная молодежь громко распѣвала веселыя пѣсни, подозвалъ къ себѣ дочь и сказалъ:

— Знаешь ли Катя, что я раскаиваюсь въ упорствѣ

моемъ отправить тебя съ Степаномъ въ Москву. Во первыхъ, потому что имѣлъ отличный поводъ удалить тебя отъ тревожнаго состоянія и неизвѣстныхъ случайностей войны, что показалось бы и русскому царю необходимостію съ моей стороны, во вторыхъ, царь лично оцѣнилъ бы тебя по достоинствамъ и наконецъ, кто знаетъ онъ, можетъ быть, по просьбѣ твоей оказалъ бы мнѣ какое-либо вспомоществованіе.

— Минувшаго не возвратить, отецъ. Не станемъ же думать о немъ. Будь, что будетъ!

— А не будешь ли ты винить меня, если тебя постигнетъ какое-нибудь несчастіе?

— Я всегда буду сознавать, что ты желалъ мнѣ всего лучшаго, но дѣлалось не все по твоему.

— Если такъ, милое дитя мое, то я обязанъ сообщить тебѣ еще одну непріятность и просить избѣгать Θеодорита. Онъ кажется, имѣетъ на тебя свои виды.

— Не говори мнѣ отецъ: я случайно подслушала вашъ сегодняшній разговоръ и крайне была возмущена дерзкими словами этого неблагодарнаго потомка рабыни. Впрочемъ, ты отлично поступилъ, что воздержался отъ гнѣва. Этотъ негодяй теперь нуженъ всѣмъ намъ и волею неволею придется до извѣстнаго времени переносить его дерзости. Охъ, почему мы не удержали у себя Степана, который могъ бы замѣнить намъ его. Я увѣрена, что онъ не отказался бы пережить съ нами всѣ бури и несчастія, если только онѣ предназначены... Катя прервана была заявленіемъ слуги, доложившаго, что барба Никола проситъ позволенія представиться къ господину своему.

— Пусть придетъ сюда—отвѣчалъ князь.

— Прости меня, повелитель мой, — заговорилъ вошедшій старикъ—я забылъ передать тебѣ записку отъ кира Степана, которую онъ далъ мнѣ при отъѣздѣ. Сказавъ это, онъ подалъ Исаю клочекъ холщевой бумаги.

— Поди, дочь моя, въ комнату—сказалъ князь—и прочитай, что пишетъ нашъ другъ. Затѣмъ, обратившись къ посѣтителю, началъ разспрашивать подробно о поѣздкѣ ихъ въ Капсихоръ.

Барба Никола ничего не скрылъ и повидимому произвелъ на владѣтеля отрадное впечатлѣніе.

Тѣмъ временемъ Катя возвратилась и, выждавъ ухода посѣтителя, сообщила отцу содержаніе записки.

— Бѣдняжка,—онъ предлагаетъ намъ утѣшеніе и на случай плѣненія насъ турками—сказалъ Исай. Кто знаетъ свою будущность? Спрячь, дочь моя, записку эту въ ладонкѣ твоей.

— Неужели, батюшка, намъ предстоитъ такая опасность?

— Я не думаю, но всегда слѣдуетъ допускать самое ужасное и заранѣе подготовляться къ нему. Турки алчны и многочисленны. Намъ не легко будетъ справиться съ ними, если они вздумаютъ напасть на насъ. Я не побоялся бы ихъ, еслибъ мы владѣли пушками и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которымъ они вооружены, но такъ какъ у насъ нѣтъ ничего кромѣ стрѣлъ и камней, то съ потерею одной изъ сторожевыхъ башенъ, мы откроемъ имъ свободный входъ на Мангупъ и вынуждены будемъ сложить у ногъ ихъ свое негодное оружіе.

— И что будетъ послѣ этого?

— То, что они пожелаютъ.

— Ну, напримѣръ?

— Во первыхъ, все мое семейство возьмутъ въ плѣнъ и отправятъ въ видѣ трофея къ султану, потомъ заберутъ все, что мы имѣемъ цѣннаго и пригоднаго имъ, а затѣмъ будутъ набирать рабовъ и рабынь, грабить и издѣваться надъ моими подданными. Такъ по крайней мѣрѣ они дѣлали въ Константинополѣ и другихъ завоеванныхъ городахъ.

— Ну, если такъ, отвѣчала Катя, я немедленно распоряжусь скрыть всѣ наши коронныя сокровища, чтобы они не достались варварамъ.

— Гдѣ же ты ихъ скроешь?

— Подъ дворцомъ нашимъ я давно замѣтила разщелину въ скалѣ, въ которую можетъ помѣститься маленькая дочь нашей кухарки. Она уже спускалась туда со свѣчею и говоритъ, что входила въ обширную комнату. Я все сложу тамъ и прикажу забить отверстіе такъ, чтобы не представлялось слѣдовъ. Если мы останемся

въ живыхъ, то будетъ чѣмъ поддержать свое существованіе, а нѣтъ, то пусть и оно погибнетъ съ нами.

Отецъ одобрилъ планъ Кати, которая немедленно приступила къ выполненію его безъ сторонняго свидѣтеля. Двѣ ночи она трудилась безъ устали и когда все было перенесено, княжна, описавъ подробно исторію своей фамиліи и предпослѣднихъ дней княжества, закупорила записку въ золотомъ сосудѣ и, заливъ ее воскомъ, также опустила въ разщелину. Послѣ чего призванъ былъ каменщикъ и подъ предлогомъ, что изъ нея несетъ сыростію, приказано было заложить разщелину самымъ тщательнымъ образомъ.

— Теперь я успокоилась, сказала княжна отцу, когда и онъ подтвердилъ ей, что самый зоркій глазъ не замѣтитъ существованія здѣсь отверстія.

Прошло еще нѣсколько томительныхъ дней. Менглигирей, помнившій радушный пріемъ Исая и сознавая его положеніе, прислалъ къ нему гонца съ сообщеніемъ, что турки хотя и не думаютъ отнимать отъ него престола въ пользу брата, но порѣшили свезти его въ качествѣ плѣнника къ султану Магомету, который поступитъ съ нимъ и ханствомъ по личному желанію. Вслѣдъ за этимъ посланнымъ явилось нѣсколько человѣкъ генуэзцевъ, успѣвшихъ укрыться изъ Кафы, которыхъ князь Исай вынужденъ былъ принять изъ состраданія къ ихъ ужасному положенію.

Разсказы ихъ о звѣрствѣ турковъ, которымъ сданъ былъ городъ съ условіемъ сохраненія жизни и собственности гражданъ, возмутили Исая до слезъ.

— О, христіане Европы! вскрикнулъ онъ, неужели вы успѣли забыть ученіе Господа, неужели вы можете равнодушно видѣть, какъ дикіе звѣри рвутъ тѣла вашихъ братьевъ! Въ такихъ случаяхъ и варварскіе народы соединились бы въ единую общую силу, чтобы сокрушить тигровъ, а вы любуетесь этими ужасными сценами и, какъ очарованныя насѣкомыя, ожидаете пока дойдетъ очередь и до васъ! Боже, Боже, отчего я не имѣю достаточно силъ и средствъ, чтобы самому выступить противъ этого бича и спасти несчастныхъ собратьевъ моихъ отъ смерти и

гнуснаго рабства, которое постигнетъ и меня наканунѣ смерти!

По мѣрѣ того, какъ на Мангупѣ начали стекаться бѣглецы изъ Кафы и Судгаи и разглашать объ убійствахъ турковъ, народъ началъ впадать въ уныніе и громко выражать горькую участь будущихъ дней. Все это передавалось князю Ѳеодоритомъ, старающимся доказать, что нынѣ, вслѣдствіе принятыхъ имъ мѣръ, туркамъ не легко будетъ завладѣть вершиною Мангупа. Исай, хотя и вѣрилъ словамъ его, но по прежнему въ душѣ его гнѣздилось зловѣщее предчувствіе.

— Мы всѣ будемъ драться до упадка силъ—отвѣчалъ онъ—я стану у сѣверныхъ воротъ; ты, мой сынъ, у главныхъ, а Андрею поручимъ наблюденіе за рядомъ крѣпостей, между этими выѣздами. Онъ проворнѣе насъ и сильнѣе на ноги.

— Все это я предвидѣлъ, но все таки не могу быть спокоенъ, относительно дочери вашей, которая, при несчастіи, не будетъ имѣть покровителя. Какъ ни кровожадны турки, но они не станутъ отдѣлять жену отъ мужа. Вамъ, эфенди, какъ отцу, непремѣнно надо позаботиться объ этомъ.

— Прошу тебя, сынъ мой, разъ навсегда не заботиться о Катѣ. То, что ей суждено отъ Бога, то она перенесетъ безъ ропота. Царямъ необходимо переносить больше страданій, чтобы они не теряли своего значенія и заслуживали любовь и преданность подданныхъ. Я нисколько не ужасаюсь казни и дочь моя не должна бояться мученій и смерти, помня, что жизнь земная смѣняется блаженствомъ, когда пострадали за народъ и святую вѣру. Ты вѣроятно читалъ, что тысячи праведниковъ искали такихъ случаевъ, а намъ онъ можетъ самъ представиться. Развѣ не слѣдуетъ за это возблагодарить Господа или развѣ смерть на мягкомъ одрѣ представляетъ какія-нибудь существенныя привиллегіи? Мнѣ кажется что въ послѣднихъ случаяхъ она бываетъ медленнѣе и мучительнѣе...

— И такъ это послѣднее ваше слово, афенди, тому, кто такъ долго служилъ вамъ, кто боготворилъ вашу дочь и готовъ всегда отдать за нее свою жизнь?

— Ни слова больше, Өеодоритъ! Катя считается невѣстою наслѣдника русскаго престола и ей приличнѣе умереть въ этомъ званіи, чѣмъ быть женою даже такого незначительнаго князя, какъ ея отецъ.

Өеодоритъ злобно посмотрѣлъ на повелителя своего, но чтобы скрыть бушующую ненависть въ сердцѣ своемъ, перешолъ къ обыкновеннымъ дѣламъ. Князь по прежнему ласково и милостиво бесѣдовалъ съ нимъ.

Прошло еще нѣсколько времени. Къ Мангупу вновь подошли бѣглые изъ Солдаи дженевезы, которые разсказывали о паденіи ихъ города и жестокой смерти тѣхъ, которые не покидали оружія, въ надеждѣ предотвратить гибель свою. Вслѣдъ за тѣмъ получены были извѣстія, что турки въ числѣ около 10 тысячъ человѣкъ двинулись вдоль береговой полосы Готөіи и направились къ резиденціи Өеодорійскаго княжества. У варваровъ не было съ собою пушекъ.

Грозная вѣсть эта, хотя и убѣждала Исая, что турки положились завоевать всю страну, но онъ былъ утѣшенъ надеждою не допустить ихъ до вершины скалы.

Прошедъ страну Климатовъ, непріятель завладѣлъ безъ боя Чимбалою, Херсонесомъ и Инкерманомъ. Оставивъ въ послѣднемъ гарнизонъ, турецкій военачальникъ, сопровождаемый Эминекъ-бекомъ и другими татарскими бунтовщиками направился чрезъ горы на Мангупъ. Лазутчики, слѣдившіе за движеніемъ турковъ, немедленно сообщили объ этомъ Исаю и Өеодориту, по приказаніямъ которыхъ всѣ мущины подступили къ городскимъ стѣнамъ и башнямъ въ полномъ вооруженіи. На женскій полъ возложена была обязанность заботиться о продовольствіи несмѣнной стражи.

Всю ночь Исай не смыкалъ глазъ. Катя не отходила отъ него не смотря на всѣ просьбы возвратиться во дворецъ и спать спокойно.

— У турковъ нѣтъ страшныхъ пушекъ — говорилъ отецъ—слѣдовательно мы съумѣемъ отразить ихъ въ какомъ бы они количествѣ ни явились. Иди дитя мое, и не безпокойся обо мнѣ.

— Ни за что я не отлучусь отъ тебя, но если дочь можетъ мѣшать отцу—то она отодвинется подальше.

На слѣдующій день дозорные, наблюдавшіе за южными и западными окрайнами Мангупской площади, донесли князю, что непріятель вступилъ въ прогалину и направился къ востоку, вѣроятно съ цѣлью подступить къ городскимъ воротамъ. Часъ спустя принесено было извѣстіе изъ ротонды, что враги расположились на отдыхъ и что общее число ихъ не превышаетъ 6-ти тысячъ человѣкъ.

Защитники Мангупа ожили въ полной увѣренности, что безъ особенныхъ усилій справятся съ отважными поработителями. Что же касается до Θеодорита, то ему показалось даже возможнымъ сдѣлать ночную вылазку и истребить ихъ. Мнѣніе свое онъ передалъ Андрею, но послѣдній не согласился терять напрасно близкихъ сердцу его людей.

— Они и безъ того на половину погибнутъ, если мы допустимъ ихъ къ башнямъ и воротамъ нашимъ; если же они оставятъ насъ въ покоѣ и пройдутъ дальше, то какая намъ надобность затѣевать безполезную драку.

Къ вечеру турки вступили въ ущелье и заняли всѣ дороги и тропинки, а съ разсвѣтомъ двинулись къ городскимъ стѣнамъ, гдѣ не видно было ни одного воина, но только что подступили къ нимъ, какъ тысячи камней и стрѣлъ посыпались на ихъ головы. Озадаченные такою неожиданностію, враги отступили и начали угрожать голодомъ, если не послѣдуетъ добровольная сдача укрѣпленія.

— Князь Исай отвѣчалъ, что онъ предвидѣлъ это и обезпечилъ себя двухъ—годовымъ провіантомъ.

— Мы не думаемъ сдѣлать тебѣ ничего дурнаго—говорилъ турецкій полководецъ. Ты только сдѣлаешься вассаломъ великаго султана подобно остальнымъ властителямъ Крыма.

— Вы всѣмъ обѣщаете эти милости до тѣхъ поръ, пока не достигнете своей цѣли. Къ несчастію въ княжествѣ моемъ нѣтъ такихъ богачей, какихъ вы нашли въ Кафѣ; а потому я прошу васъ оставить насъ бѣдныхъ труженниковъ и идти туда, гдѣ можетъ представляться больше выгодъ. Сказавъ это, Исай направился къ своему посту.

Тогда начальникъ турковъ началъ переговаривать съ Ѳеодоритомъ, обѣщая ему передать всѣ княжескія права на случай, если онъ дозволитъ безъ напрасной потери людей проникнуть въ укрѣпленіе.

Ѳеодоритъ не сочелъ нужнымъ отвѣчать на лестныя предложенія и всѣ были убѣждены, что онъ дѣлалъ это изъ презрѣнія къ врагу. Тогда выступилъ впередъ Гайдеръ, съ которымъ былъ знакомъ Ѳеодоритъ и въ свою очередь клялся доставить ему титулъ и права властителя за миролюбивое соглашеніе прекратить борьбу. И на это завѣдывающій главными воротами Мангупа не сказалъ ни слова.

На слѣдующій день турки выслали отрядъ для подробнаго изслѣдованія окружности недоступной скалы, но посланные возвратились безъ всякой надежды открыть возможность взобраться на вершину Мангупа. Тогда турецкіе военачальники порѣшили, оставивъ крѣпость эту до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, направиться къ Кыркъ-еру и плѣнить Менгли-гирея.

— А если Менгли-гирей скрывается здѣсь? сказалъ Гайдеръ, тогда вамъ снова придется возвращаться сюда. Не лучше-ли подождать еще два, три дня, чтобы окончательно вывести заключенія о мѣстопребываніи хана.

— Въ такомъ случаѣ пусть одинъ изъ твоихъ друзей съѣздитъ въ Кыркъ-еръ—отвѣтилъ начальникъ отряда. Вѣдь это мѣсто недалеко отсюда и посланный привезетъ намъ къ утру положительное свѣдѣніе.

Гайдеръ изъявилъ согласіе и немедленно отправленъ былъ нарочный. Войску отданъ былъ приказъ быть наготовѣ къ походу.

Въ это время одинъ изъ часовыхъ привелъ къ начальнику своему молодаго поселянина, требовавшаго повидаться съ Гайдеромъ.

— На что онъ тебѣ? грубо спросилъ турокъ.

— Я посланъ къ нему господиномъ моимъ для переговоровъ, относительно сдачи Мангупа.

Гайдеръ прибылъ и узналъ въ перебѣжчикѣ слугу Ѳеодорита.

— Ты зачѣмъ пришелъ сюда? вскрикнулъ бунтовщикъ.

— Я присланъ господиномъ моимъ къ твоей милости, чтобы условиться о сдачѣ Мангупа.

— На какихъ условіяхъ?

— На тѣхъ самыхъ, которыя ты предлагалъ, но съ тѣмъ, чтобы никто кромѣ стараго князя съ племянникомъ не были полонены.

Гайдеръ взглянулъ на начальника отряда, у котораго заблистали отъ радости глаза.

— Иди и скажи господину своему—отвѣчалъ турокъ, что все будетъ сдѣлано по его желанію, если онъ откроетъ намъ ворота.

— Господинъ мой предварительно желаетъ получить отъ васъ фирманъ о назначеніи его полновластнымъ беемъ-Мангупа. Когда фирманъ этотъ будетъ мнѣ врученъ съ поясненіемъ неприкосновенности жителей и имущества ихъ, тогда я уполномоченъ сообщить вамъ, какимъ образомъ послѣдуетъ сдача города.

Военачальникъ потребовалъ войсковаго писаря и продиктовалъ ему производство Θеодорита въ вассальные беи со всѣми правами турецкихъ пашей за то, что онъ сдастъ безъ выстрѣла Мангупъ. Послѣ подписи и печати, бумага вручена была для передачи по принадлежности.

— Вотъ какимъ образомъ вы должны поступить—сказалъ посланный Θеодорита, принявши фирманъ—когда окончательно наступитъ ночная темнота, господинъ мой съ отрядомъ своимъ выступитъ изъ городскихъ воротъ, какъ-бы съ цѣлью сдѣлать вылазку противъ васъ, но вмѣсто прямаго направленія мы пойдемъ кругомъ. Ворота останутся прикрытыми и откроются при первомъ прикосновеніи. Наше движеніе вамъ легко будетъ замѣтить по огоньку, свѣтъ котораго я направлю на вашу сторону. Какъ только вы замѣтите этотъ знакъ, бѣгите какъ можно тише и скорѣе къ обоимъ выходамъ. Затѣмъ вступивши въ отворенныя ворота и оставивши у нихъ стражу, вамъ не трудно будетъ добраться съ внутренней стороны до воротъ, охраняемыхъ княземъ и племянникомъ его. Тутъ вамъ не представится ни малѣйшаго затрудненія открыть этотъ входъ и окружить главную башню, на вершинѣ которой лично сторожитъ нашъ бей.

Гайдеръ и турецкіе начальники похлопали разскащика по спинѣ въ знакъ благодарности и какъ только онъ скрылся, сдѣлали распоряженіе, чтобы съ наступленіемъ ночи войска, раздѣленныя на два отряда направлены были къ обоимъ воротамъ Магнупа, стараясь двигаться безъ всякаго шума. Послѣднее требовалось подъ угрозою смертной казни. Причемъ, конечно, не скрытъ былъ договоръ и условный сигналъ.

Пока происходило все это, князь Исай сидѣлъ на башнѣ своей въ полной увѣренности, что турки попробуютъ еще разъ попытать счастія и затѣмъ вынуждены будутъ убраться.

У ногъ его спала Катя, закутавшись въ шубу отца. Какъ вдругъ она зарыдала во снѣ и быстро поднявшись, сказала:

— Боже, какой ужасный мнѣ снился сонъ. Мнѣ причудилось, что этотъ негодный Ѳеодоритъ убилъ Андрея и тебя и гнался за мною до тѣхъ поръ, пока я вынуждена была закрыть глаза и броситься съ вершины твоего павильона въ эту ужасную пропасть, которая всегда заставляла меня трепетать.

— Твой сонъ, вѣроятно, предсказываетъ, что этотъ храбрый человѣкъ окончательно избавитъ насъ отъ варваровъ, которыхъ онъ изрядное число перебилъ сегодня.

Катя не перечила отцу, но какъ утомленная бодрствованіемъ въ теченіи прошлой ночи, снова заснула. Вотъ въ это время Ѳеодоритъ, подъ предлогомъ вылазки выступилъ съ охранительнымъ отрядомъ своимъ противъ турокъ, которые бѣгомъ бросились впередъ, ворвались на вершину Мангупа и вихремъ налетѣли на другія ворота. Князь Исай съ дочерью и только что вошедшимъ къ нему племянникомъ, внезапно были окружены нѣсколькими тысячами враговъ. Все это совершилось такъ скоро и неожиданно, что мысль о защитѣ выломанныхъ воротъ показалась плѣнникамъ совершенно безполезною.

Крикъ, шумъ и стрѣльба заставили несчастную Катю вскочить на ноги.

— Это что значитъ? спросила она у отца, который, опустивъ сѣдую голову свою на руку, шепталъ молитву.

— Ничего, дочь моя: Это твой сонъ сбылся и горькая чаша приблизилась къ нашимъ устамъ. Помни-же моя дорогая, что ты клялась мнѣ сберечь честь и имя твое!... Старикъ схватилъ ее въ объятія и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Нѣсколько минутъ спустя Исай, Катя и Андрей были захвачены и сведены въ одинъ изъ чулановъ своего дворца.

Лишь только освѣдомились объ этомъ роковомъ событіи жители Мангупа всѣ бросились къ Ю. В. тропинкѣ, состоящей подъ наблюденіемъ барбы Никола и прежде, чѣмъ настало утро, никого, за исключеніемъ караимовъ, не осталось на вершинѣ Мангупа.

— Какимъ образомъ злодѣи проникли къ намъ? спросила Катя послѣ продолжительнаго рыданія.

— Не могу понять—отвѣчалъ Исай—или намъ измѣнили или эти черти перелѣзли чрезъ отвѣсныя скалы.

— Вѣрнѣе всего, что Өеодоритъ отмстилъ тебѣ.

— Я тѣхъ же мыслей, но какъ онъ умудрился это сдѣлать на глазахъ массы защитниковъ?

— Рабъ возвышенный и приближенный къ трону всегда найдетъ возможность опрокинуть этотъ тронъ—отвѣчала княжна.

— Но что онъ выиграетъ отъ этого? тоже рабство, въ которомъ были его предки.

— Да, потому что одежда гиганта тяготила его и онъ томился случайнымъ положеніемъ. Нынѣ онъ успокоится. Только намъ бѣднымъ не легко будетъ нести тяжелый крестъ.

— О, еслибъ я могла предвидѣть этотъ безчестный плѣнъ, я увлекла бы тебя насильно отецъ за Степаномъ, который теперь благоденствуетъ въ Россіи. И какъ онъ умолялъ насъ, точно предвидѣлъ нашу горькую участь!

Исай молчалъ.

Вскорѣ послѣ этого разговора къ плѣннымъ вошелъ Гайдеръ.

— Здравствуй бей—сказалъ онъ, приблизившись къ князю, не вдругъ узнавшему его. Было время, когда ты не хотѣлъ говорить со мною, но теперь, я думаю, обрадовался знакомому человѣку.

— Я всегда былъ ласковъ и милостивъ къ татарамъ—отвѣчалъ Исай—но если не говорилъ съ тобою, то, вѣроятно, не представлялось въ этомъ надобности.

— И мнѣ не представляется она, но я хотѣлъ тебѣ доказать, что готовъ оказать человѣку услугу и въ неволѣ.

— Спасибо за доброе слово.

— Ну, такъ слушай: ты завтра будешь отправленъ съ племянникомъ твоимъ въ Кафу къ Кедукъ Ахметъ пашѣ, если не согласишься послѣдовать моему совѣту. Выдай дочь твою замужъ за Ѳеодорита и я упрошу начальника отряда предоставить тебѣ полную свободу. Тебѣ, вѣроятно, извѣстно, что Ѳеодоритъ былъ мнѣ другъ въ дѣтствѣ, которому я желалъ бы оказать свое вниманіе, такъ какъ онъ безумно любитъ твою Катерину. Понимаешь-ли ты, какую я милость готовлю вамъ изъ-за дружбы къ вашему единовѣрцу.

— Ѳеодоритъ, безъ сомнѣнія, заслужилъ расположенность и начальника турецкихъ войскъ за удачную сдачу моего княжества—сказалъ Исай наудачу.

— За это онъ получитъ отдѣльную награду отъ султана; мое же дѣло спасти васъ отъ казни; а то, что я предлагаю, служитъ единственнымъ вѣрнымъ средствомъ.

— Гайдеръ—сказалъ Исай, поднявшись съ мѣста и взявъ его за руку—я слышалъ, что ты жестоко оскорбленъ былъ ханомъ и дженевезами, но въ этомъ мы нисколько не виноваты, а потому я полагаю найти въ тебѣ честнаго мусульманскаго судью. Разскажи ты самъ въ присутствіи дочери моей, чѣмъ отблагодарилъ меня Ѳеодоритъ за то, что я возвелъ его,—сына невольницы, въ министры и чего онъ заслуживаетъ за подлость свою? Если дочь моя, послѣ всего сказаннаго тобою, изъявитъ согласіе спасти меня и себя отъ смерти выходомъ замужъ за этого человѣка, то я предоставлю ей полное право дѣйствовать по своему выбору.

— Пожалуй, но я предварительно долженъ заявить, что Ѳеодоритъ съ нѣкотораго времени находится въ отчаянномъ положеніи, вслѣдствіе отказа твоего сдѣлать его зятемъ своимъ. Твоя гордость довела его до край-

ности и онъ рѣшился сдать намъ твое княжество въ то время, когда мы убѣжденные въ невозможности взять его приступомъ, готовы были отступить; но это онъ сдѣлалъ съ цѣлью достигнуть своего невольнаго желанія при нашемъ содѣйствіи. Можете представить, какъ была велика его любовь, если онъ рѣшился выступить съ своимъ отрядомъ и оставить городскія ворота открытыми только изъ за того, чтобы сдѣлаться вассальнымъ беемъ Турціи ради любимой дѣвушки. Всѣ мы оцѣнили эту услугу и нѣтъ сомнѣнія, что султанъ сдѣлаетъ его бекомъ Мангупа.

— Благодарю тебя за откровенность, отвѣчалъ князь— но попрошу теперь поставить себя на мое мѣсто и произнести приговоръ надъ Ѳеодоритомъ. Я желалъ бы, чтобы ты оправдалъ его, чтобы дочь моя признала его достойнымъ быть ея мужемъ.

Татаринъ началъ изворачиваться и извинять Ѳеодорита.

— Все сказанное тобою я готовъ принять къ свѣдѣнію, но меня интересуетъ твое заключеніе: правъ ли Ѳеодоритъ противъ благодѣтеля своего или достоинъ висѣлицы?

— Это зависитъ отъ взгляда повелителя—отвѣчалъ бунтовщикъ.

— Но, я просилъ тебя поставить себя на мое мѣсто.

— Конечно, это показалось бы непріятнымъ для меня и я осудилъ бы его на смертную казнь, но такъ какъ онъ перехитрилъ властителя, то мы обязанные ему услугою по—неволѣ должны поставить его выше того, кто не хотѣлъ вознаградить достойнаго слугу за многолѣтнюю службу и искреннюю преданность. Будь я на твоемъ мѣстѣ, я отдалъ бы за него не одну, а трехъ дочерей моихъ.

— У васъ дочери считаются вещью родителей, но у насъ онѣ пользуются правомъ выбирать мужей по собственному произволу. Вотъ тебѣ, моя дочь, она здѣсь со мною, предложи ей самъ этого заслуженнаго человѣка. Если она найдетъ приличнымъ воспользоваться такимъ случаемъ, то я предоставляю ей полное право дѣйствовать по собственному соображенію.

Гайдеръ приблизился къ Екатеринѣ и выяснилъ предъ нею громадную разницу между настоящимъ и будущимъ положеніемъ ихъ и дружески совѣтывалъ спасти себя и стараго отца отъ вѣчнаго рабства.

— Какая бы участь не постигла меня — отвѣчала она—я охотно предпочту ее союзу съ низкимъ измѣнникомъ. Ради Бога не теряй своихъ словъ напрасно предъ несчастною плѣнницею, которая ни о чемъ болѣе не думаетъ, какъ о смерти.

— Ну, смотри дѣвушка, чтобы тебѣ не пришлось раскаяваться потомъ, когда нельзя будетъ помочь горю.

— Я никогда ни въ чемъ не раскаяваюсь, когда говорю по убѣжденію.

Татаринъ вышелъ съ пасмурнымъ лицомъ.

— Такъ вотъ какъ Өеодоритъ поступилъ съ нами? заговорилъ Исай—сдать насъ въ то время, когда враги, потерявъ возможность овладѣть Мангупомъ, собрались отступить! Боже, да это неслыханная подлость со стороны облагодѣтельствованнаго мною сироты! Какъ это я раньше не могъ замѣтить въ немъ наклонности къ такому безчестію? Какими чарами онъ дѣйствовалъ на всѣхъ насъ? Неужели и ты, мой бѣдный Андрей—прибавилъ онъ, обращаясь къ племяннику, положительно потерявшему способность разсуждать,—ничего не замѣчалъ сквернаго въ этой ехиднѣ?

— Кто я? я не измѣнялъ моему дядѣ и отцу—отвѣчалъ молодой человѣкъ, безсознательно смотря по сторонамъ. Я бился, я рвалъ зубами моихъ враговъ, я плакалъ, я кричалъ. Да гдѣ это наша бѣдная Катя? А, а, вотъ она летитъ на облакѣ! Улетай, улетай по крайней мѣрѣ ты наше божество. Пусть ужъ мы одни умремъ за отечество и добраго отца.

Исай съ дочерью подошли къ больному, но всѣ усилія ихъ возвратить ему разсудокъ оказались напрасными. Это до такой степени потрясло ихъ обоихъ, что упавъ другъ къ другу въ объятія, они залились слезами.

На слѣдующій день плѣнныхъ князей и Катю отправили подъ стражею въ Кафу. Вслѣдъ за ними въ компаніи Гайдера и нѣсколькихъ турокъ слѣдовалъ и Өеодоритъ, посылаемый для полученія награды и княже-

скихъ правъ изъ рукъ главнокомандующаго Ахметъ-паши. Жестокій измѣнникъ не переставалъ надѣяться, что Катя, послѣ нѣсколько недѣльныхъ страданій, рѣшится на выходъ за него замужъ, но при всемъ томъ онъ не осмѣливался ни одного раза приблизится къ ней.

Въ Кафѣ суровый Кедукъ Ахметъ-паша не захотѣлъ видѣть ни плѣнныхъ князей, ни того, кто сдалъ Мангупъ. Онъ приказалъ отправить ихъ всѣхъ на судно, имѣющее слѣдовать въ Константинополь съ другими трофеями. Такая неожиданность ужасно не понравилась Өеодориту, очутившемуся глазъ на глазъ съ Исаемъ, Катею и потерявшимъ разсудокъ Андреемъ. Всѣ надежды его на Гайдера обратились въ мыльный пузырь въ особенности, когда съ нимъ начали обращаться также грубо какъ и съ остальными плѣнными.

Нѣсколько дней спустя прибылъ въ Кафу и Менглигирей ханъ въ качествѣ плѣненнаго государя. Кедукъ паша принялъ его на свое судно и по данному знаку 450 кораблей выступили одновременно изъ Кафинской бухты и приняли направленіе къ Константинополю.

Флотилія бросила якоря въ виду столицы Византійской имперіи въ послѣднихъ числахъ сентября и была встрѣчена съ дикими восторгами турковъ. Тысячи плѣнныхъ итальянцевъ съ ихъ женами и дѣтьми сданы были на попеченіе соотечественниковъ въ Галату и размѣщены были въ опустѣвшихъ кварталахъ этого предмѣстія. Тѣ же, которые были отобраны въ янычарскіе орты и гаремы, переданы были подлежащимъ властямъ. На судахъ оставались пока лучшія дѣвушки, драгоцѣнности и почетные плѣнники, распредѣленіе которыхъ зависѣло отъ личной воли самого султана, имѣющаго прибыть въ Константинополь. Въ числѣ послѣднихъ находился и Исай съ своею небольшою семьею и злополучный Өеодоритъ, попавшій въ это число благодаря, сохранившемуся у него фирману съ предложеніемъ княжескихъ правъ.

Вскорѣ всѣ эти плѣнные были представлены къ верховному визирю и затѣмъ къ безжалостному султану Магомету.

— Куда ты скрылъ свои сокровища? вскрикнулъ падишахъ, какъ только предсталъ предъ нимъ князь Исай.

— Я ничего не взялъ съ собою—отвѣчалъ онъ—все мое имущество осталось въ домѣ моемъ.

— Врешь, ты такъ мастерски скрылъ его, что всѣ розыски ни къ чему не привели. Я даю тебѣ 40 дней сроку на размышленіе и если ты въ это время не скажешь моимъ служителямъ, гдѣ оно находится, я прикажу содрать съ тебя кожу. А это кто стоитъ около тебя?

Это мой племянникъ, который лишился разсудка.

— Ну, такимъ нечего жить. А это вѣрно твоя дочь, которую ты хотѣлъ выдать замужъ за московскаго ахъбея, а вмѣсто его привезъ въ мой гаремъ. Ну, отъ этого ты немного потерялъ. Мы гораздо лучше прокормимъ ее. А ну подойти ко мнѣ, красавица!

Бѣдную дѣвушку заставили сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ.

— Годится—сказалъ Магометъ одному изъ стоявшихъ около него турковъ.

Лишь только произнесено было это слово, какъ Катю увели, не давъ ей возможности кивнуть даже головою поблѣднѣвшему отцу.

— Ну, а это кто такой? произнесъ султанъ, указывая на Ѳеодорита, безумно слѣдившаго за княжною, которую онъ довелъ до гибели.

— Это другъ нашъ—отвѣчалъ визирь—онъ былъ главнокомандующимъ Мангупскою арміею и сдалъ намъ эту неприступную крѣпость въ то время, какъ войска наши рѣшились отступить отъ нея.

— Еслибы кто-нибудь изъ моихъ пашей осмѣлился это сдѣлать, я приказалъ бы повѣсить его какъ собаку, но такъ какъ онъ сдѣлалъ это въ угоду намъ, то обратите его въ нашу святую вѣру и именуйте мангупскимъ беемъ. А чтобы онъ не умеръ съ голода, то опредѣлите ему продовольствіе наравнѣ съ нашими слугами и употребляйте его для посылокъ въ отдаленныя страны. Сказавъ это, султанъ махнулъ рукою въ знакъ того, что онъ покончилъ дѣло.

Плѣнные выведены были. Князь Исай съ Андреемъ

отведены были въ темницу, а Өеодоритъ сданъ былъ кадію для направленія его на путь праведныхъ.

Мы не станемъ описывать тѣхъ ужасныхъ томленій и страданій несчастнаго Исая, которыя онъ испытывалъ въ мрачномъ подземельи не столько за себя, сколько за единственную дочь, на глазахъ его отведенную въ гаремъ кровожаднаго деспота и варвара.

Время между тѣмъ проходило довольно скоро. Өеодоритъ, обращенный въ Кемалъ-бея мангупскаго, женился на турчанкѣ, отслужившей лучшіе годы молодости въ царскомъ цвѣтникѣ, и сдѣлался поставщикомъ при султанскомъ сералѣ иноземныхъ предметовъ роскоши.

Не освѣдомляясь никогда объ Исаѣ и Андреѣ, онъ однако употреблялъ всѣ усилія узнать что-нибудь о Катѣ, не выходившей изъ его памяти, но никогда ему не удавалось открыть, гдѣ она находится.

Между тѣмъ несчастная княжна переданная въ Константинопольскій сераль, куда изрѣдка заѣзжалъ султанъ, совершенно была забыта Магометомъ. Къ счастію она догадалась скрыть свое высокое происхожденіе и назваться простою невольницею, вѣроятно, по ошибкѣ принятою въ султанскій гаремъ. Это очень было правдоподобно, судя по ея простому наряду, вслѣдствіе чего ее назначили въ прислужницы и окончательно охранили отъ предстоящей гибели: Пользуясь сравнительно большею свободою, княжна вскорѣ познакомилась съ одною старою гречанкою, которая имѣла доступъ въ гаремъ, въ качествѣ поставщицы разныхъ мелочей, необходимыхъ для женскаго туалета. Старушка эта всегда почти заходила къ Катѣ и чрезвычайно удивлялась ея изысканнымъ манерамъ и знанію греческаго языка. Впослѣдствіи, когда княжна не сомнѣвалась болѣе въ искренней расположенности къ себѣ этой доброй женщины, она рѣшилась открыть ей свое званіе и разсказать подробно судьбу свою и отца съ Андреемъ.

— И ты такъ долго скрывала отъ меня страданія твоего отца и брата? вскрикнула старуха — кто знаетъ я быть можетъ, при моемъ знакомствѣ, съумѣла бы облегчить ихъ участь.

— Не этой милости я прошу у тебя, мать моя, но

другой услуги: не можешь ли ты отыскать живущаго около храма св. Софіи нѣкоего Мануила Скиндера подъ именемъ татарскаго бея Смаила?

— Да помилуй, матушка, какъ таки мнѣ не знать моего сосѣда. Я у жены его бываю каждую недѣлю и лучше другихъ знаю, что онъ исповѣдуетъ вѣру нашихъ отцовъ.

— Не можешь ли ты передать ему отъ меня письмо, которое я давно приготовила, но не знала, какъ и съ кѣмъ отправить.

— Отдай мнѣ его сейчасъ и я бѣгомъ снесу, а завтра доставлю отвѣтъ.

Катя опустила руку за пазуху и вручила услужливой женщинѣ записку, въ которой говорилось о Степанѣ и ихъ ужасномъ положеніи. Въ заключеніе она умоляла Мануила узнать, гдѣ находится ея отецъ и Андрей и нельзя ли имъ оказать какой-нибудь помощи.

На другой день Катя получила словесный отвѣтъ, что Скиндеръ-бей обѣщаетъ немедленно приступить къ розыскамъ и какъ только откроетъ, гдѣ находятся ея родные, то сообщитъ ей подробныя свѣдѣнія. И дѣйствительно нѣсколько дней спустя эта же старуха доставила ей записку отъ Мануила, извѣщавшаго, что онъ отыскалъ отца и Андрея въ мрачномъ подземеліи обоихъ здоровыми и не только обрадовалъ вѣстью о ней, но даже успѣлъ перевести ихъ въ болѣе сносное помѣщеніе и на лучшую пищу.

При этой отрадной новости у несчастной княжны полились слезы ручьями. Она цѣловала руки у торговки и молилась за Степана, являвшагося и здѣсь ея покровителемъ.

Съ этого дня на душѣ Кати сдѣлалось легче и она могла по крайней мѣрѣ хоть часъ заснуть спокойнымъ сномъ.

Однажды Катѣ сообщила торговка желаніе Мануила похитить ее изъ неволи.

— Мнѣ и самой легко этого достигнуть, отвѣчала княжна, но куда я дѣнусь, къ кому обращусь? Отецъ и братъ въ заключеніи, а благодѣтель въ Москвѣ. Нѣтъ, поблагодари Мануила и скажи, что я боюсь рѣшаться на побѣгъ, чтобы не ухудшить своего положенія.

Старуха ушла, но при вторичномъ посѣщеніи гарема, она отобрала отъ Кати подробныя свѣдѣнія о Степанѣ. Дѣвушка сообщила все, что было ей извѣстно.

Прошелъ годъ. Турецкій султанъ, занятый завоеваніями архипелажскихъ острововъ совершенно забылъ объ Исаѣ и Андреѣ, которые изнывали въ заключеніи. Мануилъ раза два предлагалъ князьямъ ходатайство объ освобожденіи ихъ, но они какъ бы предчувствуя дурныя послѣдствія, отклоняли его отъ этого опаснаго предпріятія.

— О насъ забылъ варваръ, сказалъ Исай, если же кто-нибудь, произнесетъ предъ нимъ наши имена, онъ навѣрно пожелаетъ избавиться отъ насъ и прикажетъ отрубить намъ головы.

Конечно, этой участи мы не избѣгнемъ, но пока моя бѣдная Катя въ неволѣ и я имѣю о ней свѣдѣнія, мнѣ не хотѣлось бы умереть, чтобы не прибавить еще одной раны въ ея сердце.

— А знаешь ли, сказалъ Мануилъ, я предлагалъ ей бѣжать изъ гарема и хотѣлъ взять къ себѣ, но она отказалась, изъ боязни подвергнуть меня опасности и ухудшить свое положеніе.

— Я нахожу, что дочь моя поступила разумно. Вѣдь рано или поздно бѣгство ея сдѣлалось бы извѣстнымъ и ее могли бы открыть у тебя. Тогда и мы лишились бы своего покровителя. Но вотъ, что ты можешь сдѣлать для несчастной. Въ Москвѣ живетъ мой и твой другъ Степанъ, который не пощадитъ ни жизни, ни средствъ для того, чтобы увезти Катю въ Россію. Онъ навѣрно ничего не знаетъ о нашемъ несчастіи, иначе давно явился бы въ Константинополь.

— Очень радъ, что ты самъ заговорилъ о сынѣ моего господина, отвѣчалъ Мануилъ, потому что я рѣшился написать ему безъ твоего разрѣшенія и послалъ письмо съ преданнымъ мнѣ человѣкомъ, поѣхавшимъ въ Россію по торговымъ дѣламъ. Твоя дочь научила меня, гдѣ удобнѣе узнать о пребываніи его.

— Пріѣздъ этого человѣка, на столько можетъ успокоить меня, что я безъ малѣйшаго сожалѣнія подставлю голову мою подъ сѣкиру палача.

О томъ, что Мануилъ написалъ Степану, извѣстно было и Катѣ, но бѣдная княжна, такъ много перенесшая страданій, боялась предполагать, что другъ ея явится на вызовъ и спасетъ ее отъ того, что суждено было Богомъ въ наказаніе за прародительскіе можетъ быть грѣхи.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ въ ненарушимомъ спокойствіи. Какъ вдругъ заговорили о пріѣздѣ султана въ Константинополь. Вѣсть эта страшно повліяла на обоихъ князей. Они боялись и за себя и за Катю. Но въ то время, когда боязнь эта доходила до крайней степени, ихъ навѣстилъ Мануилъ и шепнулъ, что давно ожидаемый имъ гость прибылъ изъ Москвы въ нарядѣ Крымскаго татарина и остановился у него и что похищеніе Кати рѣшено.

— Когда же вы приступите къ этому? спросилъ князь въ волненіи.

— Завтра я договорю судно съ условіемъ не терять дорогаго времени.

— И онъ увезетъ ее въ Россію? О, бѣдная дочь моя, я не увижу тебя и предъ смертію, чтобы въ послѣдній разъ прижать къ груди и благословить тебя!

— Это удовольствіе я постараюсь тебѣ доставить— отвѣчалъ Мануилъ, но, конечно, съ тѣмъ, что ты не подвергнешь меня отвѣтственности. Ты переодѣнешься въ мое платье, а съ часовымъ я заранѣе переговорю. У дверей темницы тебя будетъ ожидать мой сынъ.

— Неужели это будетъ возможно?

— Будемъ надѣяться.

Въ тоже время старая торговка сообщила и Катѣ о пріѣздѣ Степана и научила ее, гдѣ она встрѣтитъ дѣвченку съ краснымъ платкомъ въ рукахъ, за которою должна слѣдовать безъ оглядки.

Для княжны, которая въ послѣднее время пользовалась неограниченною свободою и безпрестанно посылалась въ лавки за разными мелочами для повелительницъ своихъ, не представилось ни малѣйшаго затрудненія въ условленное время выйти изъ гаремнаго двора и очутиться предъ дѣвушкою съ краснымъ платкомъ, которая, кивнувъ ей головою и, получивъ въ отвѣтъ тоже

самое, быстро повернула за уголъ и такъ пошла скоро, что Катѣ пришлось почти бѣжать за нею.

Нѣсколько минутъ спустя несчастная царевна, та, которая предназначалась въ жены наслѣднику русскаго престола и на которую всѣ смотрѣли съ благоговѣніемъ, въ рубищахъ стояла предъ тѣмъ, который умолялъ ее избѣгнуть печальную судьбу. Она рыдала въ его объятіяхъ, какъ ребенокъ на груди нѣжной матери.

— Боже, какая перемѣна! говорилъ про себя Степанъ, всматриваясь въ ея страшную худобу и блѣдность лица.

— Довольно, довольно моя дорогая—повторялъ онъ—ты и безъ того уже много пролила слезъ. Успокойся и благодари моего спасителя, оказавшаго и тебѣ эту милость.

— О, отчего и бѣдный мой отецъ не можетъ увидѣть тебя?

— Онъ сейчасъ придетъ сюда—отвѣчалъ Мануилъ, но мнѣ придется самому идти за нимъ.

— Такъ онъ свободенъ? вскричала княжна, готовая пасть на колѣна предъ неизвѣстнымъ ей покровителемъ.

— Нѣтъ, онъ еще не свободенъ.

Пока Степанъ разспрашивалъ у родственницы своей о подробностяхъ измѣны Ѳеодорита, на порогѣ появился князь Исай съ померкшими глазами и длинною сѣдою бородою.

— Дочь моя! вскрикнулъ онъ, и протянувъ одну руку къ Катѣ, а другую къ Степану—благодарю Тебя Создатель мой за то, что ты удостоилъ меня еще разъ увидѣть васъ вмѣстѣ. Любите, дѣти мои, другъ друга и не разлучайтесь на чужбинѣ! Если вы пообѣщаете мнѣ это, то я могу умереть спокойно въ моей темницѣ....

Слезы заглушили его рѣчь.

Чрезъ минуту старикъ оправился и, соединивъ руки Кати съ Степаномъ, благословилъ, какъ родныхъ дѣтей своихъ.

— Ну, теперь я счастливъ и спокоенъ по прежнему—сказалъ онъ веселымъ голосомъ—прощайте милыя дѣти: я васъ встрѣчу тамъ, гдѣ милости Божьи безпредѣльны! Мнѣ необходимо возвратиться, чтобы не подвергать му-

камъ страха, замѣнившаго меня въ темницѣ благодѣтеля—и Исай ровною поступью вышелъ, какъ-бы не слыша отчаяннаго рыданія дочери.

Въ тотъ-же вечеръ Катя въ сопровожденіи Константа Барбуни сѣла на судно.

— Ты поѣдешь впередъ съ другомъ моимъ—сказалъ Степанъ—и будешь ожидать меня на границѣ русской земли въ семьѣ, хорошо мнѣ извѣстной, а я хочу попытать счастіе избавить отца твоего и Андрея. Если это удастся, то я возвращусь непремѣнно чрезъ мѣсяцъ или полтора, если-же я случайно погибну, то Константа свезетъ тебя въ мой домъ и вручитъ тебѣ все мое имущество. Онъ также направитъ къ тебѣ и всѣхъ друзей моихъ, нашихъ общихъ соотечественниковъ, которые охотно позаботятся о дальнѣйшей твоей участи.

Катя съ изумленіемъ взглянула на отважнаго родственника своего, осѣнила его знаменіемъ креста и при прощаніи обѣщала постить и молиться до встрѣчи съ нимъ. Часъ спустя она сведена была на корабль.

Судно двинулось по проливу съ тѣмъ, чтобы направиться въ устье Днѣпра, а Степанъ возвратился къ Мануилу.

— Такъ ты не желаешь возвращаться безъ князей? спросилъ хозяинъ послѣ продолжительнаго размышленія.

— Я хочу во что-бы ни стало спасти ихъ или умереть.

— Но какъ мы можемъ допустить этого?

— Сначала предложимъ золото, а затѣмъ хитрость или насиліе. Константинополь довольно великъ, чтобы успѣть укрыться на одну ночь.

— Надо хорошенько обдумать. Не ожидай теперь султана дѣло это могло бы удаться, но въ виду того, что варваръ съ пріѣздомъ своимъ можетъ справиться о заключенныхъ, начальники усилятъ караулы и сдѣлаются недоступными для переговоровъ.

— Въ такомъ случаѣ намъ нельзя терять ни минуты.

— Пожалуй я укажу тебѣ на одного алчнаго турка, съ которымъ ты лично переговоришь. Онъ служитъ при этой темницѣ и можетъ ловко устроить дѣло, если сойдетесь въ цѣнѣ. Но только ты не подавай ему вида, что знакомъ со мной.

— Вотъ и прекрасно; разскажи только, гдѣ онъ живетъ, а я самъ пойду къ нему.

Мануилъ подвелъ гостя къ окну и указалъ на ветхое зданіе.

Степанъ, наложивъ полный карманъ золотыхъ монетъ, быстрыми шагами пошелъ по узенькой улицѣ и подъ именемъ Крымскаго татарина явился къ помощнику завѣдывающаго темницею.

— Эфенди—сказалъ онъ—я поклялся именемъ нашего пророка одному земляку моему освободить изъ плѣна его отца и брата, которые случайно захвачены съ ненавистными дженевезами въ Крыму и совершенно безвинно томятся въ заключеніи въ Константинополѣ.

— Напрасно, сынъ мой, ты обѣщалъ сдѣлать это. Развѣ мы властны идти противъ воли султана?

— Боже меня сохрани перечить великому халифу. Но такъ какъ онъ этого не знаетъ лично, а за гяуровъ никто не хочетъ жертвовать стоимостію невольника, то я отъ ходатаевъ потребовалъ впередъ деньги и принесъ ихъ къ тебѣ какъ ближайшему начальнину.

— Ты очень мудро поступилъ. Конечно, нашему султану не приходится отпускать плѣнныхъ даромъ и онъ содержитъ ихъ до того времени, пока явятся выкупщики.

Оставь же, сынъ мой, мнѣ въ задатокъ полъ цѣны и дай обдумать, какъ надо поступить, чтобы клятва твоя не послужила тебѣ въ вину на томъ свѣтѣ.

Степанъ высыпалъ предъ нимъ золото, отъ котораго у турка заблистали глаза.

— Ну, ужъ такъ и быть—сказалъ онъ, немного подумавъ—я возьму всю отвѣтственность на себя неси мнѣ и остальныя деньги, чтобы завтра же освободить тебя отъ ужасной клятвы.

Степанъ бѣгомъ побѣжалъ на квартиру и набравъ еще одинъ карманъ золотыхъ, выложилъ ихъ предъ туркомъ.

— Ну, теперь выслушай меня—сказалъ тюремный смотритель—завтра послѣ вечерней молитвы ты встрѣтишь меня, сидящаго у воротъ тюрьмы. Ты подойди ко мнѣ молча и мы войдемъ вмѣстѣ къ тѣмъ, кто нуженъ тебѣ. Я останусь на дворѣ, а ты возьмешь ихъ за руки и уведешь. Но помни, лишь только ты выйдешь на улицу

я начну кричать и всѣ часовые должны будутъ пуститься въ погоню за тобою. Если ты ловокъ и Аллахъ спасетъ васъ, то будетъ не дурно, но если вы замѣшкаетесь, то не вините меня за немедленную потерю головъ. Я ничего больше не могу предложить: Желаешь воспользоваться хорошо, а нѣтъ бери деньги свои назадъ, потому что и мнѣ могутъ отрубить башку.

— Я согласенъ—отвѣчалъ Степанъ.

— Да поможетъ-же тебѣ, пророкъ, въ добромъ дѣлѣ.

Молодой князь все передалъ Мануилу, который въ полной увѣренности, что бѣгство состоится безпрепятственно обѣщалъ съ ранняго утра приготовить судно для пріема бѣглецовъ.

Къ несчастію пріѣздъ Степана и его двукратное посѣщеніе тюремнаго начальника не скрылись отъ Өеодорита, который жилъ недалеко отъ Мануила и прослѣдилъ за нимъ. У безсовѣстнаго человѣка появилось подозрѣніе, которое онъ не замедлилъ передать главному начальнику темницы и возбудить въ немъ желаніе подготовиться къ всякаго рода неожиданностямъ.

Не подозрѣвая ничего, Степанъ очень обрадовался, когда узналъ, что судно было нанято и безъ терпѣнія ожидалъ условленнаго времени. Наконецъ насталъ вечеръ. Сердце забилось у него радостью и онъ почти бѣгомъ пустился къ темницѣ, въ которой два почти года томился несчастный Исай съ племянникомъ. „Какое благо, какая радость спасти невинныхъ людей! мечталъ онъ, входя въ дворъ темницы и хватаясь за руки людей, близкихъ его сердцу.

— Бѣгите за мною! вскрикнулъ онъ—бѣгите ради Бога не останавливаясь, иначе мы погибнемъ всѣ.

Андрей и Степанъ волокли за собою дряхлаго Исая, но только что они перешагнули за погоръ тюрьмы раздались крики тюремнаго смотрителя: ловите, ловите бѣглецовъ?

На крики эти медленно собирались сторожа и пока они разузнавали, въ чемъ дѣло, бѣглецы могли бы скрыться изъ вида, еслибъ внезапно не выступили предъ ними изъ-за угла вооруженные люди, которые схватили ихъ и препроводили обратно въ темницу. Въ главѣ ихъ былъ

Θеодоритъ, который съ надменною улыбкою взглянулъ на Степана, дрожавшаго отъ злости.

— Злодѣй, ты теперь я думаю совершенно удовлетворенъ?—сказалъ ему Степанъ.

— Теперь я увѣренъ—отвѣчалъ онъ—что Катя будетъ моею рабынею.

— Врешь, кровопіецъ, твоя подлая рука никогда не прикоснется святаго тѣла.

— Объ этомъ мы поговоримъ въ тотъ часъ, когда палачъ выведетъ тебя на плаху! Сказавъ это, Θеодоритъ возвратился къ начальнику караула и что-то долго не разлучался съ нимъ.

На слѣдующій день въ Константинополь прибылъ султанъ Магометъ, которому передано было, что содержавшіеся въ плѣну Мангупскіе князья, при содѣйствіи одного изъ единовѣрцевъ своихъ, убѣжали изъ темницы безъ сомнѣнія съ цѣлью возвратиться въ Крымъ и захватить свои владѣнія; но къ счастію Кемалъ-бей успѣлъ захватить бѣглецовъ и вновь ввергнуть въ темницу.

— Неужели они не казнены до настоящаго времени? спросилъ султенъ.

— На это не послѣдовало отъ васъ приказанія.

Султанъ началъ припоминать и вдругъ вскрикнулъ:

— А гдѣ дѣвалась дочь этого гяура? Я совсѣмъ забылъ объ этихъ несчастныхъ.

— Она по повелѣнію вашему отправлена была въ гаремъ, гдѣ и находится до настоящаго времени.

— Ну объ ней мы погоримъ послѣ—сказалъ падишахъ главному евнуху. А теперь мнѣ необходимо знать: сознался ли этотъ бей, гдѣ онъ скрылъ свои наслѣдственныя сокровища? Подите и допросите его, но если онъ и племянникъ его не сознаются, предайте ихъ мучительной казни.

— А какъ прикажете поступить съ тѣмъ, который старался освободить ихъ изъ неволи! спросилъ визирь.

— Онъ также долженъ лишиться головы за дерзость противъ моего величества.

Услужливые сановники не замедлили подвергнуть допросу Исая и Андрея, но такъ какъ они отказались отвѣчать на эти вопросы, то визирь возмущенный ихъ

упорствомъ пришелъ въ такую ярость, что своеручно изрубилъ дядю и племянника на мелкіе куски.

— А ты негодяй—обратился онъ къ Степану, взмахнувъ окровавленною саблею—какъ ты осмѣлился явиться въ наше царство съ желаніемъ освободить тѣхъ, кто принадлежалъ великому падишаху.

Степанъ хотѣлъ было отвѣчать, но былъ прерванъ словами Ѳеодорита.

— Это родственникъ мангупскаго бея—сказалъ онъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ мечталъ не только о похищеніи Исая и Андрея, но и дочери перваго, которая находится въ гаремѣ султана. Я въ этомъ положительно убѣжденъ.

— Утѣшься, измѣнникъ и подлецъ—отвѣтилъ молодой человѣкъ, та, о которой ты говоришь, давнымъ давно находится въ Россіи.

— Такъ ты ее похитилъ уже? Слышите эфенди—закричалъ Кемалъ—онъ проникъ въ гаремъ нашего падишана и похитилъ одну изъ любимыхъ одалычекъ султана и вы позволяете ему дышать?

Богоотступникъ выхватилъ изъ за пояса своего кинжалъ и мгновенно всадилъ его въ сердце Степана, успѣвшаго сказать:

— Анаѳема тебѣ и твоему поколѣнію!

Визирь приказалъ выбросить останки несчастныхъ людей на съѣденіе собакъ.

Пока все это происходило въ Константинополѣ, Катя, въ сопровожденіи друга Степана, прибыла къ устью Днѣпра. Отсюда на лодкѣ они отправились въ назначенное имъ селеніе и начали въ постѣ и молитвѣ поджидать общаго друга, но, увы, опредѣленный срокъ истекъ, а онъ не являлся. Грусть и тоска начали пожирать ихъ. Положеніе это было невыносимо и Констанда объявилъ госпожѣ своей, что онъ свезетъ ее въ Москву, а потомъ самъ поѣдетъ въ Константинополь, чтобы разузнать, не случилось ли чего съ Степаномъ.

Совѣтъ этотъ приняла княжна.

И дѣйствительно, какъ только Барбуни удалось устроить положеніе Кати, вручить ей всѣ сокровища родственника ея и окружить добрыми соотечественни-

ками, онъ не теряя ни минуты, пустился въ отдаленный путь и скоро достигъ Константинополя.

Мануилъ-бей подробно передалъ ему обо всемъ.

— Ну ужъ, если мнѣ не суждено было спасти моего господина и друга,—сказалъ онъ, рыдая,—то суждено отомстить убійцѣ и измѣннику. Я не выѣду отсюда пока не умретъ злодѣй отъ моей руки. Тебѣ извѣстно, какимъ оружіемъ былъ убитъ Степанъ?

— Кинжаломъ—отвѣчалъ съ грустью Мануилъ.

— Отъ кинжала и онъ умретъ—проговорилъ вѣрный слуга и началъ просить хозяина посодѣйствовать ему узнать съ точностію врага.

Просьба его исполнена была съ особеннымъ удовольствіемъ.

Два дня спустя на одной изъ многолюдныхъ улицъ Константинополя найденъ былъ трупъ Кемаль-бея, неизвѣстно кѣмъ и за что убитаго.

Только одинъ Мануилъ зналъ, чья рука сразила ненавистнаго злодѣя, къ несчастію оставившаго для мести христіанамъ двухъ малолѣтнихъ сыновей.

Константинъ Барбуни чрезъ мѣсяцъ возвратился къ госпожѣ своей и подавая ей окровавленный кинжалъ разсказалъ все, что постигло ея родныхъ и богоотступника Ѳеодорита.

Княжна бросилась къ образамъ и лишилась чувствъ.

Нѣсколько дней спустя она призвала къ себѣ Констанда, разсказала ему, гдѣ скрыла отцовскія сокровища и, вручая ему большую часть драгоцѣнностей Степана, какъ не нужныя ей, заявила, что поступаетъ навсегда въ монастырь.

— Ты сдѣлаешь очень разумно, госпожа моя—отвѣтилъ со вздохомъ вѣрный слуга. Иди и молись за славныхъ друзей и родныхъ, а я издали буду наблюдать за твоимъ спокойствіемъ—и онъ съ благоговѣніемъ преклонилъ предъ нею колѣно, какъ бы прося благословенія на одинокое существованіе на чужбинѣ.

— Да благословитъ тебя, Господь! сказала княжна, поцѣловавъ его въ лобъ,—не забывай меня горемычную.

Княжна Мангупская, нарѣченная въ иночествѣ Минодорою, умерла въ одномъ изъ Московскихъ монастырей въ званіи простой монахини на 24 году отъ роду. Надъ могилою ея не позаботились даже поставить простой надгробной плиты; но что сталось съ Констанда и воспользовались ли наслѣдники его Мангупскимъ кладомъ— это надо спросить у праправнуковъ его, обитающихъ до настоящаго времени въ Россіи.

КРЫМСКІЙ ХАНЪ

МЕНГЛИ-ГИРЕЙ.

(Историческая картина).

Крымскій ханъ Менгли-гирей.

Могущественный властитель Крымскаго юрта Менгли гирей-ханъ, послѣ возвращенія изъ Адріанополя, куда уведенъ былъ въ качествѣ султанскаго плѣнника, (послѣ сокрушенія генуэзскаго господства въ Крыму) пораженный роскошною обстановкою Меккскаго калифа, захотѣлъ подражать во всемъ своему суверену. Вслѣдствіе чего собраны были къ нему въ Хыркъ-еръ всѣ каменщики, садоводы и архитекторы, которымъ приказано было немедленно приступить къ постройкѣ обширнаго Сераля въ прелестномъ глубокомъ ущельи, находящемся между Хыркъ-еромъ и Хыръ-хыромъ *), развести тѣнистый садъ и оживить все это мѣсто роскошными фонтанами. Главнымъ руководителемъ работъ назначенъ былъ итальянецъ, синьоръ Антоніо, случайно избѣгнувшій участи своихъ соотечественниковъ и укрывшійся въ одной изъ пещеръ на Хыръ-хырѣ. Человѣкъ этотъ хорошо былъ извѣстенъ Менгли-гирею въ Кафѣ, какъ образцовый строитель общественныхъ зданій.

Договаривая его, ханъ прибавилъ:

— Я вполнѣ надѣюсь на тебя, Антоніо, и буду увѣренъ, что дворецъ мой не будетъ хуже султанскаго въ Адріанополѣ.

— Онъ будетъ удобнѣе и роскошнѣе всѣхъ домовъ, видѣнныхъ мною въ Византійской имперіи, если съ вашей стороны не будетъ возраженій.

— Я привезъ достаточно золота и серебра, котораго не пожалѣю для своего удовольствія, отвѣчалъ Менгли, но если его не достанетъ, то султанъ вѣроятно пришлетъ мнѣ еще часть того, что полководецъ его, Кедукъ-Ахметъ, вывезъ изъ моей страны. Въ крайности же я

---

*) Теперешнее расположеніе ханскаго дворца. Хыркъ-еръ, нынѣ деревушка около станціи желѣзной дороги, а Хыръ-хыръ теперешній Чуфутъ-кале.

сдѣлаю набѣги на Польшу и владѣнія Ахъ-бея *) и съумѣю достать все необходимое для довершенія этого дѣла. Я приказалъ уже всѣмъ, состоящимъ у меня на службѣ, исполнять всѣ твои требованія подъ угрозою казни. Требуй тысячи людей на работы, но только спѣши отдѣлать главнѣйшія части постройки, чтобы я могъ удобнѣе помѣститься.

Синьоръ Антоніо поклонился повелителю татаръ и отправился къ казнедаръ-агѣ или министру финансовъ, чтобы сообщить ему подробности своей смѣты.

Оставшись наединѣ, Менгли гирей захлопалъ въ ладоши и приказалъ ввести Афузъ-Биляла, которому нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ поручилъ составить исторію своихъ предковъ. Слуга вышелъ и сейчасъ же возвратился съ пожилымъ татариномъ, въ костюмѣ улема.

Афузъ-Билялъ, прикоснувшись губами къ краю одежды повелителя своего, отодвинулся назадъ и сталъ на корточкахъ у окна.

— Я сегодня охотно послушаю твой *теварикъ* **) сказалъ Менгли-гирей, сидѣвшій съ поджатыми ногами на шелковой софѣ.

Афузъ молча вынулъ изъ за пазухи небольшую тетрадь и началъ чтеніе. Ханъ слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ, не возражая ни единымъ словомъ, пока Билялъ переименовывалъ всѣхъ пророковъ, начиная отъ Ademъ-ата (Адама) до Магомета, но лишь только онъ началъ о Чингизъ-ханѣ гирей вскрикнулъ:

— Читай громче, чтобы каждое твое слово проникло въ стѣны этого дома. Затѣмъ онъ приказалъ Чубукчи-агѣ (начальнику куренія) подать себѣ кальянъ.

Чтецъ выждалъ, пока властелинъ вдохнулъ въ себя ароматную струю душистаго *дюмбека* (дюбека), и продолжалъ:

„Блаженный и величественный Чингизъ-ханъ родился отъ блистательныхъ родителей, безъ сомнѣнія въ годъ льва ***), потому что самъ былъ олицетвореніемъ ха-

---

*) Бѣлаго князя т. е. русскаго царя.

**) Теварикомъ называется исторія.

***) У татаръ каждый изъ 12 лѣтъ имѣетъ свое названіе въ видѣ нашихъ мѣсяцевъ.

рактера и достоинствъ этого славнаго повелителя звѣрей.

— Совершенная правда, замѣтилъ ханъ.

„Всякое слово, выходившее изъ устъ этого великаго хана, продолжалъ Афузъ, дѣйствовало подобно молніи—и не было на землѣ ни одного царя, который не сложилъ бы у ногъ его своего оружія.

— Иначе и не могло быть, потому что онъ, присоединилъ пол-міра къ своимъ владѣніямъ.

„Чингизъ-ханъ былъ великій законодатель. Въ его незабвенныхъ постановленіяхъ прямо сказано, что рано или поздно потомки его должны возвратиться въ ту страну, откуда вышли, въ противномъ случаѣ останутся въ зависимости у другаго народа.

— Мнѣ кажется, что прародитель мой немного ошибся въ этомъ предположеніи—возразилъ ханъ.

Впрочемъ будущее извѣстно одному Аллаху.

Но довольно о немъ. Прочитай-ка мнѣ кое-что о происхожденіи нашемъ и времени занятія Крыма.

„Всѣ мы происходимъ отъ турка 7-го потомка Іафета. Впослѣдствіи, когда родъ нашъ умножился, прадѣды наши вынуждены были разлучиться и забыть другъ друга. Изъ нихъ одна часть направилась изъ Аджема (Персіи) къ берегамъ Чернаго моря, а остальные подались къ С.В. степямъ, представляющимъ превосходныя пастбища для стадъ.

Какъ одни, такъ и другіе, вслѣдствіе различныхъ причинъ, начали измѣнять свои наслѣдственныя свойства и именоваться отличительными именами: одни назвали себя Аланами отъ слова *аланъ* т. е. все побѣждающими или захватывающими; другіе каманами отъ слова *хама* т. е. кинжалъ, который носили за поясомъ; третьи казарами отъ слова *хазмакъ* т. е. обрабатывать землю; четвертые Ногаями отъ имени начальника племени; пятые Кытаями отъ слова *хыть-тай* или трудно-управляемыми жеребятами; шестые Варягами или обладающими масломъ и т. п. Съ теченіемъ вѣковъ послѣдовали въ нихъ не только измѣненія въ одеждѣ и привычкахъ, но даже и въ нарѣчіи. Измѣненія эти безъ сомнѣнія раздѣлили бы насъ навсегда, еслибъ Аллахъ не пос-

лалъ на землю такого богатыря какъ Чингизъ-ханъ, который обошелъ ихъ всѣхъ и снова соединилъ въ одно стадо.

— Прекрасно сказано—замѣтилъ Менгли-гирей и приказалъ перейти къ той эпохѣ, когда праотцы его перешли чрезъ рѣки: Уръ-алъ и Элекъ *).

„Прадѣды наши всего болѣе просвѣтились — продолжалъ Афузъ — съ того момента, какъ соединились съ соотечественниками своими Юхарами, которые назывались этимъ именемъ отъ слова *юхары*, т. е. живущихъ выше. Перенявъ отъ нихъ грамоту и слившись съ одноплеменниками своими Хыргизами, именовавшимися этимъ именемъ отъ мѣстности Хыръ-егизъ, что означало горы-близнецы, они узнали чрезъ посредство послѣднихъ, что къ западу находятся великiя пространства земли, въ распоряженiи казаковъ или людей бѣды **), которыхъ не трудно сдѣлать рабами своими.

Мудрый Чингизъ-ханъ, желавшiй сдѣлаться единымъ ханомъ на всей землѣ, такъ какъ Богъ единъ на небѣ, къ несчастiю не успѣлъ достигнуть этой славной мысли по причинѣ старости; но желая, чтобы наслѣдники его престола преслѣдовали ее, написалъ своеручно въ наказѣ своемъ Цагадзынъ-бичикѣ, что ногаи должны покорить всю землю и не заключать мира ни съ кѣмъ раньше полной побѣды.

На основанiи этого наказа войска Чингиза двинулись на земли казаковъ—и Чучiю предопредѣлено было разбить ихъ на Халкѣ въ 572 году отъ Эджиры.

Но такъ какъ побѣда эта не легко досталась ногаямъ и свидѣтельствовала, что съ казаками не легко управиться безъ громадныхъ силъ, Чучiй рѣшилъ отложить дальнѣйшiе завоевательные планы и вновь переправился за Уръ-алъ. При этомъ, не желая стѣснять себя тѣми изъ побѣжденныхъ племенъ, которыя слѣдовали за нимъ, въ качествѣ авангарда или первыхъ жертвъ войны, онъ предоставилъ татарскимъ и цыганскимъ племенамъ ***) остаться, гдѣ они пожелаютъ. Куда же имъ

---

*) *Уръ* значитъ: бей, а *алъ*: бери. Элекъ въ переводѣ Сито.
**) Хаза или Каза въ переводѣ бѣда.
***) Послѣднiя безъ сомнѣнiя захвачены были въ Индiи.

приходилось идти, какъ не въ ту страну, въ которой царствуешь теперь ты? И вотъ татаре подъ управленіемъ своихъ старѣйшинъ или пяти бековъ (силачей), извѣстныхъ нынѣ намъ подъ названіемъ пяти оджаковъ, въ сопровожденіи цыганъ, вступили въ Крымъ и заняли тѣ мѣстности, которыя не трудно было покорить именемъ хана.

Чрезъ 22 года мудрый ханъ Ахъ-тай (бѣлый жеребенокъ), не забывавшій завѣщанія Чингизъ-хана, приказалъ племяннику своему Чора-Батыю собрать все его войско и вновь пройти землю казаковъ. Приказаніе его было исполнено и съ этого времени вся земля Ахъ-бея и страны, прилегающія къ Кара-денизу (Черному морю), сдѣлались собственностію нашего народа.

— Въ такомъ случаѣ и Кавказъ долженъ принадлежать нашему роду—сказалъ Менгли.

— Да, Кавказъ также былъ завоеванъ твоими предками, но такъ какъ имъ не удобно было слѣдить за этою страною, то жители, пользуясь неурядицами въ Алтынъ ордѣ, отложились отъ насъ. Само названіе этой страны Хав-Хазъ (т. е. выкапывай губку) свидѣтельствуетъ это.

— Я вновь заставлю ихъ признать мою власть, но мнѣ предварительно надобно раздѣлаться съ этимъ подлымъ Эминекомъ, который засѣлъ въ Хыръ-хырѣ и надѣется царствовать въ Крыму.

— Да, этотъ человѣкъ очень мѣшаетъ намъ. Я положительно убѣжденъ, что ему сочувствуетъ третья часть жителей твоего ханства. Конечно, воевать съ тобою онъ не осмѣлится, но и противъ него никто не подыметъ руки.

— Бездѣльникъ, онъ успѣлъ въ теченіи того времени, пока я находился у султана, расположить къ себѣ народъ мой; но я съумѣю теперь обойтиться и безъ его помощи. Я написалъ уже калифу и надѣюсь, что онъ отдастъ въ мое распоряженіе Кезлевскій или Инкерманскій гарнизонъ для захвата этого бунтовщика.

— Ты поступишь очень хорошо, если обойдешься безъ насъ. Ни беки, ни народъ до настоящаго времени не увѣрены въ томъ, что ты будешь полновластнымъ гос-

подиномъ въ Крыму. Имъ кажется, что ты отпущенъ султаномъ на родину безъ всякихъ правъ.

— Я понялъ это, не смотря на то, что меня встрѣчали въ Гезлевѣ, какъ хана — отвѣчалъ Менгли гирей. Но всѣ эти заблужденія быстро исчезнутъ, какъ только турецкое войско станетъ исполнять мои приказанія. Вотъ что еще я хочу поручить тебѣ, Билялъ. Не знаешь ли такого человѣка, который могъ бы пробраться на Хыръхыръ, не испрашивая на это позволенія Эминека и преданныхъ ему лицъ?

— И который владѣлъ бы хорошо кинжаломъ? добавилъ исторіографъ.

— Ты угадалъ мою мысль. Признаться мнѣ не особенно хочется отдавать себя въ полную зависимость султанскихъ визирей, которымъ придется за всякое пустое одолженіе посылать цѣнные подарки. Эхъ, какое несчастіе принесли нашему роду эти дженевезы и бунтовщики!

— Да; не случись этой разладицы, турки, не явились бы къ намъ.

— И не присвоилъ бы себѣ верховныхъ правъ этотъ ничтожный Эминекъ.

— Съ Эминекомъ ты легко раздѣлаешься, свѣтлѣйшій ханъ, но отъ турковъ никогда. Я положительно убѣжденъ, что они будутъ нашими судьями и повелителями.

— Ну, ужъ этого я ни въ какомъ случаѣ не допущу. Довольно и того, что татаре будутъ молиться о калифѣ, содѣйствовать ему въ битвахъ и слушать тѣхъ хановъ, которые будутъ назначаться имъ изъ рода Чингизъ-хана.

— Это значитъ, что будутъ царствовать надъ нами не тѣ, которымъ слѣдуетъ по законамъ, а которые съумѣютъ добиться расположенности визирей.

Менгли гирей вмѣсто того, чтобы отвѣчать на предположеніе Биляла, повторилъ первый вопросъ свой.

— У меня есть племянникъ—сказалъ Афузъ — который не напрасно слыветъ въ народѣ за дели-баша *), но я не знаю навѣрно, въ какихъ отношеніяхъ онъ на-

*) Бѣшенная голова.

ходится къ Эминеку и партіи его. Если ты желаешь, я пришлю его къ твоему порогу.

— А чѣмъ онъ болѣе всего интересуется?

— Мнѣ кажется онъ помѣшанъ на хорошихъ лошадяхъ и хорошемъ оружіи.

— Я охотно предоставлю ему одно и другое, если онъ будетъ вѣрно служить мнѣ. Объяви ты ему это.

Афузъ, пожелавъ тысячелѣтія повелителю своему, быстрыми шагами вышелъ и направился къ мечети, у дверей которой сидѣли почтеннѣйшіе граждане Хыркъ-ера въ ожиданіи изана или призыва на молитву. Воздавъ имъ подобающее почтеніе, Афузъ занялъ скромное мѣсто.

— Не отъ хана ли ты идешь? спросилъ его духовникъ,—что новаго, какъ идутъ дѣла ханства?

— Все обстоитъ благополучно, Гафаръ-мулла,—отвѣчалъ Билялъ—и не будь между нами партіи Эминека, мы навѣрно зажили бы новою жизнію. Нашъ ханъ за трехлѣтнее пребываніе въ Адріанополѣ такъ просвѣтился, что съумѣетъ теперь показать міру нашу силу и способности прадѣдовъ.

— Да, пора намъ проснуться—вмѣшался молодой Булатъ-бекъ—наши подданные Левка (поляки) и Московы, пользуясь неурядицами въ Ордѣ, совершенно забыли своихъ господъ и настолько окрѣпли, что пожалуй подымутъ оружіе, если мы потребуемъ ясакъ.

— А съ кѣмъ бы ты охотнѣе пошелъ на гяуровъ—спросилъ мулла—съ Эминекомъ или Менгли-гиреемъ?

— Мнѣ кажется, что ханъ нашъ не особенно расположенъ къ джигитству, а Эминекъ-беку это очень нравится.

— Такъ ты за Эминека? спросилъ Билялъ.

— Я, братъ, не люблю вмѣшиваться въ чужія дѣла и ни за кого не подставлю шеи моей подъ саблю. Кто изъ нихъ сдѣлается ханомъ, тотъ и будетъ повелителемъ моимъ,—но скажу откровенно, что Эминекъ мнѣ кажется молодцомъ въ полномъ смыслѣ слова. Еслибъ я былъ на мѣстѣ Менгли-гирея, я употребилъ бы всѣ усилія примириться съ нимъ и сдѣлалъ бы его туманъбаши или главнымъ начальникомъ арміи. Онъ, навѣрно, заткнулъ бы за поясъ и Бату-хана и Темиръ-Аксака.

Эхъ, какъ бы мнѣ хотѣлось теперь переплыть Узу-Свавъ (Днѣпръ) или погулять въ степяхъ Бутаклы и Барабашъ-хазаковъ *)! Какъ бы хотѣлось вновь послать юзъ-башіевъ (сотниковъ) кличъ-кликать и заставить всѣ оджаки разносить по воздуху пріятный запахъ отъ жарившихся для похода чорековъ **). Люблю я жизнь джигита въ степи! И дѣйствительно, что можетъ быть пріятнѣе, когда бурку обратишь въ шалашъ, а сѣдло въ подушку и станешь свободно дышать ночною прохладою. Что ты скажешь на это мулла?

Я отвѣчу старою пословицею: всякая кошка ловитъ мышь для себя. Если тебѣ нравится лѣто и буйная жизнь, то меня прельщаетъ зима, когда день проходитъ какъ часъ, а ночь предоставляетъ продолжительный кейфъ. Сказавъ это, имамъ поднялся съ мѣста и приказалъ муэзину прокричать изанъ.

Билялъ до входа въ мечеть подошелъ къ отважному Булатъ-беку и предложилъ ему откушать у него чёреки, которые жена его приготовляетъ лучше другихъ.

— Хорошо приду, я давно собирался къ тебѣ на *лафы* (разговоры). Теперь такое время, когда намъ чаще надо собираться. Нашъ блистательный ханъ послѣ гощенія у султана, повидимому сильно возгордился и забылъ о старыхъ друзьяхъ.

Вечеромъ въ условное время къ афузъ-Билялу явился ожидаемый гость и съ жадностью волка истребилъ громадную миску квадратныхъ лепешекъ, пропитанныхъ курдючнымъ саломъ.

— Да послужитъ во благо душамъ умершихъ твое гостепріимство—сказалъ, рыгнувъ, Булатъ-бекъ. Право ты напомнилъ мнѣ одинокому въ мірѣ лучшіе дни изъ прошлаго. Неужели я не дождусь того что было? Бѣдные дженевезы, я никогда не забуду ихъ блистательнаго положенія въ Кафѣ и тѣхъ одолженій, которыя они оказывали намъ. У нихъ я всѣмъ пользовался; но развѣ только я одинъ? Съ гибелью ихъ точно наше царство покрылось туманомъ и гирей кажется лишнимъ. Одно

*) Запорожская и Малороссійская степи.
**) Кусочки тѣста, жареннаго на овечьемъ салѣ.

остается намъ начать набѣги и не имѣть никакихъ сношенiй съ турками.

— Я полагаю, что Менгли-гирей не долго будетъ оставаться пассивнымъ зрителемъ и пожелаетъ возстановить славу предковъ своихъ, но ему предварительно хочется сдѣлаться полнымъ хозяиномъ въ домѣ своемъ.

— Ему мѣшаетъ Эминекъ-бей.

— Кромѣ этого онъ не хорошо еще увѣренъ въ отношенiяхъ своихъ къ султану—прибавилъ Билялъ. Впрочемъ, судя по словамъ хана, все это скоро должно покончиться.

— А съ Эминекомъ какъ онъ думаетъ раздѣлаться? Я полагаю, что послѣдняго не легко будетъ захватить, такъ какъ онъ обладаетъ нѣсколькими пушками, привезенными изъ Чимбалы, да и при томъ въ крайности никто не станетъ обнажать сабли противъ того, который, въ теченiи трехъ лѣтъ, замѣнялъ имъ повелителя.

— Султанъ не потерпитъ его упорства и навѣрно къ Хыръ-хыру подвезутся большiя орудiя, которыя заставятъ его вылѣзть изъ норы своей. Но ханъ боится, что это дастъ туркамъ поводъ вмѣшиваться въ наши домашнiя дѣла и, конечно, злоупотреблять своими правами: ему хотѣлось бы какъ-нибудь покончить это дѣло безъ сторонняго вмѣшательства.

— Понимаю, ему хотѣлось бы поступить и съ нимъ такъ, какъ *съ* братьями своими, но къ несчастiю теперь не существуютъ его могущественные друзья, которымъ онъ покровительствовалъ и въ то же время завидовалъ. Говоря по чести мусульманина, Менгли гирей самый неблагодарный и безсовѣстный человѣкъ: онъ былъ тайною пружиною гибели дженевезовъ, а теперь мечтаетъ избавиться и отъ господства тѣхъ, которые сдѣлали его полновластнымъ господиномъ нашимъ. Объ этомъ не я одинъ говорю, а весь народъ... Долго же ему придется трудиться, пока мнѣнiе это измѣнится.

— Я думаю, что послѣ же перваго удачнаго похода всѣ станутъ поклоняться ему, какъ мудрѣйшему и великому падишаху.

— Мнѣ кажется, Билялъ-эфенди, ты какъ то особенно очарованъ ханомъ.

— Эхъ, Булатъ-бей, по правдѣ сказать такiе люди,

какъ мы съ тобою, не должны враждовать противъ царствующихъ особъ. Вѣдь мы никогда не будемъ въ состояніи заставить ихъ подчиняться нашимъ желаніямъ, а они всегда будутъ властны задавить или уничтожить насъ. Въ такомъ случаѣ не лучше ли служить имъ, пока они въ силѣ и правѣ вознаградить насъ, а затѣмъ, если эта власть перейдетъ къ другому, то также вести себя и въ отношеніи другаго. Развѣ не такъ дѣлаютъ и наши рабы, которые ненавидятъ насъ въ душѣ, а между тѣмъ, въ надеждѣ на благодарность, готовы по первому приказанію нашему повѣсить собственныхъ дѣтей своихъ. Вотъ напримѣръ, я пишу теперь исторію нашего народа и хановъ по приказанію Менглія, который, увидѣвъ, подобный теварикъ у турецкаго султана, пожелалъ имѣть его и у себя. Я никогда не занимался такими пустяками и никогда не позволилъ бы себѣ переворачивать въ могилѣ костей давно умершихъ прародителей нашихъ, но въ надеждѣ сблизиться съ ханомъ и заслужить его вниманіе, охотно вынулъ изъ за пояса чернильницу и занялся этимъ дѣломъ.

— Ну, а я напримѣръ—спросилъ Булатъ-бей—чѣмъ бы могъ служить этому коварному властителю, чтобы пользоваться его милостями?

— Такіе отважные люди, какъ ты всегда будутъ имѣть много выгодныхъ порученій. Я почти увѣренъ, что ты можешь сдѣлаться у Менгли-гирея правою рукою и повелѣвать ханствомъ.

Булатъ-бекъ задумался. Его одинокая жизнь, послѣ изгнанія генуэзцевъ изъ Кафы и потеря всего имущества, захваченнаго турецкими солдатами, сдѣлали его скитальцемъ по городамъ и улусамъ. За нѣсколько времени до появленія въ Крымъ Менгли-гирея, онъ сошелся было съ Эминекъ-бекомъ и надѣялся получить каймаканство, но теперь этого нельзя было ожидать. Это и было важнѣйшею причиною негодованія его противъ новаго хана.

Хитрый Афузъ смекнулъ, что его не трудно будетъ сдѣлать преданнымъ рабомъ гирея, если пообѣщать какія-нибудь выгоды въ будущемъ. Приказавъ подать кувшинъ пьяной бузы, исторіографъ такъ мастерски повелъ

рѣчь, что Булату показалось чрезвычайно выгоднымъ перейти на службу къ новому повелителю Крымскаго ханства.

— Хорошо — отвѣчалъ онъ — я попробую послужить у него, если меня пригласятъ. Но если мы не сойдемся характерами, то я выѣду къ заволожскому шахъ-Ахмету, который навѣрно приметъ меня съ распростертыми объятіями. Съ этими словами Булатъ простился съ Афузомъ.

Афузъ-Билялъ, выпроводивъ гостя, сейчасъ же послалъ за племянникомъ своимъ Джеляломъ, слывшимъ въ округѣ за такого же отважнаго и буйнаго джигита, какимъ считался и Булатъ-бей.

— Сынъ мой—обратился къ нему Афузъ—я пригласилъ тебя, чтобы спросить: кто могущественнѣе всѣхъ на небѣ и кто господствуетъ на землѣ?

— Неужели дядя, ты самъ, не знаешь этого?

— Мое знаніе не принесетъ тебѣ пользы, а я задумалъ выдвинуть тебя впередъ и сдѣлать помощникомъ хана. Убѣжденъ ли ты, подобно мнѣ, что Менгли-гирей восторжествуетъ надъ врагомъ своимъ и сдѣлается первымъ знаменитымъ падишахомъ Крымскаго юрта и окрестныхъ народовъ?

— Я убѣжденъ, что всѣхъ могущественнѣе есть Аллахъ на небѣ и что онъ одинъ можетъ назначить намъ повелителя. Что же касается Менгли-гирея, мнѣ кажется онъ не достигнетъ того, чтобы властвовать надъ нами. Если Эминекъ-бей не предпринимаетъ ничего рѣшительнаго, то это происходитъ во первыхъ оттого, что онъ послалъ къ турецкому султану своего повѣреннаго съ ходатайствомъ представить ему ханство безъ кровопролитія, и наконецъ оттого, что ему пришлось бы вооружить турецкихъ пашей противъ себя, которымъ дано знать, что султанъ Мегметъ допустилъ Менглія до занимаемаго имъ раньше престола. Но, если султанъ теперь узнаетъ, что Менгли есть самый меньшой изъ всѣхъ наслѣдниковъ ханскаго престола, что онъ по законамъ нашимъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ царствовать, до тѣхъ поръ пока существуютъ старшіе члены семьи, и что онъ достигъ этого неслыханнымъ насиліемъ надъ братьями при помощи гяуровъ дженевезовъ, то

нѣтъ сомнѣнія, что Менгли, какъ узурпаторъ и законоотступникъ, будетъ обезглавленъ.

— Эминекъ-бей, вѣроятно все, это подробно описалъ Мегметъ султану — сказалъ афузъ — но едвали Калифъ повѣритъ ему.

— Письмо его засвидѣтельствовано болѣе чѣмъ сотнею подписей самыхъ почтеннѣйшихъ начальниковъ родовъ.

— Повторяю тебѣ, сынъ мой, что это ходатайство ни къ чему не послужитъ. Менгли-гирей въ теченіи трехъ-лѣтняго пребыванія съ султаномъ заслужилъ престолъ отца не по праву наслѣдія, а по личному благоволенію къ нему завоевателя Крыма. Ты повидимому увлеченъ его партіею, но я, смотрѣвшій на дѣло безъ пристрастія и знающій навѣрно, что Менгли-гирея никакая сила не сдвинетъ съ мѣста, совѣтую тебѣ теперь же отстать отъ друзей твоихъ и, подобно Булатъ-бею, перейти на службу къ хану въ то время, когда я пользуюсь возможностію попросить за тебя.

— Ты сказалъ за Булатъ-бея, неужели онъ измѣнилъ Эминеку?

— Онъ сознал, что лучше теперь быть сытымъ и повелѣвающимъ, чѣмъ голодать, въ надеждѣ на сомнительную будущность.

Джелялъ задумался.

— Думай, думай, сынъ мой, но помни, что ты единственный мой наслѣдникъ, которому я ни въ какомъ случаѣ не могу желать зла.

— Я знаю это; но мнѣ кажется, что ты ошибаешься и если я перейду къ Менгли-гирею, то лишусь очень многаго.

— А такъ какъ Эминекъ погибнетъ, то ты ничего не лишишься.

— Нѣтъ, дядя, я не могу тебѣ въ настоящее время отвѣтить. Дай мнѣ три дня сроку хорошенько обдумать.

— Самый большій срокъ я могу предоставить тебѣ до завтрашняго дня. Если къ этому времени ты не послѣдуешь моему совѣту, то я запрещаю тебѣ именоваться моимъ родственникомъ и всѣ стада мои достанутся по завѣщанію племянникамъ жены моей.

Теперь ты можешь возвратиться въ хату свою и подумать, на которой сторонѣ выгоднѣе тебѣ быть.

Сказавъ это, Билялъ приказалъ женѣ своей подать ему подушку и легъ спать предъ пылающимъ очагомъ.

Джелялъ долго сидѣлъ безъ движенія, но потомъ поднялся и тихо вышелъ.

II.

Чтобы ознакомить читателей съ предшествовавшими событіями въ Крыму, намъ приходится возвратиться назадъ и именно къ тому времени, когда Менгли-гирей ханъ, въ качествѣ плѣнника представленъ былъ предъ свѣтлыя очи великаго завоевателя султана Магомета *). Калифъ, считавшій всѣхъ монгольскихъ хановъ за крайнихъ невѣждъ-номадовъ, долго не интересовался видѣть и Крымскаго владыку. Относительно его владѣній онъ также имѣлъ не ясное понятіе и полагалъ, что достаточно будетъ держать въ пограничныхъ пунктахъ небольшіе гарнизоны, а внутри страны кадіевъ, чтобы сдерживать въ покорности и зависимости его Ногайцевъ. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Томясь тоскою, Менгли-гирей сосредоточилъ все вниманіе на изученіи характера и дѣйствій калифа съ тѣмъ, чтобы при случаѣ расположить его въ свою пользу. Какими онъ руководствовался для этого данными, мы не знаемъ, но вотъ главнѣйшія историческія свѣдѣнія объ этой личности, завѣщанныя намъ греками со дня перехода его въ Византійскую имперію:

„Султанъ-Магометъ, по восшествіи на греческій престолъ, желая вознаградить войска свои за храбрость, предоставилъ имъ полную свободу воспользоваться имуществомъ порабощенныхъ христіанъ. Какъ поступили съ несчастными иновѣрцами его войска—этого невозможно передать словами. Пока насиліе и грабежъ былъ въ разгарѣ, Калифъ на 5-ый день пребыванія въ Константинополѣ лично изъявилъ желаніе осмотрѣть Галату. При этомъ осмотрѣ приказано было сдѣлать опись имуществу,

---

*) Европейцы ошибочно называютъ этого султана именемъ Аравійскаго-пророка, которое по убѣжденіямъ мусульманъ не достоинъ носить ни одинъ смертный.

всѣмъ бѣжавшимъ и поголовную перепись всѣмъ оставшимся въ этой части столицы жителямъ и уничтожить ограду со стороны материка, чтобы лишить ихъ возможности сопротивляться его власти. При переписи оказалось, что ушло изъ Галаты пять тысячъ семействъ. Потерять такое число рабовъ показалось султану невыгоднымъ и онъ употребилъ всевозможныя хитрости, чтобы возвратить бѣглецовъ *) въ опустѣвшіе кварталы. Покончивъ съ этимъ, Калифъ назначилъ главнымъ начальникомъ въ Константинополѣ раба своего Сулеймана, которому поручилъ, безотлагательно ремонтировать всѣ стѣны столицы, а великолѣпную церковь св. Софіи обратить въ мечеть. Послѣ чего султанъ порѣшилъ переѣхать въ Адріанополь, который по его мнѣнію казался болѣе удобнымъ для резиденціи верховной власти. Для исполненія этого желанія избраны были нарочные послы, съ которыми отправлены самыя красивѣйшія изъ женъ и дочерей, отобранныя отъ порабощенныхъ гражданъ для сформированія гарема.

18 іюня Магометъ II, получивъ извѣстіе, что все приготовлено къ пріему его, немедленно выѣхалъ изъ Константинополя, оставивъ жителей его на жертву установленнымъ властямъ. По прибытіи въ Адріанополь, гдѣ его раболѣпно вынуждены были принять граждане съ цѣнными подарками, султанъ согласился принять всѣхъ явившихся съ привѣтствіемъ посланниковъ отъ ближайшихъ земель и вассаловъ бывшей греческой имперіи.

— Вашихъ доброжелательствъ недостаточно мнѣ — отвѣчалъ имъ угрюмымъ голосомъ султанъ — я не вѣрю словамъ невѣрныхъ. Затѣмъ онъ потребовалъ отъ представителя Сербіи платить ежегодно въ казну его 12 т. червонцевъ, отъ Пелопонежскаго 10 т., отъ Хіоскаго 6 т., Трапезондскаго 3. т., а отъ всѣхъ остальныхъ поголовную дань.

Мѣсяцъ спустя этому алчному завоевателю показалось, что онъ чрезвычайно снисходительно поступалъ съ первыми четырьмя представителями сосѣднихъ народовъ, вслѣдствіе чего онъ послалъ нарочнаго объявить серб-

---

*) Хитрости эти описаны нами въ 1-ой книгѣ журнала „Югъ“ за 1882 г.

скому деспоту, что земля, которою онъ владѣетъ, не составляетъ его наслѣдственной собственности, а потому онъ долженъ убраться изъ нея добровольно. Посланному приказано было, подъ угрозою смертной казни, привезти отвѣтъ въ теченіи 25 дней; но требованіе это не могло быть исполнено въ срокъ по отсутствіи палатина. Султанъ въ предположеніи, что посолъ измѣнилъ ему, намедленно выступилъ въ походъ и покончилъ это движеніе страшнымъ грабежомъ и полономъ мирныхъ жителей. При дѣлежѣ послѣднихъ на долю султана досталось около 4 т. семействъ. Возвратившись въ Адріанополь, Магометъ отдалъ приказаніе построить ему въ центрѣ Константинополя роскошный сераль изъ матеріаловъ церквей и монастырей. Пока онъ былъ занятъ этою мыслію, явились къ нему посланники съ о. Родоса съ просьбою войти въ обоюдное коммерческое сношеніе.—Ваша просьба будетъ уважена только тогда—отвѣчалъ султанъ—когда жители Родоса признаютъ меня своимъ верховнымъ повелителемъ и будутъ исправно выплачивать поголовную подать.

Смущенные посланники перешли съ ходатайствомъ къ визирямъ, но и они отвѣчали, что калифъ, какъ властитель трехъ морей, не можетъ считать островитянъ этихъ морей самостоятельными и что если они добровольно не исполнятъ требуемаго падишахомъ, то рискуютъ жизнію и свободою. Пораженные такою наглостію, посланники, чтобы избавиться отъ темницы, рѣшились просить султана послать съ ними уполномоченнаго для переговоровъ съ намѣстникомъ ихъ острова. Магометъ согласился, но посланный его возвратился съ отвѣтомъ, что правитель Родоса, считая себя только слугою римскаго папы не въ правѣ пускаться въ такого рода сужденія. Этого было достаточно, чтобы султанъ направилъ къ Родосу эскадру съ приказаніемъ завоевать островъ и съ жителями его поступить, какъ съ бунтовщиками.

Годъ спустя калифъ видя, что жители архипелагскихъ острововъ не думаютъ добровольно признать его власть, приказалъ снарядить новую экспедицію изъ 150 судовъ подъ начальствомъ Эмиръ-Алія и Хамзы съ приказа-

ніемъ привести ихъ въ должное повиновсніс. Экспедиція эта прежде всего прибыла къ о. Митилино, гдѣ, встрѣтивъ безусловное раболѣпство и многочисленныя приношенія съ съѣстными припасыми для десантныхъ войскъ, направилась къ о. Хіо, считавшемуся въ то время самымъ лучшимъ по производительности. Расположившись внѣ пушечнаго выстрѣла, флотоводцы ожидали, что и здѣсь встрѣтятъ такой же пріемъ отъ жителей, но ошибившись въ расчетахъ, заняли позицію противъ церкви св. Исидора и придумали заявить требованіе на какой—то долгъ частному лицу въ Константинополѣ. Островитяне отказались отъ всякихъ долговъ, вслѣдствіе чего Хамза высадилъ на берегъ десантъ и началъ безпощадно истреблять сады и огороды, послѣ чего двинулся къ городу, но увидѣвъ, что онъ хорошо укрѣпленъ и жители взялись за оружіе, вызвалъ депутатовъ для миролюбивыхъ переговоровъ и, приказавъ заковать ихъ въ цѣпи, оставилъ островъ Хіо съ тѣмъ, чтобы вновь собрать дань съ жителей Родоса и на обратномъ пути довершить начатое. На этотъ разъ оказалось, что Родосъ охранялся многими вооруженными судами. Турки заскрежетали зубами и съ остервенѣніемъ бросились на о. Ко, но и на послѣднемъ потерпѣли неудачу. Явившись вновь къ Хіотамъ, они отпустили ихъ повѣренныхъ въ надеждѣ, что этими мѣрами расположатъ къ себѣ не желавшихъ подчиниться угрозамъ. Хіосцы приняли враговъ недовѣрчиво, но оказали имъ должное гостепріимство. Сначала все шло хорошо, но потомъ, когда турки напились пьяными и начали безумствовать, затѣялась драка, недешево обошедшаяся зачинщикамъ. Турки вынуждены были бѣжать на корабли, но и при этомъ частица ихъ не избѣгла смерти, потому что барказъ, излишне переполненный бѣглецами, опрокинулся. Послѣ всего этого Хамза возвратился въ Константинополь въ предположеніи, что султанъ приметъ въ расчетъ его оправданія и снарядитъ другую эскадру противъ непокорныхъ грековъ и итальянцевъ, но лишь только онъ намекнулъ о неудачахъ, султанъ схватился за бороду и закричалъ:

— О, негодный слуга, я приказалъ бы содрать съ

тебя кожу, еслибъ не любилъ твоего отца! Отнынѣ ты будешь самымъ презрѣннымъ рабомъ моимъ и никогда не получишь доли въ военной добычѣ. Ты допустилъ, чтобы презрѣнные гяуры насмѣялись надъ братьями твоими правовѣрными, зная, что я не прощу такой оплошности никому. О, вскрикнулъ онъ—клянусь именемъ Аллаха, что хіосцы всегда будутъ ненавистны мнѣ и что я не засну спокойно до того времени, пока не истреблю ихъ.

Нѣсколько времени спустя султанъ, добившись уступки о. Фасо и двойной дани отъ владѣтеля Лезвіи, вновь снарядилъ флотилію противъ жителей Хіо. На этотъ разъ турки проникнувъ въ главный городъ острова и ограбивъ гражданъ, захватили многихъ изъ нихъ въплѣнъ, которыхъ и доставили въ Константинополь, гдѣ они проданы были въ рабство. Султанъ недоволенъ былъ и этимъ, вслѣдствіе чего суда его должны были вновь направиться къ несчастному острову и обложить его ежегодною данью въ размѣрѣ 10 т. червонцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ калифъ присоединилъ въ владѣніямъ своимъ о. Лимно и задумалъ сдѣлать тоже самое и съ Лезвіею, но потерпѣвъ погромъ и будучи самъ раненъ, съ трудомъ убѣжалъ съ остатками своей арміи. Такая неожиданность сильно повліяла на горделиваго завоевателя и заставила папу Калиста II выслать болѣе десяти хорошо вооруженныхъ судовъ къ островамъ Хіо, Лезво, Лимно, Имбро, Самофраки и Тассо съ приказаніемъ, чтобы жители немедленно приступили къ устройству крѣпостей и приготовились отбиваться отъ невѣрныхъ огнемъ и мечемъ. Султанъ, занятый въ это время войною на материкѣ, не обращалъ вниманія на творившееся на водѣ, но лишь только освободился отъ предпріятія своего, немедленно выслалъ флотилію для покоренія Пелопонежскихъ островов, которой въ непродолжительное время удалось успѣть въ этомъ и возвратиться съ безчисленными богатствами, Эта удача настолько утѣшила ненасытнаго повелителя, что онъ противъ обыкновенія провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Константинополѣ и приказалъ построить громаднѣйшій боевой корабль противъ гяуровъ, который назвалъ „Безистаномъ.“

Въ послѣдующій же затѣмъ годъ потребовалъ выстроить еще 10 большихъ и 200 малыхъ судовъ. Изумленныя такимъ числомъ морскихъ силъ близкія къ султану лица начали спрашивать его: куда онъ намѣренъ отправить эти суда? Султанъ, окинувъ грознымъ взглядомъ любопытныхъ, отвѣтилъ:

— Еслибъ одна волосинка въ бородѣ моей открыла мои намѣренія, то я сочелъ бы священною обязанностію вырвать ее и сжечь въ огнѣ.

Этимъ онъ выразилъ полное недовѣріе ко всѣмъ безъ исключенія сановникамъ царства и хотѣлъ доказать имъ, что можетъ обойтись безъ ихъ содѣйствія.

Когда всѣ эти суда готовы были къ отплытію, Магометъ, принявъ надъ ними главную команду, выступилъ въ Мраморное море и, направившись къ азіатскимъ берегамъ, въ непродолжительное время овладѣлъ Бруссою, а потомъ Синопомъ. Недовольствуясь этимъ, онъ проникъ въ великую Арменію и заставилъ царя Давида подъ угрозою смертной казни съ семействомъ, уступить ему большую часть своихъ владѣній и только послѣ всего этого возвратился въ Андріанополь.

Въ 1462 году Калифъ послалъ къ Валахскому господарю, чтобы онъ выслалъ ему кромѣ установленнаго гарача 500 юношей и самъ явился на поклонъ. Воевода отвѣчалъ послу, что гарачъ будетъ уплаченъ сполна, но остальныя требованія султана не могутъ быть исполнены. Когда сообщили объ этомъ отвѣтѣ падишаху, онъ направилъ вторичныхъ пословъ съ приказаніемъ немедленно взыскать гарачъ и объявить дерзкому господарю, что онъ не замедлитъ самъ придти къ нему въ гости. Изъ этихъ словъ не трудно было понять, чѣмъ грозилъ ему варваръ, вслѣдствіе чего воевода приказалъ казнить пословъ и началъ подготовляться къ встрѣчѣ враговъ, но не видя ихъ, перешелъ въ турецкія владѣнія и, уничтоживъ всѣ попавшіеся ему мусульманскіе отряды, возвратился обратно въ ожиданіи самого султана. Когда извѣстили о случившемся калифа, онъ приказалъ немедленно созвать 150 т. армію и ставъ въ главѣ ея, переправился за Дунай. Пока совершалось это передвиженіе Валахцы всѣ безъ исключенія покинули тѣ мѣста,

по которымъ должны были проходить турки и удалились на сѣверныя окрайны своихъ земель. Воевода же съ массою войскъ занялъ недоступную и скрытую позицію съ цѣлью напасть на врага въ расплохъ. Турки ужасно изумились, когда очутились въ опустѣвшей странѣ, но въ предположеніи нагнать бѣглецовъ ускорили движеніе свое. Наконецъ утомленные должны были расположиться на отдыхъ. Валахцы не выпускали ихъ изъ вида и, пользуясь этою благопріятною случайностію, внезапно набросились на безпечно спящихъ турковъ и нанесли имъ такое полное пораженіе, что султанъ не осмѣлился думать о дальнѣйшемъ походѣ и вынужденъ былъ возвратиться домой.

Въ 1463 году, султанъ снова предпринялъ походъ противъ острововъ Лезво и Метилино, и Николая Гателуцо, будто бы незаконно отнявшаго отъ брата своего его наслѣдственныя права. Походъ этотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, благодаря обманамъ и увѣреніямъ, что ни отъ гражданъ, ни отъ военачальниковъ не потребуются никакія особенныя жертвы. На дѣлѣ же оказалось совершенно другое: порабощенные лишились имущества своего и лучшихъ сыновей и дочерей. Что касается Гателуцо, то онъ увезенъ былъ плѣнникомъ въ Константинополь и брошенъ въ темницу по обвиненію въ насильственномъ будто бы обращеніи какого-то турченка въ христіанство. Несчастный князь, пылая ненавистью и потерявъ надежду снова пользоваться свободою, рѣшился принять исламъ въ надеждѣ достигнуть потерянныхъ правъ и отомстить злодѣю. Заявленіе его было принято съ видимымъ удовольствіемъ, но лишь только онъ сдѣлался мусульманиномъ, калифъ приказалъ снять съ него голову. На этотъ разъ султанъ Магометъ приказалъ выстроить еще 30 судовъ, нѣсколько дворцовъ и мечетей и много казенныхъ зданій какъ въ Константинополѣ, такъ равно и въ резиденціи своей Адріанополѣ.

Въ послѣдующемъ затѣмъ году Магометъ выслалъ войска свои подъ главнымъ предводительствомъ любимца своего Магмута въ Иллирію. Повсюду, гдѣ показывались эти варвары, жители высылали къ нимъ уполномо-

ченныхъ съ просьбою не разорять ихъ и безпрекословно сдавались. Такимъ образомъ главнокомандующій добрался до столицы и поклялся Кораномъ не сдѣлать никому вреда, если послѣдуетъ добровольная сдача города. Граждане повѣрили ему и впустили злодѣя. Магмутъ на этотъ разъ не сочелъ нужнымъ сдержать клятвы, а, ограбивъ столицу, выбралъ $^2/_3$ лучшаго народонаселенія въ рабство и отправилъ ихъ вмѣстѣ съ царемъ въ подарокъ Калифу. Вслѣдъ затѣмъ и самъ, представляясь къ нему, сказалъ, что онъ поклялся священною книгою сберечь жизнь повелителя завоеванной страны. Слова эти такъ возмутили Магомета, что онъ приказалъ повергнуть Магмута въ темницу и послать нарочныхъ за семействомъ коронованнаго плѣнника; но когда оказалось, что послѣднее скрылось съ своими богатствами въ Рагузѣ, ожесточился на столько, что самъ вновь выступилъ въ походъ и, обошедъ окрестныя земли Иллиріи, привелъ съ собою громадное число плѣнныхъ, которыхъ приказалъ продать въ рабство, а царя Иллиріи предать позорной казни.

Такія варварскія дѣйствія невольно должны были обратить вниманіе ближайшихъ сосѣдей Венеціанъ и заставить ихъ собраться на совѣщаніе и рѣшить, какими мѣрами укратить алчность безпощаднаго Магомета. Многіе предлагали послать къ завоевателю пословъ съ данью и подарками, но Викторъ Капелло одинъ изъ умныхъ и богатѣйшихъ гражданъ, по выслушаніи этого унизительнаго предложенія, началъ обвинять представителей націи въ томъ, что они низко поступили противъ Византіи въ то время, когда она искала ихъ помощи и что еслибъ эта помощь была дана, то они не дожили до настоящаго безвыходнаго положенія.—„Вы и теперь желаете—сказалъ онъ—сдѣлать вторую глупость, предоставивъ туркамъ право считать насъ данниками своими, но я на это не соглашусь и самъ буду сражаться противъ врага христіанъ съ наемными людьми.“ Пристыженные патріоты очнулись отъ заблужденія и выслали эскадру къ берегамъ Пелопонеса. Тѣмъ временемъ Капелло съ наемными Унграми вошелъ въ Турцію и истребилъ цѣлый корпусъ враговъ. Лишь только свѣдѣ-

ніе объ этомъ дошло до калифа, онъ приказалъ Магмуту броситься со всѣми силами на Венеціанъ и не щадить ихъ. Магмутъ немедленно двинулся въ Өессалію, гдѣ соединился съ Омаромъ. Занявъ Аргосъ, Леондари и Патру, Магмутъ приказалъ Омару идти въ венеціанскія владѣнія и все предавать огню и мечу. Этому послѣднему въ первые дни удалось схватить до 500 итальянцевъ и отправить ихъ къ султану въ рабство, но варваръ приказалъ обезглавить ихъ и выбросить тѣла на съѣденіе собакъ.

Тѣмъ временемъ при содѣйствіи египетскаго султана островъ Кипръ перешелъ отъ Іоанна къ брату его Якову, который обратился къ Магомету за помощію. Калифъ, искавшій всегда случая присоединить къ владѣніямъ своимъ всѣ прилегавшіе къ нему острова, немедленно направилъ къ нему громадное число судовъ. Цѣлый мѣсяцъ употреблено было на битвы и всевозможные обманы, но видя, что дѣло не окончится успѣхомъ, Магометъ рѣшилъ въ умѣ возвратиться обратно, но въ это время одинъ изъ недовольныхъ островитянъ и именно Өома Скіаво, явившись къ нему, передалъ, что жители острова начали изнуряться отъ голода и вынуждены будутъ сдаться. если онъ продолжитъ осаду еще нѣсколько дней. Это извѣстіе измѣнило намѣреніе султана и Кипръ дѣйствительно чрезъ недѣлю достался варварамъ, которые не пощадили въ немъ ни одного человѣка, ни одной малолѣтней дѣвочки. Самъ султанъ своеручно обезглавилъ дочь полководца Байула прекрасную Анну, которой онъ предлагалъ всѣ блага міра за любовь, но которая, плюнувъ злодѣю въ лицо, назвала его самымъ ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ лютыхъ звѣрей міра.

Паденіе Кипра впослѣдствіи оказалось по винѣ Канали, которому предоставлена была флотилія и забота о снабженіи острова провіантомъ, но который, боясь за жизнь бывшаго съ нимъ на суднѣ сына, не хотѣлъ подвергаться опасностямъ встрѣчи съ турками. За это малодушіе Венеціанская республика постановила подвергнуть Канали посмертному заключенію въ темницѣ и тогдаже запретила морякамъ имѣть при себѣ на судахъ дѣтей своихъ.

Въ 1471 году султанъ Магометъ неожиданно напалъ на Венецію, ограбилъ жителей и съ массою плѣнныхъ возвратился въ Константинополь. Обстоятельство это возмутило всѣхъ католиковъ и они начали придумывать всѣ способы, чтобы отмстить султану. Въ это время грекъ Рандо, думавшій также объ этомъ, предсталъ предъ ними съ предложеніемъ своихъ услугъ, обѣщая сжечь весь турецкій флотъ, если ему даны будутъ необходимые матеріалы и обезпечена будетъ жизнь семьи его на случай гибели самого. Венеціане охотно приняли предложеніе и отважный грекъ, прикрывъ брандеръ плодами, явился между турецкими кораблями, стоящими въ Калиполѣ, въ качествѣ купца. Предпріятіе его удалось какъ нельзя лучше, но къ несчастію смѣльчакъ былъ пойманъ и представленъ къ ожесточенному калифу. На вопросъ султана, кто подговорилъ его къ такому подвигу, Рандо отвѣчалъ, что онъ лично пылаетъ ненавистію къ нему, какъ врагу христіанъ и сожалѣетъ, что попался прежде, чѣмъ могъ убить его. Такой отвѣтъ показался калифу выше святотатства и онъ приказалъ въ туже минуту распилить дерзкаго гяура на нѣсколько частей. Узнавъ объ этомъ, Венеціане въ точности исполнили обѣщаніе свое, подаривъ женѣ Рандо домъ и большую сумму денегъ.

Послѣ этого Венеціанская республика, соединившись съ Неаполитанскимъ королемъ и Персидскимъ шахомъ Узунъ-Хасаномъ успѣла отобрать отъ турковъ свои владѣнія.

Бросивъ христіанъ на время, Калифъ рѣшился наказать шаха, у котораго не было артиллеріи. Походъ этотъ удался Магомету и предоставилъ ему множество плѣнныхъ, часть которыхъ была обезглавлена, а остальные доставлены въ Константинополь и проданы въ рабство.

Въ 1474 году султанъ Магометъ выслалъ 80 т. корпусъ подъ начальствомъ евнуха Сулеймана противъ Венеціанскихъ владѣній. Республика поручила защиту земель своихъ Антоніо Лоредану, который, не поддаваясь ни на какіе обманы и уловки непріятеля, съумѣлъ нанести ему такой уронъ, что они должны были возвратиться съ

ничтожными трофеями и вскорѣ послѣ этого сдѣлать нападеніе на Навпаку и Лимносъ, но Лореданъ и на этихъ пунктахъ разбилъ ихъ. Честь спасенія послѣдняго острова греческія лѣтописи приписываютъ одной дѣвушкѣ Маріулѣ, которая, увидя отца своего убитымъ, а соотечественниковъ, готовившихся къ бѣгству, первая взяла мечъ и бросилась на враговъ, уже карабкавшихся на крѣпостныя стѣны. Отрубивъ двумъ изъ нихъ головы, она возбудила въ гражданахъ отвагу и задержала турковъ до того времени, пока явился на помощь къ атакованнымъ Лореданъ.

Таковы были подвиги султана Магмута, когда привезенъ былъ въ Константинополь Менгли-гирей. Изъ всѣхъ этихъ дѣйствій калифа Крымскій ханъ вывелъ заключеніе, что алчный завоеватель пожелаетъ оставить за собою его ханство и охотно повѣритъ братьямъ его, что онъ завладѣлъ наслѣдственнымъ престоломъ противъ постановленій корана. Помѣщенный въ одинъ изъ сералей древнихъ греческихъ императоровъ, Менгли-гирей, чтобы обратить на себя вниманіе турковъ, началъ сближаться съ улемами и усердно посѣщать мечети, но при всемъ этомъ не могъ добиться свиданія съ великимъ калифомъ, который день и ночь обдумывалъ планы о распространеніи своихъ владѣній и господствѣ надъ цѣлою Европою. Однажды къ печальному хану, сидящему у дверей мечети, подошелъ блистательно вооруженный турокъ и началъ бесѣдовать съ нимъ. Это былъ Морбекъ один изъ храбрыхъ полководцевъ калифа. Менгли-гирей разсказалъ ему про свою печальную судьбу и просилъ при случаѣ обратить на него вниманіе падишаха.

— Знаешь, что я тебѣ совѣтую—отвѣчалъ Морбекъ—иди служить въ мой отрядъ, который долженъ завтра выступить въ Албанію. Авось тебѣ удастся чѣмъ-нибудь прославиться, что дастъ мнѣ поводъ обратить на тебя вниманіе калифа и возбудить у него желаніе видѣть и поговорить съ тобою.

— Ты правъ—сказалъ ханъ—я сегодня же явлюсь къ тебѣ и буду сражаться за султана въ качествѣ простаго воина.

Мѣсяцъ спустя Крымскій ханъ уже сражался въ от-

рядѣ противъ Кантарини и Новело и обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что собственноручно отрубилъ послѣднему полководцу голову, когда онъ изъ желанія спасти сына своего, окруженнаго внезапно турками, рѣшился покинуть свою недоступную для врага позицію.

Морбекъ согласно обѣщанію донесъ султану о необыкновенной храбрости и усердіи Менгли-гирея, но и на это не послѣдовало никакого вниманія. Крымскій ханъ вынужденъ былъ продолжать свою добровольную службу и вскорѣ затѣмъ очутился предъ городами Дреcкасто, Лисо, Фуста, гдѣ происходили отчаянныя битвы и ужасное кровопролитіе. Венеціане и турки бились съ остервенѣніемъ, но ни одна, ни другая сторона не могла торжествовать побѣды. Въ виду такой безконечной борьбы итальянцы рѣшились предложить настойчивому врагу дань, чтобы избавиться отъ громадныхъ потерь. Съ этимъ извѣстіемъ отправленъ былъ къ Магомету Менгли-гирей. Калифъ очень обрадовался такому исходу дѣла и, принявъ хана дружелюбно, немедленно послалъ нарочнаго, что готовъ прекратить военныя дѣйствія, если Венеція будетъ платить ему ежегодно 80 т. дукатовъ. Какъ ни велика была эта сумма, но итальянцы вынуждены были согласиться и внести ее впередъ.

Съ этого времени Крымскій ханъ сдѣлался частымъ собесѣдникомъ Калифа и въ концѣ концовъ сблизился съ нимъ настолько, что началъ ходатайствовать о возвращеніи наслѣдственнаго престола. Султану на первый разъ желаніе это показалось страннымъ, но впослѣдствіи, сообразивъ, что держать въ Крыму соотвѣтствующее число войскъ, при надобности его въ Турціи, не принесетъ ему особенныхъ выгодъ и что напротивъ, если онъ отнесется снисходительно къ единовѣрцамъ своимъ, то они охотно станутъ служить ему, изъявилъ согласіе возвратить Менгли-гирея на прадѣдовскій престолъ, но въ качествѣ вассала, который обяжется за себя и подданныхъ своихъ исполнять всѣ условія, которыя предложитъ суверенъ.

— Все, что потребуетъ калифъ, все обязаны исполнять правовѣрные—отвѣчалъ ханъ, которому невыносимо было оставаться на чужбинѣ безъ всякихъ правъ и за-

нятій и гдѣ каждый эфенди имѣлъ право повелѣвать имъ.

— Ну, хорошо—отвѣчалъ ханъ—я на дняхъ прикажу написать золотыми буквами то обязательство, которое ты дашь мнѣ торжественно. Затѣмъ я прикажу опоясать тебя саблею и возложить на голову царскій знакъ. За деньгами не произойдетъ остановки. Но помни, что ты съ этой минуты сдѣлаешься моимъ меньшимъ братомъ, который обязанъ любить меня; въ противномъ случаѣ мы сдѣлаемся врагами.

— Надѣюсь, султанымъ, всегда пользоваться твоимъ расположеніемъ и дружбою, если только ты не станешь довѣрять тѣмъ, которые изъ простаго доброжелательства станутъ клеветать на меня. Въ моей странѣ много родовъ съ своими представителями, которые станутъ моими врагами, когда узнаютъ, что я призналъ тебя верховнымъ повелителемъ и станутъ, чего добраго, хлопотать о замѣнѣ меня такимъ членомъ изъ рода Чингизъ-хана, который возвратилъ бы имъ первобытную свободу.

— Я не буду обращать на нихъ никакого вниманія до тѣхъ поръ, пока ты будешь моимъ другомъ и буквально придерживаться правиламъ святаго шиpiата.

Менгли-гирею очень хотѣлось признаться предъ султаномъ, что онъ по волѣ отца вступилъ на престолъ не по праву старшинства, но услышавъ намекъ его на святость шиpiата, не осмѣлился сдѣлать этого изъ боязни, чтобы калифъ не предпочелъ старшаго брата его Эминека, который согласился бы на всевозможныя условія лишь-бы именоваться ханомъ и получать доходы ханства.

Недѣлю спустя Менгли-гирея потребовали въ султанскій диванъ и прочитали обязательство, которое онъ долженъ подписать и затѣмъ приготовиться къ коронаціи.

Обязательство это состояло въ слѣдующемъ:

Менгли-гирей принималъ присягу на Коранѣ за себя и наслѣдниковъ въ вѣчной покорности калифу, предоставляя ему обсолютное право возводить и смѣнять властителей Крымскаго юрта; высылать по первому требованію султана соразмѣрное народонаселенію число войска для помощи на сѣверную границу, заставить

улемовъ молиться всенародно о султанѣ, какъ верховномъ повелителѣ правовѣрныхъ и т. п.

Противъ этого Магометъ II въ свою очередь обязался не возводить на Крымскій престолъ никого другаго, кромѣ князей изъ рода Чингизъ-хана и ни одного изъ членовъ этого рода не подвергать смертной казни; дозволялъ произносить въ мечетяхъ послѣ своего имени имя хана; не отказывать ни въ какой письменной просьбѣ, касающейся блага страны. Предоставлялъ хану два знамени, а тремъ послѣдующимъ за нимъ личностямъ т. е. Калгѣ, Нуредину и Ширинъ-бею по одному санджаку. Кромѣ всего этого онъ обязывался, на случай требованія войска платить въ пользу мурзъ и бековъ до 14 т. червонцевъ, а 20 т. на войско.

Когда подписанъ былъ этотъ договоръ и принята присяга, Менгли-гирей въ сопровожденіи важнѣйшихъ сановниковъ царства и полководцевъ введенъ былъ въ то отдѣленіе дивана, гдѣ возсѣдалъ султанъ. Здѣсь въ присутствіи его Какаджи-паша надѣлъ на хана кафтанъ шитый золотомъ и каучукъ съ бриліантовымъ перомъ, а султанскій меченосецъ опоясалъ его саблею съ золотою рукояткою, осыпанною алмазами и возложилъ на плечи колчанъ съ стрѣлами. Послѣ чего громогласно прочитана была султанская грамота, а шеихъ-уль-исламъ произнесъ высокопарную рѣчь, выставляющую султана превыше всѣхъ владыкъ міра, такъ какъ онъ есть намѣстникъ пророка и владѣтель ключей отъ священной Каабы. Окончивши рѣчь свою, патріархъ-ислама выразилъ надежду, что ханъ съумѣетъ заставить народъ свой понять величайшую власть калифа и сочтетъ съ своей стороны за особенное счастіе пользоваться его благосклонностію. Лишь только замолкъ великій блюститель шаріата, всѣ сановники начали поздравлять Менгли-гирея и вывели его на улицу, гдѣ, посадивъ на великолѣпно убраннаго коня, проводили до Константинополя, откуда онъ долженъ былъ возвратиться въ Крымъ на лучшемъ казенномъ суднѣ.

Въ Константинополѣ Менгли-гирей помѣщенъ былъ въ царскомъ дворцѣ и пробылъ нѣсколько дней въ желаніи отыскать Мангупскихъ князей, съ которыми одновре-

менно былъ плѣненъ и доставленъ въ этотъ городъ. Желая отъ всей души освободить тѣхъ, которые такъ братски приняли его въ горькую минуты жизни, онъ обратился къ Шеихъ-уль-исламу и сказалъ:

— Могу-ли я просить у тебя ходатайства, чтобы мнѣ подарили въ рабство трехъ гяуровъ изъ моего царства, которые одновременно со мною привезены были въ Константинополь и брошены въ темницу?

— Подарить безъ соизволенія султана никто не вправѣ, но я везу приказъ начальнику города, чтобы всѣхъ, безъ исключенія плѣнныхъ немедленно вывели на базарную площадь и продали съ аукціона. Ты владѣешь въ настоящее время большимъ количествомъ золота и слѣдовательно не трудно будетъ купить всѣхъ, кого пожелаешь.

Обрадованный этимъ извѣстіемъ Менгли-гирей потребовалъ къ себѣ начальника всѣхъ мѣстъ заключенія и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ розыскивать Исая, Андрея и Катерину. Но увы ни въ одной тюрьмѣ не встрѣтилъ ни одного изъ нихъ. Не постигая, гдѣ они могли дѣться, ханъ откладывалъ отъѣздъ свой въ надеждѣ отыскать ихъ на свободѣ. Для достиженія цѣли своей онъ переодѣлся въ платьѣ крымскаго татарина и началъ посѣщать базарныя площади. Въ одну изъ такихъ прогулокъ онъ повстрѣчался съ однимъ изъ грековъ, бывшихъ подданныхъ князя Исая, и началъ разспрашивать у него.

— Увы—отвѣчалъ незнакомецъ со вздохомъ—несчастный князь съ племянниками своими давно уже казненъ, а дочь его увезена въ Москву.

Извѣстіе это какъ громомъ поразило хана. На другой день онъ навелъ справки и когда убѣдился въ справедливости сказаннаго, то не хотѣлъ ни одной минуты оставаться долже въ странѣ, переполненной безпощадными людьми. Вотъ подъ вліяніемъ какихъ ощущеній находился ханъ, когда его извѣстили, что старшій братъ его Эминекъ-бекъ султанъ не намѣренъ добровольно отдать ему права господства въ Крыму, такъ какъ оно принадлежитъ по ширіату старшему въ роду.

III.

Менгли-гирей ханъ только что возвратился съ мѣстности, на которой проектировалъ постройку дворца, какъ ему доложили, что преданные слуги, послѣ долгихъ усилій, успѣли наконецъ украсть христіанку изъ Ичеля *).

— Пусть ее передадутъ моему хадуму или хызларъ-агасы **), а я сейчасъ приду въ отдѣленіе гарема. Нѣсколько минутъ спустя Менгли-гирей сидѣлъ около молодой румяной Татки, показавшейся ему сказочною красавицею.

— Какъ тебя зовутъ, прекрасная дѣва горъ? спросилъ онъ.

— Зови меня какъ хочешь—отвѣчала она угрюмо. Ты приказалъ меня похитить изъ родительскаго дома, чтобы сдѣлать своею рабынею или перепродать въ дальнія страны. Съ этого времени я должна забыть все прошлое, кромѣ моего Бога.

— Ты, вѣроятно, не знаешь, что я ханъ и повелитель твоихъ отцовъ, или умышленно называешь меня торговцемъ плѣнницъ.

— Для меня все равно, кто бы ты ни былъ. Я убѣждена только въ одномъ, что ты не добрый человѣкъ, если только позволилъ себѣ похитить единственную дочь у престарѣлыхъ родителей, которые навѣрно теперь доходятъ до отчаянія въ напрасныхъ поискахъ.

— Я постараюсь завтра же ихъ утѣшить, если ты полюбишь твоего владыку.

— Въ своемъ ли ты умѣ! Развѣ слыхано, чтобы христіанка полюбила мусульманина?

— Эти слова я не разъ уже слышалъ отъ исповѣдывающихъ открыто твою религію, но если я тебѣ скажу, что покойный отецъ мой былъ воспитанъ въ Литвѣ и всю жизнь свою призывалъ въ молитвахъ своихъ Марьюману (Богородицу), на церкви которой не жалѣлъ никакихъ жертвъ, и что я провелъ всю юность мою съ дженеве-

---

*) Южный берегъ, жители котораго именовались татами.

**) Евнухъ-Хадумъ происходитъ отъ слова: хатунъ-женщина, а Хызларъ-агасы въ переводѣ начальникъ дѣвушекъ.

зами, то ты сама поймешь, что ваша религія мнѣ болѣе знакома и пріятна, нежели мусульманская, которой я совершенно не знаю, но исповѣдываю ради сохраненія за собою наслѣдственнаго престола. Послѣ всего этого тебѣ легко понять, почему именно я пожелалъ имѣть женою христіанку.

— И ты избралъ меня для поколѣнія будущихъ хановъ? Но почему именно меня, а не другую дѣвушку?

— Я поручилъ выборъ судьбѣ, которая благопріятствовала мнѣ до настоящаго времени.

— Но если я откажусь подчиняться твоей волѣ и попрошу возвратить меня домой?

— Это будетъ несправедливо и жестоко съ твоей стороны. Ты знаешь, что я властенъ сдѣлать отца твоего начальникомъ надъ всѣми Татами и доставить ему все, въ чемъ онъ будетъ нуждаться.

— Я въ этомъ не вижу ни для него, ни для другихъ, ни малѣйшей пользы.

— Чего же ты желаешь отъ меня, въ залогъ своего счастія?

— Того, что ты будешь уважать христіанъ и не забывать Марьи-маны, подобно отцу твоему.

— Я буду просить тебя молиться ей въ трудныя минуты моей жизни и приносить чистосердечные дары.

— Еще одно условіе: я хотя и буду извѣстна народу твоему подъ именемъ мусульманки, но ты однажды въ годъ будешь отпускать меня къ роднымъ для исполненія обрядовъ моей религіи.

Получивъ и на это согласіе, Кирьякула съ нѣжною улыбкою поднялась съ софы, чтобы удалиться въ свою комнату.

— Куда же ты уходишь? спросилъ ханъ.

— Мы должны разстаться—сказала она серьозно—до той поры, пока я увѣрюсь, что отецъ и мать мои не оплакиваютъ меня, пока ты не прикажешь переодѣть меня въ татарскій нарядъ и не объявишь, что избралъ меня въ жены свои. Сказавъ это, она удалилась.

Менгли-гирей, молча прослѣдивъ за нею глазами, не осмѣлился прибѣгнуть ни къ излишнимъ изліяніямъ, тѣснившимся въ груди его, ни къ просьбамъ остаться съ

нимъ. Какое-то уваженіе, котораго онъ не питалъ до настоящаго времени къ женщинамъ и сознаніе, что это существо заслуживаетъ снисхожденія, заставили его покорно возвратиться въ свой селямликъ или пріемную комнату и распорядиться о безотлагательномъ исполненіи всѣхъ требованій дѣвы горъ.

Не успѣлъ ханъ расположиться на своей любимой атласной подушкѣ, привезенной изъ Константинополя, какъ къ нему введенъ былъ афузъ Билялъ.

— Я пришелъ къ тебѣ, блистательный ханъ съ важнымъ сообщеніемъ. Эминекъ-бей послалъ къ султану отъ имени многихъ представителей прошеніе съ доказательствами, что ты, какъ младшій въ роду, по законамъ пророка не можешь царствовать. Мнѣ кажется, что заявленіе это должно поступиль на судъ улемовъ и они чего добраго признаютъ его справедливымъ.

Менгли-гирей поблѣднѣлъ.

— Что же я долженъ сдѣлать по твоему, чтобы предупредить дурной исходъ дѣла?

— Надо дѣйствовать. Эминекъ долженъ умереть для того, чтобы ты царствовалъ.

— Я знаю это; но кто совершитъ такой подвигъ, когда я не имѣю ни единаго ловкаго человѣка, которому можно съ увѣренностію поручить это дѣло.

— Я заставилъ двухъ делибашей перейти къ тебѣ на службу, но не знаю, согласятся ли они поднять руку свою на того, съ которомъ они пировали, когда ты былъ въ Константинополѣ.

— Кто они такіе?

— Одинъ мой племянникъ Джелялъ, котораго я принудилъ къ этому подъ угрозою лишенія наслѣдства, а другой Булатъ-бей, изъ рода Ширинлы, проживающаго около Кафы.

— Спасибо тебѣ, Билялъ эфенди, и за эту услугу. Я ихъ охотно приму теперь же на службу, но ни за что не уполномочу лишить жизни того, кто кормилъ ихъ своимъ хлѣбомъ. Если они дѣйствительно окажутся способными на такое безчестное дѣло, то нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи найдутся можетъ быть люди, которые употребятъ ихъ же для убійства меня самого.

— Эти слова твои, ханъ, настолько блистательны, что я постараюсь записать ихъ въ концѣ моего теварика для будущаго писателя. Но чтоже ты намѣренъ дѣлать?

— Я все предоставляю въ руки Аллаха и султана Мегмета. Пусть *хызметъ* (судьба) сдѣлаетъ то, чего не властенъ человѣкъ измѣнить.

Афузъ тяжело вздохнулъ и, не желая нарушать присутствіемъ своимъ размышленія владыки, тихо вышелъ изъ комнаты. Молодой, полный силъ и честолюбія Менгли-гирей не удерживалъ его. Въ душѣ хана происходила борьба, отчаянная борьба между сознаніемъ, что престолъ похищенъ имъ беззаконно и самоувѣренностію, что онъ одинъ достоинъ царствовать послѣ смерти отца, не ради личнаго желанія, но для блага цѣлаго юрта.

Пока дѣйствительный ханъ находится въ безутѣшной тоскѣ, перейдемъ мы на Хыръ-хыръ, гдѣ поселился лишенный всѣхъ правъ своихъ Эминекъ-бей султанъ распоряжавшійся въ Крыму на правахъ наслѣдства, въ качествѣ хана и мечтавшій остаться въ этомъ достоинствѣ до того времени, пока турецкіе паши, жившіе въ Кафѣ, Гезлевѣ и другихъ важныхъ пунктахъ Крыма, не извѣстили его, что султанъ призналъ Менгли-гирея ханомъ и онъ долженъ въ непродолжительномъ времени выѣхать изъ ханства. Извѣстіе это ужасно поразило Эминека и онъ задумалъ поднять всѣхъ татаръ и ногаевъ противъ турокъ, чтобы изгнать ихъ изъ страны отцовъ; но когда убѣдился, что никто не желаетъ идти противъ ужасныхъ турецкихъ пушекъ, рѣшился, въ надеждѣ на будущую случайность, укрыться съ приближенными на недоступной вершинѣ Хыръ-хыра, теперешняго Чуфутъ-кале, гдѣ издавна существовали довольно обширныя постройки, воздвигнутыя Тохтамышъ-ханомъ.

Хыръ-хыръ *) въ это время была положительно недоступная крѣпость, представляющая кругомъ отвѣсныя скалы. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ высокоподнятая скала эта представляла отклоны, доступные для сообщенія, заграждена была стѣнами и воротами. Такихъ въѣздовъ

*) Въ переводѣ: скала надъ скалой.

было два: первый, доступный для подводъ назывался большимъ, а другой для пѣшеходовъ—малымъ.

Передъ главными воротами находился большой высѣченный въ скалѣ бассейнъ, куда стекала дождевая вода, собираемая для питья домашнихъ животныхъ; у малыхъ же воротъ былъ подземный ходъ съ вырубленными ступенями въ скалѣ, ведущій къ источнику. Окрестности изобиловали лѣсомъ.

Кромѣ этихъ удобствъ на вершинѣ и во многихъ мѣстахъ у подножія были обширныя пещеры, гдѣ могли помѣщаться сотни людей. Въ углубленіи покоилось греческое поселеніе, жители котораго оставались равнодушными ко всѣмъ переворотамъ въ ихъ странѣ и усердно занимались сельскими работами. Но самымъ важнымъ удобствомъ для укрывающихся на Хыръ-хырѣ было то, что мѣстность эта, по высотѣ своей представляла возможность слѣдить за окрестностями и оставаться равнодушными зрителями при враждебныхъ намѣреніяхъ самыхъ отважныхъ враговъ.

Вотъ на этой высотѣ Эминекъ-бей съ двумя стами преданныхъ ему отважныхъ джигитовъ имѣлъ въ описываемое нами время мѣстопребываніе и отсюда не переставалъ дѣйствовать на всѣхъ почти представителей народонаселенія, изъ числа которыхъ многіе очень были недовольны Менгли-гиреемъ въ особенности за то, что онъ рѣшился сдѣлаться вассаломъ турецкаго султана.

Эминекъ-бей увѣрялъ всѣхъ, что отнынѣ страна, завоеванная его предками, не будетъ пользоваться прежнею свободою; что султанъ назначитъ своихъ муфтіевъ, кадіевъ и баскаковъ, которые будутъ безпощадно обирать народъ и превратятъ его въ своихъ рабовъ. Рѣчамъ его вѣрили, потому что до настоящаго времени Менгли-гирей не озаботился сообщить подданнымъ своимъ тѣхъ условій, на основаніи которыхъ сдѣлался вассаломъ Турціи. Ему не желательно было передавать этого въ одномъ только отношеніи, что султанъ присвоилъ себѣ право смѣнять и назначать Крымскихъ хановъ по личному усмотрѣнію, а между тѣмъ Эминекъ-бей, ссылаясь на приказаніе, отданное имъ всѣмъ мулламъ молить-

ся о благоденствіи султана, имѣлъ основательное право утверждать, что Крымское ханство утратило навсегда свою самостоятельность и политическую свободу.

При возмущеніи народа ему сначала казалось, что татаре возьмутся за оружіе и выпроводятъ изъ Крыма турокъ, но обманувшись въ этихъ надеждахъ, онъ рѣшился повліять на калифа доказательствами, что Менгли-гирей, безъ сомнѣнія обманулъ его, назвавъ себя наслѣдникомъ престола, тогда какъ онъ самый младшій изъ 6-ти наслѣдниковъ Гаджи-гирея и по законамъ пророка не имѣетъ права господствовать надъ старшими по рожденію.

Эминекъ сдѣлалъ это заявленіе съ партіею своею изъ одного желанія показать султану, что онъ, признавая его и въ свою очередь всемірнымъ повелителемъ, ищетъ отъ него установленной святыми законами справедливости, но мало надѣясь на успѣхъ, такъ какъ султанъ могъ отговориться тѣмъ, что не онъ его избралъ ханомъ,—давно уже приготовился своими средствами спровадить узурпатора на тотъ свѣтъ, послѣ чего ему не могло представиться ни малѣйшаго затрудненія царствовать. Въ этихъ намѣреніяхъ Эминекъ, добывшій сильный ядъ, выжидалъ, пока представится ему удобный случай избавиться отъ Менгли-гирея. Но къ несчастію онъ не находилъ также никого, которому можно было довѣриться вполнѣ.

Однажды вечеромъ Эминекъ по обыкновенію лежалъ на войлокѣ подъ навѣсомъ своего дома и размышлялъ о непріятномъ положеніи своемъ. Къ нему подошелъ другъ дѣтства Узбекъ.

— Что новаго въ Хыркъ-ерѣ? спросилъ хозяинъ.

— Ничего особеннаго за исключеніемъ того, что Менгли по прежнему не дождется отвѣта отъ султана, относительно захвата тебя и того, что къ нему поступили на службу нашъ пріятель Булатъ-бей и Джелялъ-кривой.

— Неужели Менгли принялъ ихъ? вскрикнулъ Эминекъ, вскакивая съ мѣста.

— Да, по ходатайству Афузъ Биляла, который пишетъ теварикъ о нашемъ народѣ.

— Съ какою же цѣлью онъ это сдѣлалъ?

— Безъ сомнѣнія, чтобы отвлечь этихъ баши-бузуковъ отъ нашей партіи.

— Ну, это плохо, если Менгли такими путями станетъ дѣйствовать противъ насъ.

— Я тѣхъ же убѣжденій и пришелъ тебѣ совѣтовать распустить насъ по домамъ, а самому поспѣшить выѣхать въ Кипчакъ или куда-нибудь подальше, чтобы оттуда уже прійти на Крымскій престолъ. Отъ султана едвали мы дождемся правды, такъ какъ онъ тебя не знаетъ лично, а отъ татаръ я положительно не ожидаю сочувствія на дѣлѣ.

— Ты правъ, Узбекъ, но мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы Булатъ и Джелялъ измѣнили намъ. Не перешли ли они къ нему съ другою затаенною цѣлью?

— Кто знаетъ, отъ такихъ нетерпѣливыхъ головорѣзовъ можно ожидать всего.

— Знаешь ли, Узбекъ, прежде чѣмъ мы обдумаемъ съ тобою о временномъ бѣгствѣ изъ засады нашей, не можешь ли ты повидаться и пригласить ко мнѣ на нѣсколько словъ Булата?

— Если ты желаешь этого непремѣнно, то я постараюсь исполнить волю твою. Но зачѣмъ онъ нуженъ тебѣ?

— Не скрою отъ тебя, что я нахожу лучшимъ средствомъ добраться до престола, перешагнувъ чрезъ могилу недостойнаго брата моего.

Узбекъ, которому никогда не являлась подобная мысль, какъ-то испуганно взглянулъ на него.

— Ты удивляешься моему рѣшенію—продолжалъ Эминекъ—но еслибы тебѣ самому пришлось царствовать хоть одинъ мѣсяцъ, ты быть можетъ рѣшился убить роднаго отца, желавшаго лишить тебя господства. Царь, лишенный власти, или долженъ вновь добиться ея или умереть.

— Неужели ты думаешь, что Булатъ-бей рѣшится обезглавить господина своего?

— Нѣтъ ужъ это будетъ слишкомъ гласно и всѣ станутъ подозрѣвать меня. Я полагаю, что можно достигнуть цѣли посредствомъ кусочка яда, опущеннаго въ одинъ изъ любимыхъ напитковъ хана.

— Дѣлай, какъ знаешь самъ, только мнѣ кажется я ни за какія блага не рѣшился бы на такой грѣхъ.

— Крайность создаетъ чудеса.

— Булатъ-бей завтра же посѣтитъ тебя—сказалъ Узбекъ, удаляясь на покой.

Тѣмъ временемъ Менгли-гирей, исполнивъ всѣ требованія своей плѣнницы Кирьякулы, съ какою-то дѣтскою игривостью любовался ея татарскимъ нарядомъ и длинными тончайшими косками, густо прикрывавшими ея полный, но гибкій станъ.

— Теперь я, кажется, не состою болѣе въ долгу у моей Татки—сказалъ онъ.

— Остается главнѣйшее—отвѣчала она—заявить, что ты женатъ.

— Не проси у меня этого, *гозюмъ**), въ настоящее время, когда большинство изъ подданныхъ моихъ враждуютъ и готовы изъ всякой мелочи создать цѣлую исторію. Даю тебѣ мое ханское слово, что ты будешь неразлучная подруга моя во всю жизнь.

— Но отчего же враждуютъ противъ тебя подданные? Неужели ты имъ успѣлъ уже надѣлать такъ много зла?

— Нѣтъ, рѣсница моя, я всего два мѣсяца, какъ вновь воцарился на престолѣ отца моего, но въ теченіи трехъ-лѣтняго плѣна моего у турецкаго султана, одинъ изъ полудикихъ братьевъ моихъ, содержавшихся въ темницѣ, успѣлъ захватить мою власть и взволновать народъ.

— Чтоже ты щадишь негодяя, достойнаго смерти?

— Я ничего не могу ему сдѣлать. Онъ заперся съ партіею своею въ недоступную крѣпость Хыръ-хыра, которая не боится пушекъ.

— Ну это еще не такъ важно: крѣпость, недоступная для многихъ, легко отворяетъ ворота для одного джигита.

— Знаю, но у меня нѣтъ пока друзей надежныхъ.

— А далеко ли отсюда до Хыръ-хыра?

— Нѣтъ; она начинается тамъ, гдѣ прекращается ущелье.

---

*) Въ переводѣ: глаза мои. Обыкновенная ласка татаръ.

Кирьякула подошла къ окну и попросила хана точно указать ей направленіе и объяснить подробно отличительность этой крѣпости.

Менгли-гирей, приписывая желаніе ея простому любопытству, самымъ подробнымъ образомъ передалъ то, что было ему извѣстно.

— И такъ ты положительно убѣжденъ, что въ царствѣ твоемъ не найдется ни одного человѣка, который изъ преданности къ тебѣ рѣшился бы всадить этому злодѣю кинжалъ?

— Тремя годами раньше я нашелъ бы сотни палачей, но теперь, даже и тѣ, которые любятъ меня въ душѣ, поневолѣ должны уклоняться отъ моихъ просьбъ и приказаній. Ты сама, я думаю, замѣтила, что дворъ мой пустъ, что муфтій, кадій и прочіе правители страны не считаютъ себя обязанными являться ко мнѣ. Я имѣю пока одного подданнаго казнедаръ-агу и то благодаря тому, что привезъ достаточно золота и серебра отъ султана. Въ Эски-Крымѣ мнѣ было бы удобнѣе поселиться въ отцовскомъ сералѣ, но я не хочу попасть въ зависимость отъ кафскаго паши и его кровожадныхъ янычаръ. Притомъ, тогда народъ станетъ смотрѣть на меня, не какъ на друга своего, а какъ на завоевателя, желавшаго управлять имъ съ помощію турецкаго оружія.

— Чѣмъ же все это можетъ кончиться?

— Тѣмъ, что султанъ въ концѣ концовъ дастъ мнѣ возможность сокрушить моего врага и нарушителя общаго покоя.

— А если султанъ не обратитъ на вашу братскую ссору никакого вниманія?

— Тогда, конечно, Эминекъ восторжествуетъ.

— Ну, это незавидная для меня участь. Я ни за что не соглашусь быть женою твоею на нѣсколько недѣль.

— Что-жъ мнѣ дѣлать? Я не прочь самъ броситься на брата моего съ ножомъ въ рукахъ и помѣряться силами, но онъ не выходитъ изъ крѣпости.

— И, вѣроятно, также обдумываетъ, какимъ-бы образомъ поскорѣе отправить тебя на свиданіе съ прародителями?

— Такое предположеніе мнѣ никогда не приходило на умъ.

— Люди обыкновенно не допускаютъ у другихъ тѣхъ мыслей, которымъ сами предались; а я твердо убѣждена, что онъ болѣе тебя занятъ этимъ желаніемъ. Видишь-ли, я воспитывалась у Теодорскаго владѣтельнаго князя, что около Меси-хора *), и не смотря на то, что была большая шалунья, чрезвычайно любила прислушиваться къ его долгимъ разсказамъ съ женою. Онъ всегда бывало говорилъ, что если-бъ имѣлъ какую-либо возможность достигнуть дѣдовскаго престола, то безъ зазрѣнія совѣсти употребилъ-бы въ дѣло и ядъ, и кинжалъ. Видно блескъ престола волшебно дѣйствуетъ на тѣхъ, кто близко стоялъ къ нему.

— Неужели ты знала князя Ѳеодорійскаго? спросилъ съ удовольствіемъ Менгли.

— Я уже объявила тебѣ, что росла въ его семьѣ.

— На комъ же онъ былъ женатъ? До меня доходили слухи, что онъ пріѣхалъ откуда-то издали и воцарился по праву наслѣдства.

— Это правда. Онъ сначала былъ одинокъ, но потомъ ему удалось вырвать изъ рукъ какого-то разбойника въ лѣсу молодую прекрасную дженевезку Біанку, на которой и женился.

— Біанку изъ Кафы? племянницу верховнаго консула Джіовани? вскрикнулъ Менгли-гирей, подбѣгая къ Кирьякулѣ.

— А развѣ ты ее зналъ?

— Какъ не знать, когда я жилъ съ нею подъ одною кровлею, когда она меня любила! Да неужели это была Біанка, которую я такъ горько оплакивалъ въ увѣренности, что она погибла?

— Мнѣ хорошо извѣстно только то, что она была изъ Кафы, откуда пріѣзжалъ къ намъ на суднѣ ея дядя съ приданымъ. Я знаю также, какъ она была похищена какимъ-то татариномъ, выманувшимъ ее за городъ. Слышала также отъ нея, что ее везли къ хану, но не до-

*) Айтодорскій маякъ.

везли благодаря случайной встрѣчѣ съ княземъ Ѳеодроса, который убилъ похитителя и освободилъ несчастную.

Менгли-гирей молча началъ кусать свою бороду.

— Этимъ разсказомъ ты успокоила меня, Кирьякула— сказалъ онъ нѣсколько минутъ спустя — потому что я былъ причиною похищенія Біанки и ужасно скорбѣлъ, когда она, не смотря на самые тщательные розыски мои, нигдѣ не оказалась. Въ тѣ годы я очень любилъ ее и пользовался взаимною ея расположенностію.

— Такъ это ты тотъ самый ханъ, о которомъ она такъ часто говорила съ мужемъ?

— Къ несчастію, да.

— Отчего же къ несчастію? по крайней мѣрѣ Біанка всегда говорила о тебѣ съ дружбою и уваженіемъ. Мнѣ помнится даже, что за нѣсколько дней до отъѣзда своего изъ княжества, она предлагала мужу своему написать къ тебѣ письмо и просить твоего ходатайства не допустить турковъ въ ихъ страну. Она была увѣрена, что ты не откажешь ей ни въ чемъ.

— Бѣдная Біанка! но гдѣ же она теперь находится?

— Они поѣхали на островъ Xіо, гдѣ у нихъ есть своя земля.

— А каковъ былъ ея мужъ?

— Это былъ добрѣйшій и храбрый человѣкъ. Мы безпрестанно ѣздили съ нимъ на охоту въ горы и до того пристрастились къ этому развлеченію, что я до настоящаго времени дрожу при видѣ дикой козы.

— Эхъ, моя *джанымъ* (душа), если я успѣю очистить вершину Хыръ-хыра отъ соперника моего, то я прикажу населить ее для твоего удовольствія различными дикими звѣрями, которыхъ ты будешь поражать.

— Ну, смотри, не забывай этого обѣщанія, потому что я стану мстить тебѣ. Однако мы отвлеклись отъ нашего разговора, Повторяю, что если ты желаешь царствовать, тебѣ надо дѣйствовать рѣшительно и не надѣяться на чужихъ.

— Я на дняхъ пригласилъ къ себѣ на службу двухъ отчаянныхъ головорѣзовъ, которые быть можетъ помогутъ мнѣ—отвѣчалъ гирей со вздохомъ.

— Ты ихъ знаешь, какъ вѣрныхъ людей, которые чѣмъ-либо доказали преданность свою?

— Нѣтъ, я взялъ ихъ по рекомендаціи преданнаго мнѣ старика.

— Къ какому же лагерю они раньше принадлежали?

— Они преданы были Эминеку, врагу моему.

— Въ такомъ случаѣ я увѣрена, что Эминекъ дальновиднѣе тебя и навѣрно восторжествуетъ. Эти друзья его, живши съ тобою, навѣрно или заколятъ тебя ночью или отравятъ.

— Такихъ вещей у насъ не принято дѣлать.

— Ихъ не дѣлаютъ и у насъ, пока не предстоитъ крайней надобности.

Ханъ задумался.

— Неужели я долженъ имъ отказать? спросилъ онъ.

— Этого не слѣдуетъ дѣлать, но ты обязанъ съ того дня, когда они войдутъ въ дворъ твой быть всегда хорошо вооруженнымъ и никогда не принимать никакой пищи и питья ни изъ чьихъ, кромѣ моихъ рукъ. Если ты послушаешь меня, будущую жену твою, то мы общими усиліями восторжествуемъ; въ противномъ случаѣ отпусти лучше меня къ родителямъ, чтобы не чувствовать предъ смертью лишняго упрека совѣсти.

— Но я не въ состояніи буду исполнить этого обѣщанія, когда меня посѣтятъ почтенные люди.

— Ты долженъ его исполнить.

— Я могу забыться.

— Чтобы этого не случилось, возьми мое кольцо и надѣнь его на одинъ изъ пальцевъ своихъ. Оно предостережетъ тебя отъ всякаго рода несчастій.

Ханъ повиновался.

— И притомъ я увѣрена—продолжала Кирьякула,— что тебѣ недолго придется остерегаться враговъ. Я рѣшаюсь сама дѣйствовать противъ твоего брата съ тѣмъ, что ты отпустишь меня на нѣсколько дней къ единовѣрцамъ моимъ, которые живутъ у подножія Хыръ-хыра и не станешь искать до тѣхъ поръ, пока я сама не приду. Видишь ли ты этотъ небольшой кинжалъ? — прибавила она, вынимая изъ за пазухи складное оружіе — я было захватила его для себя на случай, еслибъ мы не

сошлись съ тобою въ мысляхъ, но онъ въ настоящее время пригодится мнѣ для другаго человѣка.

— Какъ развѣ ты, дѣвушка, рѣшаешься идти противъ врага моего?

— Да, и повѣрь, что никто другой не проникнетъ къ нему кромѣ твоей жены.

— Но онъ обезчеститъ тебя?

— Тогда я умру, но только не одна. Понимаешь?

— Но я не желаю этого и не отпущу тебя, пока ты невинна.

— Извини, пріятель. Невинность только можетъ тебѣ доказать, что я осталась чистою, на случай торжества.

— Ты права, прелестная дѣва горъ. Но мнѣ ужасно непріятно подвергать тебя опасности.

— Для меня нѣтъ большой опасности, ты только отложи пріемъ къ себѣ въ домъ новыхъ слугъ до возвращенія моего. Самое худшее то, что я могу умереть, но ты, давшій мнѣ слово любить христіанъ моихъ соотечественниковъ, вѣроятно не забудешь его исполнить въ особенности, когда я принесу себя въ жертву для спасенія твоего.

— Клянусь Аллахомъ, что я буду любить твоихъ соотечественниковъ, какъ братьевъ моихъ.

— Но только не такъ, чтобы похищать ихъ дочерей.

— Ты шутишь, Кирьякула?

— Напротивъ я вступаю въ договоръ за два дня до моей смерти.

— Развѣ ты убѣждена, что умрешь? Въ такомъ случаѣ я не отпущу тебя.

— Я пошутила, но однако намъ нечего терять дорогаго времени. Попрощаемся и прикажи какой-нибудь старухѣ выпроводить меня со двора твоего, а тамъ я сама въ моемъ національномъ костюмѣ проберусь до христіанскаго поселенія.

Менгли-гирей подошелъ къ ней и, тяжело вздохнувъ, положилъ руки свои на плечи.

— Я не въ силахъ отпустить тебя дѣвушку на такое опасное предпріятіе, сказалъ онъ, это будетъ безчестно для хана.

— Ну такъ замѣни меня мущиною, отвѣчала она, я останусь съ тобою.

— У меня нѣтъ истинныхъ друзей.

— Неправда, я твой другъ, но ты кажется изъ ревности не довѣряешь мнѣ?

— Мнѣ жаль тебя. Я такой подруги не встрѣчу вторично въ жизни.

— Тѣмъ лучше, ты меня не забудешь.

Ханъ прижалъ ее къ груди; слезы выступили на его глазахъ.

— Довольно, сказала Кирьякула. Лучше плакать отъ радости, чѣмъ отъ другихъ причинъ. Иди къ своимъ обязанностямъ, а я подумаю, какъ лучше взяться за дѣло.

Менгли-гирей не сопротивлялся. Онъ поцѣловалъ ее въ оба глаза и молча вышелъ.

Часъ спустя Кирьякула въ сопровожденіи старушки вышла на улицу, оглянулась къ окну, у котораго стоялъ молодой прекрасный повелитель Крымскаго ханства, махнула ему рукою и быстрыми шагами направилась къ глубокому ущелью, ведущему къ Хыръ-хыру.

Ханъ продолжалъ слѣдить за нею въ глубокомъ раздумьи.

„Странное существо, думалъ онъ!—Какъ могла придти ей на умъ мысль спасти меня отъ человѣка, которому предался весь народъ скорѣе изъ боязни, чѣмъ изъ любви? И что она можетъ сдѣлать этому злодѣю? Допустимъ, что она проникнетъ къ нему, но развѣ такъ легко убить дѣвушкѣ сильнаго мущину? Нѣтъ она навѣрно сдѣлается сама жертвою мерзавца, мѣшавшаго мнѣ пользоваться и властью и преданностію народа. Да, она неминуемо погибнетъ, но надо полагать, что гибель ея, если не сейчасъ, то въ самое непродолжительное время будетъ искуплена его смертію. Не можетъ быть, чтобы она шутя отнеслась ко мнѣ или руководствовалась другими намѣреніями, такъ какъ я не обидѣлъ ея ни словомъ, ни дѣломъ.

Нѣсколько часовъ спустя въ Хыркъ-ерѣ разнеслась вѣсть, что плѣнница, доставленная Менгли-гирею, убѣжала со двора его и не нашлось ни единаго мусульма-

нина, который пожелалъ бы розыскать ее. Слухъ этотъ нарочно распущенъ былъ, по приказанію хана, тою старушкою, которая выпроводила Кирьякулу со двора и которая отъ всей души была предана ему со дня рожденія.

Въ эту же ночь тайкомъ пробрался къ Булатъ-бею изъ Хыръ-хыра Узбекъ и сейчасъ же послѣ привѣтствія, спросилъ, дѣйствительно ли слышанное имъ о Кирьякулѣ справедливо и не узналъ ли кто, по какому направленію ушла бѣглянка?

— Какъ не знать, отвѣчалъ Булатъ, многіе изъ нашихъ не только видѣли ее, но даже разговаривали. Если вѣрить разсказчикамъ, то такой красавицы еще не было въ нашихъ мѣстахъ.

— Отчего же она убѣжала?

— Надо полагать отъ увѣренности, что Менгли пользуется ханствомъ только въ своихъ мечтахъ.

— Ты это говоришь съ такою увѣренностію, а между тѣмъ мнѣ достовѣрно извѣстно, что самъ перешолъ къ нему на службу.

— Я перешолъ во первыхъ, чтобы нѣсколько подкормиться, потому что съ нѣкотораго времени у меня безпрестанно звенитъ въ ушахъ отъ голода, и наконецъ, для того, чтобы разомъ покончить съ этимъ непріятнымъ положеніемъ. Изъ двухъ безправныхъ хановъ во чтобы ни стало долженъ остаться одинъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ я не ошибся, заступаясь за тебя предъ Эминекъ-беемъ.

— Пожалуй, но если Эминекъ будетъ по прежнему укрываться отъ всѣхъ и не предприметъ ничего рѣшительнаго, то мы всѣ по-неволѣ сплотимся вокругъ Менглія. Замѣтилъ-ли ты, какой онъ началъ строить сераль и сколько народа работаетъ у него? Это доказываетъ, что онъ увѣренъ въ своей власти, а твой Эминекъ только сосетъ трубку да мечтаетъ. Эхъ, будь я на его мѣстѣ, что мнѣ эти турки! я надѣлалъ бы такихъ чудесъ, что эти *джанабеты* (поганые) не знали-бы, какою дорогою возвратиться восвояси. Твой Эминекъ просто оглупѣлъ и началъ походить на старую бабу съ тѣхъ поръ, какъ Менглія приняли въ Гезлевѣ (Евпато-

ріи) съ царскими почестями. Право, если еще черезъ мѣсяцъ мы не узнаемъ настоящаго хана, то я намѣренъ своеручно убить одного изъ нихъ, чтобы предоставить другому полное право быть хозяиномъ.

— Я самъ тѣхъ-же убѣжденій—отвѣчалъ Узбекъ—и пріѣхалъ нарочно пригласить тебя на совѣтъ къ Эминеку, который повидимому началъ пробуждаться отъ сна.

— Но я теперь перешелъ на службу къ Менглію и мнѣ опасно рисковать ѣздить къ вамъ на переговоры.

— Но ты еще не переѣзжалъ къ нему и слѣдовательно за тобою не станутъ слѣдить.

— Это правда. Я могу еще нѣсколько дней оставаться у себя и пожалуй завтра въ полночь пріѣду.

— Непремѣнно?

— Непремѣнно.

— Ну, такъ прощай. Мнѣ необходимо поискать еще эту плѣнницу. Кто знаетъ можетъ быть и она можетъ принести намъ какую-нибудь услугу. Говорятъ, что тамъ, гдѣ мущина не съумѣетъ ничего сдѣлать, тамъ женщина все рѣшитъ однимъ взглядомъ.

— Да, да говорятъ-же старики, что женщина перехитрила и черта. Попробуй, а завтра разскажешь мнѣ.

Узбекъ, не смотря на темноту и позднее время ночи, вскочилъ на коня своего и что было силы помчался въ темное ущелье, заросшее въ тѣ времена густыми садами обитателей села св. Маріи, пріютившагося у подножья скалы съ пещернымъ храмомъ во имя св. Дѣвы.

Первыя пѣтухи уже прокричали, когда Узбекъ въѣхалъ въ дворъ къ деревенскому Юзъ-баши (сотнику) и постучалъ въ мѣдное кольцо его дверей.

— Янаки, Янаки! произнесъ онъ — потрудись подойти ко мнѣ на пару словъ.

— Что прикажешь ага?—отвѣчалъ грубый голосъ.

— Кланяется тебѣ Эминекъ-бей и очень проситъ, чтобы ты завтра съ ранняго утра розыскалъ въ деревнѣ и окрестностяхъ убѣжавшую изъ сераля Менгли-гирея молодую плѣнницу христіанку. Мой господинъ крайне желаетъ видѣть ее. Я имѣю самыя положительныя свѣдѣнія, что она гдѣ-нибудь здѣсь. Ты знаешь Эминека и то, какъ онъ мститъ ослушникамъ его воли. Надѣюсь,

что ты не доведешь его до гнѣва и доставишь на Хыръ-хыръ твою единовѣрку, за цѣлость которой я готовъ поручиться моею жизнію.

— Передай господину нашему—отвѣчалъ Янако, что приказаніе его я въ точности исполню.

Послышался снова лошадиный топотъ и перекличка пѣтуховъ.

На слѣдующій день Узбекъ чрезвычайно обрадовалъ Эминека во первыхъ тѣмъ, что Булатъ остался преданнымъ ему, но перешолъ къ Менгли-гирею съ цѣлью ускорить его гибель и наконецъ тѣмъ, что приказалъ Янако розыскать и доставить на Хыръ-хыръ убѣжавшую отъ Менглія—плѣнницу необыкновенной красоты.

— Ты заботишься обо мнѣ Узбекъ, какъ отецъ не заботится о сынѣ, и въ тоже время исполняешь обязанности всѣхъ министровъ. Повѣрь, что услуги твои щедро будутъ вознаграждены, если Аллахъ удостоитъ меня своихъ милостей. Однако признайся мнѣ откровенно, съ какою ты цѣлью приказалъ розыскать бѣглянку? Неужели, чтобы развлечь меня только въ моемъ печальномъ одиночествѣ?

— Я задался двумя мыслями: и развлечь тебя и воспользоваться услугами женщины, которая безъ сомнѣнія была наложницею Менгли-гирея. Тебѣ не трудно будетъ сдѣлать ее орудіемъ мести, уговоривъ возвратиться на одинъ день къ брату твоему.

— Это будетъ не дурно—сказалъ съ улыбкою Эминекъ. Женщинѣ гораздо удобнѣе угостить его какимъ-нибудь лакомствомъ, послѣ котораго послѣдуетъ вѣчный сонъ.

Пока происходилъ этотъ разговоръ, къ воротамъ крѣпости подъѣхалъ верхомъ Янако, за спиною котораго сидѣла закутанная женщина. Крикнувъ по совиному, онъ заставилъ привратника отворить одну половину окованныхъ желѣзомъ воротъ и весело въѣхалъ въ обширный дворъ Эминекъ-бея.

— Я исполнилъ твое приказаніе, свѣтлѣйшій бекъ—сказалъ онъ вышедшему къ нему на встрѣчу Эминеку. Куда прикажешь снести красавицу!

— Спусти ее въ мою любимую пещеру. Тамъ болѣе

удобствъ для женщины, а я прикажу доставить ей все нужное и потомъ приду поговорить. Если она не говоритъ по нашему, увѣрь ее, что здѣсь никто не нанесетъ ей оскорбленія.

— Она лучше меня говоритъ по татарски.

— Тѣмъ лучше для нея.

Янако поѣхалъ дальше и, спустивъ Кирьякулу съ лошади, ввелъ ее въ довольно роскошно убранное подземелье.

— Да благословитъ тебя Панагія—сказалъ Юзъ-баши по гречески. Помни-же то мѣсто, которое я тебѣ указалъ въ стѣнѣ за воротами. Камень этотъ стоитъ ребромъ, такъ что отъ малѣйшаго прикосновенія изъ внутренности онъ падаетъ и предоставляетъ возможность вылѣзть за ограду. Я же, вернувшись домой, сейчасъже вышлю сына моего верхомъ, который засядетъ въ лѣсу и безпрестанно будетъ то лаять лисицею, то выть волкомъ. На случай-же если будетъ темно, онъ станетъ кресать огонь. Смотри-же не забывай отсчитать 30 шаговъ отъ воротъ вдоль стѣны, чтобы нащупать нишу, да не полѣнись выйти за мною на дворъ и получше присмотрѣться къ направленію, по которому придется тебѣ бѣжать.

Кирьякула молча поцѣловала въ плечо сѣдаго старика, перекрестилась и начала пристально осматривать большую комнату, нарочно вырубленную въ цѣльной скалѣ. Затѣмъ она вышла на воздухъ, повернула глаза свои къ пещерному храму Пресвятой Богородицы и начала молиться. Послѣ чего перенесла взоры свои на путь, которымъ подъѣхала къ подземелью своему и, казалось, щупала каждый камень до главныхъ воротъ и оттуда до чернѣвшейся надъ уровнемъ земли ниши въ крѣпостной стѣнѣ. Наблюденія и разсчеты свои она не прекращала до того времени, пока показался въ нѣсколькихъ десяткахъ саженяхъ сѣдой татаринъ, несшій на большомъ мѣдномъ *сини* (подносѣ) лакомства и разныя блюда съ пищею. Кирьякула не замедлила спуститься въ подземелье и принять веселый видъ.

— Вотъ, дочь моя—сказалъ татаринъ—тебѣ прислали завтракъ. Ты навѣрно проголодалась.

— Да, я давно не ѣла ничего, кромѣ хлѣба и воды.

— Но ты, кажется, гостила у нашего номинальнаго хана?

— И вынуждена была бѣжать, чтобы не умереть съ голода—отвѣчала дѣвушка.

— Ну за то теперь накушаешься вдоволь. У насъ слава Аллаху всякій день приготовляется нѣсколько сортовъ кушанья и все, замѣть, мясныя. Нашъ бей не любитъ жить по-цыгански. Но если онъ снова воцарится, въ чемъ, конечно, никто изъ насъ не сомнѣвается, о, тогда мы по прежнему будемъ приготовлять 40 разнородныхъ блюдъ.

Старикъ пристально осмотрѣлъ Кирьякулу, пощупалъ ея плечи и талью и, оставшись повидимому очень доволенъ станомъ и наружностію дѣвы горъ, оставилъ ее лакомиться. Но дальновидная Татка нашла болѣе разумнымъ большую часть изъ принесенныхъ ей кушаній тутъ-же поднести сбѣжавшимся собакамъ и ничего почти не взяла въ ротъ. Ей извѣстно было, что въ Крыму часто практиковалось какое-то усыпляющее средство, доставляемое въ Старый Крымъ изъ Аджема (Персіи) и Индустана (Индіи). Отставивъ затѣмъ подносъ въ сторону, она вышла на воздухъ. На этотъ разъ ей пришлось подслушать о новыхъ затѣяхъ Эминека противъ гирея. Во все это время ни единая душа не появлялась на вершинѣ Хыръ-хыра. Молодая дѣвушка снова сошла въ подземелье и разложила огонь, чтобы освѣтить мрачную комнату и согрѣться. Въ эту минуту у ней впервые забилось сердце. Она поняла, что злодѣй разсчиталъ явиться къ ней въ то время, когда приправленныя кушанья его окажутъ полное дѣйствіе. Кирьякула ощупала кинжалъ свой и затѣмъ, спустивъ его съ шнурка, накинутаго на шею, перенесла въ карманъ одежды своей.

„Онъ навѣрно придетъ, когда всѣ заснутъ—подумала она—злодѣи всегда стараются казаться предъ другими самыми благонравными людьми и ни за что не задавятъ въ присутствіи свидѣтелей даже и мухи. Теперь я положительно убѣждена, что Менгли-гирей несравненно честнѣе и достойнѣе этого бунтовщика, который истребилъ бы насъ всѣхъ, еслибы воцарился.

Прошло еще нѣсколько часовъ; у Кирьякулы окончился весь запасъ дровъ и послышались вдали едва слышные крики пѣтуховъ.

„Ну, теперь насталъ часъ жизни злыхъ духовъ—проговорила она, подымаясь съ мѣста—о, Владычица небесная, дай мнѣ силы сокрушить этого супостата однимъ ударомъ. Не покинь меня безсильную и одинокую и не отдай меня на поруганіе безвѣрному! Сказавъ это, она осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ, вооружилась кинжаломъ и твердо уперлась предъ стѣною у самаго входа въ подземелье.

И, дѣйствительно, не прошло и получаса. какъ послышались тихіе шаги одинокаго человѣка. Кирьякула вздрогнула, перекрестилась, усиленно перевела дыханіе и судорожно прижала рукоятку своего великолѣпнаго оружія.

Эминекъ-бей сошелъ съ ступеней, но только что вступилъ въ подземелье, какъ упалъ ницъ отъ мѣтко нанесеннаго ему удара въ спину. Ни единый звукъ не успѣлъ вылетѣть изъ его проколотой насквозь груди.

Изумленная своимъ подвигомъ молодая дѣвушка задрожала всѣмъ тѣломъ и какъ-то безсознательно бросилась бѣжать. Къ счастію темная ночь и холодный полуночный воздухъ нѣсколько прояснили ея мысли и она кое-какъ отыскала нишу въ стѣнѣ, сдвинула камень, пролѣзла въ отверстіе и бѣгомъ спустилась внизъ по тропинкѣ, указанной ей Янакіемъ. Вслѣдъ затѣмъ она разслышала тявканье лисицы, вой волка и замѣтила искры отъ огнива. Сбѣжавъ съ крутаго спуска, густо заросшаго колючками и другаго рода кустарниками, отважная Татка съ трудомъ дошла до ожидавшаго ее юноши и безъ чувствъ упала къ нему на руки.

Испугавшійся молодой человѣкъ не безъ усилій привелъ ее въ сознаніе и посадивъ на лошадь, предложилъ какъ можно скорѣе ѣхать.

— Ну, съ кѣмъ ты насъ поздравишь, прелестная Татка—наконецъ заговорилъ проводникъ—съ Менгли-гиреемъ или вновь остался въ живыхъ нашъ истязатель Эминекъ?

— Эминекъ убитъ мною наповалъ—отвѣчала дѣва горъ. Передай это отцу твоему и попроси его, чтобы онъ сообщилъ отъ имени моего Менгли-гирею, что я исполнила обѣщаніе, данное ему и ожидаю отъ него не забывать никогда того, что онъ въ свою очередь обѣщалъ мнѣ.

Предъ свѣтомъ запоздалые путешественники наши заѣхали на мельницу, чтобы отдохнуть и согрѣться. Мельница эта принадлежала одному изъ генуэзцевъ, которому удалось укрыться во время нашествія турковъ на Судакъ и благодаря знанію греческаго языка поселиться здѣсь въ качествѣ природнаго жителя. Человѣкъ этотъ столько оказалъ гостепріимства молодымъ людямъ и съ такимъ восторгомъ и доброжелательствомъ произносилъ имя Менгли-гирея, съ которымъ былъ когда-то въ пріятельскихъ отношеніяхъ, что Кирьякула, желая предоставить ему вновь возможность сблизиться съ ханомъ, рѣшилась передать самымъ подробнымъ образомъ все случившееся съ нею послѣ выхода со двора Менгли-гирея.

— Я буду очень рада, если ты, не теряя ни минуты—прибавила она—явишься къ хану первымъ вѣстникомъ отрадной для него вѣсти. Но при этомъ скажи ему, чтобы онъ оставилъ меня моимъ родителямъ въ утѣшеніе ихъ старости и постарался найти себѣ жену въ средѣ своего народа. Для меня же, привыкшей къ свободѣ, жизнь въ гаремѣ, не смотря на то, что я полюбила его, будетъ тюрьмою.

Итальянецъ съ радостью принялъ на себя эту миссію.

— Передай ему еще—сказала дѣвушка, когда они сѣли на лошадей, чтобы онъ хранилъ мое кольцо, какъ талисманъ счастія, которое не покинетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ любить Крымскихъ христіанъ. Что касается до меня, то я сохраню о немъ самыя пріятныя воспоминанія и чрезвычайно буду рада, если увижу его въ нашей сторонѣ счастливымъ и довольнымъ своею судьбою. Остальное ему передастъ лично мой теперешній проводникъ или отецъ его. Прощай, да обрадуетъ тебя святая Деспина. При надобности ты найдешь меня за горами около Теодоро въ Месихорѣ.

IV.

Въ ту ночь, когда совершилось важное событіе въ жизни Менгли-гирея и когда онъ сдѣлался единственнымъ распорядителемъ судьбы Крымскаго ханства, Булатъ-бей, возвратившись съ Хыркъ-хыра, отправился къ афузъ Билялу и объявилъ ему, что онъ намѣренъ съ завтрашняго дня перейти въ сераль новаго господина своего и заняться указанными обязанностями. Затѣмъ онъ направился къ Джелялу и, запершись съ нимъ, передалъ, что рѣшился отравить Менгли-гирея.

— Это самое лучшее изъ всѣхъ средствъ, придуманныхъ Эминекомъ—отвѣчалъ молодой головорѣзъ—отчего бы не сдѣлать этого раньше? Это избавило бы насъ отъ скитальничества, и народъ отъ разъѣденія мыслей. Воображаю, въ какомъ отчаяніи будетъ мой дядя, когда патрона его бросятъ, какъ собаку, въ яму и никто не скажетъ ему *рахметъ илесинъ* *).

— Ну, твой дядя еще ничего не значитъ въ сравненій съ гордымъ султаномъ, который вообразилъ, что завоевалъ насъ и что прикащикъ его не станетъ сдирать съ насъ шкуры, чтобы ублажать не только его, но и всѣхъ визирей съ ихъ гаремами. Подожди, братъ, мы тебѣ докажемъ, что плюемъ на твое калифатство, которое должно принадлежать арабамъ, и ты узнаешь, что потомки татаръ и Ногаевъ совсѣмъ не то, что изнѣженные греки и дженевезы!

— Вся бѣда состоитъ въ томъ—сказалъ Джелялъ—что у нихъ пушки.

— Вздоръ, мы постараемся предварительно объявленія войны отнять ихъ. Но объ этомъ мы поговоримъ послѣ, а теперь подумаемъ, какъ бы скорѣе и вѣрнѣе раздѣлаться съ султанскимъ прикащикомъ, у котораго не пожелала даже остаться гяурка. Мнѣ кажется, Джелялъ, что намъ слѣдуетъ обоимъ держать всегда наготовѣ ядъ. Кто знаетъ, кому онъ болѣе станетъ довѣрять?

— Нѣтъ, Булатъ, не смотря на искреннее желаніе

*) Подходящее къ нашему: царство небесное!

мое видѣть Эминека царствующимъ съ неограниченною властью я не могу рѣшиться убивать такого человѣка, который однажды царствовалъ уже и за котораго отцы мои молились въ мечетяхъ. Я не прочь его убить кинжаломъ и ножомъ за первую обиду, которую онъ нанесетъ мнѣ, но отравить человѣка, чтобы потомъ душа его преслѣдовала меня всю жизнь и называла подлецомъ, *валлахъ, биллахъ* *), я не могу.

— А если тебѣ прикажутъ?

— Никто не осмѣлится мнѣ приказывать подобныхъ вещей, пока я не приму добровольно обязанности палача.

— Ну, братъ, если мы будемъ отвѣчать такимъ образомъ старшимъ по происхожденію, то надъ нами навѣрно воцарятся пришедшіе таборы цыганъ.

— Это скорѣе можетъ случиться, когда мы станемъ старшихъ своихъ отравлять.

— Такъ ты отказываешься отъ повиновенія мнѣ?

— Я не люблю повторять нѣсколько разъ сказаннаго.

— Берегись, Джелялъ, это можетъ повліять на всю будущность твою. Эминекъ-бей расчитывалъ сдѣлать тебя своимъ казнедарамъ. Сказавъ это, Булатъ грозно посмотрѣлъ на друга своего и быстрыми шагами удалился.

Менгли-гирей въ эту ночь находился въ самомъ грустномъ расположеніи духа. Въ умѣ его проносилось все минувшее. Онъ вспомнилъ себя рѣзвымъ юношею въ кругу образованныхъ, добрыхъ и предпріимчивыхъ генуэзцевъ, готовыхъ жертвовать всѣмъ для его и собственнаго благосостоянія, потомъ какъ взбунтовались противъ нихъ нѣсколько отважныхъ грубыхъ безумцевъ, вызвавшихъ алчныхъ турковъ, не пощадившихъ ни одного изъ славныхъ обитателей Кафы, а въ заключеніе свой плѣнъ, униженіе и просьбы у надменнаго султана, мечтавшаго повелѣвать всѣмъ міромъ. Грусть усилилась его, когда онъ началъ взвѣшивать невѣжество и распущенность нравовъ Крымскихъ татаръ, успѣвшихъ заразиться духомъ анархіи съ момента появленія турковъ.

*) Клятва.

Въ концѣ концовъ въ воображеніи его началъ рисоваться прелестный образъ Кирьякулы, рѣшившейся сокрушить его врага.

„Ну, какой же я глупецъ—думалъ онъ—развѣ возможно допустить, чтобы молодая дѣвушка рѣшилась бы на битву изъ за меня съ сильнымъ мущиною, окруженнымъ сотнями делибашей? Всего вѣроятно, что она, сознавъ мое ничтожное состояніе, не захотѣла дѣлить со мною печальной будущности, которую я и самъ начинаю предвидѣть. Въ такихъ безотрадныхъ размышленіяхъ усталые глаза его сомкнулись и начали предъ нимъ создаваться новаго рода видѣнія. Вотъ выступила на сцену въ золотой коронѣ безподобная Біанка и начала укорять его въ такихъ поступкахъ, которыхъ онъ не можетъ припомнить. За нею выходитъ Кирьякула, молча подходитъ къ госпожѣ своей, снимаетъ съ нея корону и надѣваетъ на него; потомъ показываетъ окровавленный кинжалъ, что-то шепчетъ на ухо и скрывается. Вмѣсто нея выступаетъ Эминекъ въ изорванномъ кафтанѣ, съ обнаженною головою и раболѣпно подводитъ къ нему прекраснаго крылатаго коня. „Мнѣ поручила Кирьякула передать тебѣ этого бульбуля *)—сказалъ онъ, передавая недоуздокъ и исчезъ какъ клубъ дыма.

Въ это время онъ былъ пробужденъ голосомъ вѣрной нянки своей, которая принесла ему утренній завтракъ.

— Ты сегодня что-то заспался, дитя мое—сказала добрая старушка.

— Охъ, я видѣлъ ужасные сны!

— Въ добрый часъ, *арсланымъ!* (левъ мой). Я когда то умѣла разъяснять дурныя и хорошія сновидѣнія. Что-же напримѣръ тебѣ снилось?

— Знаешь ли: мнѣ предварительно хочется знать отъ Бога ли бываютъ сны или отъ хитраго шейтана?

— И отъ одного и другаго, смотря по заслугамъ человѣка.

— Ну, а мои, какъ думаешь.

---

*) Крылатый конь.

— Ты не сдѣлалъ ничего такого въ жизни, чтобы находиться во власти злаго духа.

— Если ты такихъ убѣжденій, то я разскажу тебѣ эти странные сны.

Старушка внимательно выслушала хана и послѣ нѣкотораго размышленія объявила, что съ сегодняшняго дня должна измѣниться къ лучшему его жизнь; что Эминекъ умретъ и извѣстіе это принесетъ Кирьякула. Не успѣла она досказать послѣдняго слова, какъ вбѣжала въ комнату внучка ея и сказала, что пріѣхалъ какой то гяуръ, который хочетъ видѣть хана.

— Навѣрно съ хорошимъ извѣстіемъ—замѣтила няня—прикажешь привести его къ тебѣ?

— Гяурамъ я больше довѣряю, чѣмъ татарамъ. Приведи его.

Въ спальню вошелъ рослый мущина съ полусѣдою бородою и почтительно произнесъ по-итальянски: Bongiorno gran signiore! Вы, вѣроятно, не узнаете меня, того Джакомо Галіери, который училъ васъ строить мельницы въ бытность въ Судгаѣ?

Ханъ приподнялся и послѣ минутнаго молчанія вскрикнулъ:

— Теперь вспомнилъ! Какими ты судьбами спасся. Садись, другъ мой, какъ я радъ видѣть тебя. Не желаешь ли позавтракать? Я сейчасъ прикажу тебѣ накормить.

— Не трудись ханъ, все это я успѣю сдѣлать послѣ, а теперь я прискакалъ сообщить тебѣ чрезвычайную новость, которою ты долженъ воспользоваться безъотлагательно.

— Чтоже это такое? спросилъ дрожащимъ голосомъ Менгли-гирей.

— Три часа тому назадъ, ко мнѣ на мельницу, пріѣхала, въ сопровожденіи молодаго человѣка, дѣвушка, назвавшая себя Кирьякулою и приказала мнѣ донести тебѣ, что она своеручно убила твоего неумолимаго врага Эминека въ подземельѣ.

— Быть не можетъ! вскрикнулъ ханъ и бросился одѣваться. Бѣги, другъ мой, скорѣй на кухню и прикажи

моему Чубукчи, чтобы онъ пригласилъ немедленно явиться комнѣ турецкимъ янычарамъ въ полномъ вооруженіи.

Часъ спустя Менгли-гирей въ сопровожденіи 12-ти турецкихъ солдатъ мчался верхомъ что было мочи къ Хыръ-хырскимъ воротамъ, которыя были настежъ отворенными и па всей вершинѣ не видно было ни единаго человѣка. Гирей остановился у входа въ подземелье и приказалъ конвойнымъ спѣшиться и осмотрѣть его.

Янычары бросились въ него съ обнаженными саблями, но встрѣтивъ безжизненный трупъ Эминека, вынесли его и сложили у ногъ изумленнаго повелителя татаръ.

„Наконецъ—прошепталъ гирей—ты получилъ заслуженную награду отъ дочери того народа, надъ которымъ ты хотѣлъ издѣваться, какъ надъ собаками! Но да проститъ тебя Аллахъ, такъ точно, какъ и я прощаю тебѣ все“.

— Снести тѣло въ сераль—приказалъ Менгли и пусть его похоронятъ съ подобающею честью, но безъ памятника, чтобы никто не имѣлъ повода осквернять его останки ругательнымъ словомъ.

Въ тотъ же день всѣ старѣйшины Хыръ-ера и Маріинскаго села явились къ Менгли-гирею съ привѣтствіями, что отнынѣ они будутъ знать, кого Богъ назначилъ имъ въ повелители.

Не выразивъ ни одному изъ представителей ни малѣйшей ласки, ханъ заявилъ, что онъ начнетъ важныя преобразованія въ странѣ и безъ различія религій будетъ снисходителенъ только къ тѣмъ, которые станутъ повиноваться его волѣ.

Покончивъ съ народомъ, онъ бросился въ объятія къ Джакомо Галіери.

— Скажи чѣмъ тебя я могу наградить? спросилъ онъ.

— Пока я ни въ чемъ не нуждаюсь, но мнѣ всегда было бы отрадно жить около тебя и по мѣрѣ силъ моихъ содѣйствовать твоимъ добрымъ намѣреніямъ.

— Этимъ ты окажешь мнѣ большую услугу, потому что народъ мой отвыкъ отъ всего лучшаго и я не найду въ настоящее время честныхъ исполнителей для разумнаго управленія страною. Ну, это рѣшено уже: ты будешь моимъ совѣтникомъ, по прежнему христіаниномъ

въ душѣ, но непремѣнно въ костюмѣ татарина, чтобы подлые турки не имѣли повода кляузничать султану, котораго я вынужденъ былъ признать своимъ сувереномъ. Согласенъ?

— Отъ всей души.

— Теперь мы поговоримъ о благодѣтельницѣ моей и всего народа моего, Кирьякулѣ. Садись, другъ, и отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, которые я тебѣ предложу. Видишь ли я въ настоящее время кромѣ любви, чувствую къ ней безпредѣльную благодарность за то, что она такъ мастерски разыграла предстоящую драму и не довела меня ни до позора, ни до тѣхъ послѣдствій, которыя могли довести меня или до преждевременной смерти или до изгнанія изъ отечественной земли. Судя потому, насколько всѣ знатные роды и народъ были расположены къ Эминеку, я въ концѣ концовъ лишился бы содѣйствія со стороны султана Мегмета. Это такъ вѣрно, какъ то, что ты сидишь противъ меня. И вдругъ является моею спасительницею молодая дѣвушка, купленная мною за деньги для обыкновенныхъ услугъ, отвергаетъ мои ласки и жертвуетъ собою для спасенія того, кто считалъ ее своею рабынею и имѣлъ право мучить и тиранить. Нѣтъ, какъ хочешь я обязанъ розыскать ее и торжественно вступить въ бракосочетеніе, въ противномъ случаѣ я самъ сдѣлаюсь вѣчнымъ ея рабомъ въ душѣ и не успокоюсь подъ давленіемъ неблагодарности.

— Если ты, gran синьоръ, высказалъ все, то позволь и мнѣ сказать нѣсколько словъ: для честной христіанки ея вѣра въ Іисуса Христа выше всѣхъ благъ земныхъ. Теперь я готовъ отвѣчать на твои вопросы.

— Если это такъ, то мнѣ остается только клясть моихъ отцовъ отчего они не приняли такой вѣры, которая превращаетъ и дѣвушекъ даже въ богатырей... Прежде всего скажи мнѣ, откуда она взяла проводника?

— На этотъ вопросъ я не могу тебѣ отвѣчать, но ты узнаешь отвѣтъ или отъ самого проводника или отъ отца его, которые явятся къ тебѣ, если не сегодня, такъ завтра.

— Чтоже она говорила?

— Прежде всего она разсказала мнѣ, что, ушедъ изъ твоего палацпо, зашла въ Марiино село и расположилась на отдыхъ у деревенскаго начальника съ намѣренiемъ поразузнать, какъ бы попасть на вершину Хыръхыра. Едва только она успѣла удовлетворить своимъ желанiямъ и передать хозяину цѣль своего путешествiя, какъ у дверей послышался голосъ посланнаго отъ Эминекъ-бея съ требованiемъ розыскать Кирьякулу и доставить ее къ бею.

— Какимъ же образомъ имъ стало извѣстно, что Татка зашла въ село?

— Вѣроятно по сообщенiямъ шпiоновъ.

— Ну, потомъ?

— Требованiе это чрезвычайно обрадовало меня—говорила Кирьякула—и я съ радостью вспрыгнула на другой день на лошадь. Привезли меня въ хорошо убранное подземелье и сейчасъ же принесли большой подносъ съ разными кушаньями, которыя повидимому сильно были приправлены усыпительными средствами. Накормивъ ими собакъ, одинокая дѣвушка развела большой огонь и не подымалась съ мѣста до того времени, пока пропѣли первые пѣтухи. Въ эту минуту—сказала она—я поняла, что злодѣй долженъ появиться и, вынувъ кинжалъ, прижалась къ стѣнѣ у самаго входа. И дѣйствительно послышались тихiе шаги человѣка, идущаго съ самоувѣренностiю. Я задрожала и лишь только онъ сдѣлалъ два шага за порогъ и остановился, чтобы открыть мѣсто, гдѣ я сплю мертвецкимъ сномъ, кинжалъ мой пробилъ его спину и выскочилъ изъ груди. Онъ упалъ ницъ лицомъ и судя потому, что не издалъ ни единаго звука и не пошевелился, смерть не замедлила запечатлѣть его уста. Затѣмъ я вышла изъ укрѣпленiя путемъ, указаннымъ мнѣ начальникомъ Марiина села, и успѣла прiѣхать къ тебѣ. Разскажи все это Менгли-гирею и попроси его, чтобы онъ за эту услугу оставилъ меня въ утѣшенiе родителямъ, а себѣ поискалъ другую жену.

— Это все, что она просила отъ меня?

— Она просила еще, чтобы ты хранилъ ея кольцо, какъ талисманъ счастiя, которое будетъ сопровождать

тебя, пока ты будешь любить ея единовѣрцевъ. Затѣмъ увѣряла, что сохранитъ о тебѣ отрадное воспоминанiе и сочтетъ себя счастливою, если ты заглянешь въ ея деревню.

— Такъ она не пожелала возвратиться ко мнѣ?

— Я уже заявилъ тебѣ, что она честная христiанка. Остальное тебѣ, вѣроятно, передастъ проводникъ ея, который гораздо больше говорилъ съ нею.

— Потерять такую женщину въ моемъ одиночествѣ, я считаю большимъ несчастiемъ не только для себя, но и для государства. Это ужъ вторая христiанская дѣвица, къ которымъ я преданъ былъ отъ всей души, но которыя отстранились отъ меня съ презрѣнiемъ. Какой я несчастный ханъ въ сравненiи съ моими предками, которымъ все удавалось и предъ которыми всѣ преклонялись. Неужели эта бѣдная дѣва горъ будетъ счастливѣе въ замужествѣ съ какимъ-нибудь работникомъ, живущимъ козьимъ молокомъ и лѣсными плодами?

— По мнѣнiю моему она будетъ счастливѣе сознанiемъ равенства съ мужемъ и свободою въ образѣ жизни. Каждый человѣкъ предпочитаетъ то, къ чему привыкъ съ дѣтства. Родись Кирьякула въ царскомъ дворцѣ, она согласилась бы быть у тебя простою работницею, чѣмъ жить гдѣ-нибудь въ деревнѣ въ замужествѣ за богатымъ бекомъ.

— Я этого не могу понять, потому что низшее сословiе всегда стремится къ почестямъ.

— Это мущины; но женщины ищутъ полноправности въ домѣ. Какое же можетъ быть удовольствiе для христiанки, если мужъ ея пригласитъ въ гаремъ еще нѣсколько другихъ, которыя также пожелаютъ пользоваться одинаковыми съ нею правами? Это всегда будетъ служить главнѣйшимъ поводомъ къ тому, что ни одна христiанка не пожелаетъ добровольно сдѣлаться женою богатаго мусульманина.

— Ты правъ, Джакомо, потому только, что ваши женщины настолько же умны и честолюбивы, насколько это свойственно мущинамъ. Онѣ умѣютъ пламенно любить и слѣдовательно также ревновать, какъ дѣлаемъ это мы; но татарки и черкешенки рѣдко когда поддаются этимъ

чувствамъ и для нихъ безразлично поведеніе господина своего.

Отпустивъ Джакомо съ тѣмъ, что онъ возвратится къ нему въ скоромъ времени, Менгли-гирей послалъ за Афузъ Биляломъ.

— Я желалъ-бы знать, учитель, какимъ образомъ ты занесешь въ твой теварикъ событіе вчерашняго дня? спросилъ ханъ. Кромѣ этого мнѣ интересно знать, кто именно былъ убійцею несчастнаго Эминека?

— На первый твой вопросъ я отвѣчу, что ограничусь тѣмъ, что признаю тебя побѣдителемъ противъ взбунтовавшагося брата: что касается послѣдняго, то разсказываютъ, будто за плѣнницею прокрался въ Хыръ-хыръ ея женихъ, который и поразилъ ножемъ Эминека въ то время, когда онъ началъ насиловать его невѣсту. Затѣмъ они бѣжали, пользуясь темнотою ночи и глубокимъ сномъ служителей бея.

— Это довольно правдоподобно и я готовъ заплатить кошелекъ денегъ за голову убійцы, чтобы народъ не подумалъ, что я изъ политической вражды къ брату, радуюсь и оставляю безнаказнымъ преступника. Надо будетъ сейчасъ-же приказать *телялу* (глашатаю), чтобы онъ объявилъ объ этомъ народу.

— Если ты позволишь мнѣ, я передамъ приказаніе твое мѣстному агѣ.

— Да, я требую этого—сказалъ грозно Менгли-гирей—и намѣренъ лично произвести слѣдствіе, чтобы открыть виновнаго, осмѣлившагося поднять ножъ на одинъ изъ перловъ чингисханской крови. Если мы не накажемъ дерзкаго, онъ не затруднится поднять и на насъ руку. Прикажи также и Кадію немедленно явиться ко мнѣ.

Часъ спустя Хыркъ-ерскій судья раболѣпно стоялъ предъ повелителемъ своимъ.

— Вы всѣ до настоящаго времени предавались полному кейфу и не хотѣли признавать моей священной власти—сказалъ ханъ—но время смутъ миновало. Теперь я надѣюсь, что вы сдѣлаетесь самыми усердными исполнителями воли моей и за малѣйшее ослушаніе легко попадете на висѣлицу, которую я поручу построить опытнымъ янычарамъ на манеръ турецкій. Понимаешь-ли ты,

что ханъ долженъ быть строгъ и безпощаденъ къ людямъ, несознающимъ своихъ обязанностей и нарушающимъ государственный покой?

— Я готовъ служить моему повелителю безупречно— отвѣчалъ трепещущій кадій—и жду его приказаній.

— Слушай-же со вниманіемъ. Тебѣ не безъизвѣстно, что братъ мой Эминекъ убитъ какимъ-то негодямъ, какъ собака. Не смотря на то, что мы не ладили съ нимъ, я, какъ ханъ и ближайшій родственникъ его, долженъ отыскать убійцу и отомстить ему. Тотъ, кто не щадитъ жизни ближняго,—самъ не достоинъ жить. Мнѣ необходимо отыскать этого человѣка, а онъ, по убѣжденію моему находится въ Хыркъ-ерѣ т. е. между нами.

— Какимъ-же образомъ я найду его?

— Ну, если ты такъ глупъ, какъ пустая тыква, то я научу тебя. Разузнай прежде всего. кто въ этотъ вечеръ ѣздилъ отсюда на Хыръ-хыръ и до котораго времени онъ оставался тамъ? Это тебѣ докажетъ, кого слѣдуетъ признать за убійцу. Ступай-же и начинай дѣйствовать.

Буранъ-кади вышедъ отъ Менгли-гирея, поспѣшно направился къ лачугѣ Джеляля и пригласилъ его слѣдовать за собою. Когда они очутились внѣ селенія, Кади, расположившись на зеленой травѣ, приступилъ къ допросу.

— Мнѣ необходимо—сказалъ онъ—разслѣдовать дѣло объ убійствѣ Эминека. но чтобы сдѣлать долгъ свой, я обязанъ опросить кого-нибудь. Этотъ кто-нибудь долженъ быть изъ числа тѣхъ, которые были на Хыръ-хырѣ въ вечеръ убійства. Не извѣстно ли тебѣ, кто ѣздилъ отъ насъ туда?

— Если ты спрашиваешь это по прежней нашей дружбѣ и не намѣренъ изъ этого сдѣлать гласнаго дѣла, я скажу, что туда ѣздилъ нашъ другъ Булатъ-бекъ.

— А долго-ли онъ находился тамъ?

— Онъ говорилъ мнѣ, что разстался съ Эминекомъ ровно въ полночь.

Кадію достаточно было имѣть это свѣдѣніе. Простившись съ Джеляломъ, онъ возвратился домой и отдалъ приказаніе арестовать Булата и бросить его въ темницу. Послѣ чего явился къ Менгли-гирею съ донесеніемъ.

— Мы завтра осудимъ его со всею строгостію—сказалъ ханъ и отдалъ приказаніе немедленно воздвигнуть *дарагачъ* (висѣлицу).

Оставшись одинъ, ханъ предался размышленію. „Этого головорѣза надо будетъ повѣсить для примѣра, иначе онъ можетъ сдѣлаться мнѣ опаснымъ. Я знаю его отвагу и готовность поднять весь Кипчакъ противъ меня. Покончивши съ нимъ, я постараюсь отблагодарить и всѣхъ тѣхъ, которые угостили меня турками и тѣми мученіями, которыя продолжались до сегодняшняго дня. Нѣтъ, видно, что для господства надъ татарами и нагаями необходимо быть такимъ же кровожаднымъ львомъ, какимъ былъ Чингизъ, Бату и Темиръ—Аксакъ (Тамерланъ)“.

Менгли-гирей, казавшійся тихимъ и миролюбивымъ, съ этого времени почувствовалъ ненависть къ подданнымъ своимъ и задался мыслію во всемъ подражать могущественному и строгому падишаху турковъ. Приказавъ повѣсить Булата, Джеляла, Узбека и многихъ другихъ сообщниковъ Эминекъ-бека подъ видомъ того, что они были виновниками его смерти, онъ окружилъ себя большимъ числомъ работѣшныхъ грамотѣевъ и поручилъ имъ постройку хорошихъ мечетей и высшихъ духовныхъ училищъ въ странѣ. Афузъ Билялъ возведенъ былъ по личному его желанію въ санъ первенствующаго муфтія, а всѣ дженевезы, которые продолжали скрываться и явились къ нему, назначены были начальниками округовъ, но не иначе, какъ съ условіемъ скрывать свое происхожденіе.

Вскорѣ послѣ этого воздвигнутъ былъ и новый великолѣпный домъ въ центрѣ ущелья, который ханъ назвалъ, по нахожденію его между деревьями, Бахча-сараемъ или садовымъ дворцомъ.

Переѣхавъ сюда, Менгли-гирей впервые сознавъ, что теперь онъ вновь окрѣпъ и настало время выяснить предъ турками, что онъ есть полновластный хозяинъ и законный наслѣдникъ Крымскаго царства.

Наполнивъ гаремъ свой лучшими невольницами Кавказа, могущественный владыка при всемъ этомъ не переставалъ частенько вспоминать о Кирьякулѣ, кольцо которой носилъ на ладонкѣ, какъ священный талисманъ.

— Послушай, Джапаръ-ага — сказалъ онъ однажды Джакомо, съ которымъ сидѣлъ въ саду—вѣдь у меня до настоящаго времени болитъ сердце, когда я вспоминаю о той Таткѣ, которой обязанъ теперешнимъ моимъ спокойствіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что талисманъ оставленный ею, открылъ предо мною такую судьбу. Не странно-ли, что султанъ, повсюду повелѣвающій и грабившій подвластные ему народы, со мною обходится какъ съ братомъ, далъ мнѣ гвардію, присылаетъ деньги и не вмѣшивается въ мои дѣла. Неужели я, стоявшій на такой высотѣ величія и славы, не могу чѣмъ-либо быть полезнымъ моей спасительницѣ?

— Ты всѣмъ можешь оказать благо, потому что у каждаго человѣка есть какія-нибудь нужды.

— А какія, напримѣръ, могутъ быть нужды у Кирьякулы?

— Кто знаетъ—можетъ быть, она находится въ крайней бѣдности.

— Возможно-ли это! Она обратилась-бы ко мнѣ.

— Она никогда этого не сдѣлаетъ.

— Какимъ же образомъ я узнаю ея нужды?

— Пошли меня въ ея село, если это интересуетъ тебя.

— Ты окажешь мнѣ большую услугу, потому что она снилась мнѣ сегодня и кажется упрекала въ забвеніи, а мои сны иногда бываютъ справедливы.

— Я завтра-же пущусь въ путь.

— Отлично, но только не забудь захватить съ собою нѣсколько кусковъ дорогой матеріи, выписанной мною изъ Константинополя, и мѣшочекъ съ золотыми монетами, которыя могутъ пригодиться бѣднымъ людямъ. Кромѣ этого я прикажу приготовить фирманъ о пожалованіи отца ея окружнымъ начальникомъ, но такъ какъ намъ не извѣстно его имя, то ты самъ пропишешь его на мѣстѣ. При этомъ скажи имъ, что я всегда буду радъ, если они лично станутъ обращаться ко мнѣ со всѣми своими нуждами и желаніями.

Джапаръ-ага, исполнявшій при Менгли-гиреѣ обязанность министра внутреннихъ дѣлъ ханства, въ назначенное время выѣхалъ изъ Бахчасарая, а день спустя

прибылъ въ многолюдное селеніе Месихора, исключительно населенное татами христіанскаго исповѣданія.

Ему, какъ знающему хорошо греческій языкъ, не трудно было узнать, что родители Кирьякулы, которая два года тому назадъ была похищена и возвратилась обратно, жили на берегу моря на Теодорѣ въ зданіи, оставшемся пустымъ со времени выѣзда владѣтельнаго князя.

Джакомо направился на указанную мѣстность, гдѣ и встрѣтилъ отца Кирьякулы, сидящимъ въ глубокомъ раздумьи надъ обрывомъ высокаго мыса. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій странникъ назвалъ себя и объявилъ, что посланъ Менгли-гирей ханомъ съ подарками къ дочери его, которая оказала важную услугу повелителю.

— Къ несчастію—отвѣчалъ грекъ—дочь моя вторично похищена, но на этотъ разъ черкесами, которые подкрались къ нашему берегу и надо полагать такъ ловко укрылись, что бѣдная Кирьякула не могла замѣтить ихъ заблаговременно. Подхваченная злодѣями, она хотя и закричала, но такъ какъ меня не было дома, а пока явились отдаленные поселяне, все было кончено и мы вновь осиротѣли, но на этотъ разъ, кажется, навсегда.

Пожилой человѣкъ вытеръ изъ глазъ выступившую слезу.

— А какъ давно случилось это несчастіе? спросилъ министръ.

— Три дня тому назадъ.

— Ханъ очень чтитъ память о твоей дочери и я полагаю, что онъ не допуститъ Кирьякулу остаться между разбойниками.

— Мусульманскіе цари мало обращаютъ вниманія на иновѣрцевъ.

— Твоя дочь сдѣлала его самостоятельнымъ ханомъ. Онъ сознаетъ это и всей душою желаетъ отблагодарить ее. Въ этомъ желаніи онъ нарочно послалъ меня съ кое-какими подарками и фирманомъ о производствѣ тебя въ начальники здѣшняго округа.

— Неужели я могъ заслужить такую милость? Сказавъ это, старикъ поднялся съ мѣста и предложилъ почтенному гостю посѣтить его жилище.

Джакомо, нуждавшійся въ отдыхѣ, передалъ ему коня и вступилъ въ обширное зданіе, которое показалось ему снаружи лачугою.

— Угости меня хоть кускомъ хлѣба и кружкою вина— сказалъ онъ хозяину, когда послѣдній внесъ саквы и поставилъ въ углу—я ѣхалъ къ тебѣ безъ остановки и сильно проголодался.

Грекъ не замедлилъ выставить предъ гостемъ все, что у него было подъ рукою.

— Къ сожалѣнію моя безутѣшная старуха покинула меня на цѣлый мѣсяцъ и я лишенъ возможности угостить тебя болѣе приличною трапезою.

— Прежде всего скажи мнѣ—сказалъ Джакомо, подкрѣпившись виномъ—какъ тебя зовутъ и чего ради ты поселился въ одиночку въ такомъ отдаленіи отъ селенія?

— Зовутъ меня Дмитріемъ Синпфо; поселился же я на этомъ мѣстѣ съ цѣлью сохранить домъ и имущество нашего благороднаго князя въ предположеніи, что измѣнятся рано или поздно обстоятельства.

— И онъ, возвратившись, снова найдетъ все въ цѣлости—договорилъ министръ съ улыбкою.

— Ты угадалъ; но тебя смѣшитъ моя надежда. Можетъ быть, это смѣшно для всѣхъ, но только не для меня, который любилъ и былъ любимъ своимъ добрымъ повелителемъ.

Я также долго надѣялся, что соотечественники мои явятся внезапно для освобожденія несчастной Кафы, но увы, они забыли про нее и тѣхъ немногихъ, которые остались въ живыхъ.

— А развѣ ты дженевезъ?

— Да, я дженевезъ, который вынужденъ былъ переодѣться въ татарское платье, но благодаря симпатіи хана къ христіанамъ, продолжаю исповѣдовать религію отцовъ.

— О, я очень полюбилъ дженевезовъ въ лицѣ моей госпожи Біанки, племянницы послѣдняго великаго консула.

Удовлетворивъ гололу, Джапаръ-ага выложилъ предъ бѣднымъ хозяиномъ ханскіе червонцы и дорогіе куски матеріи.

— Я убѣжденъ, что дочь твою мы отыщемъ—приба-

вилъ онъ. Сбереги же все это до радостнаго дня и если она пожелать узнать, кто именно привезъ ихъ, то напомни ей мельника, у котораго она отдыхала послѣ бѣгства съ Хыръ-хыра. Благодаря ея порученію я вновь сблизился съ Менгли-гирей-ханомъ и сдѣлался его ближайшимъ другомъ. Понятно, что я сочелъ за особенное удовольствіе взглянуть на нее и узнать ваши нужды. Теперь я попросилъ бы тебя позволить мнѣ заснуть, а затѣмъ ты получишь торжественно предъ народомъ ханскій фирманъ и назначишь мнѣ проводника для переѣзда чрезъ горы, такъ какъ намъ приходится дорожить временемъ и напасть на слѣды похитителей Кирьякулы, прежде чѣмъ они успѣютъ продать ее въ неволю.

— Неужели ханъ будетъ такъ милостивъ къ намъ?

— Я увѣренъ, что онъ двинетъ противъ разбойниковъ цѣлую армію и истребитъ ихъ всѣхъ, если они не возвратятъ твоей дочери.

— О, да поможетъ ему Панагія обрадовать насъ несчастныхъ одинокихъ въ старости!

Джакомо заснулъ богатырскимъ сномъ подъ охраною Дмитрія, считавшаго его посланникомъ съ неба.

Солнце было еще высоко, когда пробудился министръ и попросилъ подать ему коня.

— Ну, ѣдемъ Дмитрій — сказалъ онъ, вынимая ханскій фирманъ и прописывая имя его на оставленномъ мѣстѣ.

Въ Месихорѣ Джапаръ-ага собралъ всѣхъ старѣйшинъ и, торжественно вручая Дмитрію фирманъ, потребовалъ именемъ хана, властителя всего Крыма, татскихъ и ногайскихъ земель, признавать своимъ начальникомъ и во всемъ повиноваться ему. За тѣмъ не теряя ни минуты, достопочтенный визирь въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ поселянъ, направился въ обратный путь.

Въ разговорахъ съ проводниками Джакомо случайно открылъ, что нѣсколько десятковъ соотечественниковъ его, бѣжавшихъ изъ Солдаи и дальнѣйшихъ деревень ея округа, основали два небольшихъ селенія въ недальнемъ разстояніи отъ ихъ деревни, а многіе другіе поселились по обратную сторону горы въ такихъ пунктахъ, куда

не ведутъ дороги и что положеніе ихъ благодаря содѣйствію туземныхъ христіанъ теперь находится въ удовлетворительномъ состояніи.

Переѣхавъ горы, Джапаръ-ага отпустилъ проводниковъ и послѣ кратковременнаго отдыха въ пастушьемъ шалашѣ помчался по направленію къ Бахчасараю. Путь его пролегалъ по низменности и высокимъ холмамъ, густо заросшимъ дремучими лѣсами.

Было уже поздно, когда онъ въѣхалъ въ ханскій сераль, слабо освѣщенный восковыми свѣчами.

— Не спитъ ханъ? спросилъ онъ у привратника, подбѣжавшаго принять усталую лошадь.

— У него въ гостяхъ какой то визирь, прибывшій отъ султана.

Джакомо быстрыми шагами вошелъ въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ дворца и приказалъ очередному хранителю дверей доложить повелителю, что онъ пріѣхалъ и желаетъ передать ему важное событіе въ его владѣніяхъ.

Лишь только передали это, Менгли-гирей появился передъ нимъ.

— Ну, что какъ поживаетъ моя спасительница? спросилъ онъ, подходя къ любимому министру своему — я думаю, она теперь замужемъ и имѣетъ дѣтей? Отвѣчай же поскорѣе, что ты такой сумрачный?

— Увы, свѣтлѣйшій ханъ , несчастную Кирьякулу снова похитили злодѣи черкесы, которые до настоящаго времени безнаказно подплываютъ къ твоимъ владѣніямъ и добываютъ тебѣ рабовъ для продажи.

— Не можетъ быть! вотъ несчастная дѣвушка, но ты по крайней мѣрѣ узналъ, какъ давно это случилось и въ какую сторону ее увезли?

— Я все узналъ, что было возможно узнать.

— Въ такомъ случаѣ мы отобьемъ ее. Я обязанъ спасти ту, которая сдѣлалась убійцею для меня. Если она, дѣвушка, рисковала честью и жизнію, за мущину, то мущинѣ необходимо сдѣлать вдвое больше. — Понимаешь-ли ты Джакомо то, что я долженъ чувствовать, если мнѣ не удастся освободить ее и самымъ жестокимъ образомъ наказать всѣхъ тѣхъ, кто дерзнулъ

обидѣть ее? Я самъ пойду войною, чтобы она могла лучше оцѣнить меня. Да, я обязанъ поступить такъ точно и въ отношеніи ея, какъ поступила она. Въ вашихъ книгахъ сказано: какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ отмѣрятъ. Я никогда не забывалъ этихъ справедливыхъ словъ, безпрестанно повторяемыхъ мнѣ Біанкою, и вотъ настало время, чтобы ихъ примѣнить къ дѣлу. Но ты, какъ кажется, очень усталъ. Иди отдохнуть, а завтра мы разошлемъ во всѣ концы царства нашихъ гонцовъ и вообще примемъ надлежащія мѣры.

V.

Мы не имѣли повода до настоящаго времени подробнѣе очертить семейный бытъ и вообще частное положеніе Менгли-гирея и для читателей нашихъ покажутся многія мѣста въ этой повѣсти темными или несообразными съ лѣтописями, преданіями и частными записками, которыя находились у многихъ степныхъ татаръ до послѣдней эмиграціи ихъ изъ Крыма. Правда, что преданія и записки эти не выдерживають строгой критики, но вѣдь мы не пишемъ исторіи и не имѣемъ въ виду требовать полнаго довѣрія ни къ татарскимъ, ни къ турецкимъ источникамъ, которые имѣютъ много претензій на сказачность и блистательность. Для насъ Менгли-гирей ханъ всего болѣе интересенъ, какъ владыка татаръ, оказавшій важныя услуги для Россіи въ ея тяжкую годину и безспорно много посодѣйствовалъ своими дружественными отношеніями къ самостоятельности и окончательному сверженію зависимости отъ монгольской Орды. Имя этого хана никогда не утратится изъ страницъ нашей исторіи, а по этому мы не должны пренебрегать никакими догорающими, полусказочными преданіями объ этомъ человѣкѣ.

Въ одной изъ рукописей, сохранившихся въ перекопскомъ уѣздѣ и, вѣроятно, нынѣ находящейся въ Турціи, о Менгли-гиреѣ сказано, что предки его титуловались Улукъ-беками, но отецъ его, утвердившись въ Эски-Крымѣ, началъ называться ханомъ и гиреемъ. Этотъ ханъ оставилъ 6 сыновей, которые при жизни его получили поземельныя владѣнія по окрайнамъ хан-

ства съ титуломъ бековъ. Меньшій же Менгли, предназначенный владѣть центромъ страны, по особенной симпатіи хана къ гяурамъ отданъ былъ въ качествѣ аманата дженевезамъ въ Кафу для пріобрѣтенія мудростей. Но лишь только Хаджи-гирей закрылъ глаза, этотъ Менгли, желая владѣть всѣмъ безъ исключенія царствомъ отца, предоставилъ гяурамъ полонить старшихъ братьевъ своихъ, господствовавшихъ на Керченскомъ и Таманскомъ полуостровѣ, въ Гезлевѣ и Оръ-хапу и заключить ихъ въ темницу. Изъ нихъ трое не вынесли заточенія и умерли, а остальные послѣ сокрушенія господства дженевезовъ Турками, хотя и очутились на свободѣ, но не могли воспользоваться своими наслѣдственными правами и предпочли выѣхать на Кавказъ къ тѣмъ народамъ, съ которыми имѣли близкія сношенія и которые, считая Крымъ за единовѣрную державу, селились въ немъ, торговали и распоряжались, какъ дома.

Въ Крыму остался только одинъ Эминекъ-бекъ, задержанный партіею недовольныхъ управленіемъ Менгли-гирея. Партія эта желала сдѣлать его ханомъ и успѣла многихъ склонить на свою сторону въ то время, когда Турецкій побѣдитель принудилъ Менгли-гирея слѣдовать за нимъ къ султану подъ предлогомъ привѣтствія съ побѣдою надъ злополучными дженевезами. Эминекъ увлекся и началъ повелѣвать татарами съ Хыръ-хыра въ надеждѣ, что братъ его будетъ казненъ или навсегда останется плѣнникомъ у султана."

По другой рукописи Менгли назначается отцомъ на свое мѣсто, а братья заключаются въ крѣпость; а въ третьей, приложенной повидимому гораздо позже къ краткому теварику Крымскихъ хановъ, говорится, что Менгли-гирей три мѣсяца спустя послѣ воцаренія своего былъ сверженъ съ престола двоюроднымъ братомъ своимъ Ахметомъ-Нуръ-Девлетомъ, соединившимся съ братьями и племянниками его и укрылся въ Мангупскомъ княжествѣ.

Нуръ-Девлетъ недолго царствовалъ, потому, что былъ убитъ, такъ точно, какъ впослѣдствіи и Эминекъ-бей. Послѣ смерти послѣдняго ханствомъ завладѣлъ безъ всякихъ правъ одинъ изъ почетныхъ богачей, при-

бывшихъ въ Крымъ съ громадными табунами, какой-то Бай-гельды, но и этотъ послѣднiй, устрашенный смертью за узурпаторство, вынужденъ былъ бѣжать изъ ханства. Такимъ образомъ само предопредѣленiе указало мусульманамъ, что ими долженъ повелѣвать Менгли-гирей и, конечно, онъ не замедлилъ выѣхать изъ Мангупской крѣпости и предстать предъ смирившимися бунтовщиками. Ханъ этотъ съ ранняго возраста былъ женатъ и въ числѣ нѣсколькихъ дочерей имѣлъ двухъ сыновей Мегмета и Сагипа, которые жили съ матерью въ Эски-Крымѣ въ Хатырша худ сералѣ. Ханъ этотъ, да даруетъ ему Аллахъ прощенiе грѣховъ, покоится за мечетью на общемъ гирейскомъ кладбищѣ, а отецъ его въ салачикѣ.“

Это мы видѣли въ рукописяхъ; но въ разсказахъ изустныхъ намъ такъ много передавалось о подвигахъ и предпрiятiяхъ его, что онъ казался намъ вполнѣ баснословнымъ героемъ въ исторiи Крымскихъ татаръ. Популярность этого гирея и теперь, когда изъ Крыма выступили всѣ почти истые татаре, дорожившiе славою и дѣянiями предковъ, такъ велика, что не только татаре, но и другiя туземныя племена все лучшее относятъ къ эпохѣ царствованiя или Менгли-гирея или Керимъ-гирея.

Однако возвратимся къ начатому нами разсказу.

Джакомо или Джапаръ-ага, послѣ непродолжительнаго отдыха созвалъ къ себѣ всѣхъ придворныхъ писцовъ и продиктовалъ ко всѣмъ бекамъ и начальникамъ округовъ приказы о немедленномъ сзывѣ молодыхъ людей отъ 25 до 30 лѣтняго возраста и высылкѣ ихъ въ полномъ вооруженiи, при достаточномъ количествѣ провiанта, въ Туманъ-ада (Таманскiй полуостровъ) и расположиться на Кизильташскомъ богазѣ въ ожиданiи дальнѣйшихъ распоряженiй Ширинлы-бея, обязаннаго выступить одновременно съ своимъ бунджуковымъ знаменемъ для предводительства всѣмъ войскомъ съ цѣлью покоренiя черкезовъ, которые искони состояли въ зависимости татаръ, но въ послѣдствiи пользуясь ихъ неурядицами въ управленiи, не только отложились, но даже начали нападать на берега Крыма и дерзко уводить въ плѣнъ поселянъ, чтобы торговать ими, какъ рабами.

Приказы эти въ тотъ же день разосланы были съ нарочными гонцами по различнымъ направленіямъ ханства. Къ Ширинлы-бею послѣдовало отдѣльное посланіе, которымъ онъ призывался на безотлагательное свиданіе съ свѣтлѣйшимъ *шорбаджіемъ* Крымскихъ жителей *).

— Всѣ распоряженія сдѣланы — заявилъ Джакомо, входя въ комнату озабоченнаго хана. Завтра вѣроятно прибудетъ Ширинлы, которому ты лично передашь о Кирьякулѣ.

— Спасибо Джапаръ-ага. Я всегда былъ убѣжденъ, что мусульманскіе цари съ христіанскими министрами могутъ дѣлать чудеса. А знаешь ли ты, что я самъ даже собираюсь въ этотъ походъ, чтобы поразмять немного мои члены.

— Это сдѣлаетъ не только честь твоему величеству, но и заставитъ сосѣдніе народы уважать тебя.

— Но мнѣ немного мѣшаетъ турецкій посланникъ, который, вѣроятно, пробудетъ въ Бахчасараѣ еще нѣсколько дней. Онъ повидимому присланъ султаномъ съ какимъ-нибудь важнымъ порученіемъ, но до настоящаго времени ничего не объясняетъ. Ну, ужъ эти Турки! Они положительно возмущаютъ меня своею надменностію и молчаливою угрюмостію. Поговори ты съ нимъ, Джакомо, и заставь высказаться.

— Такъ какъ намъ нельзя тратить напрасно времени, то я исполню приказаніе твое сейчасъ же.

— Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

Джапаръ-ага отправился къ Турку, сидѣвшему на балкончикѣ съ поджатыми ногами и, назвавъ себя довѣреннымъ визиремъ Менгли-гирея, разомъ приступилъ къ дѣлу.

— Я прибылъ съ двумя порученіями отъ Калифа — отвѣчалъ онъ—первое состоитъ въ томъ, чтобы въ Оръхапу построить большое укрѣпленіе, которое могло бы предохранить нашъ гарнизонъ отъ внезапныхъ набѣговъ казаковъ и защитить отъ всякаго рода негодяевъ ханства, а послѣднее состоитъ въ томъ, чтобы вы приготовили къ ранней веснѣ 50 тысячъ воиновъ, которые должны перейти Туну (Дунай) и въ одно время съ на-

---

*) Шорбаджи въ переводѣ: кормилецъ.

шими войсками напасть на Молдавію, которую нашъ общій повелитель во чтобы ни стало желаетъ присоединить къ своимъ владѣніямъ. При этомъ не забывай, что султанъ вышлетъ обѣщанныя войску 20 т. червонцевъ и 13,360 предназначенные беямъ и прочимъ начальствующимъ мурзамъ.

— Воля державнаго султана буквально будетъ исполнена, какъ только вышлютъ деньги, отвѣчалъ Джакомо. Тебѣ я думаю извѣстно, что мы пользуемся въ настоящее время такими ничтожными средствами, что съ трудомъ уплачиваемъ жалованье даже служащимъ ханству.

— За денежными средствами не будетъ остановки.

— Въ такомъ случаѣ твоя миссія можетъ считаться совершенно оконченною. Я сейчасъ же приготовлю отвѣтъ и поднесу его къ подписи хана.

На слѣдующій день за нѣсколько часовъ до въѣзда въ Бахчасарай Ширинлы-бея, сопровождаемаго большою свитою его штата и слугъ, выпровоженъ былъ въ Гезлевъ представитель турецкаго султана и въ покои его принятъ былъ послѣдующій по старшинству, послѣ ханской фамиліи, славный бекъ Крыма, пожалованный даже султаномъ наслѣдственнымъ пяти-бунчужнымъ знаменемъ. Менгли-гирей принялъ его съ ласковымъ привѣтомъ, освѣдомился о здоровьи и всѣхъ домашнихъ, посадилъ съ собою за одинъ столикъ, къ которому никто послѣ калги и нурединъ султановъ не допускался и кромѣ всего этого удостоилъ его совершить намазъ (молитву) за перегородкою, исключительно принадлежащею ханскимъ членамъ.

За вечернимъ обѣдомъ ханъ приступилъ къ заявленію воли своей, начавъ съ того, что Туманъ-ада занята его подданными, что черкесы первоначально повиновались его предкамъ, что болѣе разумные изъ нихъ и теперь продаютъ охотно дочерей своихъ въ Крымъ, въ заключеніе перешелъ къ тому, что большая часть изъ нихъ до того зазналась, что безъ малѣйшаго страха приплываетъ къ его владѣніямъ и насильственно уводитъ въ рабство добрыхъ поселянъ.

— Я долго переносилъ это—говорилъ Менгли-гирей,— но въ настоящее время положился прекратить зло, выр-

вавъ его съ корнемъ. Ты, мой братъ, долженъ немедленно выступить противъ дерзкихъ и покорить ихъ нашей власти. Я распорядился уже, чтобы всѣ джигиты лучшаго возраста ожидали твоихъ приказаній на Туманъ-адѣ у Кизильташскаго богаза.

— Я очень буду радъ, если успѣю исполнить твое желаніе—отвѣчалъ Ширинлы-бей.

— Теперь я скажу тебѣ, что именно вынудило меня немедленно дѣйствовать противъ этихъ разбойниковъ. И ханъ подробно разсказалъ ему о Кирьякулѣ, которая будто бы оказала много услугъ ханству совмѣстно съ родителями своими и въ то самое время, когда онъ ей послалъ подарки, а отца возвелъ въ достоинство аги, черкесы подкрались къ жилищу его и насильственно увели добрую дѣвушку.

— Ты поручаешь мнѣ и ее отыскать?

— Это надо сдѣлать прежде всего. Обязанность эта настолько священна для меня, что я рѣшаюсь и самъ слѣдовать за тобою.

— Ты до крайности уже добръ, мой повелитель.

— Будь ты на моемъ мѣстѣ, вѣроятно, сдѣлалъ бы больше.

Ширинлы не отвѣчалъ на это и перешолъ къ изъясненію тѣхъ способовъ, которые казались ему болѣе успѣшными для отысканія Кирьякулы и присоединенія черкесовъ къ подданству хана. Для болѣе вѣрнаго и успѣшнаго соображенія хода кампаніи на совѣтъ приглашены были всѣ министры и нѣсколько человѣкъ черкесовъ, давно живущихъ въ Хыръ-ерѣ.

Съ разсвѣтомъ Ширинлы возвратился домой, чтобы оттуда слѣдовать по назначенію; а три дня спустя изъ Бахчасарая выѣхалъ и Менгли-гирей, окруженный огромною свитою бековъ, мурзъ, бинбашіевъ и стройныхъ ратниковъ, давно уже жаждавшихъ показать свои силы и ловкость предъ повелителемъ.

Въ Бахчасарай вызванъ былъ изъ Эски-Крыма старшій сынъ хана Мугаметъ-гирей, который и назначенъ былъ калгою или наслѣдникомъ престола, на случай смерти отца.

Джакомо поручено было охранять порядокъ и спо-

койствіе и заботиться о населеніи вновь избранной резиденціи.

При прощаніи Менгли-гирей обѣщалъ любимому министру не возвращаться безъ Кирьякулы.

— А ты вотъ что сдѣлай для пріема ея — сказалъ ханъ съ улыбкою, она чрезвычайно любитъ охотиться за дикими звѣрями. Прикажи ихъ наловить живыми и пусти на вершину Хыръ-хыра, откуда они навѣрно не уйдутъ до тѣхъ поръ, пока она не перестрѣляетъ ихъ своеручно.

Недѣлю спустя Джапаръ-ага получилъ извѣстіе, что Менгли-гирей съ громаднымъ числомъ всадниковъ двинулся къ приморскимъ оконечностямъ Кавказа, а Ширинлы-бей направился въ обходъ съ тѣмъ, чтобы совершить облаву на старѣйшинъ и пригнать ихъ къ ногамъ своего повелителя. Затѣмъ получено было извѣстіе, что всюду, куда ни появлялся ханъ и его туманъ-баши (главнокомандующій), вездѣ охотно народъ принималъ подданство Менгли-гирея и клялся не промышлять въ его владѣніяхъ насильственнымъ захватомъ людей, но о Кирьякулѣ никакого слуха.

„Ему, вѣроятно, не удастся отыскать несчастной дѣвушки, думалъ про себя Джакомо, и вотъ почему онъ не хочетъ писать мнѣ.

Предположеніе министра было справедливо.

Менгли гирей прошелъ весь восточный берегъ моря, призывалъ всѣхъ промышленниковъ рабами, обыскивалъ аулы и одинокія сакли горцевъ, грозилъ смертію и обѣщалъ большія награды, но всѣ божились и клялись, что не видѣли и не слышали, чтобы на берегъ ихъ выѣзжала такая дѣвушка. Недовольствуясь этимъ, гирей послалъ нарочныхъ во всѣ города Кавказа, гдѣ были невольничьи рынки, но и это не привело къ ожидаемымъ результатамъ.

Тогда онъ заставилъ всѣхъ безъ исключенія старшинъ улусовъ доставить ему аманатовъ, которые тогда только получатъ право на возвращеніе домой, когда будетъ доставлена въ Бахчасарай похищенная изъ Ичеля молодая Татка. Въ противномъ случаѣ чрезъ годъ они будутъ проданы въ неволю въ Египетъ и вырученныя день-

ги отданы будутъ въ возмездіе родителямъ, потерявшимъ дочь.

Эта угроза, начатая приводиться въ исполненіе, не могла остаться безъ хорошихъ послѣдствій, такъ какъ сотни отцовъ и матерей являлись къ завоевателю, умоляя пощадить ихъ невинность, и единственныхъ сыновей.

— Не просите меня напрасно, отвѣчалъ Менгли; я до тѣхъ поръ не буду преклоненъ, пока дѣвушка, которая спасла мою жизнь, не будетъ доставлена ко мнѣ. Я долженъ отыскать и спасти ее или истребить тысячи невинныхъ въ озлобленіи.

Въ полномъ сознаніи, что ханъ не отступитъ отъ рѣшенія своего, черкесы вынуждены были сами приняться за тщательные розыски и къ счастію своему напали въ одномъ изъ прибрежныхъ ущелій на толпу соотечественниковъ, которые только что прибыли на лодкахъ и выгружали изъ нихъ различныя вещи, безъ сомнѣнія, похищенныя или съ купеческихъ судовъ или изъ отдаленныхъ странъ.

Старшинамъ нетрудно было узнать, что они объѣхали восточный берегъ Крыма, откуда похитили нѣсколько дѣвушекъ и мальчиковъ, которыхъ продали въ неволю Ногаямъ, кочующимъ вдоль западныхъ береговъ Азакъ-дениза (Азовскаго моря). Этихъ свѣдѣній было достаточно, чтобы укротить гнѣвъ повелителя Крыма.

Передавъ объ открытіи своемъ Менгли-гирею, они сами свели воиновъ его къ саклямъ разбойниковъ и заставили ихъ, подъ угрозою смертной казни, слѣдовать за ними къ Крымскому хану.

Отважные пираты, промышлявшіе такъ много лѣтъ этимъ отцовскимъ ремесломъ, чрезвычайно были изумлены, что великій властитель Крымскаго юрта пришелъ на нихъ войною изъ за простой Татки христіанскаго исповѣданія и при первыхъ же допросахъ сознались въ поступкѣ своемъ.

— Гдѣ жъ вы дѣвали, несчастные, мою спасительницу? вскрикнувъ, обнаживъ саблю свою побагровѣвшій гирей.

— Мы ее вымѣняли ногаямъ за двѣ овцы, отвѣчалъ

первый, но не успѣлъ онъ проговорить этихъ словъ, какъ голова его слетѣла съ шеи.

— Ты также участвовалъ въ этомъ позорномъ предпріятіи? спросилъ съ сверкающими глазами владыка у слѣдующаго—и вторая голова упала къ ногамъ его.

Всѣ пришли въ ужасъ отъ изступленія хана.

— Пощади насъ, великій шахъ, завопили остальные. Мы найдемъ эту дѣвушку и возвратимъ ее въ родительскій домъ.

— Этого мало, вы и весь вашъ народъ должны заклятьcя, что, пока я буду вашимъ царемъ, въ ханствѣ моемъ не пропадетъ ни единая дѣвушка, ни единый мальчикъ. Иначе я вновь приду къ вамъ и лишу васъ женъ и дѣтей, чтобы дать почувствовать тѣ же скорби, которымъ вы подвергаете другихъ людей. Ханъ вложилъ саблю въ ножны и, приказавъ заковать всѣхъ негодяевъ въ цѣпи, объявилъ имъ, что они должны слѣдовать за нимъ для указанія тѣхъ, которымъ продали Татку, и что свобода будетъ возвращена имъ только тогда, когда найдется похищенная дѣвушка.

Въ тотъ же день, назначивъ во вновь завоеванной странѣ баскаковъ и беевъ, обязанныхъ доставлять ему ежегодно гарачъ и отчитываться въ дѣйствіяхъ своихъ, Менгли-гирей приказалъ двинуться войскамъ своимъ въ походъ съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ Крымъ не иначе, кахъ обогнувъ все Азовское море, гдѣ обитали непокорные ему ногаи и гдѣ должна была находиться Кирьякула. Въ ожесточеніи своемъ ханъ задумалъ покорить своей власти все то пространство, которое доведется ему пройти. Въ особенности ему хотѣлось расправиться съ ногайцами, не разъ высказывающими свою самостоятельность и враждебное настроеніе къ властителямъ Крыма. Менгли-гирей нерѣдко думалъ подчинить ихъ своей зависимости, но не могъ надѣяться на свои силы и права; теперь же ему представлялся отличный случай не только обуздать ихъ, но и загнать ихъ въ свои пустынныя степи, которыя оживились бы обширными стадами овецъ и другаго рода домашнихъ животныхъ. Такимъ образомъ розыскивая Кирьякулу съ ея талисманомъ на груди, онъ воображалъ, что все предпринима-

емое во имя этой дѣвушки должно быть руководимо счастливымъ рокомъ, чѣмъ-то въ родѣ римскаго fatum'а въ ореолѣ благопріятной фортуны.

— Я долженъ пользоваться моимъ *хызметомъ* (предопредѣленіемъ) мечталъ онъ — чтобы вознаградить себя за прошлыя печали. Татка вручила мнѣ ключъ въ двери счастія и я буду имъ пользоваться на проломъ совѣсти и того мягкосердія, которое должно служить во вредъ властителямъ монголо-татаръ. Я долженъ окружить себя роскошью султана и сдѣлаться достойнымъ другомъ Калифа, прославленнаго побѣдами! Пусть Джакомо и подобные ему визири занимаются мелочными дрязгами житейской суеты, а я превращусь по примѣру моихъ предковъ въ грознаго полководца и заставлю міръ не забывать моего имени".

Такимъ уже являлся Менгли-гирей послѣ перваго удачнаго похода на черкесовъ. Не было ни малѣйшаго повода предполагать, что и теперешнее движеніе его на бродящихъ ногаевъ, начичая отъ Дона и до Днѣпра окончится благополучно и блистательная идея его населить внутреннія степи Крыма не только удвоитъ его силы, но и послужитъ въ другихъ отношеніяхъ важнымъ пособіемъ для могущества молодаго государства. Отклониться отъ этого желанія значило-бы отказаться отъ своего благосостоянія. На этой разъ честолюбивый и алчный ханъ не желалъ въ душѣ отыскать Кирьякулы раньше достиженія главной цѣли похода.

Перешедъ за Донъ, Менгли-гирей отдалъ приказаніе, чтобы всѣ таборы ногаевъ съ ихъ стадами направились къ Инже (Геническу), гдѣ онъ намѣренъ лично осмотрѣть ихъ. Приказаніе исполнено было съ точностію, но въ числѣ многихъ сотенъ кибитокъ не оказалось Татки.

Принявъ видъ ожесточеннаго и глубоко оскорбленнаго падишаха, гирей набросился на представителей ногаевъ и, укоряя ихъ въ неповиновеніи и враждѣ, грозилъ имъ всеобщимъ истребленіемъ и окончилъ тѣмъ, что они должны были немедленно согласиться на перекочевье въ степи, прилегающія къ Кафѣ и Чарше (Керчи). Таже участь постигла и большинство другихъ ногаевъ, сгруп-

пированныхъ у Перекопскаго перешейка. Между послѣдними плѣнные черкесы нашли того самаго человѣка, которому отдана была Татка.

— Представь ее ко мнѣ немедленно—сказалъ ханъ, когда привели покупщика.

— Ея нѣтъ болѣе у меня, отвѣчалъ номадъ. Это была жестокая женщина, которая грозила мнѣ и всей семьѣ моей смертью и я вынужденъ былъ продать ее одному изъ купцовъ изъ Левки (Литвы), пріѣзжавшихъ скупать у насъ шерсть.

Менгли-гирей, желая показать себя строгимъ судьею, приказалъ и этого приковать къ числу черкесовъ и впредь до того времени, пока найдена будетъ несчастная дѣвушка, содержать въ подземельяхъ Хыръ-хыра.

Этимъ закончилась первая военная прогулка того миролюбиваго хана, который, впослѣдствіи, въ продолженіи 35 лѣтъ почти не переставалъ воевать и ужасно тосковалъ, когда поля покрывались снѣгами, препятствующими его движенію съ громадными боевыми отрядами.

Возвращеніе Менгли-гирея въ Бахчасарай съ табунами лошадей, верблюдовъ и стадами овецъ, которыхъ онъ роздалъ всѣмъ безъ-изъятія военачальникамъ и простымъ воинамъ съ цѣлью расположить ихъ къ набѣгамъ, сразу возбудили алчность народа къ наживѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ преданность къ повелителю, задумавшему возстановить славу предковъ своихъ.

— Я сдѣлалъ много для ханства моего — говорилъ Менгли, обнимая Джакомо—но ничего для бѣдной Татки, которая попала въ Литву.

— Тамъ христіане, единовѣрцы ея, которые можетъ быть возвратятъ ее, если мы обратимся съ ходатайствомъ.

— Такъ ты полагаешь, что если я напишу Казиэмиру Литовскому *), то онъ уважитъ мою просьбу?

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ.

— Въ такомъ случаѣ вытребуй къ себѣ Ногайца, опроси его хорошенько и напиши отъ имени моего дружественное посланіе, которое отправь съ двумя гон-

---

*) Казиміра татарскія рукописи называютъ Кази-Эмиръ т. е. военный судья.

цами. Ну, теперь разскажи мнѣ, что происходило въ ханствѣ во время отсутствія моего?

— Ничего особеннаго, но я остался очень недоволенъ турецкими пашами, которые лишили казну твою пошлинъ отъ всѣхъ привозныхъ и вывозныхъ товаровъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что занимаемые турками портовые города съ ближайшими окрестностями подлежатъ ихъ власти. А между тѣмъ это одинъ изъ важнѣйшихъ доходовъ, который можетъ обезпечивать наши расходы.

— Я объ этомъ лично поговорю съ султаномъ, когда мы выступимъ къ нему на помощь. Ну, что еще?

— Я получилъ нѣсколько свѣдѣній, что Ахъ-бей или царь Урусовъ (русскихъ) Іоаннъ очень желаетъ сблизиться съ тобою.

— Это необходимо для насъ—отвѣтилъ князь—чтобы получать ихъ деньги и произведенія русской земли. При этомъ, Джакомо, мнѣ, кажется, слѣдуетъ напомнить имъ, что я имѣю право на полученіе дани.

— Я думаю, что этого не слѣдуетъ въ настоящее время выставлять на видъ, потому что Кипчакскій ханъ есть прямой наслѣдникъ Алтынъ-Орды.

— Это значитъ, что я долженъ предварительно показать мое преимущество надъ Ахметъ-ханомъ? За этимъ дѣло не станетъ, лишь бы представился удобный случай, а татаре мои, какъ я убѣдился, отлично справляются съ врагами.

— Караимъ и два армянина, прибывшіе изъ Москвы говорили мнѣ, что къ намъ скоро прибудетъ отъ Ахъбея посланникъ съ ходатайствомъ возобновить торговлю въ Кафѣ.

— Но ты самъ мнѣ говорилъ, что турецкіе паши не желаютъ этого допустить?

— Мы будемъ требовать отъ султана, чтобы онъ воспретилъ имъ вмѣшиваться въ наши хозяйственныя дѣла. Не ты ли говорилъ мнѣ, что калифъ обязался за твое вассальство исполнять всѣ твои требованія, относящіяся до блага страны.

— Это правда. Подождемъ же посланника и тогда напишемъ.

Съ этого времени Менгли-гирей, увлеченный радуж-

ными надеждами на военное счастіе, день и ночь придумывалъ способы вѣрно-разсчитанными путями нападать и громить непріятеля, сзывая къ себя всѣхъ стариковъ, нѣкогда слывшихъ джигитами, разспрашивалъ про образъ битвы русскихъ, поляковъ и Литвинъ и вмѣстѣ съ ними обсуждалъ рождавшіяся въ головѣ его отважныя предположенія.

Тѣмъ временемъ прибылъ въ Бахчасарай посланникъ отъ царя Іоанна III съ чрезвычайно дорогими бакшишами, въ которыхъ давно нуждался Менгли-гирей, алчущій не уступать въ роскоши суверену своему. Ахъ-бей какъ-бы проникъ въ его таинственныя желанія и съ избыткомъ доставилъ ему все необходимое.

— Такихъ людей я смѣло могу назвать падишахами— говорилъ гирей Джакомо—и готовъ сохранить съ ними дружбу до послѣдняго вздоха моего.

Дѣтскій восторгъ хана не остался не замѣченнымъ посланникомъ. Джакомо разумѣется также передалъ ему, что русскій царь вправѣ разсчитывать на господина его, если станетъ удовлетворять его ненасытной жадности къ золоту и серебру.

Посланникъ прибылъ съ ходатайствомъ предоставить русскимъ купцамъ торговать, какъ бывало и прежде, въ Кафѣ. Менгли-гирей, изъявивъ на это полное согласіе, предложилъ любимому министру сейчасъ же отправить съ посланіемъ къ султану курьера.

— По полученіи отвѣта я немедленно извѣщу твоего государя—сказалъ ханъ. Поклонись ему отъ меня, поблагодари за добрую память и хорошіе подарки и постарайся увѣрить въ моей искренней расположенности, которую я желалъ бы сохранить къ нему на всю жизнь. Не забудь также передать ему отъ меня пару лошадей, изъ лучшихъ скакуновъ ханства, чтобы, садясь на нихъ, онъ помнилъ дарителя, готоваго при надобности и обнажить свой мечъ въ знакъ дружбы.

Когда посланникъ выѣхалъ, Менгли-гирей спросилъ у Джакомо не передалъ ли ему заднихъ мыслей своего государя русскій гость?

— Изъ всего сказаннаго имъ я могъ только замѣтить—отвѣчалъ министръ—что Ахъ-бей заинтересованъ

и тобою лично и твоимъ ханствомъ. Конечно, такія чувства не являются безъ причинъ. Причины эти не могутъ быть извѣстны такимъ посланникамъ, которые не посвящены были раньше въ мысли государя своего, но я тѣхъ убѣжденій, что во всякомъ случаѣ мы будемъ въ большемъ выигрышѣ отъ благосклонности сѣвернаго медвѣдя.

— Я тѣхъ же убѣжденій, Джакомо, и поэтому намъ необходимо сблизиться съ русскими до тѣхъ поръ, пока Кипчакское ханство перестанетъ существовать и пока интересы наши не укажутъ намъ другаго рода отношеній.

— Для достиженія твоихъ цѣлей надо будетъ и намъ послать разумнаго посланника въ Москву.

— Я не имѣю никого умнѣе тебя Джапаръ-ага.

— Въ такомъ случаѣ я надѣюсь многое сдѣлать въ твою пользу, чтобы оправдать твою дружбу къ осиротѣвшему иностранцу.

— Бѣдный Джакомо? ты опять называешь себя сиротою; но развѣ я не замѣняю тебѣ друга и брата? развѣ я не готовъ подѣлиться съ тобою всѣмъ, чѣмъ обладаю?

— Свѣтлѣйшій ханъ—сказалъ итальянецъ—я перенесу для тебя еще нѣсколько лѣтъ тоску по родинѣ, но ты долженъ будешь отпустить меня въ отечество въ тотъ моментъ, когда встрѣтишь между подданными твоими такого человѣка, который въ состояніи будетъ замѣнить меня. Отъ тебя я въ вознагражденіе попрошу только отправить меня съ какими-нибудь маловажнымъ порученіемъ въ Константинополь, изъ котораго мнѣ не трудно будетъ пробраться въ Генуя.

— Я былъ бы самымъ неблагороднымъ ханомъ, еслибъ не далъ тебѣ за службу твою столько золота, сколько завѣситъ тѣло твое.

— Ты заставишь меня прибѣгнуть къ употребленію *хамауза* (кумыса), чтобы потолстѣть въ надеждѣ сдѣлаться богачемъ—отвѣчалъ съ улыбкою Джакомо.

Въ эту минуту *аякъ-хану* *) возвѣстилъ, что прибылъ изъ Левки гонецъ посланный къ Кази-эмиру.

---

*) Сторожившій двери.

— Пусть войдетъ—приказалъ ханъ.

Вошелъ сѣдой татаринъ и, вынувъ изъ кожаной сумочки, висѣвшей у него чрезъ плечо, запечатанное письмо, почтительно подалъ его Джапаръ-агѣ и вышелъ въ сѣни.

— А ну-ка посмотримъ, какія вѣсти посылаетъ намъ нашъ сосѣдъ—заговорилъ ханъ.

Джакомо вскрылъ письмо и прочиталъ слѣдующій отвѣтъ: „свѣтлѣйшій князь, мой повелитель, получивъ отъ его высочества Менгли-гирея письмо, которое показалось ему оскорбительнымъ, такъ какъ относилось до простой невольницы, поручилъ мнѣ, секретарю своему, извѣстить правительство хана, что по ходатайству этому не можетъ быть принято никакихъ мѣръ". Примите увѣреніе и проч.

Менгли-гирей побагровѣлъ отъ гнѣва и нѣсколько минутъ оставался безмолвнымъ. Джакомо смотрѣлъ на него съ грустью.

— Ну, это дорого ему будетъ стоить — проворчалъ сквозь зубы ханъ. Я не пощажу ни единаго изъ подданныхъ его, я заставлю его всю жизнь оплакивать свою грубость. Несчастный, онъ зазнался или, вѣроятно, считаетъ меня и въ настоящее время такимъ же безправнымъ ханомъ, какимъ я былъ при Эминекѣ.

— Мнѣ кажется, что послѣднее твое предположеніе не ошибочно, въ противномъ случаѣ онъ обязанъ былъ отвѣтить по крайней мѣрѣ учтиво.

— Нѣтъ, я не могу перенести, Джакомо, такой обиды и не смотря на то, что весна не установилась окончательно, мы должны выступить въ походъ. Я увѣренъ, что подданные мои съ радостью послѣдуютъ за мною. Займись же сегодня вечеромъ составленіемъ воззванія къ мурзамъ, бекамъ и всѣмъ, кому подобаетъ выставить воиновъ. Сообщи также казнедаръ-агѣ, чтобы онъ приступилъ къ заготовленію провіанта и пригласи ко мнѣ муфтія афузъ Биляла.

Джакомо ужасно хотѣлось повліять на хана, въ надеждѣ, что вторичнымъ письмомъ онъ заставитъ правительство литовскаго князя исправить свою глупость, но Менгли-гирей остался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи.

Афузъ Билялъ не замедлилъ явиться къ повелителю и облобызать полы его кафтана.

— Я послалъ за тобою, *достъ*, (пріятель) съ двоякою цѣлью: во первыхъ посовѣтоваться, какъ съ верховныхъ представителемъ духовной власти и во вторыхъ, какъ съ историографомъ моимъ.

— И какъ за самымъ усерднымъ рабомъ Менгли-гирей-хана, жизнь котораго да не прекратится во вѣки вѣковъ—прибавилъ муфтій.

— Спасибо за сладкое слово. Но перейдемъ къ дѣлу. Объясни мнѣ прежде всего, дозволяетъ ли нашъ законъ во всякое время начинать военныя дѣйствія противъ гяуровъ, если они осмѣлятся нанести оскорбленіе мусульманскому падишаху?

— Такихъ дерзкихъ даже каждый изъ подданныхъ падишаха долженъ своеручно убивать, какъ собакъ и надѣяться на прощеніе тысячи грѣховъ.

— Первый вопросъ рѣшенъ, я вѣрю твоей мудрости безъ разсужденія. Теперь скажи мнѣ, чтобы ты записалъ въ теварикъ моей жизни, еслибъ я теперь же пошелъ войною на Левка-бея, который отвѣчалъ на просьбу мою полнымъ презрѣніемъ.

— Еслибъ ты не сдѣлалъ этого я записалъ бы, что свѣтлѣйшій Менгли-гирей, достигнувъ славы и всеобщаго уваженія, настолько огрубѣлъ въ чувствахъ, что сдѣлался посмѣшищемъ въ устахъ ничтожныхъ рабовъ его предковъ, которые не щадили ихъ за малѣйшее неповиновеніе, что и подобаетъ гяурамъ.

— Дѣйствительно, ты имѣлъ бы полное право изложить въ такихъ словахъ свое мнѣніе и имя мое поносилось бы не только народомъ, но даже и правнуками моими. Вотъ почему я отдалъ уже приказаніе Джапаръ-агѣ разослать воззванія по всѣмъ городамъ и деревнямъ къ сбору войска, а тебя пригласилъ сдѣлать извѣстнымъ всѣмъ мулламъ и кадіямъ, во первыхъ причину похода моего и наконецъ то, что ты самъ сказалъ относительно обязанности каждаго подданнаго, когда повелитель его оскорбленъ гяуромъ. При этомъ ты можешь добавить, что владѣнія Кази-эмира обширны и богаты и что храбрые могутъ надѣяться на богатую добычу.

— Только въ этомъ заключается твое приказаніе? спросилъ муфтій, подымаясь съ мѣста.

— Пока я не имѣю ничего другаго.

— Воля моего хана сегодня же исполнится и 20 гонцовъ полетятъ по всѣмъ направленіямъ твоей земли.

Два дня спустя въ Бахчисараѣ, куда переселились всѣ почти ремесленники изъ Кафы и другихъ городовъ Крыма, началась ужасная дѣятельность, предвѣщавшая скорый походъ. Менгли-гирей самъ навѣщалъ многихъ ремесленниковъ и торопилъ ихъ дѣломъ изъ боязни запоздать явиться во время на призывъ калифа. Къ счастію онъ получилъ изъ Константинополя извѣстіе, что великій султанъ Мегметъ, по волѣ пророка, прекратилъ свою блистательную жизнь на 53 году, послѣ 32 лѣтняго царствованія. Не смотря на то, что смерть этого человѣка отчасти благопріятствовала Крымскому хану, Менгли-гирей выразилъ предъ посланникомъ глубокое сожалѣніе и поинтересовался узнать, какія причины преждевременно свели въ могилу его суверена.

— Нашъ великій калифъ въ послѣднее время ужасно измѣнился, отвѣчалъ посланникъ, онъ вѣчно былъ угрюмъ, до такой степени раздражителенъ, что малѣйшее житейское обстоятельство приводило его въ страшный гнѣвъ. Эта болѣзнь началась у него со времени послѣдняго похода нашего противъ Родоса, гдѣ мы бились ровно 99 дней, но не смотря на всевозможныя усилія, вынуждены были возвратиться съ громадными потерями. Ожесточенный этою неудачею, султанъ приказалъ немедленно приступить къ постройкѣ новыхъ судовъ и сформированію арміи въ 300 т. человѣкъ и положился во чтобы ни стало завоевать Родосъ, Египетъ и всю Италію. Когда все было готово и назначены были полководцы, султанъ Мегметъ внезапно почувствовалъ ужасныя боли въ желудкѣ и прежде чѣмъ явились къ нему на помощь медики, испустилъ послѣднее дыханіе. Есть люди, которые полагаютъ, что калифъ былъ отравленъ въ гаремѣ одною христіанкою, отъ которой онъ не скрылъ своего обширнаго плана.

— Ну, а какъ народъ принялъ вступленіе на отцовскій престолъ султана Баязета? спросилъ ханъ.

— Для насъ онъ обѣщаетъ быть хорошимъ падишахомъ, но многіе сожалѣютъ о смерти Мустафы, который былъ предназначенъ отцомъ къ царствованію и считался неумолимымъ врагомъ христіанъ.

— А не препятствовалъ ли Баязету братъ его Зесимъ? я спрашиваю это на томъ основаніи, что неоднократно въ бытность мою въ Адріанополѣ слышалъ, что Зесимъ говорилъ отцу, что послѣ его смерти не допуститъ старшаго брата до господства надъ всѣми завоеванными землями.

— Зесимъ, дѣйствительно, требовалъ отъ Баязета подѣлиться съ нимъ отцовскимъ наслѣдіемъ, но когда получилъ отказъ, вошелъ въ переговоры съ предводителями анатолійскихъ турковъ и мечталъ сдѣлаться самостоятельнымъ султаномъ; но дважды разбитый нашими войсками, вынужденъ былъ бѣжать сначала къ великому магистру на о. Родосъ, а потомъ въ Римъ, гдѣ и поселился. Когда доложили объ этомъ султану, онъ написалъ папѣ Иннокентію очень снисходительное письмо и просилъ его принять строгія мѣры, чтобы бунтовщикъ не выѣзжалъ изъ столицы, за что обѣщалъ выдавать на содержаніе его ежегодно 30 т. червоцевъ. Папа отвѣчалъ, что бѣглецъ охотно изъявляетъ согласіе подчиниться этому условію и ожидаетъ, чтобы предложенныя деньги высланы были. Червонцы эти я недавно свезъ несчастному царевичу и долго говорилъ съ нимъ о необходимости переселиться въ мусульманскія страны, но онъ отказался изъ боязни, чтобы братъ не приказалъ отравить или обезглавить его. Когда я передалъ эти слова Баязету, онъ улыбнулся и сказалъ: „бѣдный Зесимъ, неужели тебѣ кажется, что между гяурами не найдется такихъ, которые за золото откажутся исполнять мои приказанія? Изъ тона этихъ словъ султана я понялъ сейчасъ же, что султанъ задумалъ уже эту мысль, но когда онъ приведетъ ее въ исполненіе, это намъ покажетъ будущее.

— Неужели великій калифъ рѣшится на такой ужасный подвигъ? спросилъ Менгли-гирей, котораго часто безпокоила совѣсть при мысли, что братъ его Эминекъ былъ убитъ по его согласію.

— Я не вижу въ этомъ поступкѣ ничего ужаснаго, высокочтимый ханъ. Цари никогда не должны поддаваться состраданію въ такихъ случаяхъ, когда является передъ ними человѣкъ, посягающій на ихъ права. Они должны уничтожить его не ради личной ненависти, но для того, чтобы предупредить образованіе партій и кровопролитія.

Сказанное посланникомъ повліяло на гирея такъ утѣшительно, что съ этого времени онъ началъ измѣнять свой взглядъ, относительно состраданія къ ближнему.

— И такъ, по твоему цари не подлежатъ суду Божію за казнь людей съ злыми намѣреніями? спросилъ ханъ послѣ нѣкотораго раздумья.

— Лучше принести 10 человѣкъ въ жертву, чѣмъ тысячи допустить до вражды, кровопролитія и подвергнуть цѣлое государство анархіи, голоду и неминуемой гибели.

— Но развѣ ты въ ничто ставишь мнѣніе народа за убійство 10-ти человѣкъ, вина которыхъ касается только одного падишаха?

— На все есть манера. Въ тѣхъ случаяхъ, когда султанъ сознаетъ, что народъ не пойметъ его прямой цѣли и станетъ обвинять его въ варварствѣ, онъ обязанъ поступить такъ, чтобы лишніе для него люди погибли отъ никому неизвѣстныхъ причинъ. Это правило искони принято нашими султанами и всегда считалось однимъ изъ дѣйствительныхъ для народнаго благосостоянія.

Менгли-гирей просто былъ въ восторгѣ отъ этихъ уроковъ и положился принять ихъ къ свѣдѣнію.

Послѣ всего этого гирей началъ спрашивать у гостя своего, когда именно можетъ султанъ нуждаться въ его услугахъ?

— Мнѣ приказано передать тебѣ, чтобы ты вступилъ въ Бессарабію въ концѣ мѣсяца—черешней *) и тамъ ожидалъ дальнѣйшихъ распоряженій со стороны великаго визиря.

— Приказаніе это я принимаю на голову мою и исполню его въ точности. Поклонись отъ меня султану и

*) Такъ называется іюнь.

всѣмъ визирямъ и скажи имъ, что я на дняхъ выступаю противъ Литовскаго бея, чтобы напомнить ему его обязанности къ ханамъ, и надѣюсь покончить съ нимъ всѣ расчеты къ урочному времени. Надѣюсь также, что калифъ не обидится тѣми ничтожными дарами, которые я пошлю ему въ видѣ поздравленія съ восшествіемъ на отцовскій престолъ. Ты и визири также будутъ почтены мною бакшишами на добрую обо мнѣ память. Сказавъ это, Менгли позвалъ Джапаръ-агу и, передавая ему гостя, поручилъ, озаботиться о приготовленіи подарковъ.

V.

На дворѣ стоялъ мартъ, котораго татаре почему-то не любятъ; но на этотъ разъ этотъ мѣсяцъ съ первыхъ дней такъ былъ тепелъ, что многія деревья расцвѣли, а поля покрылись зеленою травою.

Менгли-гирей по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на одномъ изъ балконовъ своего сераля, расположенныхъ на югъ, и чрезвычайно радовался, когда ему сообщали, что подножный кормъ съ каждымъ часомъ улучшается не только на пространствѣ до Оръ-хапу (Перекопа), но и въ дальнѣйшемъ протяженіи степей. Большое движеніе молодыхъ людей въ ущельи Бахчасарая, успѣвшаго покрыться многими постройками, веселыя лица мурзъ и бековъ, джигитующихъ на хорошихъ коняхъ, все это говорило, что въ любимой резиденціи Менгли-гирея затѣевается серіозный набѣгъ на одного изъ ближайшихъ повелителей народа.

У хана постоянно находились начальники отрядовъ, заявляли свои убѣжденія, выслушивали совѣты и излагали надежды. Словомъ, все дѣйствовало и подготовлялось къ большому предпріятію.

До Менгли-гирея ежедневно доносились слухи, что молодежь, собравшаяся у Оръ-хапу горитъ нетерпѣніемъ двинуться въ походъ, но ханъ не могъ удовлетворить этому рвенію, потому что отрядъ самаго важнаго изъ полководцевъ его Ширинлы-бея не былъ готовъ.

Вотъ въ это жаркое время, въ дворецъ Бахчасарая, въ сопровожденіи конвоя и нѣсколькихъ вьючныхъ лошадей, въѣхалъ русскій посланникъ Өедоръ-ага и при-

казалъ доложить, что онъ пріѣхалъ съ великими дарами отъ повелителя русской земли по чрезвычайному дѣлу.

— Онъ пріѣхалъ очень кстати—замѣтилъ Менгли-гирей—и мы обрадуемъ его разрѣшеніемъ султана торговать русскимъ купцамъ въ Кафѣ. Скажите ему, пусть онъ предварительно изложитъ дѣло свое Джапаръ-агѣ и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ явится ко мнѣ.

Въ этотъ-же вечеръ посланникъ принятъ былъ ханомъ. Прежде всего онъ заявилъ, что могущественный сосѣдъ его Ахъ-бей Іоаннъ Васильевичъ III шлетъ ему съ братскими поклонами нѣсколько мѣшковъ золотыхъ и серебряныхъ рублевъ на его государственныя нужды въ знакъ своей искренней дружбы и сердечной любви.

При этихъ словахъ лицо хана просіяло и онъ какъ-то машинально прикоснулся къ ладонкѣ, гдѣ хранилось кольцо бѣдной Кирьякулы. Получить такую громадную сумму денегъ въ тотъ моментъ, когда въ кассѣ его не оставалось ничего, это было особеннымъ благоволеніемъ хызмета.

— Сто разъ благодарю моего богатаго сосѣда и друга за его добрую память обо мнѣ—отвѣчалъ гирей—я не забуду этого и, вѣроятно, когда-нибудь докажу мою благодарность на дѣлѣ, а теперь ты получишь отъ меня полнѣйшее разрѣшеніе на торговлю вашихъ купцовъ въ моемъ ханствѣ. Теперь объясни мнѣ въ короткихъ словахъ, чего желаетъ отъ насъ мой другъ?

— Россіи предстоитъ долгая и убійственная война съ Кипчакскимъ ханомъ Ахметомъ—началъ посланникъ—война съ нимъ однимъ для повелителя моего, который нынѣ является самостоятельнымъ государемъ всей Россіи, не представляетъ ничего опаснаго, но онъ соединился съ врагомъ нашимъ великимъ княземъ литовскимъ Кизиміромъ и конечно они общими силами съ двухъ концовъ могутъ нанести нашему народу и царству большое разореніе.

— Понялъ, понялъ. Это значитъ, что пріятель мой желаетъ, чтобы я схватилъ одного изъ враговъ его за *перчемъ* (чубъ) и задалъ ему трепку, чтобы онъ не лѣзъ туда, гдѣ два дерутся. Если я угадалъ, то не трудись мнѣ говорить больше, а садись на коня и лети поско-

рѣс къ господину твоему съ заявленіемъ, что я чрезъ недѣлю направлюсь въ Литву и сдѣлаю больше, чѣмъ ожидаетъ Ахъ-бей. Но ты предварительно долженъ объяснить мнѣ, какія причины послужили поводомъ къ объявленію войны Ахметъ-хана?

— Онъ потребовалъ отъ насъ поголовнаго гарача, въ предположеніи, что Россія по прежнему должна считаться вассальнымъ государствомъ Золотой Орды; но великій князь, сознавая теперь свое могущество и современное ничтожество Орды, отвѣчалъ ему, что времена гарача давнымъ-давно миновали. Это повидимому оскорбило хана и онъ рѣшился вновь завоевать Россію съ помощью Казиміра.

— Во первыхъ Ахметъ-ханъ долженъ сознать, что я гораздо болѣе имѣю правъ на дѣдовское наслѣдіе—сказалъ Менгли-гирей и онъ могъ-бы сдѣлать это не иначе, какъ въ союзѣ со мною и наконецъ, какой былъ у него разсчетъ приглашать дерзкаго Кази-эмира, котораго я ненавижу въ душѣ и ради этой ненависти готовъ сокрушить съ лица земли и самаго Ахмета. Ты вотъ что посовѣтуй моему пріятелю Іоанну отъ меня: когда я вступлю въ Литву и схвачу за *перчемъ* Кази-эмира, а Ахметъ проникнетъ въ ваши владѣнія, пусть онъ пошлетъ окольными путями большой отрядъ войска въ самую Орду подъ видомъ истребленія ханскаго семейства и разграбленія всего имущества. Нѣтъ сомнѣнія, что устрашенный Ахметъ сейчасъ-же повернетъ назадъ; а это спасетъ отъ разоренія всѣ тѣ города и селенія, которые будутъ лежать по пути слѣдованія его къ Москвѣ. Въ остальномъ уже я самъ помогу Ахъ-бею навсегда избавиться отъ этого негоднаго единовѣрца моего. Но при этомъ ты скажи другу моему, что Россія съ этого дня обязана будетъ мнѣ и моимъ наслѣдникамъ въ полной независимости отъ Монголовъ, правами которыхъ я не буду пренебрегать, какъ послѣдній царственный представитель Чингизхана. Передай и это Іоанну.

Менгли-гирей тутъ-же обратился къ Джапаръ-агѣ и приказалъ ему сегодня-же отдать приказъ, чтобы всѣ ратники съ начальниками своими приготовились къ походу.

Не успѣлъ выѣхать изъ Бахчасарая русскій посланникъ, какъ за нимъ потянулись длинными рядами вооруженные татаре, сопровождаемые табунами лошадей, навьюченныхъ жаренными чуреками, пшеномъ, *какачемъ* (вяленною бараниною) и другаго рода легкимъ провіантомъ.

Мы не станемъ описывать этого похода, такъ какъ въ шествіи этомъ не представлялось ничего особеннаго, за исключеніемъ развѣ того, что на этотъ разъ Менгли-гирей слѣдовалъ съ нѣкоторою пышностію.

Въ это время и въ Литвѣ дѣлались большія приготовленія, но никому не приходило въ голову, что вмѣсто набѣга на чужія страны, имъ придется защищать свое отечество отъ безпощадныхъ Крымскихъ татаръ. Какъ вдругъ донесли великому князю Казиміру, что къ владѣніямъ его приближается Менгли-гирей съ безчисленными полчищами войска. Князь Литовскій, выступившій съ авангардами на сѣверную границу владѣній своихъ, пришелъ въ такую ярость отъ этого несвоевременнаго извѣстія, парализирующаго такъ долго излюбленныя имъ мечты, что приказалъ подвергнуть пыткѣ злополучнаго вѣстника и заковать его въ цѣпи впредь до провѣрки заявленія. Затѣмъ онъ послалъ нарочныхъ убѣдиться въ невозможности такого быстраго перехода татаръ, за движеніемъ которыхъ навѣрно слѣдитъ союзникъ его Ахметъ и отъ котораго еще вчера пріѣзжалъ гонецъ съ различными менѣе важными сообщеніями.

Тѣмъ временемъ Менгли-гирей успѣлъ уже вступить въ княжество, разорить нѣсколько городовъ и селеній и, захвативъ массу молодыхъ людей, отправить ихъ подъ конвоемъ въ Крымъ.

Казиміръ ужаснулся, когда ему донесли объ этомъ, но дѣлать было нечего: приходилось бросать всѣ радужныя надежды и спѣшить на выручку княжества. Не будучи въ силахъ изгнать укрѣпившагося врага, Казиміръ рѣшился покончить съ нимъ переговорами и откупомъ, въ надеждѣ выиграть время и вознаградить себя вдесятеро на счетъ Россіи, но ханъ оказался хитрѣе его. Прежде всего онъ потребовалъ отъ парламентера, чтобы Кази-эмиръ торжественно и на колѣняхъ изви-

нился передъ нимъ за дерзкій отвѣтъ на его пріятельское письмо и выдалъ ему для казни того секретаря, который дерзнулъ писать ему отвѣтъ. Кромѣ этого, чтобы немедленно найдена была Кирьякула и прислана къ нему съ подобающею почестью и что по исполненіи только этихъ двухъ первыхъ условій Казиміръ можетъ надѣяться на выкупъ своихъ владѣній и плѣнныхъ.

Литовскій князь ожесточился и бросился въ рукопашный отчаянный бой, но потерявъ лучшихъ полководцевъ и больше половины старыхъ воиновъ, струсилъ и началъ обдумывать свое критическое положеніе.

Надо будетъ во чтобы ни стало отыскать эту дѣвченку—рѣшилъ великій князь и приказалъ разослать по всему княжеству строжайшія предписанія представить къ нему гречанку изъ Таврики подъ именемъ Кирьякула, которая куплена была какимъ-то литовскимъ купцомъ, закупавшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ ногайскихъ степяхъ шерсть. Въ заключеніе прибавлялось, что Менгли-гирей напалъ на страну именно чрезъ эту дѣвушку и грозитъ всеобщимъ рабствомъ, если ему не выдадутъ ее въ непродолжительномъ времени.

Двѣ недѣли спустя къ Казиміру представленъ былъ тотъ самый купецъ, который купилъ Кирьякулу.

— Куда ты дѣвалъ купленную у Ногайцевъ дѣвушку? вскрикнулъ князь—несчастный, ты не подумалъ даже, что поступкомъ твоимъ разоришь отечество и сдѣлаешь насъ всѣхъ рабами поганыхъ татаръ! Ну, говори же скорѣе: не убилъ ли ты ее, чтобы подвергнуть насъ тому же?

— Нѣтъ, владыка, я не убивалъ и не сдѣлалъ ей никакого зла, но на меня напали на границѣ Польши недобрые люди, ограбили меня и увели насильно дѣвушку, которую я хотѣлъ возвратить при удобномъ случаѣ къ ея старымъ родителямъ. Она такая была добрая и услужливая, что сама навязалась сопровождать мои обозы съ шерстью въ предположеніи встрѣтить по дорогѣ къ Польшѣ кого-либо изъ своего отечества; я не хотѣлъ обидѣть ее отказомъ, но вышло не хорошо.

— И давно случилось это несчастіе?

— Не больше двухъ мѣсяцевъ. Она, бѣдняжка, вид-

но больно соскучилась въ моей семьѣ, а мнѣ приходилось ѣхать къ фабриканту.

Великій князь, выслушавъ чисто-сердечную исповѣдь купца, началъ ходить большими шагами по комнатѣ.

— Добрая была дѣвушка—продолжалъ купецъ—она намъ говорила, что въ своемъ отечествѣ поставила на царство какого-то князя и отказалась быть его женою, потому что онъ былъ не христіанинъ.

„А, теперь я понимаю—подумалъ Казиміръ—почему Менгли розыскиваетъ эту красавицу съ такимъ остервенѣніемъ. Отчего же онъ не объяснилъ мнѣ этого въ письмѣ своемъ?“

— Послушай—сказалъ онъ, обращаясь къ купцу—что если я тебѣ дамъ тысячу злотыхъ, сможешь ли ты выкупить у разбойниковъ эту дѣвушку?

— Я готовъ сдѣлать все, что ни прикажетъ мнѣ мой господинъ.

Князь не замедлилъ отдать приказаніе, чтобы купцу выдана была эта сумма и чтобы его отправили какъ можно поскорѣе на границу царства Польскаго и ожидали его возвращенія. Кромѣ этого посланы были курьеры къ правительственнымъ лицамъ съ просьбами оказать содѣйствіе къ отобранію у грабителей дѣвушки изъ Крыма, изъ за которой Менгли-гирей пришелъ войною на Литву и, вѣроятно, перейдетъ потомъ въ Польскія владѣнія, если узнаетъ, что она захвачена поляками и находится въ ихъ царствѣ.

Прошла еще одна ужасная недѣля, стоившая Литвѣ нѣсколькихъ сотъ плѣнныхъ. Казиміръ, желая воздержать ханскія войска отъ дальнѣйшихъ набѣговъ, послалъ новаго парламентера съ заявленіемъ, что человѣкъ купившій Татку найденъ, но что къ несчастію дѣвушка отбита отъ него польскими разбойниками. Вслѣдствіе чего онъ послалъ этого купца въ Польшу съ большою суммою денегъ и ходатайствами къ правительственнымъ лицамъ объ оказаніи содѣйствія къ розыску Кирьякулы.

Почти одновременно съ этимъ заявленіемъ Менгли-гирей получилъ извѣстіе отъ одного изъ плѣнныхъ Литовцевъ, что Ахметъ-ханъ, бросившійся было съ значительными силами на Россію, узнавъ, что союзникъ его

Казимiръ осажденъ въ своемъ царствѣ, а русскiе выслали большой отрядъ войска, чтобы напасть па Золотую Орду и плѣнить его семейство, нашелъ болѣе благоразумнымъ возвратиться обратно, чтобы предупредить несчастiе и отложить до болѣе удобнаго времени покоренiе Россiи.

„Дѣла мои идутъ отлично—думалъ гирей—духъ Кирьякулы повидимому не покидаетъ меня, но мнѣ необходимо сокрушить Ахмета, чтобы одному имѣть право повелѣвать русскимъ беемъ. Продолжая разсуждать съ самимъ собою, Менгли вдругъ остановился на свѣтлой мысли. Предъ нимъ выдвинулась фигура Ивакъ-бея, властвовавшаго надъ Шибанскими и Тюменскими улусами, который въ послѣднее время переполненъ былъ ненавистью къ дерзкому и алчному Ахмету. „Не будетъ ли съ моей стороны—мечталъ онъ—въ настоящее время удобнымъ моментомъ поднять противъ Ахмета Ивакъбея, который жаждетъ встрѣчи съ нимъ въ степи. Какъ жаль, что Джакомо не можетъ быть со мною всегда, чтобы предсказывать будущее. Однако отчего я не могу сдѣлать этого письмомъ по-итальянски, котораго никто изъ подданныхъ моихъ не въ состоянiи будетъ прочитать.

Менгли-гирей приказалъ подать себѣ всѣ принадлежности для письма и около часу писалъ, не подымаясь съ мѣста. Запечатавъ письмо ханскою печатью, онъ приказалъ Кази-аскеру *) назначить двухъ гонцовъ въ Бахчасарай для отправки приказанiй министрамъ.

— Я буду ожидать вашего возвращенiя двѣ недѣли—сказавъ гирей вошедшимъ джигитамъ. За всякiй день кто изъ васъ прибудетъ раньше съ отвѣтомъ, получитъ по червонцу. Я приказываю Джапаръ-агѣ не задерживать васъ и сейчасъ отвѣчать мнѣ.

Гонцы приняли съ благоговѣнiемъ письмо и, не теряя дорогаго времени, пустились въ далекiй путь.

Два дня спустя къ Менгли-гирею прибылъ посланный отъ Ахъ-бея съ глубокою благодарностiю и заявленiемъ, что онъ идетъ по пятамъ отступающаго Ахмета,

---

*) Войсковой судья.

котораго надѣется разбить въ его же владѣніяхъ. Великій князь просилъ его не покидать Литвы впредь до прибытія новаго посланника. Причемъ обѣщалось съ лихвою возвратить всѣ расходы добраго сосѣда на содержаніе арміи въ чужой странѣ.

„Это не дурно—думалъ Менгли-гирей—во первыхъ я не иначе выступлю изъ Литвы, какъ получивъ солидное вознагражденіе, и наконецъ Ахъ-бей заплатитъ мнѣ столько же за спасеніе его отъ печальныхъ послѣдствій войны.

— Отвѣчай твоему повелителю—сказалъ гирей посланнику, что просьбу его я исполню въ полномъ убѣжденіи принести ему счастье, но прибавь при этомъ, что я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Золотая Орда навсегда утратила свое грозное значеніе для Россіи.

Посланникъ уѣхалъ. Менгли-гирей въ первый разъ въ жизни вполнѣ довольный своей судьбою, вспомнивъ свой лучшій возрастъ, запасся, чрезъ посредство нѣкоторыхъ Литвиновъ, лучшими сортами винъ и лучшими гяурками и задумалъ предаться самой разгульной жизни, что предоставилъ и подвластнымъ ему бекамъ и мурзамъ. Не проходило ни единаго дня, чтобы къ нему не доставлялась юная дѣвочка, которую пьяный ханъ, продержавъ до новый жертвы, отпускалъ на свободу.

Обо всемъ этомъ, естественно, доносилось великому князю Казиміру, не рѣшавшемуся вступить во вторичную битву съ татарами и ожидавшему съ каждымъ часомъ прибытія Кирьякулы, отъ которой зависѣло спасеніе отечества.

Казиміръ, не получая никакихъ извѣстій отъ купца, чрезъ каждые два дня отправлялъ къ нему по одному курьеру, но къ несчастію они уѣзжали, но не давали отчета въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ своихъ. Князь сокрушался и проклиналъ татаръ, а татаре радовались и восхищались привольному житью.

Въ концѣ концовъ возвратился купецъ съ извѣстіемъ, которое повергнуло Казиміра въ отчаяніе; разбойниковъ, похитившихъ Кирьякулу, польскіе чиновники отказались розыскивать на томъ основаніи, что правительство ли-

товскаго князя не ясно объяснило, кого именно оно подозрѣваетъ и гдѣ именно скрываются злодѣи?

— Ну, любезнѣйшій, сказалъ Казиміръ, обращаясь къ купцу—не смотря на то, что я не нахожу тебя виновнымъ, мнѣ необходимо отправить тебя къ татарскому хану для личнаго объясненія, чтобы онъ не могъ подумать о желаніи моемъ обмануть его. Одновременно я пошлю къ нему и всѣ отвѣты на мои просьбы отъ польскаго правительства.

— Я пойду съ особеннымъ удовольствіемъ и надѣюсь что ханъ повѣритъ мнѣ—отвѣчалъ купецъ.

— Отъ души желаю тебѣ успѣха, потому что отъ этого зависитъ освобожденіе отечества нашего отъ злыхъ враговъ.

На другой день Казиміръ приказалъ парламентеру свести къ Менгли-гирею купца, отъ котораго отобрана была Татка и всѣ отвѣты, полученные имъ отъ польскаго начальства.

Крымскій ханъ съ особеннымъ вниманіемъ разсмотрѣлъ переписку, допросилъ купца и заявилъ ему, что не выступитъ изъ княжества до того времени, пока не будетъ возвращена ему Кирьякула или до той минуты, пока князь самъ не пріѣдетъ къ нему для того, чтобы дать подписку въ томъ, что Польша не сочла нужнымъ исполнить его ходатайство, основанное на требованіи могущественнаго повелителя Крымскаго ханства.

Невинный купецъ возвратился къ великому князю и передалъ ему подлинныя слова гирея. Казиміръ собралъ всѣхъ военачальниковъ и объявилъ имъ, что онъ рѣшается для спасенія отечества ѣхать въ татарскій станъ. Большинство голосовъ не изъявили на это согласія, требуя обратиться къ Польшѣ за содѣйствіемъ къ изгнанію варваровъ.

— Пока намъ помогутъ недоброжелательные въ душѣ друзья—отвѣчалъ великій князь—Менгли-гирей успѣетъ завладѣть не только всѣмъ княжествомъ, но и броситься на самую Польшу. Для насъ нѣтъ другаго исхода, какъ отдать ему безъ риска все золото и серебро, которое казна и безъ этого потратитъ на напрасную борьбу и гибель лучшихъ сыновъ отечества.

— Но ханъ можетъ тебя плѣнить и вслѣдъ затѣмъ признать насъ своими рабами—отвѣчали ему вельможи.

— Если вы надѣетесь изгнать его, то изберите себѣ другаго князя, а мнѣ не остается ничего другаго, какъ пожертвовать своею свободою и государственными средствами для спасенія отечества и я сегодня же рѣшился покончить съ ханомъ.

— Дѣлай, какъ знаешь—отвѣчали ему подданные—но не вини насъ въ случаѣ неудачи.

Казиміръ приказалъ подать ему лошадь и въ сопровожденіи оруженосца своего направился въ станъ непріятеля. Менгли-гирей не иначе согласился принять его, какъ съ глубокимъ раскаяніемъ въ необдуманномъ отвѣтѣ. Литовскій князь изъявилъ согласіе извиниться.

— Ханъ, удовлетворенный нѣсколькими поклонами его, послѣ нѣкотораго молчанія спросилъ: что побудило его явиться къ нему?

— Я пріѣхалъ спросить его высочество — отвѣчалъ Литовскій князь чрезъ переводчика, оставить мое княжество, такъ какъ мы не заслужили его гнѣва.

Ты не заслужилъ моего гнѣва? вскрикнулъ ханъ—но развѣ я не писалъ тебѣ, какъ другу въ то время, когда спасительница моя находилась въ твоей землѣ; но ты желалъ выразить мнѣ презрѣніе, въ предположеніи, что я не въ состояніи нанести тебѣ вреда. Я понялъ твое тщеславіе и не полѣнился доказать на дѣлѣ мое могущество.

— Я виноватъ, что довѣрился приближеннымъ, какъ это случается съ каждымъ властителемъ народа.

— Въ такомъ случаѣ я самъ накажу того, кто осмѣлился тебя обмануть. Ты долженъ мнѣ прислать въ теченіи сутокъ дерзкаго обманщика. Если подтвердится на дѣлѣ, что ты, дѣйствительно, не виновенъ противъ меня, я пожалуй выступлю изъ твоего княжества, но не иначе какъ получивши всѣ расходы и вознагражденія за походъ мой и не иначе, какъ по удостовѣреніи, что Кирьякула, которую я обязанъ спасти, находится въ Польшѣ.

— Какимъ же это образомъ ты узнаешь послѣднее?

— Я узнаю это изъ отвѣта польскаго правительства,

такъ какъ присланный тобою купецъ показался мнѣ вполнѣ заслуживающимъ довѣрія.

— Сколько же я долженъ буду тебѣ заплатить контрибуціи, считая въ томъ числѣ и за спасеніе головы моего юнаго секретаря? спросилъ Литовскій князь.

— Я на первый разъ немного возьму съ тебя и именно сто тысячъ золотыхъ за свободу страны и 20 т. за жизнь человѣка, дерзнувшаго оскорбить меня.

— Чрезъ два дня деньги эти будутъ доставлены къ тебѣ—отвѣчалъ Казиміръ.

— Но повторяю тебѣ, что я не выступлю, пока не получу отвѣта отъ Польскаго короля.

— Я готовъ послать твое требованіе съ моимъ курьеромъ.

— Твой курьеръ можетъ сопровождать моего посланника и облегчать ему путь.

Литовскій князь вынужденъ былъ согласиться и на это.

Менгли-гирей своеручно написалъ по-итальянски посланіе къ польскому королю и отпустилъ гонца съ Казиміромъ.

Девять дней спустя ханъ получилъ отъ Джапаръ-аги отвѣтъ на свое письмо. Министръ извѣщалъ его, что онъ немедленно послалъ къ Ивакъ-бею нарочно съ совѣтомъ воспользоваться отличнымъ случаемъ спровадить Ахметъ-хана во дворецъ, уготовленный ему Чингизъ-ханомъ на седьмомъ небѣ.

„Это будетъ великолѣпно—думалъ ханъ, приказавъ вознаградить гонцовъ вдвое противъ обѣщаннаго. Почти одновременно прибыли вѣстники отъ Ахъ-бея съ извѣстіемъ, что русская армія выпроводила Ахметъ-хана изъ своихъ владѣній и остановилась на границѣ Кипчака.

„Теперь мнѣ остается только освободить Татку, говорилъ про себя Менгли-гирей и, получивъ выкупъ, возвратиться со славою и блистательными надеждами въ мой уютный и веселый Бахчасарай.

Однако первому изъ этихъ желаній не суждено было исполниться. Польскій король съ презрѣніемъ отбросилъ ханское письмо и приказалъ отвѣчать, что правительство однажды уже потрудилось надъ этимъ ничтожнымъ

дѣломъ и вовсе не расположено повторять розысковъ въ царствѣ простой дѣвченки.

Ханъ возмутился и потребовалъ къ себѣ Казиміра.

— Пришли мнѣ условленный выкупъ—сказалъ гирей, потому что я долженъ самъ идти въ Польшу поискать въ ней мою избавительницу. Надо полагать, что сосѣдъ твой не имѣетъ, кого послать въ розыскъ или его перестали слушать подданные. Мы обшаримъ всѣ лѣса и дома его царства и навѣрно достигнемъ желанія.

Ханъ отдалъ приказъ быть войскамъ па готовѣ къ походу. Нѣсколько дней спустя Казиміръ уплатилъ сполна опредѣленную контрибуцію и татаре уже осѣдлали лошадей въ намѣреніи двинуться на Ляховъ, слывущихъ въ Крыму за первыхъ богачей міра, какъ вдругъ прибылъ парочный отъ Джапара-аги съ извѣстіемъ, что Ивакъ-бей, столкнувшись съ Ахметъ-ханомъ, своеручно убилъ его.

— Дай этому гонцу—приказалъ гирей своему походному казначею—десять червонцевъ за отличное исполненіе порученія.

Такая щедрая награда изумила всѣхъ присутствующихъ и всѣ были убѣждены, что новость, доставленная изъ Крыма была равномѣрна изгнанію турецкихъ гарнизоновъ. Въ другомъ письмѣ, писанномъ уже на татарскомъ діалектѣ, Джакомо объявлялъ, что турецкій султанъ прислалъ съ посланникомъ 40 т. червонцевъ и требуетъ, чтобы немедленно явились къ нему на помощь татаре для покоренія Молдавіи.

„Въ предположеніи, что ты двинешься прямо изъ Литвы на Дунай—писалъ министръ—я сдѣлалъ распоряженіе собрать новыя войска, которыя по первому твоему приказанію выступятъ изъ Крыма, чтобы присоединиться къ тебѣ".

Когда вѣсть о щедрой наградѣ гонца достигла до Ширинлы-бея, онъ не замедлилъ явиться къ хану, чтобы узнать о новостяхъ изъ Крыма.

Менгли-гирей вмѣсто отвѣта подалъ ему письмо Джапаръ-аги. Прочитавъ его со вниманіемъ, полководецъ нахмурилъ брови.

— Неужели эта вѣсть могла тебя обрадовать настолько, что ты такъ щедро наградилъ вѣстника?

— Я вполнѣ убѣжденъ, что послѣ этой кампаніи, мы возвратимъ всѣ права наши въ ханствѣ и турецкіе гарнизоны превратятся въ сторожей или охранителей нашей собственности. Развѣ это не завидная доля? Подумай ты самъ, мы можемъ свободно, безъ малѣйшаго страха за семьями, дѣлать набѣги, воевать, брать контрибуціи, словомъ джигитовать и въ крайности имѣть сильнаго заступника. Признаться, я первоначально ужасно тосковалъ, что предоставилъ надъ нашимъ ханствомъ нѣкоторыя права турецкимъ султанамъ, но теперь очень радъ такому событію. Остается только показать калифу, что мы преданы ему и умѣемъ не хуже турковъ отстаивать свою независимость.

— Дѣйствительно, ты правъ и намъ необходимо будетъ отличиться, чтобы не уронить себя въ ихъ глазахъ.

— Потрудись-же сообщить содержаніе этого письма всѣмъ начальникамъ отряда и сдѣлай распоряженіе, чтобы на первомъ бивуакѣ, по выходѣ изъ Литвы, розданы были войскамъ деньги, полученныя нами отъ Казиэмира.

— Такъ мы не пойдемъ теперь на Польшу?

— Нѣтъ. Для насъ теперь важнѣе оказать услугу султану, а Польша отъ насъ не уйдетъ. Даю тебѣ мое ханское слово, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы разгромимъ этотъ надменный народъ и заставимъ его подѣлиться съ нами своими богатствами. Но ты не разсказывай этого теперь никому, чтобы Ляхи забыли о насъ и не держались, такъ сказать, на стражѣ.

VI.

Ровно шесть мѣсяцевъ прошло съ того момента, какъ Менгли-гирей выступилъ изъ Бахчисарая.

А сколько совершилось важныхъ событій, которыя должны были послужить къ его могуществу и славѣ!

Въ настоящее время отряды его, отягощенные богатою добычею, съ нетерпѣніемъ возвращались на родину.

— Какъ тебѣ показался турецкій султанъ? спраши-

валъ одинъ изъ *онбашіевъ* (десятниковъ) у товарища своего по кампаніи, случайно очутившагося около него.

— По моему онъ не стоитъ и ногтя Менгли-гирея. Ну и молодецъ нашъ ханъ, я просто не вѣрю тому, что видѣлъ своими глазами: это левъ на войнѣ! Говорятъ, что турки завидовали его отвагѣ и ловкости до такой степени, что ставили въ примѣръ самымъ лучшимъ янычарамъ.

— Объ этомъ и я слыхалъ. Впрочемъ это доказывается тѣмъ, что султанъ, не находя словъ для выраженія благодарности, съ удовольствіемъ подарилъ ему множество селеній на Днѣстрѣ, возвратилъ доходы съ Кафинскаго, Гезлевскаго и Балаклавскаго портовъ и кромѣ этого выдалъ часть военной добычи, которая отправлена на трехъ судахъ. Говорятъ, что на одномъ изъ этихъ судовъ находилось двѣнадцать такихъ хорошенькихъ дѣвушекъ, предъ красотою которыхъ луна показалась бы треснутымъ казаномъ. Вотъ еслибъ онъ расщедрился да пожаловалъ мнѣ одну за то, что я два раза выручалъ его отъ плѣна.

— А ты самъ потребуй. Авось онъ согласится.

— О, еслибъ онъ предоставилъ мнѣ выборъ! но всего вѣроятнѣе, что Менгли, нынѣ увлеченный своимъ счастьемъ совершенно забылъ о Саміи Хурбанъ-оглу, имя котораго записалъ на подкладкѣ своего кафтана.

— Если онъ, дѣйствительно, это сдѣлалъ, то поздравляю тебя не только съ красавицею женою, но и съ великою будущностію. Ханъ вообще безконечно любитъ тѣхъ, которые спасаютъ ему жизнь, и не щадитъ для нихъ никакихъ благъ. Я знаю это на дѣлѣ, да и ты, вѣроятно, убѣжденъ въ томъ, что онъ изъ за одной Татки, которая спасла его отъ яда, поднесеннаго Эминекъ бекомъ, и потомъ попавшей въ плѣнъ, завоевалъ черкесовъ, загналъ въ Крымъ ногаевъ и напалъ па Левку, которой не дешево обошлось нежеланіе отыскать и возвратить ее къ родителямъ. Возможно ли послѣ такого примѣра допускать мысль, что онъ тебя забылъ. Это можетъ случиться только въ такомъ случаѣ, если твое имя стерлось съ кафтана или онъ бросилъ свою

одежду и замѣнилъ ее новою. Ты грамотенъ? вдругъ спросилъ Хыркъ-ерскій джигитъ.

— Еслибъ я не зналъ грамоты, то меня не сдѣлалъ бы Ширинлы-бей онбашіемъ.

— Въ такомъ случаѣ запиши твое имя и мѣстожительства на моей рубашкѣ. Кто знаетъ ханъ можетъ быть станетъ розыскивать тебя въ окрестныхъ поселеніяхъ Бахчисарая и я воспользуюсь этимъ случаемъ, но я напередъ хочу заручиться твоею клятвою, что на случай ты попадешь въ визири, то и меня сдѣлаешь начальникомъ въ какомъ-нибудь округѣ — сказалъ, улыбнувшись молодой человѣкъ.

— И кромѣ этого клянусь поцѣловать тебя въ обѣ щеки и во всѣ отверстія твоего лица по три раза.

Онбаши остановился и, вынувъ изъ за пояса чернильницу, громадными буквами написалъ слѣдующее: изъ дер. Шахъ-мамая Сажій Хурбанъ-оглу.

— Ну теперь прощай—сказалъ молодой татаринъ— я отсталъ отъ отца моего и долженъ возвратиться къ нему. Сказавъ это, джигитъ повернулъ прекраснаго коня своего и умчался.

Юноша этотъ былъ никто иной, какъ второй сынъ Менгли-гирей хана Сагипъ, котораго повелитель чрезвычайно любилъ и повсюду возилъ съ собою, чтобы съ раннихъ лѣтъ пріучить къ отвагѣ и дѣятельности.

Десять дней спустя послѣ этого случайнаго разговора Хыръ-ерскій отрядъ встрѣченъ былъ всѣми безъ исключенія жителями окрестныхъ улусовъ Бахчисарая. Народъ становился на колѣна предъ славнымъ повелителемъ и громко призывалъ на него благоволеніе Аллаха. *Даулы, тримпетеки* и звучные *зурны* *) гремѣли, дѣти и юноши рѣзвились на лошадяхъ, муллы творили благодарственный намазъ на открытомъ полѣ, а женщины плакали заранѣе отъ удовольствія принять въ объятія свои прославившихся мужей и сыновей.

Подобную картину Менгли-гирей видѣлъ въ первый разъ въ жизни своей и тутъ только сообразилъ, что

---

*) Барабаны, барабанчики и дудка въ родѣ кларнетъ.

одна война и набѣги могутъ сдѣлать его кумиромъ народа.

„А я глупецъ—думалъ онъ, опустивъ голову на грудь— увлекшись наставленіями моихъ друзей дженевезовъ, хотѣлъ было царствовать тихо и мирно, не обнажая меча. Теперь я понимаю, что имъ хотѣлось сдѣлать меня безсильнымъ для того, чтобы раздавить мое царство и сдѣлать меня своимъ рабомъ. Но благодареніе Аллаху, сама судьба повернула моего коня на путь славы и благоденствія и я начинаю сознавать достоинства моего народа, котораго началъ было презирать за его грубость и кровожадность. Нѣтъ, отнынѣ мнѣ необходимо позаботиться, чтобы въ странѣ моей не оставалось слабосердечныхъ, но властолюбивыхъ христіанъ.

Мысли хана прерваны были выѣздомъ къ нему на встрѣчу Джакомо, муфтія и другихъ вельможъ.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и поцѣлуя фалды Менгли-гирей началъ разспрашивать о новостяхъ.

— Самая печальная та изъ нихъ — отвѣчалъ афузъ Билялъ, что Константинопольскій Шейхъ-уль-исламъ прислалъ къ намъ кадіевъ или судей для разбора дѣлъ по магометанскому шиpіату, по которымъ приказано руководствоваться не святѣйшимъ кораномъ, а какими-то калифскими постановленіями. Это мнѣ кажется оскорбитъ нашего великаго пророка и навлечетъ его гнѣвъ на страну.

— Если законы эти подходятъ къ смыслу корана и практикуются въ счастливой Турціи, то мнѣ, кажется, изъ за этого не стоитъ нарушать нашихъ дружественныхъ отношеній съ повелителемъ вселенной. А, ты какихъ мнѣній по этому предмету Джапаръ-ага? спросилъ ханъ.

— Я вполнѣ раздѣляю твои убѣжденія.

Афузъ Билялъ заскрежеталъ зубами. Отъ него не могли укрыться, что Джакомо исповѣдовалъ христіанскую религію, которая не могла терпѣться около мусульманскаго трона, но терпѣлась по необходимости, вслѣдствіе неблагонадежности мурзъ и бековъ, неблагонадежности, которая давно бросалась въ глаза. Если же онъ молчалъ до настоящаго времени, то это происходило въ первыхъ

потому, что Менгли-гирей постоянно находился въ отлучкѣ и наконецъ потому, что надѣялся заставить Джакомо содѣйствовать ему во всѣхъ предпріятіяхъ. Съ этой же минуты у властолюбиваго муфтія закипѣла ненависть и онъ далъ себѣ слово изгнать гяура изъ Бахчисарая.

— Много же я потрудился, мой другъ Джакомо, говорилъ вечеромъ Менгли-гирей, лежа на атласной софѣ. Подумай ты самъ 6-ть мѣсяцевъ быть верхомъ, недоѣсть, недоспать и быть постоянно на стражѣ,—невольно посѣдѣютъ усы и борода.

— Для славы, гранъ-синьоръ, жертвуютъ всѣмъ, отвѣчалъ Джакомо.

— Да, я сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ думалъ, но къ сожалѣнію я не могъ достигнуть самой важной мечты моей: я не отыскалъ несчастной Кирьякулы. Это свинцомъ лежитъ на моей совѣсти и я не успокоюсь до того времени, пока не растерзаю Польшу за ея обидное равнодушіе къ моему ходатайству. Я поклялся въ этомъ, выступая изъ Литвы, и если Аллахъ сохранитъ меня, то съ раннею весною міръ содрогнется предъ моимъ оружіемъ.

Джакомо не отвѣчалъ на это, такъ какъ онъ благоволилъ къ католическому королевству, о которомъ съ особенною любовью относился его епископъ во время независимости Солдаи отъ мусульманъ.

Менгли-гирей, привыкшій понимать мысли своего визиря, перемѣнилъ разговоръ.

— Я хочу, Джакомо, чтобы ты въ первую пятницу совмѣстно съ казнедаръ-агою устроилъ большой праздникъ для жителей окрестныхъ улусовъ въ ознаменованіе нашихъ подвиговъ. Это поощритъ ихъ и вознаградитъ меня въ будущемъ. Не жалѣй ни денегъ, ни подарковъ, но при этомъ надо будетъ попросить и Афузъ Биляла, чтобы онъ сочинилъ какую-нибудь выписку изъ головы своей, чтобы возбудить въ народѣ болѣе высокія понятія о повелителѣ своемъ. Я много разъ въ походѣ моемъ подмѣчалъ, что на меня смотрѣли, какъ на хищнаго звѣря съ большею сравнительною силою, а это не совсѣмъ утѣшительно для меня.

День спустя Афузъ Билялъ поднесъ гирею черновую замѣтку, проэктированную имъ для выставки въ центрѣ площади, избранной для народнаго праздника съ тѣмъ, что около нея поставлены будутъ два грамотея, которые безпрестанно по-очереди станутъ читать народу.

Рукопись была слѣдующаго содержанія:

„Какъ солнце есть мать луны и дѣдушка всѣхъ безсчетныхъ звѣздъ на небѣ, такъ и всесильный ханъ есть повелитель всѣхъ людей въ своемъ ханствѣ. Да сохранитъ его Аллахъ на тысячелѣтія. Такъ долженъ думать и говорить каждый правовѣрный для отличія отъ гяуровъ.

„Ханъ не есть левъ между звѣрями и животными, которыхъ онъ поѣдаетъ во время голода, но онъ есть нашъ кормилецъ отецъ въ семьѣ нашихъ отцовъ съ большими правами, чѣмъ мы.

Какъ отецъ обязанъ заботиться и отвѣчать за дѣтей своихъ предъ Аллахомъ, такъ и ханъ отвѣчаетъ за насъ. Какъ отецъ любитъ храбрыхъ, честныхъ и послушныхъ дѣтей, такъ равно поступаетъ и ханъ въ семьѣ подданныхъ.

„Кто отвѣтитъ незнаніемъ законовъ религіи, тотъ сдѣлаетъ это съ умысломъ получить свободу для новыхъ преступленій, а кто не угодитъ отцу отцовъ или солнцу, оживляющему всѣхъ, того постигнетъ небесная кара и народъ погибнетъ, какъ погибли безвѣрные дженевезы въ Кафѣ отъ руки чтецовъ святаго Ислама“.

— Прекрасно изложено, отвѣчалъ ханъ, но мнѣ кажется, что ты напрасно привелъ въ примѣръ генуэзцевъ.

— Не думаетъ ли, мой повелитель, замѣтилъ съ ѣдкою улыбкою муфтій, что этимъ оскорбится Джапаръ-ага?

— Мнѣ никогда не приходятъ такія мелочи на умъ, возразилъ гирей серіознымъ тономъ. Иди, заставь нарисовать твою вывѣску, но ни слова больше не прибавляй.

Когда муфтій вышелъ, Менгли-гирей началъ дергать бороду свою съ неудовольствіемъ.

„Видно онъ не съумѣлъ скрыть своего происхожденія отъ генуэзцевъ, говорилъ ханъ про себя. О, эти христіане, они глупѣе нашихъ дѣтей въ религіозномъ тщеславіи. Чѣмъ же это можетъ окончиться, если муф-

тій повѣдаетъ это народу и внесетъ въ лѣтопись мою? Чтобы объяснить себѣ этотъ вопросъ, ханъ взялъ въ руки четки и, отдѣливъ на удачу нѣсколько очковъ, началъ перебирать ихъ, приговаривая *четъ не четъ* *). Во всѣ три пріема выходило нечетъ. Менгли гирей далъ отдохнуть четкамъ и вновь принялся съ приговоромъ: *хаиръ шееръ* **). Опять выходило крайнее слово.

„Ну, бѣдняга я вижу, что тебѣ не сдобровать въ моемъ дворцѣ.

Хану захотѣлось провѣрить предопредѣленіе Джакомо на табличкѣ, вывезенной имъ изъ Молдавіи, которую онъ скрылъ въ старомъ кафтанѣ своемъ. Приказавъ подать это платье, онъ внезапно остановился на сдѣланной имъ надписи: „Самій Хурбанъ-оглу изъ улуса Шахъ-Мамай“.

„Алла! вскрикнулъ онъ, и я до настоящаго времени не подумалъ отблагодарить этого байгуша, который подобно тигру изъ за куста дважды спасалъ меня отъ неминуемой смерти.

— Эй, вскрикнулъ гирей, стоявшему за дверьми аякъ-хапу, поди сейчасъ къ Джапаръ-агѣ и скажи ему, чтобы онъ немедленно послалъ въ Шахъ-Мамайскій улусъ нарочнаго за онбашіемъ Саміемъ Хурбанъ-оглу; если же его не окажется въ живыхъ, то пусть приведутъ ближайшаго наслѣдника.

— Ты куда бѣжишь? остановилъ у дворцовыхъ воротъ посланнаго Сагипъ-гирей султанъ.

Выслушавъ отвѣтъ, юноша приказалъ ему слѣдовать за собою обратно въ сераль и объяснилъ отцу, что онъ сдѣлалъ уже распоряженіе вызвать Самія для участвованія въ народномъ праздникѣ, до котораго оставалось еще три дня. При этомъ онъ, конечно, не скрылъ случайной встрѣчи съ нимъ и подробностей разговора.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, что ты это сдѣлалъ, отвѣчалъ ханъ, а такъ какъ онъ два раза спасъ меня, то я представлю ему выбрать изъ 12 дѣвъ двухъ женъ и на свой счетъ сыграю свадьбу,

---

*) Т. е. четное или нечетое..

**) Благо или неудача.

— А знаешь ли баба (отецъ), сказалъ Сагипъ, мнѣ кажется, что ты не долженъ такого человѣка отпускать отъ себя. Тѣ, кто разъ спасаетъ намъ жизнь, всегда будутъ ревностными стражами ея.

— Ты правъ мой сынъ. Я охотно оставлю Самія въ числѣ моихъ приближенныхъ, а если онъ окажется грамотнымъ и способнымъ управлять какимъ-либо дѣломъ, то это послужитъ къ его счастію.

Наконецъ, настал҃ъ день всеобщаго пира. Съ ранняго утра громадный мейданъ (площадь), между Бахчисарайскимъ ущельемъ и Хыркъ-ерскимъ улусомъ установленъ былъ кадушками съ сладкою и крѣпкою бузою и около каждой изъ нихъ установлены были большіе котлы для приготовленія пищи; нѣсколько подальше въ такихъ же кадушкахъ шипѣлъ отрадный хамаузъ и предъ ними продолговатыя ямы съ вертелами для жаренія кебаповъ изъ цѣлыхъ барановъ. Съ правой руки держались сотни джигитовъ съ лошадьми въ волосяныхъ попонкахъ, подготовленныхъ для скачки, а на лѣвой лежало нѣсколько десятковъ верблюдовъ, также подготовленныхъ къ состязанію между собою. Въ центрѣ площади красовалась вывѣска, сочиненная почтеннымъ муфтіемъ, а въ поперекъ на длинной веревкѣ, прикрѣпленной къ двумъ высокимъ столбамъ, развѣвались дорогія разноцвѣтныя матеріи, предназначенныя въ призъ лошадямъ, верблюдамъ и борцамъ.

Пиршество началось прибытіемъ на мейданъ Сагибъгирея съ Саміемъ, пожалованнымъ двумя женами, отличнымъ суконнымъ нарядомъ и лучшею лошадью изъ ханскаго табуна.

Первые призы на скачкѣ и борьбѣ также достались новому счастливцу.

Пока народъ веселился, къ хану прибыли другіе посланники отъ Ахъ-бея съ новыми дарами и отъ пасынка его Мегметъ-Амина изъ Казанскаго ханства. Первые, вручая мѣшки съ золотомъ, серебромъ и дорогими мѣхами за важную услугу, оказанную Россіи, выразили сѣтованіе великаго князя противъ того, что ханъ недостаточно раззорилъ Литву и что онъ не дошелъ даже до Кіева, гдѣ сосредоточиваются всѣ богатства страны.

— Ну, за этимъ не станетъ дѣла—отвѣчалъ гирей съ улыбкою. Поклонитесь отъ меня вашему повелителю и скажите, что я не хотѣлъ опустошать Кіева только изъ одной расположенности къ русскимъ, считая городъ этотъ за вашу Мекку. Но если я ошибся, то постараюсь исправить ошибку мою раннею весною.

Посланные отъ Мегметъ-Амина донесли хану, что царствующій въ Казани Ибраимъ умеръ, но вельможи, пользуясь своими правами на народъ, рѣшились возвести вмѣсто Мегметъ-Амина Алегамъ-эфендія.

— Этого я не позволю имъ сдѣлать—отвѣчалъ гирей. Мегметъ по происхожденію имѣетъ больше правъ на престолъ и будетъ царствовать. Сказавъ это, онъ призвалъ русскихъ посланниковъ и чрезъ посредство плѣннаго толмача потребовалъ, чтобы Ахъ-бей оказалъ ему услугу возведеніемъ Мегмета на Казанскій престолъ.

— На случай, если вашъ царь будетъ затрудняться или потерпитъ пораженіе, я самъ не замедлю вступить въ Казань. Надѣюсь, что Ахъ-бей не откажетъ мнѣ въ этой просьбѣ.

Русскіе послы въ сознаніи, что великій князь, мечтавшій присоединить къ Россіи это царство, охотно воспользуется этимъ случаемъ, отвѣчали Менглію, что повелитель ихъ изъ благодарности къ нему, безъ сомнѣнія въ самомъ непродолжительномъ времени не только возведетъ Мегмета на ханство, но и приметъ его подъ свое покровительство.

— Какъ только это совершится, я также двинусь на вашихъ враговъ и Литву и Польшу, чтобы не оставаться въ долгу у пріятеля моего. Передайте же это Іоанну и пожелайте ему отъ меня счастія и успѣха въ добромъ предпріятіи.

Отпустивъ Русскихъ пословъ, Менгли-гирей обратился къ посламъ Мегметъ-Амина и сообщилъ, что приказалъ Ахъ-бею немедленно двинуть свои войска въ ихъ сторону и возвести ихъ друга на престолъ.—Возвратитесь же съ Богомъ и посовѣтуйте Мегмету подождать еще немного—прибавилъ онъ. На случай же если Ахъ-бей не исполнитъ моего требованія, то я самъ приду къ вамъ на помощь.

— Слышалъ ли ты, Джакомо—спросилъ гирей у министра своего послѣ выхода гостей, что насъ обвиняютъ въ умѣренности.

— Каждый государь имѣетъ свои цѣли. Ахъ-бей, вѣроятно, хотѣлъ бы обезсилить Литву и Польшу для того, чтобы уменьшить ихъ силы и быть въ состояніи восторжествовать надъ монголо-татарами, которые для него должны быть невыносимы.

— Джакомо, ты началъ оскорблять благодѣтеля твоего въ глаза.

— Гранъ-синьоръ, еслибъ я не сталъ обожать васъ, я никогда не высказалъ бы такой истины. Неужели вы сомнѣваетесь въ этомъ сами?

— Ахъ-бей владѣетъ такимъ огромныхъ царствомъ, что мои владѣнія для него кажутся темнымъ уголкомъ въ большомъ амбарѣ.

— А между тѣмъ онъ нѣсколько разъ обращался къ вамъ за содѣйствіемъ.

— Это-то и доказываетъ мнѣ, что онъ заинтересованъ мною, какъ другомъ, который съумѣетъ доказать дружбу.

— Дай Богъ, чтобы вы и наслѣдники ваши не имѣли повода раскаяваться въ этихъ пріятныхъ заблужденіяхъ. Большая рыба всегда проглатываетъ маленькую—прибавилъ Джакомо.

— Ты въ этомъ убѣжденъ? спросилъ гирей и въ умѣ его представилась полная справедливость этихъ словъ.

Нѣсколько дней спустя Менгли-гирей объявилъ своимъ агамъ, что онъ намѣренъ взглянуть на горную часть своихъ владѣній и совершить объѣздъ въ качествѣ простаго купца съ однимъ только проводникомъ.

Муфтій и другіе сановники, за исключеніемъ Джапаръ-аги, находили это неприличнымъ для ханскаго величества, но ханъ былъ не изъ числа такихъ повелителей, которые подчинялись совѣтамъ, неоснованнымъ на положительныхъ доводахъ.

Узнавъ о намѣреніи отца своего, юный Сагипъ началъ просить взять и его съ собою, а въ проводники Хурбанъ-оглу. Гирей согласился, но съ тѣмъ, чтобы выѣхать послѣ полуночи, когда народъ почіетъ не про-

буднымъ сномъ. Требованіе это буквально было исполнено и три купца въ чужихъ нарядахъ выѣхали по направленію къ высокимъ горамъ, виднѣющимся на краю Юго-восточнаго небосклона. Гирей не разъ въ дѣтствѣ, юности и зрѣломъ возрастѣ желалъ взобраться на эти горы, чтобы взлянуть, что на нихъ ростетъ и какъ далеко видны степи Крыма. И вотъ теперь только онъ нашелъ возможность удовлетворить этому простому желанію, доступному во всякое время каждому изъ его подданныхъ.

На разсвѣтѣ путешественники повстрѣчались съ двумя верховыми греками, обитателями селенія Стилія, которые возвращались изъ Качи-Кальена.

— Куда вы ѣдете добрые люди? спросилъ ханъ.

— Возвращаемся домой въ Стилію. А вы куда направляетесь?

— Мы купцы и желаемъ познакомиться съ мѣстными поселянами и ихъ произведеніями.

— Въ такомъ случаѣ вамъ необходимо пожаловать къ намъ. Мы люди трудолюбивые и рады были бы дѣлать промѣны, еслибы нашли съ кѣмъ.

— Отчего-жъ вы сами не пріѣзжаете въ Бахчисарай или Хырхъ-еръ?

— Мы признаться боимся татаръ и ханскихъ чиновниковъ, которые рады случаю подсмѣяться надъ нами.

— Но неужели вы не можете пожаловаться Менглигирею? Онъ, говорятъ, справедливый ханъ.

— Чтожъ изъ этого выйдетъ? Ханъ выгонитъ однихъ и замѣнитъ ихъ такими же или болѣе злыми. Развѣ мы не понимаемъ, что ненависть эта есть слѣдствіе различія религій.

Менгли-гирей придержалъ коня и тихо сказалъ Сагипу:—Слышишь дитя мое?

— Мнѣ кажется, что онъ сказалъ совершенную правду и намъ слѣдовало не допускать подобной обиды, такъ какъ и они твои подданные.

— Нѣтъ, сынъ мой, мы никогда не достигнемъ этимъ путемъ покоя. Помни-же, если тебѣ придется царствовать, употреби всѣ усилія, чтобы христіанъ обратить въ исламъ, иначе они будутъ опасными для народа и цар-

ства твоего. Что касается остальныхъ вѣроисповѣданій, то предоставь имъ полную свободу.

По моему убѣжденію мы должны обращать христіанъ въ магометанство только для того, чтобы они не заставили нашихъ подданныхъ принять ихъ вѣру. Надѣюсь, что ты не забудешь моего наставленія изъ видовъ собственнаго благосостоянія.

Менгли-гирей къ удивленію своему встрѣтилъ въ Стиліи огромное прекрасно устроенное населеніе счастливо живущихъ грековъ, а невдалекѣ отъ нихъ нѣсколько десятковъ итальянскихъ семействъ, укрывшихся здѣсь изъ Солдаи и успѣвшихъ уже обзавестись хозяйствомъ и всѣмъ нужнымъ для жизни. Назвавъ ихъ деревню, Озенъ-башомъ или Верховьемъ рѣки, ханъ предложилъ имъ слиться съ татарами и обѣщалъ подарить въ собственность всю округу, если они для блага своего примутъ мусульманскую вѣру. Дальнѣйшія христіанскія поселенія не менѣе возбудили въ гиреѣ желаніе обратить и степной народъ свой въ осѣдлыхъ жителей.

— Ты навѣрно позаботишься объ этомъ — говорилъ Менгли, обращаясь къ Сагипу. Тогда только наше ханство приметъ видъ благоустроеннаго государства и народъ сдѣлаетъ какіе-нибудь успѣхи въ промышленности.

— Это будетъ первою обязанностію моею, если только мнѣ доведется царствовать послѣ брата моего.

— Твой братъ обладаетъ жестокимъ и вѣроломнымъ характеромъ и навѣрно не долго будетъ царствовать. Кто не умѣетъ обуздывать своихъ излишнихъ страстей, тотъ неминуемо дѣлается ихъ жертвою. Я не виню его въ этомъ, потому что онъ наслѣдовалъ свойства характера своей матери черкески, но ты родился отъ разумной и миролюбивой Имеретинки.

— О, если мнѣ удастся царствовать въ Крыму, я сдѣлаю эту страну недоступною, заставлю всѣхъ трепетать предо мною и возстановлю права нашихъ дѣдовъ въ Россіи—сказалъ Сагипъ.

— Но только ограничь себя умѣренностію въ столкновеніяхъ съ русскимъ народомъ. Я убѣдился, что страну эту немыслимо завоевать, да и не предстоитъ въ этомъ особенной надобности. Для насъ несравненно выгоднѣе

дѣлать на нее періодически набѣги и заставлять платить намъ дань и подарки въ незачетъ. Если Аллахъ продлить мою жизнь и мнѣ удастся окончательно обезсилить христіанскихъ сосѣдей ея, то я самъ мечтаю обложить ее гарачемъ.

Разсуждая такимъ образомъ, путники внезапно очутились въ лѣсу предъ обширною каменною стѣною, которая въ одномъ мѣстѣ была проломана.

— Это что за укрѣпленіе? спросилъ съ изумленіемъ Сагипъ, осматривая великолѣпныя, дикія окрестности.

Ханъ не менѣе изумленный началъ перебирать въ памяти своей всѣ разсказы, слышанные въ дѣтствѣ.

— Это должно быть знаменитая Бойка—сказалъ онъ наконецъ. Мнѣ когда-то разсказывали старушки, что здѣсь было русское поселеніе, что люди эти слыли за какихъ-то богатырей и жили набѣгами на окрестности, но впослѣдствіи сдѣлались греками и при покойномъ отцѣ моемъ они слыли за самыхъ честныхъ и трудолюбивыхъ христіанъ *).

Нѣсколько времени спустя путешественники наши приблизились къ группамъ построекъ, раскинутыхъ вокругъ церкви, изъ которыхъ выступили жители съ боязнію.

Менгли-гирей, знавшій немного греческій языкъ, обратился къ одному изъ стариковъ съ привѣтствіемъ и просьбою оказать имъ пріютъ.

Старикъ не только выразилъ радость, но самъ даже помогъ гостямъ спѣшиться и ввелъ ихъ въ небольшое жилище, куда принесено сейчасъ-же было молоко, сыръ и различные плоды.

Ханъ узналъ отъ хозяина только то, что они были разграблены турками въ числѣ прочихъ христіанъ и намѣрены послать депутацію къ Крымскому хану съ просьбою дозволить имъ переселиться ближе къ дженевезамъ, чтобы быть подальше отъ степей.

— Ты, вѣроятно, случайно выразилъ это желаніе—

*) На чемъ основано это преданіе трудно отвѣтить. Не есть-ли это предположеніе, что нѣкоторые изъ славянъ со временъ в. к. Владиміра поселились въ Таврикѣ?

сказалъ съ улыбкою Сагипъ, не подозрѣвая, что властитель Крыма пользуется твоимъ гостепріимствомъ.

Старикъ съ дѣтскою наивностію бросился къ рукѣ хана.

— Просьба твоя будетъ уважена—сказалъ Менгли—я теперь выдамъ вамъ фирманъ на общее владѣніе съ дженевезами всего видимаго глазомъ отсюда пространства земли; но при этомъ я просилъ бы тебя посовѣтовать всѣмъ односельцамъ твоимъ подумать, что отнынѣ вы дѣлаетесь полными рабами мусульманъ, вслѣдствіе различія вѣры; но если вы примите исламъ, то будете пользоваться равными съ нами правами. Насиловать васъ я, конечно, не имѣю крайней необходимости, но ты мнѣ оказалъ дружескій пріемъ и я хотѣлъ-бы пользоваться правомъ принимать и угощать васъ всѣхъ въ моемъ سералѣ.

Менгли-гирей, не дожидаясь отвѣта, приказалъ Самію написать фирманъ на имя жителей Бойки о пожалованіи имъ огромнаго пространства земли, названнаго верховьемъ малой рѣчки илиКучукъ-Озенбаша.

Отсюда гирей направился къ Мангупу, памятному ему многими событіями изъ прошлой жизни; но лишь только они прибыли на эту очаровательную возвышенность, по прежнему занятую обширнымъ поселеніемъ различныхъ остатковъ племенъ и лишь только приблизились къ тому дворцу, гдѣ обиталъ Исай-бей съ прелестною дочерью, которую только разъ видѣлъ пламенный наслѣдникъ ханства, какъ предъ ними появился на измученной лошади посланникъ отъ Джапаръ-аги съ извѣстіемъ, что чрезъ Инже (Арабатскую стрѣлку) проникли сыновья Ахметъ-хана съ безчисленными полчищами войска и безъ сомнѣнія, съ враждебными намѣреніями.

VII.

Сыновья Кипчакскаго хана Ахмета, узнавъ отъ приближенныхъ Ивакъ-бея, что главнѣйшимъ поводомъ убійства отца ихъ былъ политическій расчетъ Менгли-гирея восторжествовать надъ Кипчакомъ и сдѣлаться полновластнымъ повелителемъ Монголо-татаръ и что онъ съ обдуманною заранѣе цѣлью сдѣлалъ нашествіе на Литву, чтобы не допустить союзника ихъ Казиміра IV къ одно-

временному нападенію на Россію, дерзнувшую отказаться отъ вѣковой дани,—до того возмутились противъ единовѣрнаго Крымскаго хана, что рѣшились собрать всѣ силы свои и сокрушить его со всѣми наслѣдниками въ его же странѣ.

Менгли-гирей, только что возвратившійся съ продолжительнаго похода, не имѣлъ никакого извѣстія о такомъ намѣреніи сыновей Ахмета и, естественно, распустивъ войска свои, мечталъ объ отдыхѣ и устройствѣ внутреннихъ дѣлъ ханства.

— Ну, что мы будемъ дѣлать теперь? говорилъ онъ на всемъ скаку къ резиденціи своей. Когда мы успѣемъ собрать ратниковъ? Неужели намъ суждено лишиться царства и погибнуть отъ руки этихъ головорѣзовъ?

— Вотъ, что я попрошу у тебя, повелитель мой — сказалъ Самій — позволь мнѣ безъ потери времени направиться къ Эски-Крыму, чтобы образовать армію и броситься въ тылъ врагамъ, которые, вѣроятно, идутъ на Бахчисарай. Авось мнѣ удастся по горамъ проникнуть къ туркамъ въ Кафу и къ Ширинлы-бею и повліять на ихъ лѣнивую натуру.

— Поѣзжай, поѣзжай Самій, но такъ какъ тебѣ не всѣ станутъ вѣрить, какъ въ посланника моего, то возьми мой перстень съ печатью. Сказавъ это, гирей подалъ ему серебряное кольцо и пожелалъ благословенія Аллаха.

Часъ спустя Менгли-гирей влетѣлъ въ дворъ сераля своего, наполненный вооруженными татарами.

— Все, что есть цѣннаго въ дворцѣ — сказалъ онъ, обращаясь къ Джакомо—прикажи перенести на вершину Хыръ-хыра, куда и мы немедленно должны переселиться. Позаботься также, чтобы защитники не потерпѣли нужды на случай продолжительной осады укрѣпленія.

Муфтію и остальнымъ агамъ отданы были также приказанія немедленно образовать за плечами враговъ отряды, двинуть турецкіе гарнизоны и вообще дѣйствовать быстро и разумно.

Покончивъ со всѣмъ этимъ, Менгли-гирей съ пятью стами джигитовъ переселился на недоступный Хыръхыръ въ то самое время, когда прискакали гонцы съ

извѣстіемъ, что безчисленное множество враговъ находится не болѣе какъ въ двухъ переходахъ отъ Хыркъ-ера.

Три дня спустя Кипчакскія полчища заняли окрестности Бахчисарая и осадили со всѣхъ сторонъ Хыръхыръ.

Струсившій Менгли-гирей нынѣ укрывался въ томъ самомъ подземельѣ, гдѣ жилъ братъ его Эминекъ-бей и гдѣ такъ счастливо совершила свой подвигъ прелестная Татка.

„Не постигнетъ ли и меня участь брата моего? думалъ ханъ, упрекаемый голосомъ совѣсти. Не наказываетъ ли меня святая Марья-мана за неблагодарность къ спасительницѣ? О, если я избавлюсь отъ этихъ злодѣевъ, то клянусь во чтобы ни стало отыскать эту дѣвушку и сдѣлать ее счастливою.

Засыпающему съ этими мыслями хану постоянно являлась въ сновидѣніяхъ Кирьякула, то въ грязномъ видѣ, то рыдающею въ лохмотьяхъ, то изнуренною тяжкими работами, то въ обществѣ страшныхъ разбойниковъ, издѣвавшихся надъ нею.

Въ одно утро Менгли-гирею доложили, что враги его приготовили какія то стѣнобитныя машины и, вѣроятно, достигнутъ того, что проникнутъ на Хыръ-хыръ.

Ханъ встревожился, но послѣ продолжительной молитвы, надѣвъ на мезинецъ руки кольцо, оставленное ему Кирьякулою, вышелъ къ горсти защитниковъ совершенно равнодушнымъ, и объявилъ имъ, что прежде чѣмъ одинъ изъ враговъ его достигнетъ до крѣпости, Аллахъ поразитъ ихъ.

Ободренные ратники заняли слабые пункты вокругъ всего укрѣпленія и подъ личнымъ распоряженіемъ гирея выдвинули нѣсколько небольшихъ пушекъ, привезенныхъ изъ Молдавіи.

Распоряженіе это послѣдовало какъ разъ въ то время, когда кипчакскіе воины получили приказаніе всею массою двинуться къ скалѣ и всевозможными дѣйствіями стараться достигнуть вершины ея.

Менгли-гирей, объѣхавъ окрайны недоступной позиціи своей, къ подножью которой стремились точно муравьи, несчетныя массы людей, сосредоточилъ все вни-

маніе на ту сторону, къ которой подносились машины; но прежде чѣмъ начали ихъ устанавливать, онъ самъ навелъ пушку на толпу людей, приступившихъ къ этому дѣлу. Выстрѣлъ раздался и многихъ изъ нихъ не оказалось.

— Продолжай ты дѣлать тоже самое — сказалъ онъ Джакомо, а я перейду къ малымъ воротамъ.

Менгли прибылъ на мѣсто въ тотъ моментъ, когда нѣсколько сотенъ самыхъ отважныхъ головъ, стремглавъ неслись къ этому пункту; но во́время раздавшійся выстрѣлъ изъ орудія остановилъ отважныхъ, которые могли-бы успѣть добѣжать къ воротамъ до слѣдующаго заряда, если-бъ продолжали движеніе впередъ.

— Еще двѣ пушки сюда! скомандовалъ ханъ—и стрѣлять, какъ только замѣчено будетъ новое движеніе.

Отдавъ это приказаніе, онъ поскакалъ къ тѣмъ отдаленнымъ пунктамъ, которые менѣе были доступны. Замѣтивъ у основанія отвѣсныхъ скалъ группы воиновъ, изыскивающихъ способы вскарабкаться на высоту, онъ распорядился угостить ихъ внезапнымъ сбрасываніемъ громадныхъ камней, отъ которыхъ приходилось бѣжать.

Первая неудавшаяся попытка заставила сыновей Ахмета рѣшиться идти на-проломъ съ большими отрядами въ разсыпную съ тѣмъ, чтобы достигнувъ до подножья скалы, оттуда уже подъ прикрытіемъ ея подобраться къ воротамъ и разомъ наперетъ на нихъ.

Менгли-гирей понялъ и эту хитрость, но не смотря на принятыя имъ мѣры сдвинуть большинство своихъ ратниковъ и заставить сокрушить враговъ сбрасываніемъ заранѣе приготовленныхъ каменьевъ, у воротъ оказалось нѣсколько сотъ отважныхъ делибашей, которые съ ужасными криками начали напирать на скрипѣвшіе ворота.

Менгли-гирей видя, что они будутъ сорваны съ петлей, рѣшился отступить съ пушками и выждать того момента, когда откроется узкій входъ. Ворота, дѣйствительно упали, но въ туже минуту раздался выстрѣлъ и тѣла отважныхъ ногайцевъ прикрыли входъ.

Менгли-гирей вновь занялъ свою позицію, но на этотъ разъ вся масса осаждавшихъ двинулась къ этому пункту

и приливала точно волнами. Ни залпы изъ пушекъ, ни выстрѣлы изъ ружей, ни блескъ сабель ничто не могло удержать враговъ. Ханъ предчувствовалъ неминуемую гибель и метался во всѣ стороны, какъ тигръ въ своей клѣткѣ. Одновременно непріятель бросился и на большія ворота, которыя также не могли долго сопротивляться напору тысячи людей.

Въ эту критическую минуту Менгли-гирей прижалъ къ устамъ своимъ талисманъ Татки и съ отчаяніемъ вскрикнулъ:

„О, прости меня неблагодарнаго, дѣва горъ. Пошли твоего ангела ко мнѣ на помощь, а я клянусь тебѣ моими глазами выручить тебя изъ неволи“!

Не успѣлъ произнести ханъ этихъ словъ, какъ внизу послышались крики Аллахъ, Аллахъ, раздались выстрѣлы и послышался топотъ лошадей. Вслѣдъ затѣмъ до слуха его долетали слова: наши пришли, наши громятъ!

Гирей опомнился, подбѣжалъ къ окрайнѣ и замѣтилъ санджакъ Ширинлы-бея, а впереди всѣхъ Самія, кототорый съ отрядомъ своимъ безпощадно рубилъ и давилъ бѣгущихъ враговъ.

— Всѣ пушки къ главнымъ воротамъ! скомандовалъ ханъ и приказалъ открыть огонь, чтобы очистить выходъ и броситься на помощь къ своимъ.

Ворота были разбиты и ханъ съ ратниками выстуступилъ на встрѣчу къ убѣгавшимъ въ безпорядкѣ врагамъ своимъ. Несчастные ногайцы, лишившись выхода изъ котловины, гибли, какъ мухи или сдавались, какъ рабы, но тѣ, которые находились на обратной сторонѣ Хыръ-хыра, въ предположеніи, что военачальники и беи ихъ взяты въ плѣнъ, нашли болѣе благоразумнымъ бѣжать. Ихъ съ трудомъ нагнали сыновья Ахмета, но вторично думать о битвѣ никто не рѣшался, хотя и предполагалось, что число татаръ, прибывшихъ на помощь къ гирею, было сравнительно ничтожно. Отступавшіе полагали, что въ ханствѣ сформировались уже новыя дружины, которыя не замедлятъ явиться. И дѣйствительно

дружины эти повсюду попадались имъ по дорогѣ и заставляли спѣшить выходомъ изъ Крыма *).

Между тѣмъ Менгли-гирей, послѣ торжественной молитвы съ жертвоприношеніемъ сотни овецъ, цѣлуя въ глаза Самія за избавленіе его жизни въ третій разъ, возвелъ его въ достоинство аги и пожаловалъ бейликомъ въ окрестностяхъ Бахчисарая.

Въ числѣ плѣнныхъ оказались нѣкоторые найманы или вельможи. Менгли-гирей обѣщалъ имъ предоставить свободу, если они разъяснятъ настоящія причины набѣга сыновей Ахмета. Найманы отвѣтили, что Ивакъ-бей имѣлъ неосторожность сознаться, что онъ убилъ ихъ отца по настоянію крымскаго гирея и его министра Джапаръ-аги. Къ этому еще они были возбуждены княземъ Левки Кази-эмиромъ и царемъ Польши, жаждавшими твоей гибели.

Этого было достаточно для Менгли-гирея, чтобы положиться разбить въ пухъ и прахъ не только Литву и Польшу, но и совсѣмъ истребить съ лица земли представителей Золотой Орды.

— Если же я не достигну этого—говорилъ онъ сыновьямъ своимъ—то завѣщаю вамъ исполнить это подъ угрозою моего проклятія.

Съ этого времени Менгли-гирей началъ заводить у себя регулярное войско подъ именемъ кара-калпаковъ или черношапочныхъ въ родѣ личной гвардіи и завелъ свои мастерскія для приготовленія различнаго рода оружія. Джапаръ-ага по прежнему неутомимо работалъ, но далеко не пользовался искреннею дружбою хана. Злой муфтій, при содѣйствіи Самія постоянно наговаривалъ на него и старался во всѣхъ дѣйствіяхъ его видѣть врага мусульманъ и покровителя христіанъ.

Менгли-гирей, хотя и чувствовалъ, что пора бы выслать его изъ царства на родину, но ему хотѣлось сдѣ-

*) Во второй Софійской лѣтописи (6993 г:) т. е. 1485 по этому поводу записано: „того же лѣта Ордынскій Махмутъ Ахматовъ сынъ со княземъ съ Темиремъ иде изгономъ на Менгерѣя; брата своего Муртозу, Ахматова же сына отнемъ у него, самъ же Мингирѣй съ бою тайно утече изъ рати изъ своей; той же Махмутъ приведе брата своего Муртузу и посади на царствѣ, Мингирѣй же посла къ Турьскому, Турьской же посла силы ему и къ ногаемъ посла, веля имъ орды воевати. (См. полное соб. Русск. лѣтоп., т. VI, стр. 237).

лать это тогда, когда возвратится Кирьякула. Онъ хотѣлъ какъ бы одновременно сдѣлать два добра вмѣстѣ и обоихъ ихъ, какъ свидѣтелей убійства Эминека, удалить изъ царства своего, чтобы скрыть навсегда участіе свое въ гнусномъ поступкѣ.

Зима клонилась къ концу. Менгли получилъ извѣстіе, что Ахъ-бей завоевалъ Казанское царство и возвелъ на ханскій престолъ Мегметъ-Амина. Это льстило его честолюбію и въ тоже время подкрѣпляло надежду рано или поздно сдѣлаться представителемъ чингизъ-ханскаго племени и заставить Ляховъ, Левку и Россію безусловно платить ему дань, а отъ этого одинъ былъ шагъ, чтобы сдѣлаться такимъ же счастливѣйшимъ монархомъ на землѣ, какъ и турецкій султанъ.

Съ наступленіемъ весны Крымскіе татаре въ числѣ болѣе 50 тысячъ человѣкъ вновь выступили на Литву; но на этотъ разъ направились на Кіевъ и болѣе благоустроенныя мѣстности. Казиміръ пришелъ въ ужасъ отъ этого вѣроломства, но ханъ приказалъ сказать ему, что онъ расплачивается съ нимъ за любезное наставленіе, данное сыновьямъ покойнаго Ахметъ-хана.

Опустошивъ княжество, Менгли-гирей направился на горделивую Польшу и отправилъ къ королю Сигизмунду 1 извѣстіе, что лично пришелъ за тою дѣвушкою изъ его ханства, которую онъ просилъ въ минувшемъ году и тщетно ожидалъ до настоящаго времени. Король выставилъ противъ него пушки и большія силы, но потерпѣвъ жестокое пораженіе, вынужденъ былъ принять тайкомъ всѣ мѣры, чтобы отыскать Кирьякулу. Пока шли эти розыски и поляки подготовились къ новой битвѣ, къ хану привели нѣсколько шпіоновъ, съ которыми татаре имѣли привычку поступать самымъ жестокимъ образомъ.

— Кто вы такіе? спросилъ гирей.

— Мы занимались въ продолженіи многихъ лѣтъ грабежами—отвѣчали они—но затѣмъ, когда начали мирно жить и разскаялись, были схвачены королевскими чиновниками и брошены въ темницу. Нынѣ же насъ освободили на условіи обратить въ шпіоновъ, а такъ какъ мы поклялись никогда не дѣлать людямъ зла, то пред-

почли сдѣлаться твоими рабами, чтобы уйти изъ страны, которая не милуетъ раскаявшихся грѣшниковъ.

Менгли-гирей вперилъ свои глаза въ плѣнныхъ и послѣ продолжительнаго молчанія сказалъ:

— Хорошо, я вамъ вѣрю на слово и возьму васъ въ мое царство, но, съ однимъ условіемъ, менѣе постыднымъ, чѣмъ вамъ предложило ваше правительство.

— Мы все готовы сдѣлать, за исключеніемъ злыхъ дѣлъ.

— Ну, слушайте меня: тринадцать мѣсяцевъ тому назадъ у одного литовскаго торговца шерстью была отнята гдѣ-то на границѣ Польши молодая дѣвушка греческаго происхожденія.

— Которую звали Кирьякулою? спросили слушатели.

Ханъ пошатнулся отъ внезапнаго восторга.

— Вы знаете ее, о, какъ я радъ! Доставьте мнѣ ее поскорѣе и я сдѣлаю васъ счастливцами.

— Эту дѣвушку дѣйствительно мы отняли и атаманъ нашъ желалъ сдѣлать ее своею женою, но не смотря на всѣ пытки и побои она осталась непреклонною и окончила тѣмъ, что убѣжала изъ нашей шайки. Боясь, чтобы она не указала на нашъ притонъ, мы должны были немедленно перейти въ другую мѣстность и съ того времени ничего не могли узнать объ этой христіанкѣ.

— А не можете ли вы мнѣ отыскать ее? спросилъ ханъ съ грустью.

— Я полагаю, что она не далеко ушла отъ нашего жилища, сказалъ первый по старшинству лѣтъ, но какъ этого достигнуть?

— А вотъ какъ: я оставлю у себя двухъ изъ васъ въ залогъ, а кто чувствуетъ себя порасторопнѣе, пусть идетъ на поиски.

— Но Кирьякула при встрѣчѣ съ нами не только скроется, но подыметъ вой и крики въ предположеніи, что мы вновь желаемъ похитить ее.

— Нѣтъ, этого не случится, если вы скажете, что Крымскій ханъ Менгли-гирей ради спасенія ея пришелъ войною на Польшу и проситъ ее явиться къ нему. Въ доказательство покажите ей вотъ этотъ кисетъ, который она собственноручно сшила мнѣ.

— Кто со мною? спросилъ старшій, взявъ кисетъ и, обращаясь къ товарищамъ.

— Я и я!—отвѣчало два голоса.

Ханъ выдалъ имъ по червонцу и приказалъ выпроводить за станъ съ тѣмъ, чтобы не препятствовать возвращаться.

Прошла недѣля. Новая битва дала хану около 7 т. плѣнныхъ и чрезвычайно много боевыхъ снарядовъ. Всѣ ожидали, что Менгли-гирей будетъ преслѣдовать поляковъ и безъ боя проникнетъ въ Варшаву; но онъ остался на мѣстѣ въ ожиданіи посланныхъ за Таткою.

Однажды ханъ замѣтилъ скачущихъ вдали четырехъ всадниковъ, противъ которыхъ не замедлили выѣхать его джигиты, чтобы остановить ихъ, но перекинувшись нѣсколькими фразами, они снова понеслись во всю прыть. У Менгли забилось какъ-то невольно сердце. Предчувствіе говорило ему, что четвертый всадникъ была переодѣтая въ мужской нарядъ Кирьякула.

Не желая высказать чувствъ своихъ предъ подданными, ханъ возвратился въ комнату и прильнулъ къ окну.

Тѣмъ временемъ всадники спѣшились и одинъ изъ нихъ въ черной шляпѣ, натянутой на глаза, быстро вскочилъ въ двери.

Предъ Менгли-гиреемъ очутилась Кирьякула блѣдная, но съ такими же чудными глазами, какъ и въ первую встрѣчу съ нимъ.

Ханъ бросился къ ней съ открытыми объятіями и, сильно прижавъ къ груди своей, зарыдалъ какъ отецъ, внезапно отыскавшій утерянную дочь. Въ такомъ положеніи онъ оставался нѣсколько минутъ.

— Бѣдная, несчастная татка моя, наконецъ, вымолвилъ онъ, посадивъ дѣвушку около себя. Еслибъ ты знала, что я съ той поры, какъ ты похищена, ни единой минуты не имѣлъ покоя. Я по слѣдамъ твоимъ бросился на Кавказъ и, завоевавъ всѣхъ черкесовъ, открылъ въ концѣ концовъ, что ты продана Ногайцамъ. Бросившись на Ногайцевъ и загнавъ ихъ въ Крымъ, я узналъ, что ты перепродана въ Литву. Я пошелъ войною и на Кази-Эмира, но и тутъ мнѣ не посчастливи-

лось отыскать тебя. Тебя перехватили польскіе разбойники. Не желая разорять и утомлять людей, я дуракъ письменно обратился къ королю Сигизмунду съ просьбою розыскать тебя и доставить въ мой станъ, но онъ съ презрѣніемъ откинулъ мое письмо. Это такъ оскорбило меня, что я готовъ былъ въ ту же минуту наброситься, какъ коршунъ, на его царство и навѣрно сдѣлалъ бы это, еслибъ не былъ вызванъ турецкимъ султаномъ для оказанія ему помощи и еслибъ послѣ этого не помѣшала зима. Но какъ только показалась первая травка, я бросился сюда и вотъ, наконецъ, благодаря случайно попавшимся мужикамъ, ты найдена, моя дорогая дѣвушка.

Воображаю, въ какой восторгъ ты приведешь твоихъ родителей, которыхъ я наградилъ, чѣмъ могъ и какъ будетъ радоваться Джакомо, который служитъ при мнѣ министромъ подъ названіемъ Джапаръ-ага.

— О, съ какимъ бы я наслажденіемъ посмотрѣла на нихъ! произнесла рыдающая Кирьякула.

— Ну, а ты моя бѣдняжка, воображаю, какъ много ты выстрадала.

— Страданія мои я заслужила за ужасное убійство.

Гречанка тяжело вздохнула.

— Какъ развѣ онъ не имѣлъ въ виду лишить тебя чести? развѣ онъ не заслуживалъ смерти?

— Я вошла къ нему сама съ совершенно другимъ, заранѣе обдуманнымъ умысломъ. Отъ Бога нельзя укрыться ложнымъ толкованіемъ преступленія и дай Богъ, чтобы этимъ я искупила мою вину.

— Отбрось, Кирьякула, такую грустную мысль и разскажи мнѣ все, что тебѣ пришлось испытать изъ за меня или вѣрнѣе за мои грѣхи.

— Право, не стоитъ труда говорить. Вездѣ я подвергалась одному и тому же насилію со стороны мущинъ и всѣхъ заставляла отказываться отъ дерзкихъ мыслей или при содѣйствіи моего неизмѣннаго друга кинжала или благодаря быстротѣ моихъ ногъ; всего ужаснѣе мнѣ было въ шайкѣ разбойниковъ, гдѣ я находилась подъ постояннымъ надзоромъ одного изъ нихъ и обязана была готовить и шить на всѣхъ. При этомъ, я

почти ежедневно подвергалась всевозможнымъ истязаніямъ отъ атамана, желавшаго сдѣлать меня своею одалычкою. Несчастный, онъ не зналъ, что я отвергла ласку хана и убила Эминека...

— И ты убѣжала? прервалъ ханъ, чтобы не останавливаться на непріятномъ минувшемъ.

— Да, я успѣла обмануть моего сторожа, напоивъ его водкою до потери разсудка.

— Куда же ты укрылась?

— Я случайно попала въ женскій монастырь, куда и поступила въ видѣ прислуги. Вотъ, изъ этого дома я послѣдовала за людьми, которые назвали себя твоими рабами и въ доказательство показали кисетъ, сдѣланный мною.

— Ты навѣрное скрыла отъ меня все болѣе ужасное изъ нежеланія оскорблять моихъ чувствъ.

— Къ чему говорить о томъ, что миновало. Мнѣ остается благодарить Марію-Манна за то, что она дала мнѣ достаточно силы и терпѣнія сохранить честь мою и вновь надѣяться на свиданіе съ родными.

— А меня ты не вспомнила?

— Я постоянно молилась Богу и просила его охранять тебя отъ всего дурнаго.

— Вѣрю, добрая Татка, потому что былъ со мною одинъ чрезвычайно важный случай, когда я призвалъ на помощь твоего ангела и онъ не замедлилъ спасти меня въ лицѣ одного изъ преданнѣйшихъ слугъ, который въ третій разъ спасъ мнѣ жизнь.

— Какъ, развѣ ты и послѣ Эминека, мечтавшаго отравить тебя, чрезъ посредство одного изъ ближайшихъ друзей и именно племянника Афузъ Биляла, ты и послѣ этого опять подвергался несчастіямъ?

— Но развѣ Эминекъ хотѣлъ меня отравить?

— А ты думаешь, что я убила его, не имѣя достаточно причинъ, чтобы оправдаться по крайней мѣрѣ предъ тобою. Видишь ли, я также не знала этого раньше того вечера, когда умеръ твой братъ и узнала это случайно. Эминекъ прислалъ мнѣ обѣдъ, приправленный усыпительными средствами, но чтобы увѣриться, подѣйствовала ли эта приправа на меня, онъ подослалъ ка-

кого-то старичка взглянуть, въ какомъ я нахожусь положеніи. Вотъ, этотъ-то старикъ, не замѣтивъ меня лежащую за камнемъ, началъ говорить съ какимъ-то пріятелемъ своимъ и сообщилъ ему, что скоро долженъ пріѣхать къ нимъ другъ Джеляла, Булатъ-бей, который будто поступилъ къ тебѣ на службу и взялся отравить тебя. Что этотъ Булатъ-бей былъ на Хыръ-хырѣ въ эту ночь, не можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что Эминекъ явился ко мнѣ послѣ полуночи. Послѣ этого я окончательно рѣшилась привести въ исполненіе задуманное и разомъ пресѣчь ихъ посягательства на твою жизнь. Надѣюсь, что послѣ этого Булатъ-бей не являлся больше къ тебѣ.

— Я повѣсилъ этого негодяя, отвѣтилъ ханъ, неподозрѣвавшій раньше, что кромѣ спокойнаго царствованія онъ обязанъ былъ дѣвѣ горъ и спасеніемъ отъ отравы.

Менгли-гирей вновь принялся прижимать къ груди своей Татку, но всѣхъ этихъ выраженій чувствъ ему казалось недостаточнымъ. Онъ жаждалъ исчерпать ихъ до конца и въ его страстной натурѣ снова пробудились глубоко скрытыя желанія вполнѣ выразить свою преданность и благодарность, сдѣлавъ Кирьякулу наложницею и постояннымъ подручнымъ другомъ. Ему даже грустно сдѣлалось, что она послѣ пораженія Эминека не подумала возвратиться къ нему и наслаждаться тихимъ и отраднымъ покоемъ.

— Я очень устала отъ долгой ѣзды, сказала Кирьякула, прикажи указать мнѣ какой-нибудь уголокъ въ твоемъ дворѣ.

— Неужели ты не желаешь остаться со мною подъ одною кровлею? спросилъ ханъ.

— Я слишкомъ тебя люблю и уважаю, чтобы оскорбить отказомъ, но ты самъ хорошо знаешь свойства огня и пороха, когда сблизить ихъ.

— Ты и теперь не захотѣла бы быть моею женою?

— Теперь больше, чѣмъ прежде. Прежде ты былъ одинокій, покинутый всѣми и нуждающійся въ поддержкѣ. Я полюбила тебя, какъ брата, и рѣшилась пожертвовать всѣмъ, чтобы открыть предъ тобою дорогу сча-

стія. Ты ступилъ на нее и всѣ преклонились предъ тобою. Чѣмъ же я могу быть тебѣ полезною теперь, когда въ гаремѣ твоемъ, вѣроятно, есть сотни дѣвушекъ кравѣе меня? Ты обнимешь меня разъ или два съ чувствомъ дружбы, а потомъ доведешь холодностію твоею до безумія. Но если я буду вдали отъ тебя, между нами вѣчно будутъ жить тѣ отрадныя чувства, которыми мы дышемъ теперь. Подумай ты самъ, стоитъ ли одна минута наслажденія такой жертвы?

— Въ самомъ дѣлѣ, ты совершенно справедлива, отвѣчалъ Менгли-гирей послѣ минутнаго молчанія. Я обязанъ любить тебя, какъ единоутробную сестру, и заботиться о долговѣчномъ счастіи твоемъ, котораго ты, конечно, не можешь найти въ глухихъ стѣнахъ гарема. Ты гречанка и не потерпишь соперницъ. Отойди же отъ огня. Ханъ стукнулъ въ ладоши и приказалъ вошедшему слугѣ отвести отдѣльный домъ для землячки своей.

Появленіе Кирьякулы произвело всеобщій восторгъ въ войскахъ, которыя давно подозрѣвали, что повелитель ихъ предпринялъ и этотъ походъ изъ за нея.

Отягощенные множествомъ добычи и многими тысячами плѣнныхъ воины надѣялись, что теперь гирей прекратитъ войну и поспѣшитъ возвратиться домой. Въ предположеніяхъ этихъ они не ошиблись.

Ханъ, отвергавшій раньше переговоры съ Сигизмундомъ, вскорѣ послѣ прибытія Татки согласился принять парламентеровъ и безъ особенныхъ натяжекъ получилъ контрибуцію съ тѣмъ, что польское правительство ежегодно будетъ присылать въ видѣ дани Крымскимъ ханамъ по 15 т. червонцевъ.

Татаре покинули польскія владѣнія и направились къ Кипчакскимъ границамъ, отправивъ предварительно всю добычу свою въ Крымъ подъ охраною большаго отряда. Хану захотѣлось наказать и опустошить Ногаевъ и онъ успѣлъ достигнуть этого въ самомъ непродолжительномъ времени *).

---

*) Въ полномъ собраніи рус. лѣтописей въ VI т. 243 стр. подъ 7010 год. (1498—1502 г.), говорится слѣдующее: „того же лѣта іюня Крымскій царь Менгли-гирей побилъ Шихмата царя Большіе орды и орду взялъ“.

Заключенiе.

Въ одинъ изъ прекрасныхъ свѣтлыхъ крымскихъ вечеровъ Менгли-гирей полу-лежа на роскошной бархатной софѣ, курилъ кальянъ въ садовой бесѣдкѣ и любовался журчанiемъ и прыжками воды въ мраморномъ водометѣ. Въ противоположной сторонѣ сидѣлъ Муфтiй-афузъ Билялъ и Самiй-ага, хранившiе молчанiе.

— Ты не видѣлся сегодня съ Джапаръ-агою? спросилъ наконецъ ханъ у Самiя.

— Нѣтъ, мнѣ не хотѣлось мѣшать ему и Казнедаръ-агѣ при прiемѣ подарковъ отъ Ахъ-бея.

— А что говорили посланники за меня?

— Россiя благоговѣетъ предъ нашимъ великимъ благодѣтелемъ за сближенiе ея съ султаномъ Баязетомъ.

— Конечно, она должна быть благодарною мнѣ за это.

— Но я всегда побаиваюсь, чтобы милости ваши впослѣдствiи не были пагубны для нашего ханства. Русые люди, какъ они называютъ себя въ отличiе отъ черноволосыхъ и рыжихъ, не такъ просты, какъ кажутся намъ. Они постепенно все усиливаются и окрѣпнутъ настолько, что въ состоянiи будутъ раздавить насъ массою тѣла своего.

— Ха, ха, ха—засмѣялся ханъ—и слонъ и верблюдъ имѣютъ большой ростъ, но ими управляютъ маленькiе проворные люди. Я очень буду радъ, если это царство сольется въ одну державу съ поляками, литовцами, казанцами и кипчакскими владѣнiями, чтобы имѣть дѣло съ одною головою. Понимаешь-ли ты теперь мои желанiя?

— Нѣтъ, султанымъ *), этого не можетъ обнять мой умъ.

— Впрочемъ тебѣ извинительно, ты молодъ еще и не привыкъ къ тайнамъ, доступнымъ царямъ. Я совѣтовалъ бы тебѣ сблизиться съ Джапаръ-агою.

— Къ несчастiю я чувствую презрѣнiе къ христiанамъ и не могу лукавить.

Фраза эта покоробила Менгли-гирея.

---

*) Повелитель мой.

— Ты напрасно это дѣлаешь, сынъ мой. Джапаръ-ага покровительствуетъ христіанамъ съ глубоко обдуманною цѣлью. Онъ хочетъ расположить ихъ къ намъ и затѣмъ предложить принять исламъ.

— Это, вѣроятно, онъ говоритъ тебѣ съ цѣлью обмануть—отозвался муфтій—но я достовѣрно знаю, что онъ христіанинъ и притомъ дженевезъ, которыхъ приказалъ покойный султанъ истребить всѣхъ безъ различія.

— Я желалъ бы знать, кто посвятилъ тебя въ эту тайну? спросилъ серіознымъ тономъ гирей.

— Мнѣ не трудно отвѣтить на твой вопросъ, но я скрою это до того времени, пока Джапаръ-ага передастъ друзьямъ своимъ какую-то тайну, предоставившую ему твою дружбу и благоволеніе.

— Какую тайну? вскрикнулъ ханъ, точно ужаленный змѣею.

— До настоящаго времени онъ ничего не говорилъ, а потому и я не могу ничего сказать.

Ханъ измѣнился въ лицѣ. Въ умѣ его блеснула кровавая сцена убійства брата и весь позоръ, ожидаемый въ будущемъ. Всѣ станутъ громко поносить его, какъ жалкаго и безсильнаго труса, подославшаго христіанскую дѣвушку въ сообществѣ съ Джакомо для убійства Эминека.

Менгли-гирей немедленно возвратился въ кабинетъ свой и предался размышленію, но чѣмъ больше онъ обдумывалъ свое положеніе и мѣры предупредить разглашеніе событія, тѣмъ больше путался и ожесточался.

„О, невѣрные! вырывалось поминутно изъ устъ его—всѣ милости, которыя вамъ оказываютъ мусульмане, для васъ не составляютъ никакой цѣны. Ну, хоть бы эта Кирьякула, я ради ея сдѣлалъ четыре похода, потерялъ нѣсколько тысячъ преданныхъ мнѣ людей, а она отвергла доставить мнѣ минутное удовольствіе, точно я не достоинъ былъ прикоснуться ея тѣла. Подлые и неблагодарные люди! Нѣтъ, вы не достойны моей любви, потому что услуживали съ цѣлью заставить меня быть благодарнымъ, а когда пресытились, начали выставлять ядовитое жало; но я съумѣю вырвать его у васъ съ корнемъ и стереть съ лица земли. Прочь съ глазъ мо-

ихъ, презрѣнный дженевезъ и ты безчуственная Татка! Сказавъ это, ханъ снялъ съ мезинца серебряное кольцо и выбросилъ его изъ окна въ грязный источникъ воды. Отнынѣ я считаю васъ самыми ужасными моими врагами и не успокоюсь до того времени, пока не смолкнутъ ваши языки навсегда.“

Размышленія ожесточеннаго Менгли-гирея прерваны были входомъ слуги, заявившаго, что русскій посланникъ съ Джапаръ-агою давно сидятъ на балконѣ въ ожиданіи повелителя.

Ханъ поднялся съ мѣста и, задавшись мыслію казаться особенно внимательнымъ съ министромъ до поры времени, направился въ пріемную. Послѣ размѣна привѣтствій Менгли, желая удалить изъ Бахчисарая Джакомо, поручилъ ему сопровождать посланника до Оръ-капу, а оттуда направиться къ устью Днѣпра и заняться постройкою Очакова.

Джапаръ-ага, не подозрѣвавшій ни малѣйшаго негодованія къ особѣ своей Менгли-гирея, не только охотно вызвался исполнить это порученіе, но даже удивлялся мудрой цѣли основать укрѣпленіе на границѣ ханства.

— Надѣюсь, что послѣ этого — отвѣчалъ онъ—мнѣ можно будетъ подумать о возвращеніи на покой.

— Объ этомъ мы поговоримъ въ свое время—небрежно сказалъ ханъ.

Десять дней спустя Менгли-гирею заявили, что въ Бахчисарай пріѣхала Кирьякула и желала бы взглянуть на его свѣтлыя очи.

— Скажите ей, что я въ настоящее время очень занятъ, но что при первомъ удобномъ случаѣ приглашу ее явиться. Да не забудьте поднести ей отъ моего имени подарковъ. На случай же, если она имѣетъ какое-либо экстренное дѣло, то, пожалуй, пусть придетъ.

Посланный возвратился съ докладомъ, что Татка придетъ послѣ обѣденнаго стола.

„Чего ей нужно отъ меня? думалъ ханъ. Не опять ли она является ко мнѣ съ открытіемъ какого-нибудь заговора или простаго посягательства на жизнь мою? Нѣтъ, голубушка, теперь я не стану искать твоихъ

услугъ; у меня есть другія средства. Я тебя ненавижу за то, что ты разъ спасла меня съ коварною цѣлью быть свободною и держать запазухою болѣе острый кинжалъ, въ сравненіи съ тѣмъ, который покоется въ твоемъ карманѣ. Но я не Эминекъ-бей: ты спасла мнѣ жизнь по предопредѣленію Аллаха и этого никто не долженъ знать изъ людей. Ты должна умереть, чтобы не опорочить и не осквернить имени избраннаго Богомъ властителя народовъ.

Предъ вечеромъ вошла къ хану Кирьякула и самымъ искреннимъ тономъ начала освѣдомляться о его здоровьи. Менгли въ свою очередь безпрестанно постукивалъ ее по спинѣ и находилъ, что она пополнѣла и снова сдѣлалась красавицею.

— Знаешь-ли, зачѣмъ я пріѣхала къ тебѣ—въ заключеніе она сказала—мои родители изъявили полное согласіе на выходъ мой замужъ за Джакомо, но съ тѣмъ чтобы онъ оставилъ свою службу и переселился къ намъ.

— Ты говоришь о Джапаръ-агѣ? спросилъ ханъ, поблѣднѣвъ, неужели онъ болѣе меня достоинъ твоей любви? Кирьякула, ты-ли это говоришь мнѣ, хану, котораго отвергла тогда, когда ни единая женщина въ мірѣ не рѣшилась бы на это?.. Не была-ли ты раньше влюблена въ этого человѣка?

— Нѣтъ, онъ понравился мнѣ только послѣ того дня, когда по одному слову моему сдѣлался преданнымъ слугою твоимъ и съумѣлъ возвести тебя и ханство твое на такую высоту.

— Ну, это не особенно можетъ утѣшить меня—проговорилъ гирей, опустивъ глаза на кальянъ. Чего же ты теперь желаешь отъ меня?

— Я просила бы отпустить его въ мое селеніе и если возможно, тамъ сдѣлать какимъ-нибудь начальникомъ.

— Ты знаешь, дочь моя, что всякая твоя просьба для меня священный законъ. Возвращайся же домой и ожидай твоего жениха, за которымъ я сегодня же пошлю нарочнаго, чтобы онъ немедленно возвратился. Съ нимъ вмѣстѣ я пришлю тебѣ тѣ дары, которые обыкновенно

выдаютъ въ приданое ханы сестрамъ и дочерямъ своимъ. Надѣюсь, что я доживу увидѣть перваго наслѣдника твоего, но пока ты прими отъ меня вотъ эту торбочку золотыхъ монетъ, которыя могутъ пригодиться дома. А есть-ли у тебя солидный проводникъ? внезапно спросилъ гирей.

— Я взяла съ собою мальчика, но ты знаешь, что я не трусиха и притомъ въ нашей сторонѣ никогда не бывало разбойниковъ и грабитетей.

— Кто знаетъ: золото можетъ вызвать ихъ.

— Я выѣду утромъ и къ вечеру буду дома.

Кирьякула поцѣловала руку повелителя и быстрыми шагами возвратилась подъ тѣнь громаднаго грецкаго орѣха, гдѣ паслась ея лошадь. Изъ боязни показать свое золото кому-нибудь, она предпочла переночевать на открытомъ воздухѣ и съ разсвѣтомъ выѣхать. Бѣдная дѣвушка всю ночь мечтала о Джакомо и о томъ, что наконецъ и ей предоставитъ св. Деспина покойную жизнь съ человѣкомъ, котораго она успѣла изучить вполнѣ послѣ возвращенія своего изъ Польши и который не переставалъ восхищаться ею съ первой минуты знакомства.

Не то происходило въ душѣ Менгли-гирея. Пылая ревностію и ненавистью къ этимъ двумъ лицамъ, отъ которыхъ, зависѣло, по его мнѣнію, безчестіе его, онъ грызъ себѣ бороду и не зналъ, какъ избавиться отъ нихъ, пока тайна смерти Эминека не обнаружена ими. Но кому поручить такое злодѣяніе? Не послужитъ ли это вновь къ тяжкому раскаянію и зависимости отъ другаго лица? Что скажетъ народъ, когда выплыветъ первое преступленіе съ доказательствомъ, что я приказалъ убить дѣвушку съ Джакомо, чтобы избавиться отъ ихъ свидѣтельства? Нѣтъ, такихъ дѣлъ нельзя никому поручать—рѣшилъ ханъ... Минуту спустя онъ какъ бы озарился новою мыслію: „Ну отчего бы мнѣ самому не взяться за это дѣло? Вѣдь она ѣдетъ съ мальчикомъ и два пистолетныхъ выстрѣла изъ за древесной чащи моментально прекратятъ ихъ существованіе.“ Гирей задумался, а нѣсколько времени спустя перешелъ въ ту комнату, гдѣ висѣло лучшее оружіе его. Осмотрѣвъ по-

даренные султаномъ Мегметомъ роскошные пистолеты и кинжалъ, онъ отложилъ ихъ въ сторону.

Вечеромъ гирей приказалъ конюшему, чтобы приготовлена была къ разсвѣту верховая лошадь, такъ какъ онъ намѣренъ самъ съѣздить на Мангупъ-кале и лично произвести разслѣдованіе о пожарѣ, истребившемъ этотъ городъ.

Послѣ полуночи Менгли-гирей переодѣтый въ черкесскій костюмъ, съ буркою на плечахъ, выѣхалъ изъ дворца тихимъ шагомъ, но какъ только повернулъ за первый садъ, далъ полную волю скакуну своему. Пронесшись стрѣлою мимо теперешняго урочища Ашлама, онъ очутился въ дремучемъ лѣсу на той тропинкѣ, которая служила единственнымъ путемъ сообщенія съ Татскими племенами.

Два часа спустя онъ нашелъ чрезвычайно удобную мѣстность для засады. Отведши коня своего въ даль и привязавъ къ дереву, гирей возвратился въ рощу, въ ожиданіи Кирьякулы. Сердце его билось сильнѣе обыкновеннаго, но мысли были сосредоточены на необходимости во чтобы ни стало отдѣлаться отъ ненавистной дѣвушки, грозившей ему безчестіемъ.

Но вотъ послышались одномѣрные лошадиные шаги и у гирея появился легкій трепетъ въ рукахъ. Показалась Татка, весело разговаривавшая съ мальчикомъ лѣтъ 12-ти, которому она восхваляла мудрость и величіе Крымскаго хана.

— Это ты говоришь сегодня—подумалъ гирей—а завтра станешь выставлять свои заслуги и потребуешь отъ меня позорнаго униженія. Сказавъ это, онъ поднялъ пистолетъ и положилъ стволъ его на вѣтку. За первымъ выстрѣломъ быстро послѣдовалъ второй. Когда дымъ разсѣялся, передъ ханомъ лежала на тропинкѣ Кирьякула. Но мальчика и лошади не оказалось.

Гирей въ полномъ убѣжденіи, что Татка наповалъ убита, подошелъ къ ней дрожащій съ дикимъ взглядомъ.

— Вотъ тебѣ свадебный подарокъ синьеръ Джакомо!— сказалъ онъ зловѣщимъ тономъ.

Знакомый голосъ заставилъ умирающую открыть на минуту глаза.

— Несчастный,—произнесла она—такъ вотъ какъ ты отблагодарилъ слабую дѣвушку за спасеніе твоей жизни?... Будь ты проклятъ съ твоими поколѣніями и да сокрушитъ тебя Марья-Мана! Скажи, за что ты убилъ меня въ то время, когда я молилась за тебя?

— Ты владѣла тайною, которая не могла сохраниться въ сердцѣ женщины.

— Злодѣй, я и въ эту минуту, еслибъ меня допрашивали, предпочла бы ее скрыть для славы твоей. Знай-же, что я безумно тебя любила и съ этою безумною любовью умираю.

— Но ты готовилась быть женою Джакомо?

— Потому только, что полюбила его за тѣ услуги, которыя онъ оказалъ тебѣ и потому что съ нимъ единственно я постоянно могла говорить о тебѣ.—Но теперь для меня все кончено. Я умираю съ проклятіемъ на устахъ и увѣренностію, что послѣ смерти моей ты будешь несчастнѣйшій человѣкъ. Уѣзжай-же поскорѣе съ глазъ моихъ!

Но ханъ не трогался съ мѣста до того времени, пока невинная дѣвушка не испустила послѣдняго дыханія. Затѣмъ, убѣдившись въ окончательной смерти ея, онъ сѣлъ на коня своего и что было силъ у лошади поскакалъ по направленію къ Мангупу.

На слѣдующій день начальникъ Маріина села, тотъ самый, который доставлялъ Кирьякулу къ Эминекъ-беку, подбирая останки ея, чрезвычайно удивленъ былъ, нашедъ въ рощѣ пистолетъ съ султанскимъ гербомъ и тамчою Крымскаго хана.

„Понимаю, понимаю—мелькнуло въ умѣ его,—несчастная, тебѣ отплатили за твои важныя услуги и самоотверженіе, чтобы о нихъ не узнали изъ устъ твоихъ. Счастіе мое, что я не обнаружилъ участія своего въ этомъ дѣлѣ. Теперь посмотримъ, какая участь постигнетъ Джакомо, такъ сильно предавшагося варвару, погубившему его соотечественниковъ?

Менгли-гирей только на третій день возвратился съ Мангупской вершины. Когда ему доложили, что нашли убитою въ лѣсу Татку, пользующеюся его милостями, ханъ тутъ-же началъ винить ее въ неосторожности и

неумѣніи скрыть отъ завистливаго глаза мѣшочка съ червонцами, которые онъ далъ ей въ пособіе.

— Червонцы эти найдены въ цѣлости—отвѣчалъ Самій. Они оказались въ саквѣ на пойманной лошади.

— И никакихъ слѣдовъ не оставилъ убійца?

— Рѣшительно ничего.

— Но она мнѣ говорила, что поѣдетъ съ проводникомъ какимъ-то мальчикомъ?

— Мальчикъ этотъ также найденъ убитымъ въ глубокомъ ущельи.

Менгли-гирей вздернулъ плечами и приказалъ наблюдать и стараться открыть таинственнаго преступника, за голову котораго, по примѣру турецкаго султана, обѣщалъ 100 червонцевъ.

Мѣсяцъ спустя возвратился Джакомо съ донесеніемъ, что крѣпость заложена и надъ нею трудятся нѣсколько десятковъ опытныхъ мастеровъ.

— Спасибо, другъ мой—отвѣчалъ Менгли-гирей. Теперь мнѣ кажется, что наступило время и съ моей стороны исполнить свое обѣщаніе.

— Да я былъ-бы очень радъ удалиться на покой.

— И, конечно, получить по вѣсу тѣла твоего золото, заслуженное важными услугами.

— Это было обѣщано только; но такъ какъ я не сознаю за собою особенныхъ трудовъ....

— Перестань, перестань, Джапаръ-ага, я и безъ того уже чувствую въ сердцѣ глубокую рану, что не могъ достаточно вознаградить несчастную Кирьякулу.

— Напротивъ, грандъ-синьеръ, она считаетъ васъ за божество.

— Бѣдняжка, да даруетъ ей Аллахъ царство небесное и прощеніе грѣховъ.

— Государь вы поминаете ее какъ умершую?—замѣтилъ съ улыбкою Джакомо.

— Какъ, неужели тебѣ не извѣстили, что несчастная дѣвушку, которой я подарилъ мѣшочекъ золота, найдена была убитою въ лѣсу?

— Быть не можетъ! Какой ужасъ, какое несчастіе! Кто-же это могъ посягнуть на это чистѣйшее и пре-

краснѣйшее существо? проговорилъ дрожавшимъ голосомъ генуэзецъ.

— Я обѣщалъ за голову его 100 червонцевъ, но къ сожалѣнію до настоящаго времени мнѣ не доставили убійцу.

— Я розыщу его, если только послѣдуетъ твое согласіе? сказалъ министръ.

— Ты окажешь мнѣ великую услугу въ послѣдніе дни пребыванія со мною.

Джапаръ-ага не могъ даже оставаться въ дворцѣ.

Ужасная скорбь грызла его душу и при этомъ какое-то смутное предчувствіе начинало прокрадываться въ его мысли.

Вошедъ въ свою комнату, министръ узналъ отъ служителя своего, что ханъ, послѣ того какъ была у него Татка, выѣзжалъ въ Мангупъ для разслѣдованія причины пожара.

— Ты видѣлъ его при выѣздѣ со двора? спросилъ онъ.

— Да, я встрѣтилъ его по направленію къ Хыркъ-хыру.

„Ну, теперь понятно мнѣ все—подумалъ Джакомо, потому что этою дорогою не ѣдутъ на Мангупъ.

— Вооруженъ-ли былъ гирей?

— Я замѣтилъ на его черкесскомъ нарядѣ два пистолета и кинжалъ.

— А не знаешь-ли ты, кто подобралъ тѣло несчастной Кирьякулы?

— Этого я не знаю, но оно похоронено въ сосѣднемъ греческомъ селеніи.

Джакомо, послѣ непродолжительнаго отдыха, приказалъ подать себѣ коня и поѣхалъ къ знакомому намъ въ Маріиномъ селѣ топарху Янако, которому въ нѣсколькихъ словахъ передалъ свои подозрѣнія и просилъ указать на могилу невѣсты своей.

— Я хочу вынуть изъ груди ея пулю, по которой мнѣ не трудно будетъ окончательно опредѣлить убійцу—сказалъ Джакомо.

— Я могу тебѣ дать лучшее доказательство—отвѣчалъ Янако—но не иначе, если ты поклянешься не выдать меня.

Джакомо призвалъ въ свидѣтельницы святую мадонну.

Послѣ чего топархъ подалъ ему найденный въ рощѣ пистолетъ, отлично знакомый Джапаръ-агѣ.

— О, злодѣй кровожадный! вскрикнулъ министръ— если ты такъ жестоко поступилъ съ дѣвушкою, оказавшею тебѣ двѣ величайшія милости, то какого рода смерти ты приговорилъ меня?

— Да, синьеръ, я сейчасъ-же подумалъ, что и вамъ не миновать гибели.

— Къ счастію я имѣю достаточно времени бѣжать. Прощай, мой добрый Янако. Вотъ тебѣ нѣсколько золотыхъ. Поставь памятникъ надъ прахомъ этой святой дѣвушки и дѣлай ей годовые помины.

Друзья обнялись братски и разстались навсегда.

Возвратившись домой, Джакомо собралъ въ катомку всѣ сбереженныя имъ деньги и, приказавъ подать ему свѣжаго коня, объявилъ, что онъ намѣренъ сдѣлать самое тщательное разслѣдованіе въ той округѣ, гдѣ убита была Татка.

— Вы скажите это гирею только тогда, когда онъ спроситъ обо мнѣ—добавилъ Джапаръ—но я былъ-бы очень радъ, еслибъ отсутствіе мое осталось въ тайнѣ, пока я не явлюсь съ убійцею.

Джакомо выѣхалъ изъ сераля не замѣченный никѣмъ и направился окольными путями на Оръ-хапу подъ предлогомъ продолжать наблюденіе за Очаковскою крѣпостью. Три дня спустя онъ былъ внѣ опасности, а вскорѣ послѣ этого принятъ былъ въ объятія извѣстнаго литовскаго полководца князя Михаила Глинскаго, которому онъ подробно передалъ причины, заставившія возмутиться противъ звѣрской души Менгли-гирея.

— Неужели ты не выяснишь всего извѣстнаго тебѣ этому злодѣю и его вельможамъ? спросилъ князь.

— Я охотно это сдѣлаю, если ты прикажешь отправить мои письма до Перекопа и передать ихъ тамошнему пашѣ для немедленной отправки хану и другимъ агамъ. Вѣдь я до настоящаго времени считаюсь министромъ Джапаръ-агою и всякое требованіе отъ моего имени будетъ немедленно исполнено.

— Приготовь твои письма къ завтрему. Я ненавижу этого Менглія и радъ былъ бы сразиться съ нимъ.

Джакомо присѣлъ къ столу и написалъ три письма; первое къ хану съ препровожденіемъ его пистолета, изъ котораго онъ убилъ Кирьякулу, наполнивъ оное всевозможными уроками и проклятіями; второе на имя муфтія, какъ исторіографа съ мельчайшими подробностями подлаго поступка хана противъ женщины, даровавшей ему жизнь и полновластность хана, причемъ не скрылъ и поступка его противъ Кипчакскаго хана Ахмета. Третьимъ письмомъ онъ предостерегалъ Самій-агу отъ той участи, которая предстоитъ ему за подвиги равномѣрные подвигамъ слабой дѣвушки.

Письма и посылка отправлены были по назначенію съ заявленіемъ, что они слѣдуютъ изъ Очакова отъ Джапаръ-аги и должны быть немедленно отправлены въ Бахчисарай.

Нарочный, которому было поручено везти ихъ въ столицу, вручилъ письма Муфтію и Самій-агѣ, но такъ какъ хана не оказалось въ городѣ, вынужденъ былъ два дня томиться ожиданіемъ его.

Наконецъ прибылъ гирей. Онъ былъ въ ужасномъ негодованіи, что въ продолженіи многихъ дней не могъ встрѣтить въ лѣсу Джакомо, съ которымъ мечталъ раздѣлаться подобно Кирьякулѣ. Каково же было его изумленіе, когда ему подали письмо съ посылкою отъ министра. Открывъ послѣднюю, ханъ онѣмѣлъ при видѣ потеряннаго имъ въ лѣсу пистолета. Но пробѣжавъ письмо, онъ началъ дрожать отъ злости, доходившей до бѣшенства.

Не подозрѣвая, что подобнаго же рода письма имѣются въ рукахъ исторіографа и Самій-аги, онъ немедленно отдалъ приказаніе созвать войска съ тѣмъ, чтобы уничтожить не только Литву, но и сосѣднюю Польшу, дерзнувшихъ дать у себя пріютъ его бѣглому министру.

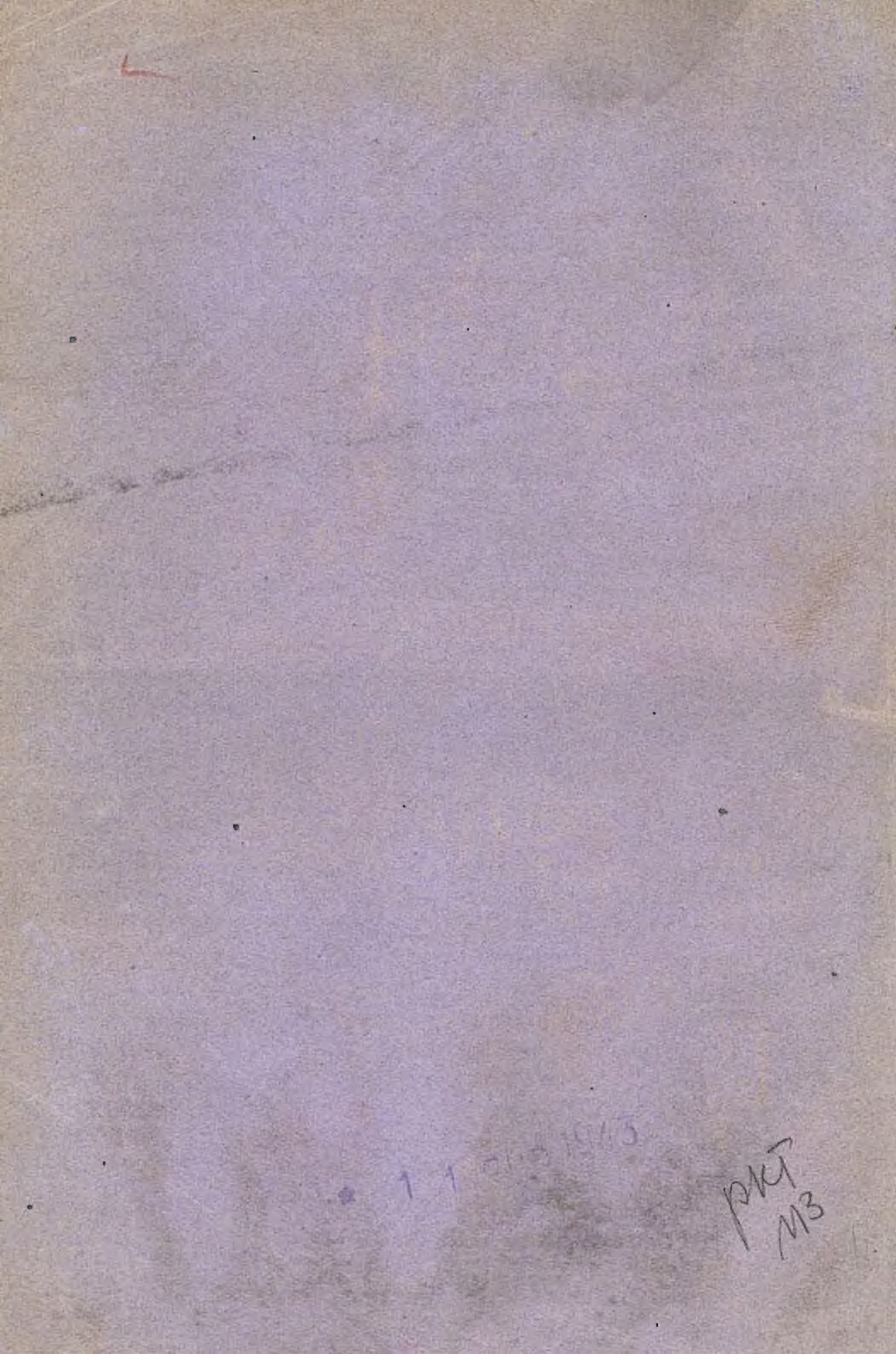
Алчные татаре съ радостью двинулись въ походъ. Но, увы, на этотъ разъ духъ Татки не слѣдовалъ за Гиреемъ и, разбитый на голову Глинскимъ, Менгли съ трудомъ избѣгнулъ плѣна.

„Не можетъ быть, чтобы я не стеръ ихъ съ лица земли! говорилъ ханъ, набравъ новыя массы войскъ и снова бросаясь на Подоль; но опять разбитый въ пухъ

и прахъ подъ Вишневцами, онъ вынужденъ былъ убѣдиться, что счастливая звѣзда его погасла навсегда со дня смерти Татки, послѣднія слова которой день и ночь раздавались въ ушахъ его до той поры, пока и ему пришлось испытать предсмертныя муки *). Менгли-гирей умеръ въ 1516 г., передавъ престолъ враждебному намъ сыну своему Мегметъ-гирей султану.

КОНЕЦЪ.

*) По русск. лѣтописямъ, изд. археограф. ком. въ VI т. 253 стр. Мы узнаемъ, что польскій король Сигизмундъ заманывалъ Менгли-гирея воевать на насъ, но гирей уклонился самъ, а далъ свободу подданнымъ мурзамъ и беямъ идти на Украйну въ предположеніи, что ему не слѣдуетъ болѣе искать утеряннаго навсегда счастія.



2007041525